

НОВЫЙ МИР

ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

11-12

МОСКВА

1942

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1942 г.

№ 11 — 12

Год издания XIX

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА 6 ноября 1942 года	3
Вас. Лебедев-Кумач — Октябрьская звезда, стихотворение	14
Е. Юнга — Крейсер «Аврора»	15
Федор Гладков — Мать, повесть	26
Александр Довженко — На колючей проволоке, рассказ	63
Ф. Панферов — Рука отяжелела, повесть	71
Демьян Бедный — Добро, эвенкская легенда	95
Леонид Соболев — Держись, старшина! рассказ	102
К. Симонов — С тобой и без тебя, из лирического дневника. Цикл третий	109
А. Письменный — Край земли, повесть	114
К. Осипов — Флотоводец Макаров	149
<hr/>	
Проф. Б. Волин — Великое двадцатипятилетие	176
Илья Эренбург — Зрелость	202
<hr/>	
Алексей Толстой — Четверть века советской литературы	206
Петр Скосырев — Возрожденные Октябрем	219
Л. Ю. Брик — О Маяковском	240

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Р. — «Документы Великой Октябрьской Социалистической революции»	247
Б. Евгеньев — Слава русского народа — Севастополь	249
Вл. Афанасьев — Поэт моря	251
Д. Горбов — Военные стихи А. Твардовского	252
В. Кирпотин — Однотомник Ованеса Туманяна	253
Н. Мацуев — О Л. Н. Толстом	255

Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина

на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 года

Товарищи!

Сегодня мы празднуем 25-летие победы Советской революции в нашей стране. Прошло 25 лет с того времени, как установился у нас Советский строй. Мы стоим на пороге следующего, 26-го года существования Советского строя.

На торжественных заседаниях в годовщину Октябрьской Советской революции обычно принято подводить итоги работы государственных и партийных органов за истекший год. Мне поручено представить вам отчетный доклад об этих именно итогах за истекший год — от ноября прошлого года до ноября текущего года.

Деятельность наших государственных и партийных органов протекала за истекший период в двух направлениях: в направлении мирного строительства и организации крепкого тыла для нашего фронта, — с одной стороны, и в направлении проведения оборонительных и наступательных операций Красной Армии, — с другой стороны.

1. ОРГАНИЗАТОРСКАЯ РАБОТА В ТЫЛУ

Мирная строительная работа наших руководящих органов выразилась за этот период в перебазировании нашей промышленности как военной, так и гражданской в восточные районы нашей страны, в эвакуации и устройстве на новых местах рабочих и оборудования предприятий, в расширении посевных площадей и в увеличении озимого клина на

востоке, наконец, в коренном улучшении работы наших предприятий, работающих на фронт, и в укреплении трудовой дисциплины в тылу, как на заводах, так и в колхозах и совхозах. Нужно сказать, что это была труднейшая и сложнейшая организаторская работа большого масштаба всех наших хозяйственных и административных наркоматов, в том числе — нашего железнодорожного транспорта. Однако трудности удалось преодолеть. И теперь наши заводы, колхозы и совхозы, несмотря на все трудности военного времени, работают бесспорно удовлетворительно. Наши военные заводы и смежные с ними предприятия честно и аккуратно снабжают Красную Армию орудиями, минометами, самолетами, танками, пулеметами, винтовками, боеприпасами. Наши колхозы и совхозы также честно и аккуратно снабжают население и Красную Армию продовольствием, а нашу промышленность — сырьем. Нужно признать, что наша страна никогда еще не имела такого крепкого и организованного тыла.

В результате всей этой сложной организаторской и строительной работы преобразились не только наша страна, но и сами люди в тылу. Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед ее защитниками на фронте — перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишенных чувства гражданского долга, становится в тылу все меньше и меньше. Организованных и дисциплинированных людей, исполненных чувства гражданского долга, становится все больше и больше.

Но истекший год является, как я уже говорил, не только годом мирного строительства. Он является вместе с тем годом Отечественной войны с немецкими захватчиками, подло и вероломно напавшими на нашу миролюбивую страну.

2. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СОВЕТСКО-НЕМЕЦКОМ ФРОНТЕ

Что касается военной деятельности наших руководящих органов за истекший год, то она выразилась в обеспечении наступательных и оборонительных операций Красной Армии против немецко-фашистских войск. Военные действия на советско-немецком фронте за истекший год можно разбить на два периода: первый период — это по преимуществу зимний период, когда Красная Армия, отбив атаку немцев на Москву, взяла инициативу в свои руки, перешла в наступление, погнала немецкие войска и в течение 4-х месяцев прошла местами более 400 километров, и второй период — это летний период, когда немецко-фашистские войска, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, собрали все свои свободные резервы, прорвали фронт в юго-западном направлении и, взяв в свои руки инициативу, прошли местами в течение 5 месяцев до 500 километров.

Военные действия в течение первого периода, особенно же успешные действия Красной Армии в районе Ростова, Тулы, Калуги, под Москвой, под Тихвином и Ленинградом — вскрыли два знаменательных факта. Они показали, во-первых, что Красная Армия и ее боевые кадры выросли в серьезную силу, способную не только устоять против напора немецко-фашистских войск, но и разбить их в открытом бою и погнать их назад. Они показали, во-вторых, что немецко-фашистские войска при всей их стойкости имеют такие серьезные органические недостатки, ко-

торые при некоторых благоприятных условиях для Красной Армии могут привести к поражению немецких войск. Нельзя считать случайностью тот факт, что немецкие войска, прошедшие триумфальным маршем всю Европу и сразившие одним ударом французские войска, считавшиеся первоклассными войсками, встретили действительный военный отпор только в нашей стране, и не только отпор, но оказались вынужденными под ударами Красной Армии отступить от занятых позиций более чем на 400 километров, бросая по пути отступления колоссальное количество орудий, машин, боеприпасов. Одними зимними условиями войны никак нельзя объяснить этот факт.

Второй период военных действий на советско-немецком фронте отмечается переломом в пользу немцев, переходом инициативы в руки немцев, прорывом нашего фронта на юго-западном направлении, продвижением немецких войск вперед и выходом в районы Воронежа, Сталинграда, Новороссийска, Пятигорска, Моздока. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники бросили на фронт все свои свободные резервы и, нацелив их на одном направлении, на юго-западном направлении, создали здесь большой перевес сил и добились значительного тактического успеха.

Повидимому немцы уже не столь сильны, чтобы повести одновременно наступление по всем трем направлениям, на юг, на север, на центр, как это имело место в первые месяцы немецкого наступления летом прошлого года, но они еще достаточно сильны для того, чтобы организовать серьезное наступление на каком-либо одном направлении.

Какую главную цель преследовали немецко-фашистские стратеги, открывая свое летнее наступление на нашем фронте? Если судить по откликам иностранной печати, в том числе и немецкой, то можно подумывать, что главная цель наступления состояла в занятии нефтяных районов Грозного и Баку. Но факты решительно опровергают такое предположение. Факты говорят, что продвижение немцев в сторону нефтяных районов СССР является не главной, а вспомогательной целью.

В чем же, в таком случае, состояла главная цель немецкого наступления? Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву. Продвижение немцев на юг в сторону нефтяных районов имело своей вспомогательной целью не только и не столько занятие нефтяных районов, сколько отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче добиться успеха при ударе на Москву. Этим собственно и объясняется, что главная группировка немецких войск находится теперь не на юге, а в районе Орла и Сталинграда.

Недавно в руки наших людей попал один немецкий офицер германского генштаба. У этого офицера нашли карту с обозначением плана продвижения немецких войск по срокам. Из этого документа видно, что немцы намеревались быть в Борисоглебске 10 июля этого года, в Сталинграде — 25 июля, в Саратове — 10 августа, в Куйбышеве — 15 августа, в Арзамасе — 10 сентября, в Баку — 25 сентября.

Этот документ полностью подтверждает наши данные о том, что главная цель летнего наступления немцев состояла в обходе Москвы с востока и в ударе по Москве, тогда как продвижение на юг имело своей целью, помимо всего прочего, отвлечение наших резервов подальше от Москвы и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче было провести удар по Москве.

Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году.

В ноябре прошлого года немцы рассчитывали ударом в лоб по Москве взять Москву, заставить Красную Армию капитулировать и тем добиться окончания войны на Востоке. Этими иллюзиями кормили они своих солдат. Но эти расчеты немцев, как известно, не оправдались. Обжегшись в прошлом году на лобовом ударе по Москве, немцы вознамерились взять Москву в этом году уже обходным движением и тем кончить войну на Востоке. Этими иллюзиями кормят они теперь своих одураченных солдат. Как известно, эти расчеты немцев также не оправдались. В результате, погнавшись за двумя зайцами — и за нефтью, и за окружением Москвы, — немецко-фашистские стратеги оказались в затруднительном положении.

Таким образом, тактические успехи летнего наступления немцев оказались незавершенными ввиду явной нереальности их стратегических планов.

3. ВОПРОС О ВТОРОМ ФРОНТЕ В ЕВРОПЕ

Чем объяснить тот факт, что немцам все же удалось в этом году взять в свои руки инициативу военных действий и одержать серьезные тактические успехи на нашем фронте?

Объясняется это тем, что немцам и их союзникам удалось собрать все свои свободные резервы, бросить их на восточный фронт и создать на одном из направлений большой перевес сил. Не может быть сомнения, что немцы без этих мероприятий не смогли бы добиться успеха на нашем фронте.

Но почему им удалось собрать все свои резервы и бросить их на восточный фронт? Потому что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность произвести эту операцию без какого-либо риска для себя.

Стало быть главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении.

Допустим, что в Европе существовал бы второй фронт, также как он существовал в первую мировую войну, и второй фронт отвлекал бы на себя, скажем, 60 немецких дивизий и 20 дивизий союзников Германии. Каково было бы положение немецких войск на нашем фронте? Не трудно догадаться, что их положение было бы плачевным. Более того, это было бы начало конца немецко-фашистских войск, ибо Красная Армия стояла бы в этом случае не там, где она стоит теперь, а где-нибудь около Пскова, Минска, Житомира, Одессы. Это значит, что уже летом этого года немецко-фашистская армия стояла бы перед своей катастрофой. И если этого не случилось, то потому, что немцев спасло отсутствие второго фронта в Европе.

Рассмотрим вопрос о втором фронте в Европе в историческом разрезе.

В первую мировую войну Германии пришлось воевать на два фронта, на Западе, главным образом, против Англии и Франции, и на Востоке — против русских войск. Стало быть в первую мировую войну

существовал второй фронт против Германии. Из 220 дивизий, имевшихся тогда у Германии, на русском фронте стояло не более 85 немецких дивизий. Если к этому прибавить войска союзников Германии, стоявшие против русского фронта, а именно, 37 австро-венгерских дивизий, 2 болгарских и 3 турецких дивизий, то всего составит 127 дивизий, стоявших против русских войск. Остальные дивизии Германии и ее союзников держали фронт главным образом против англо-французских войск, а часть из них несла гарнизонную службу в оккупированных территориях Европы.

Так обстояло дело в первую мировую войну.

Как обстоит дело теперь, во вторую мировую войну, скажем, в сентябре месяце этого года?

По проверенным данным, не вызывающим каких-либо сомнений, из 256 дивизий, имеющихся теперь у Германии, на нашем фронте стоит не менее 179 немецких дивизий. Если к этому прибавить 22 румынских дивизий, 14 финских дивизий, 10 итальянских дивизий, 13 венгерских дивизий, 1 словацкую дивизию и 1 испанскую дивизию, то всего составит 240 дивизий, дерущихся сейчас на нашем фронте. Остальные дивизии немцев и их союзников несут гарнизонную службу в оккупированных странах (Франция, Бельгия, Норвегия, Голландия, Югославия, Польша, Чехословакия и т. д.), часть же из них ведет войну в Ливии за Египет, против Англии, причем ливийский фронт отвлекает всего 4 немецких дивизии и 11 итальянских дивизий.

Стало бы вместо 127 дивизий в первую мировую войну, мы имеем теперь против нашего фронта не менее 240 дивизий, а вместо 85 немецких дивизий мы имеем теперь 179 немецких дивизий, дерущихся против Красной Армии.

Вот где главная причина и основа тактических успехов немецко-фашистских войск на нашем фронте летом этого года.

Нашествие немцев на нашу страну часто сравнивают с нашествием Наполеона на Россию. Но это сравнение не выдерживает критики. Из 600 тысяч войск, отправившихся в поход на Россию, Наполеон довел до Бородино едва 130—140 тысяч войск. Это все, чем он мог располагать под Москвой. Ну, а мы имеем теперь более трех миллионов войск, стоящих перед фронтом Красной Армии и вооруженных всеми средствами современной войны. Какое же может быть тут сравнение?

Нашествие немцев на нашу страну сравнивают иногда также с нашествием Германии на Россию в период первой мировой войны. Но это сравнение также не выдерживает критики. Во-первых, в первую мировую войну существовал второй фронт в Европе, сильно затруднявший положение немцев, тогда как в этой войне нет второго фронта в Европе. Во-вторых, в эту войну против нашего фронта стоит вдвое больше войск, чем в первую мировую войну. Ясно, что сравнение не подходит.

Теперь вы можете представить, насколько серьезны и необычны те трудности, которые стоят перед Красной Армией, и до чего велик тот героизм, который проявляет Красная Армия в ее освободительной войне против немецко-фашистских захватчиков.

Я думаю, что никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна, и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск.

(Бурные аплодисменты). И не только выдержать, но и преодолеть его.

Часто спрашивают: а будет ли все же второй фронт в Европе. Да, будет, рано или поздно, но будет. И он будет не только потому, что он нужен нам, но и, прежде всего, потому, что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам. Наши союзники не могут не понимать, что после того, как Франция вышла из строя, отсутствие второго фронта против фашистской Германии может кончиться плохо для всех свободлюбивых стран, в том числе — для самих союзников.

4. БОЕВОЙ СОЮЗ СССР, АНГЛИИ И США ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ В ЕВРОПЕ

Теперь уже можно считать неоспоримым, что в ходе войны, навязанной народам гитлеровской Германией, произошла коренная разметровка сил, произошло образование двух противоположных лагерей, лагеря итало-германской коалиции и лагеря англо-советско-американской коалиции.

Неоспоримо также и то, что эти две противоположные коалиции руководствуются двумя разными противоположными программами действия.

Программу действия итало-германской коалиции можно охарактеризовать следующими пунктами: расовая ненависть; господство «избранных» наций; покорение других наций и захват их территорий; экономическое порабощение покоренных наций и расхищение их национального достояния; уничтожение демократических свобод; повсеместное установление гитлеровского режима.

Программа действия англо-советско-американской коалиции: уничтожение расовой исключительности; равноправие наций и неприкосновенность их территорий; освобождение поработанных наций и восстановление их суверенных прав; право каждой нации устраиваться по своему желанию; экономическая помощь потерпевшим нациям и содействие им в деле достижения их материального благополучия; восстановление демократических свобод; уничтожение гитлеровского режима.

Программа действия итало-германской коалиции привела к тому, что все оккупированные страны Европы — Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, оккупированные области СССР — пылают ненавистью к итало-германской тирании, вредят немцам и их союзникам, как только могут, и ждут удобного момента для того, чтобы отомстить своим работодателям за те унижения и насилия, которые они переносят.

В связи с этим одна из характерных черт современного момента состоит в том, что прогрессивно растет изоляция итало-германской коалиции и иссякание ее морально-политических резервов в Европе, растет ее ослабление и разложение.

Программа действия англо-советско-американской коалиции привела к тому, что все оккупированные страны в Европе полны сочувствия к членам этой коалиции и готовы оказать им любую поддержку, на какую только они способны.

В связи с этим другая характерная черта современного момента состоит в том, что морально-политические резервы этой коалиции изо-

дня в день растут в Европе, — и не только в Европе, — и что эта коалиция прогрессивно обрастает миллионами сочувствующих людей, готовых биться вместе с ней против тирании Гитлера.

Если рассмотреть вопрос о соотношении сил двух коалиций с точки зрения человеческих и материальных ресурсов, то нельзя не прийти к выводу, что мы имеем здесь бесспорное преимущество на стороне англо-советско-американской коалиции.

Но вот вопрос: достаточно ли одного лишь этого преимущества, чтобы одержать победу? Бывают ведь такие случаи, когда ресурсов много, но расходуются они так бестолково, что преимущество оказывается равным нулю. Ясно, что кроме ресурсов необходима еще способность мобилизовать эти ресурсы и умение правильно расходовать их. Есть ли основание сомневаться в наличии такого умения и такой способности у людей англо-советско-американской коалиции? Есть люди, которые сомневаются в этом. Но на каком основании они сомневаются? В свое время люди этой коалиции проявили умение и способность мобилизовать ресурсы своих стран и правильно расходовать их для целей хозяйственного и культурно-политического строительства. Спрашивается, какое имеется основание сомневаться в том, что люди, проявившие способность и умение в деле мобилизации и распределения ресурсов для хозяйственных и культурно-политических целей, окажутся не способными проделать ту же работу для осуществления военных целей? Я думаю, что таких оснований нет.

Говорят, что англо-советско-американская коалиция имеет все шансы на победу и она наверняка победила бы, если бы не было у нее одного органического недостатка, способного ослабить и разложить ее. Недостаток этот, по мнению этих людей, выражается в том, что эта коалиция состоит из разнородных элементов, имеющих неодинаковую идеологию, и что это обстоятельство не даст им возможности организовать совместные действия против общего врага.

Я думаю, что это утверждение неправильно.

Было бы смешно отрицать разницу в идеологии и в общественном строе государств, входящих в состав англо-советско-американской коалиции. Но исключает ли это обстоятельство возможность и целесообразность совместных действий членов этой коалиции против общего врага, несущего им угрозу порабощения? Безусловно, не исключает. Более того, — создавшаяся угроза повелительно диктует членам коалиции необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от возврата к дикости и к средневековым зверствам. Разве программа действия англо-советско-американской коалиции недостаточна для того, чтобы организовать на ее базе совместную борьбу против гитлеровской тирании и добиться победы над ней? Я думаю, что вполне достаточно.

Предположение этих людей неправильно еще и потому, что оно полностью опровергается событиями истекшего года. В самом деле, если бы эти люди были правы, мы наблюдали бы факты прогрессивного отчуждения друг от друга членов англо-советско-американской коалиции. Однако мы не только не наблюдаем этого, а наоборот, мы имеем факты и события, говорящие о прогрессивном сближении членов англо-советско-американской коалиции и объединении их в единый боевой союз. События истекшего года дают прямое к тому доказательство. В июле 1941 г., через несколько недель после нападения Германии на

СССР, Англия заключила с нами соглашение «О совместных действиях в войне против Германии». С Соединенными Штатами Америки мы еще не имели тогда никаких соглашений на этот предмет. Через 10 месяцев после этого, 26 мая 1942 г. во время посещения Англии т. Молотовым, Англия заключила с нами «Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». Договор этот заключен на 20 лет. Он знаменует собой исторический поворот в отношениях между нашей страной и Англией. В июне 1942 года, во время посещения США т. Молотовым, Соединенные Штаты Америки подписали с нами «Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», соглашение, делающее серьезный шаг вперед в отношениях между СССР и США. Наконец, следует отметить такой важный факт, как посещение Москвы премьер-министром Великобритании г-ном Черчиллем, установившее полное взаимопонимание руководителей обеих стран. Не может быть сомнения, что все эти факты говорят о прогрессивном сближении СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки и об объединении их в боевой союз против итало-германской коалиции.

Выходит, что логика вещей сильнее всякой иной логики.

Вывод один: англо-советско-американская коалиция имеет все шансы, чтобы победить итало-германскую коалицию и она без сомнения победит.

5. НАШИ ЗАДАЧИ

Война порвала все покровы и обнажила все отношения. Положение стало до того ясно, что нет ничего легче, как определить наши задачи в этой войне.

В своей беседе с турецким генералом Эржилет, опубликованной в турецкой газете «Джумхуриет», людоед Гитлер говорит: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Кажется, ясно, хотя и глуповато. (С м е х). У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство — можно и должно. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы).

Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы).

В той же беседе с тем же генералом людоед Гитлер продолжает: «Мы будем продолжать войну до тех пор, пока в России не останется организованной военной силы». Кажется, ясно, хотя и безграмотно. (С м е х). У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить всякую организованную военную силу в Германии, ибо любой грамотный человек поймет, что это не только невозможно в отношении Германии, как и в отношении России, но и нецелесообразно с точки зрения победителя. Но уничтожить гитлеровскую армию — можно и должно. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы).

Наша вторая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей. (Бурные аплодисменты).

Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не все. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем неповинных граждан, взятых «под залог», из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или ограбить обывателей. Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них — «новый порядок в Европе». Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов.

Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей.

Таковы наши задачи. (Бурные аплодисменты).

Товарищи! Мы ведем великую освободительную войну. Мы ведем ее не одни, а совместно с нашими союзниками. Она несет нам победу над подлыми врагами человечества, над немецко-фашистскими империалистами. На ее знамени написано:

Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза!
(Аплодисменты).

Да здравствует освобождение народов Европы от гитлеровской тирании! (Аплодисменты).

Да здравствует свобода и независимость нашей славной советской родины! (Аплодисменты).

Проклятие и смерть немецко-фашистским захватчикам, их государству, их армии, их «новому порядку в Европе»! (Аплодисменты).

Нашей Красной Армии — слава! (Бурные аплодисменты).

Нашему Военно-Морскому Флоту — слава! (Бурные аплодисменты).

Нашим партизанам и партизанкам — слава! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Овация всего зала).

Приказ Народного Комиссара Обороны

7 ноября 1942 г.

№ 345

г. Москва

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! Трудящиеся Советского Союза!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю вас с днем 25-летия победы Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Четверть века назад рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков и великого Ленина установили в нашей стране власть Советов. Славный путь прошли народы Советского Союза за это время. За 25 лет наша Родина стала могучей социалистической индустриальной и колхозной державой. Народы Советского государства, завоевав себе свободу и независимость, объединились в нерушимом братском содружестве. Советские люди освободились от всякого угнетения и упорным трудом обеспечили себе зажиточную и культурную жизнь.

Ныне двадцать пятую годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции народы нашей страны встречают в разгаре жестокой борьбы против немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Европе.

В начале этого года, в зимний период, Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам серьезные удары. Отбив атаку немцев на Москву, она взяла в свои руки инициативу, перешла в наступление и погнала на запад немецкие войска, освободив от немецкого рабства целый ряд областей нашей страны. Красная Армия показала, таким образом, что при некоторых благоприятных условиях она может одолеть немецко-фашистские войска.

Летом однако положение на фронте изменилось к худшему. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники собрали все свои резервы под метелку, бросили их на наш украинский фронт и прорвали его. Ценой огромных потерь немецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге и поставить под угрозу Сталинград, Черноморское побережье, Грозный, подступы к Закавказью.

Правда, стойкость и мужество Красной Армии сорвали планы немцев по обходу Москвы с востока и удару с тыла на столицу нашей страны. Враг остановлен под Сталинградом. Но, остановленный под Сталинградом и уже положивший там десятки тысяч своих солдат и офицеров, враг бросает в бой новые дивизии, напрягая последние силы. Борьба на советско-германском фронте становится все более напряженной. От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины.

Наш советский народ с честью выдержал испытания, выпавшие на его долю, и преисполнен непоколебимой веры в победу. Война явилась суровой проверкой сил и прочности советского строя. Расчеты немецких империалистов на распад Советского государства провалились полностью. Социалистическая промышленность, колхозный строй, дружба народов нашей страны, Советское государство — показали свою прочность и несокрушимость. Рабочие и крестьяне, вся интеллигенция нашей страны, весь наш тыл честно и самоотверженно работают на удовлетворение нужд нашего фронта.

Красная Армия выносит на себе всю тяжесть войны против гитлеровской Германии и ее сообщников. Своей самоотверженной борьбой против фашистских армий она завоевала любовь и уважение всех свободолюбивых народов мира. Бойцы и командиры Красной Армии, не имевшие ранее достаточного военного опыта, научились бить врага наверняка, уничтожать его живую силу и технику, срывать вражеские замыслы, стойко оборонять от иноземных поработителей наши города и села. Героические защитники Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать. По этим героям равняется вся наша Красная Армия. Враг уже изведal на своей шкуре способность Красной Армии к сопротивлению. Он еще узнает силу сокрушительных ударов Красной Армии.

Не может быть сомнения, что немецкие захватчики еще будут брoсаться на новые авантюры. Но силы врага уже подточены и находятся на пределе. За время войны Красная Армия вывела из строя свыше 8 миллионов вражеских солдат и офицеров. Теперь гитлеровская армия, разбавленная румынами, венграми, итальянцами, финнами, стала значительно слабее, чем летом и осенью 1941 года.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

От вашего упорства и стойкости, от воинского умения и готовности выполнить свой долг перед Родиной зависит разгром немецко-фашистской армии, очищение советской земли от гитлеровских захватчиков!

Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти.

Для этого необходимо:

1) стойко и упорно оборонять линию нашего фронта, не давать более врагу продвигаться вперед, всеми силами изматывать врага, истреблять его живую силу, уничтожать его технику;

2) всемерно укреплять железную дисциплину, строжайший порядок и единоначалие в нашей армии, совершенствовать боевую выучку войск и готовить, упорно и настойчиво готовить сокрушительный удар по врагу;

3) раздуть пламя всенародного партизанского движения в тылу у врага, разрушать вражеские тылы, истреблять немецко-фашистских мерзавцев.

Товарищи!

Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!

Да здравствует 25 годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции!

Да здравствует наша Красная Армия!

Да здравствует наш Военно-Морской Флот!

Да здравствуют наши славные партизаны и партизанки!

Смерть немецко-фашистским захватчикам!

Народный Комиссар Оборона И. СТАЛИН.

Октябрьская звезда

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Гремит война, отчизну потрясая,
Суровый мрак окутал города.
Но ты горишь, горишь, не угасая,
Великая Октябрьская звезда.

В грозе и в буре ты взошла над нами,
И в светлый путь с тобою мы пошли,
И ты, звезда, венчала наше знамя,
Святое знамя трудовой земли.

Над родиной сверкая четверть века,
Сегодня ты особенно светла, —
За право жить, за счастье человека
Ты вновь народы в битву подняла.

Звезда земли любимой и свободной,
Ты нас ведешь на грозный, правый бой,
Везде нам светит знак твой благородный,
И каждый воин осенен тобой.

Ты всюду с нами в битве исполинской, —
И в час побед, и в тяжкий смертный час,
Отцовским словом, лаской материнской
Ты греешь сердце каждого из нас.

В тебе слились все думы об отчизне,
Весь жаркий пыл отваги молодой, —
Ведь все, что было радостного в жизни,
Все связано с Октябрьскою звездой!

Свободы нашей пламень пятикрылый
Не угасить злодеям никогда!
Вперед, друзья! Ударим с новой силой!
За родину, за все, что сердцу мило,
Веди нас в бой, Октябрьская звезда!

Встреча И. В. Сталина с В. И. Лениным по приезде с Царицынского фронта в 1918 году.

Крейсер „Аврора“

Е. ЮНГА

★

«Аврора — утренняя заря... алый и золотистый свет по закю (горизонту) до восхода солнца».

(В. И. Даль. Толковый словарь)

«Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции».

(История ВКП(б). Краткий курс, стр. 19)

РАЗГОВОР В СМОЛЬНОМ

— Есть!

— повернулся
и скрылся скоро.

1 только
на ленте
у флотского
под лампой блеснуло
— «Аврора»...

В. Маяковский.

лубокая осень. Сея дождевой сумрак на блестящие заплаты крыш и клюю сталь Невы, из-за фронтона ольного непрестанно движутся исси-черные тучи. Заполнив небо до го-юнта, они проплывают, будто вест-и близкой прозы.

Начался четвертый год разрухи и го-да. Даже в столице иссякли запасы ба. Тысячи голодных детей и жен-и днем и ночью под пронизывающим кдем ждут, когда раскроются двери ок и посчастливится получить ни-нский паек, положенный рабочему гера: на душу четверть фунта хлеба. Два моряка минуют цепь вооружен-х рабочих и солдат, охраняющих на-екрестке подступы к Смольному, и оре сливаются с толпой озабоченных дей у ворот главного входа. Филът-мый цепью охраны, тщательно про-ряющей документы, человеческий по-к стремится к зданию упраздненного

вместе с царизмом института благород-ных девиц, разливается по лабиринту сводчатых коридоров и лестниц, пере-полняет анфиладу высоких зал, бурлит на верхнем этаже, у комнаты № 17, где партия большевиков неумоимо со-бирает неисчерпаемые силы революции, чтобы двинуть их в последний реши-тельный бой за вековые чаяния народа:

Власть Советам!

Мир народам!

Земля и все, что на ней и в ее нед-рах, — трудящимся!

Поток людей у главного входа неис-сякаем. Командиры красногвардейских отрядов Выборгской стороны, Василь-евского острова, Московской и Нарв-ской застав, делегаты фронта и горо-дов, ходоки из сел спешат рядом с мо-ряками на зов Военно-революционно-го комитета.

Перед ними в дождливом сумраке октябрьского дня величественно возвы-шается треугольный мостик фронтона, массивные трубы колоннады и, подоб-ный борту гигантского корабля, дымча-тый фасад Смольного.

★

Часовой в черном ватнике и зано-шенной кепке возвращает морякам про-пуска и распахивает дверь в комнату № 17.

— Проходите, товарищи флотские...
Перешагнув порог, моряки ставят к стенке винтовки и осматриваются.

Комната похожа на штурманскую рубку. На ее стенах пестреют карты фронтов и планы всех районов Петрограда. Напротив двери, в глубине комнаты, виден накрытый свисающими до пола картами стол. Из-за него поднимается, поправляя пенсне, небритый человек в кожаной куртке. Он быстро идет навстречу морякам.

— Откуда, товарищи?.. Впрочем, — он приветливо здоровается с ними, — ваши визитные карточки на бескозырках. По какому делу, товарищи аврорцы?

— Прибыли по вызову Военно-революционного комитета к товарищу Свердлову, — рапортует молодой сухощавый моряк.

— Я — Свердлов, — говорит человек в пенсне, изучая вошедших. — Кто уполномочил вас?

— Команда крейсера «Аврора», товарищ Свердлов.

Сухощавый моряк протягивает ему аккуратно сложенный документ, удостоверяющий, что предьявителя его, председатель судебного комитета крейсера «Аврора» машинист Бельшев и член судебного комитета машинист Лукичев, откомандированы собранием команды в Смольный, во исполнение вызова Военно-революционного комитета.

Свердлов приглашает их к столу.

— Кто у вас из команды самый авторитетный человек?

— Да вот Бельшев, — указывает на соседа смуглый коренастый Лукичев. — Мы его и председателем на корабле выбрали в Центробалт.

Пытливо рассматривая сухощавого моряка, Свердлов с интересом осведомляется:

— Ваши политические взгляды, товарищ Бельшев?

— Член РСДРП большевиков, — отвечает тот. — Первого марта втроем записались: Лукичев, Липатов и я.

— Сколько всего моряков на крейсере?

— Пятьсот шестьдесят человек.

— Из них членов нашей партии?

— Тридцать два.

— А настроение других? — допытывается Свердлов.

— Большинство команды за нас, — убежденно отвечает Бельшев. — В судовом комитете один беспартийный, один — куда ветер дует, анархист, остальные — большевики.

— Имеются, конечно, некоторые, скулят по углам, — живо добавляет Лукичев. — Кому революционная дисциплина не нравится, кто жизнь не так понял и пузырем дуется: зачем судовой комитет картежную игру запретил? Ну, таких раз-два и обчелся. Сообща подкручиваем гайки и слабинку подбieraем.

— Это чрезвычайно важно, — резко произносит Свердлов, — революционная дисциплина гарантирует победу над врагами народа. Попрошу более подробно информировать о положении на вашем корабле.

Он выжидательно глядит на Бельшева.

Расстегнув бушлат, председатель судового комитета извлекает тоненькую пачку протоколов и резолюций. В их кратких записях вся жизнь корабля с утра февральского восстания. Немало невзгод промчалось с тех пор над крейсером и страной; голод в окопах и поражения на фронтах, репрессии против рабочих организаций и в первую очередь против большевиков — такова была цена, которой расплачивался народ за месяцы доверия к соглашателям. Моряки «Авроры» поняли правоту большевиков, когда на крейсере побывал Михаил Иванович Калинин. Он обстоятельно растолковал команде двурушническую тактику меньшевиков и эсеров. Резолюция, принятая моряками, стала известна всей стране через «Правду»: «Рабочий класс всегда может рассчитывать на поддержку революционного флота в борьбе с врагами внутри и извне».

И это моряки доказали в июле, выйдя на демонстрацию, запрещенную эсером Керенским. Расправа, учиненная Временным правительством над демонстрантами, окончательно убедила их в

предательстве меньшевиков и эсеров. Сотни рабочих, в том числе восемь авроровцев, очутились в тюрьме, но песня соглашателей была спета.

Вся страна, а вместе с ней и «Аврора» взяли курс на вооруженное восстание. Судовой комитет крейсера был переизбран, меньшевики и эсеры изгнаны.

— С того дня, — подытоживает Бельшевы, — ход соглашателям на «Аврору» закрыт. Команда на стороне большевиков. Мы выполним любой приказ Военно-революционного комитета.

— Военно-революционный комитет уверен в этом, — спокойно отвечает Свердлов и продолжает уточнять обстановку на корабле. — Что думают ваши офицеры?

Лукичев смеется.

— С самого февраля то-и-дело по квартирам в городе отсиживаются. Что ни скажешь, а они твердят одно и то же: «Мы держим нейтралитет, мы вне политики, мы нейтральны...»

— Все они тихие до поры, — сдержанно роняет Бельшевы. — Враз ожили, когда Корнилов лез к Питеру. Пришлось напрямки предупредить: сунетесь, на себя пеняйте. Скисли, а теперь, когда и не надо, все равно за каждым пустяком в судовой комитет бегут.

— Значит, командиром фактически является судовой комитет?

Оба моряка в один голос подтверждают это.

Свердлов, раздумывая, склоняется над разостланной на столе картой, ведет пальцем по голубой змейке реки и, найдя черточку последнего перед устьем моста, испытующе наблюдает за собеседниками.

Они внимательно следят за его пальцем.

— Центральный комитет нашей партии, — медленно, словно диктуя, говорит Свердлов, переходя к цели вызова моряков, — поручил Военно-революционному комитету практическое руководство предстоящим в самые ближайшие дни вооруженным восстанием петроградских рабочих и гарнизона. Промед-

ление равносильно смерти — это слова товарища Ленина. Намерения Керенского ясны: он стягивает к столице выведенных из нее юнкеров, надеясь штыками расправиться с Всероссийским съездом советов, а затем сдать Питер кайзеровским войскам, чтобы с их помощью удушить революцию. Мы, большевики, обязаны предотвратить преступный замысел против народа, взять государственную власть в свои руки и сохранить ее за советами по всей стране. Армейские, дивизионные, полковые комитеты слишком громоздки для того, чтобы действовать с необходимой для завоевания власти быстротой. Руководство на том или ином участке будет осуществлять одно лицо — комиссар, назначаемый нами из состава самих частей и выполняющий только распоряжения Военно-революционного комитета.

— Правильно, — одобряют Бельшевы и Лукичев.

— Партийный центр Военно-революционного комитета, — продолжает Свердлов, — уполномочил меня назначить комиссара «Авроры». Ваша кандидатура, товарищ Бельшевы, весьма удачна. Вы большевик, избраны командой на пост председателя судового комитета, а судовой комитет — настоящий хозяин крейсера, и облечены полным доверием моряков.

Лицо Бельшева чуть розовеет.

— Решение партийного центра считаю для себя законом!

— Ваше имя и отчество?

— Александр Викторович.

Выдвинув ящик стола, Свердлов достает бланк со штампом и, заполняя его, читает вслух то, что пишет:

«Мандат.

Дан военному моряку товарищу Бельшеву Александру Викторовичу, комиссару Военно-революционного комитета на крейсере «Аврора».

Комиссар уполномочен распоряжаться крейсером и действовать только по указаниям Военно-революционного комитета».

Свердлов подписывает мандат и, вручая Бельшеву, наставляет:

— Учтите, что Временное правительство в эти решающие дни предпримет всяческие попытки удалить «Аврору» из Петрограда. Не подчиняйтесь никаким приказам Керенского, ссылайтесь на Центробалт. Мы предупредим товарищей из Центробалта. Ждите оттуда официальную юзограмму: оставаться в Петрограде до такого-то числа. Сегодня же объясните команде, что Военно-революционный комитет поручает крейсеру «Аврора» охранять безопасность открывающегося двадцать пятого октября Всероссийского съезда советов от вероятных провокаций Керенского и компании. Когда получите письменное распоряжение Военно-революционного комитета о выступлении, то объявите команде и офицерам, что вы — комиссар. Тогда же предупредите командира, что ни один приказ, отданный им без вашего согласия, не действителен. Будьте начеку: возможно, «Авроре» придется подняться вверх по Неве.

— Есть! Только нам на всякий случай снаряды нужны, — деловито докладывает Бельшев. — Их еще в прошлом году сгрузили в Кронштадте. Ведь корабль на ремонтном положении. Хотя ремонт закончен, но машины не провернуты. Для выхода из ковша и сопровождения к месту новой стоянки нам требуются буксиры.

— Хорошо. — Свердлов делает пометку на блокноте. — Буксирами и снарядами вас обеспечат кронштадтцы.

Он крепко пожимает руки морякам.

— Счастливо, товарищи. Помните, что Центральный комитет и Владимир Ильич Ленин высоко оценивают роль «Авроры» в грядущих событиях.

Два человека — на каждом матросский бушлат, перехваченный поясом с патронташами, бескозырка с вычурной вязью славянских букв, за плечом на ремне винтовка — мерной поступью, по-хозяйски шагают сквозь дождливые потемки октябрьского дня по улицам и проспектам угрюмого Петрограда.

Гулко звучат шаги.

ДЕЛО С БРОНЕВИКАМИ

...на воду
сумрак

похож и так, —

Бездонна
синяя прорва,
А тут

еще

и, виденьем кита,
туша Авророва...
В. Маяковский.

На утро следующего дня седоусый токарь — председатель рабочего комитета Франко-Русского завода — поднимается на борт «Авроры» и, разыскав Бельшева, говорит ему:

— Из Смольного наказывали перестать: три буксира и баржа с гостинцами для Керенского снялись из Кронштадта. К вечеру будут. На ремонт не жалуетесь?

— На совесть сделано, — успокаивает Бельшев.

— Как же иначе? — Токарь с гордым видом поглаживает усы. — Для себя старались. «Аврора» — корабль нашенький. Ну, пойду по цехам. Ты скажи ребятам: пусть держат ухо востро. Временное правительство промадный зуб имеет на ваш крейсер.

— Выбьем зуб, не сомневайся, папаша, — обещает Бельшев, провожая старика до кормового трапа. — Насчет юнкеров будь спокоен. Пускай только наведуются! Скорее бы угощение для них приплыло. В крайнем случае винтовками обойдемся...

★

Незванные гости жалуют в полдень, когда буксиры и баржа со снарядами находятся на полпути между Кронштадтом и заводским ковшом.

Посреди палубы, которую по долголетней привычке моряки все еще называют церковной, стоят окруженные густой толпой Бельшев и член судового комитета матрос Тимофей Липатов. Бельшев читает команде большевистскую газету «Рабочий и солдат» только-что доставленную на корабль. На ее первой странице крупными буквами набрано воззвание Военно-революционного комитета:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа ночью перешли в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны... Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда советов накануне его открытия... Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов... Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены. Никаких колебаний и сомнений! Твердость, стойкость, выдержка, решительность! Да здравствует революция!»

— Да здравствует революция! — гремит под железными сводами корабельных отсеков.

Расталкивая толпу, к Бельшеву пробирается матрос из вахтенного отделения:

— Председатель... Там адъютант прибыл от морского министра. Требуется пропустить его до командира. Спрашиваем — зачем, он и разговаривать не желает.

— Разверните его на сто восемьдесят, да в корму поддайте! — предлагает боцманмат Клевцов.

— Пусть проваливает! — слышится из толпы.

— Прекратите галдеж! — призывает Бельшев. — Выпроводить адъютанта всегда найдем время. Сначала разузнаем, что ему надо от нас... Из кубриков нараспашку не выходить. Наденьте бушлаты! Идем, товарищи...

Члены судового комитета, а следом вся команда, взбираются на верхнюю палубу.

От черной глубины ковша веет холодом. Сыро. В тумане расплываются корпуса заводских цехов, корабельные надстройки.

На юте у трапа препирается с часовым человек в офицерской шинели. На щегольских сапогах звенят колесики шпор.

— Отставить! — спокойно командует Бельшев. — Возьмите полтоном ниже,

гражданин адъютант. Чего орете? Здесь военный корабль. В чем дело?

Офицер, побагровев, на некоторое время теряет дар речи.

Моряки молча разглядывают адъютанта.

— Зачем пожаловали? — спрашивается Бельшев.

— Имею поручение минмора вручить письменный приказ командиру крейсера.

— О чем?

— А вы кто такой? — запальчиво бросает адъютант.

— Председатель судового комитета.

Адъютант усмехается.

— Ах, вот что... Насколько мне известно, министр не утверждал такую должность ни для «Авроры», ни для прочих кораблей.

— Революция утверждает, не спрашивая позволения у министров Временного правительства. Давайте приказ.

— Только лично командиру!

— Ладно... Товарищ рассыльный! Зови командира наверх!

Рассыльный бегом устремляется к тамбуру.

Адъютант пристально рассматривает моряков и корабль. Придирчивый взгляд ищет то, о чем клеветнически раззвонила по всей стране буржуазная пресса, субсидируемая Временным правительством.

— Полюбуйтесь, полюбуйтесь, — радушно упрощает адъютанта Липатов, — какая непролазная грязь. — Он показывает на палубу, на которой нет ни соринки, на безукоризненную чистоту надстроек и затянутые чехлами орудия.

Толпа расступается, пропуская в круг выборного командира «Авроры» лейтенанта Эриксона. Он подтянут, выбрит, но держится нерешительно. На лице Эриксона выражение мученика: словно его донимает зубная боль.

Адъютант вынимает из-за обшлага пакет и, щелкнув шпорами, представляется.

Эриксон приглашает адъютанта в салон.

— Гражданин командир!.. Некогда церемонию разводите. Берите приказ.

Спокойный голос Бельшева действует на Эриксона, точно удар кнута.

Пальцы командира надрывают конверт и расправляют бланк приказа.

Моряки ждут.

Командир, дочитав, прячет письмо в карман.

— Министр приказывает «Авроре» выйти на пробу в море и, произведя ее, следовать в Або в распоряжение начальника второй бригады крейсеров.

— Ишь ты! — изумляется Захаров. — Толково задумано: чтобы не мешали душить революцию! Так, господин адъютант?

Последний, не удостоив его ответом, обращается к Эриксону.

— Минмор предупреждает вас, что попытка задержать выход крейсера будет рассматриваться как измена. Последствия вам известны.

— Господин адъютант, я бессилен. Команда не подчиняется мне.

Бельшев строго поправляет:

— Не совсем так, гражданин командир. Команда не подчиняется вам в том случае, если вы вздумаете плясать под дудку Временного правительства, а пока вы будете честно выполнять указания Центробалта, для каждого из нас ваше слово — закон.

— То-есть команда «Авроры» отказывается подчиниться минмору? — спрашивает адъютант.

— Не одному ему, — попрежнему спокойно говорит Бельшев. — Просто авроровцы не признают Временного правительства. Мы следуем указаниям Центробалта, о чем и передайте.

— Я передам! — угрожающе тянет адъютант, натягивая перчатку. — С вами будет поступлено, как с изменниками!

— Вытряхайся! — кричит разгневанный комендор Огнев. — Катись... к господину Керенскому!

Адъютант пятится к трапу.

Моряки стеной движутся за ним.

Эриксон, отделяясь, исчезает в будке офицерского тамбура.

— Вон с корабля, господин адъютант! — властно произносит Бель-

шев. — Скажите своему министру, что скоро разберемся насчет изменников!..

Адъютант пересекает заводский двор и исчезает в калитке главного входа.

— Удвоить караул! — распоряжается Бельшев. — Теперь он юнкеров пошлет.

— Нехай сунутся! — многозначительно заявляет машинист Власенко.

Моряки, посмеиваясь, возвращаются в жилые палубы.

— Братва! Председатель!.. — окликают с юта.

Бельшев стремительно оборачивается.

Часовой, подавшись к входному трапу, указывает в сторону заводских ворот.

Их створки медленно расходятся.

Одна за другой в просвете ворот выплывают громады двух броневиков.

— Расстарался адъютант, — говорит Липатов. — Про запас эти штучки держал, не иначе!

— Вот, подлец! — ругается Лукичев. — Запугать хочет!

— Живо по кубрикам! Всех в рубье! — не сводя глаз с броневиков, командует Бельшев. — Часовые, к офицерскому тамбуру! Не выпускать никого!

И он, вытащив маузер, взбегает на кормовой мостик.

Переваливаясь на земляных буграх, броневики ползут через двор и оставаясь возле причала напротив «Авроры».

Круглая крышка башенки ближайшей машины откидывается, и над люком встает юнкер в кожаной фуражке и кожаной куртке, перетянутой крестна-крест ремнями новейшей портупей.

Сложив ладони рупором, он по складам выкрикивает:

— Эй, комитетчики!

Бельшев откликается в метафон:

— Что надо, господин юнкер?

— Приказываю отчалить и ехать, куда назначено! Даю четверть часа!

На палубе раздается смех.

Несмотря на серьезность положения, Бельшев не может сдержать улыбку: юнкер уморительно несведущ и в морской терминологии, и в сроках отплы-

тия. Для выхода крейсера из ковша надо потратить не менее часа, и то при помощи буксирных судов.

— Может, подкинешь минут с десятка? — просят с палубы.

Юнкер сердится.

— Чтобы через четверть часа вашего духу здесь не было.

Став у крыла мостика, Бельшев оценивает обстановку. Всюду, за выступами тамбуров, башнями орудий, надстройками, раструбами вентиляторов примостились вооруженные моряки, сверкают под накрапывающим дождем дула винтовок.

Сухо щелкают затворы.

— Эй, ты! — гулко отвечает Бельшев, наведя мегафон на юнкера. — Да-ем тебе и твоим приятелям пять минут, чтобы выгребли за ворота!

Юнкер мигом скрывается в люке. Резко захлопывается крышка.

Башенки обоих броневиков плавно вращаются и вновь замирают. Их пулеметы нацелены на палубу крейсера.

— Кормовые! — разносится над причалом голос Бельшева. — Прицел по господам юнкера!

Мягко шуршат, спадая на палубу, чехлы. Стволы скорострелок поворачиваются к причалу. Стальной хобот шестидюймового орудия глядит в упор на головной броневик.

Наступает минута молчания. Бельшев опять прикладывает к мегафону:

— Господа юнкера! Предлагаю вам через четыре минуты очутиться у Калининского моста! Если не возражаете, выкиньте белый флаг!

Крышка башенки головного броневика чуть приподнимается. Из люка высывается, размахивая носовым платком, рука в перчатке.

— Ай да молодцы! — громко хвалит Бельшев. — Марш со двора!

Пятясь, обе машины подаются в глубь двора и, взвывая сиренами, полным ходом мчатся к воротам.

Бельшев, пряча маузер, сходит с мостика.

— Без угощения обошлось. В другой раз не сунутся... Ты чего, Евдоким?.. Еще рано смеяться, — укоризненно замечает он, глядя на комендора.

— Да я не об этом, Шура. Орудья наши вовсе без снарядов-то!.. Вхолостую заряжены!..

Громовой хохот долго перекачивается по отсекам и палубам.

★

Под вечер буксирные катера швартуют к борту крейсера баржу со снарядами.

Начинается погрузка.

РАПОРТ КОМИССАРА

...А поверху —

город

как будто

взорван —

Бабахнула

шестидюймовка

Авророва...

В. Маяковский.

Иллюминатор распахнут настежь. В его овале видны Николаевский и Дворцовый мосты. Меж ними, сквозь дымку пасмурного утра, чернеет ширь Невы. Вдалеке протянулся фасад Зимнего, маячат шпили Петропавловской крепости и Адмиралтейства, позолоченный купол Исаакиевского собора...

Каюта судового комитета полна моряков: это командиры матросских отрядов, которые посылались с «Авроры» на помощь восставшим против Временного правительства рабочим и гарнизону столицы. Бельшев созвал командиров, чтобы сообща уточнить детали участия команды в Октябрьских боях.

Моряки сидят вокруг стола, слушая рапорт комиссара, адресованный Военно-революционному комитету:

«Крейсер «Аврора», находясь в ремонте у Франко-Русского завода, 22 октября должен был уйти из Петрограда на пробу машин. Но, имея в виду предполагаемый Второй Всероссийский съезд советов, приказом Центробалта был задержан на неопределенное время, причем причина задержки была объяснена команде тем, что нам, крейсеру «Авроре», придется принимать самое активное участие в поддержке Совета и, возможно, в предстоящем перевороте. 24 октября от Военно-революционного комитета я получил назначе-

ние комиссаром крейсера «Аврора», для чего было созвано экстренное заседание судового комитета в присутствии командира и прочих офицеров, где я вкратце объяснил инструкцию комиссара и в связи с этим предупредил, что все приказы и распоряжения, исходящие как то: от Военно-революционного комитета и других, будут мною проведены в жизнь и в исполнение, не считаясь ни с командиром, ни с мнением других офицеров. Вечером было получено распоряжение от Военно-революционного комитета крейсеру «Аврора»...»

Найдя среди бумаг на столе предписание, Бельшев сверяет его с текстом рапорта. Оно гласит:

«Комиссару Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на крейсере «Аврора».

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту».

Комиссар вычеркивает из рапорта весь текст предписания, кроме слов — «восстановить движение по Николаевскому мосту», — и читает дальше:

«Согласно инструкции — занятие Николаевского моста — явилась необходимою корабль передвинуть возможно ближе к мосту, для чего мною было отдано распоряжение развести пары, прогреть машины и приготовиться сняться с якоря. И одновременно с этим установили связь с Вторым Балтийским флотским экипажем, которому и было предписано со снятием крейсера «Аврора» с якоря и под прикрытием наших орудий выбить юнкеров, занять мост и восстановить движение. Но когда уже окончательно приготовились к снятию, командир отказался вести корабль, указывая на невозможность пройти крейсеру по Неве...»

— Просто струсил, услышав, что мы на Зимний нацелимся, — комментирует Лукичев. — Воображал, что без него не обойдемся! Будто мы просим офи-

церов участвовать заодно с нами... Вот бедному Сереге промокнуть из-за них довелось, пока фарватер щупал.

— Ничего, не раскис, — отзывается секретарь судового комитета старшина Захаров, припоминая полуторачасовое блуждание от завода к мосту и обратно в шляпке под проливным дождем во мгле ночи. — Без промера никак нельзя было вверх итти: на мель сесть что ли, на потеху юнкерью?

«...Не затягивая дела, — дослушав старшину, читает Бельшев, — отдаю распоряжение промерить фарватер Невы, измерение которого показало, что крейсер свободно пройдет. С чертежом глубин Невского фарватера, вторично явившись к командиру, указывал на необходимость довести корабль, но, получив еще раз отказ, мною отдано распоряжение арестовать всех офицеров. Что и было приведено в исполнение. Несмотря на отказ командира и других офицеров, мы все-таки решили хоть самим, да сняться с якоря. Не знаю, что повлияло на командира: или страх за свою шкуру, или что-нибудь другое. Но он все-таки в последнюю минуту нашего приготовления согласился довести корабль до моста. И в три с половиной часа утра корабль отдал якорь у Николаевского моста...»

— Теперь обдумать надо, товарищи, как про тот день сказать...

Командиры задумываются.

Каждый вновь видит хмурое утро, дождевой сумрак и сияющего радиста Алонцева.

Размахивая листком, испещренным прыгающими буквами, радист промчался по верхней палубе и, подлетев к Бельшеву, протянул радиограмму.

— От Военно-революционного комитета, всем, всем, всем! — задыхаясь от бега и волнения, прокричал он.

Вскочив на кнехт, комиссар зачитал команде воззвание, принятое радистом из эфира. Над кораблем зазвучали слова Ленина:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих

и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!»

Торжествующий клич моряков крейсера, повторенный, словно эхо, на пришедших из Гельсингфорса миноносцах, ошвартованных у стенки Английской набережной, грянул над Невой, подхвативший десантными отрядами, чьи штыки сверкали под дождем на пути к Дворцовому мосту.

До самого вечера связисты-разведчики, возвращаясь из города, сообщали:

— Юнкера строят баррикады перед Зимним и устанавливают пулеметы в окнах!

— Красная гвардия и кексгольмцы заняли Балтийский вокзал и телефонную станцию!

— Братва из Второго экипажа взяла почтамп!

— Океанцы выгнали корниловцев из банка!

Под вечер шлюпка доставила на корабль связного из отряда машиниста Бабина. Отряд, выделенный для поддержки революционных войск, оцепляющих Зимний, расположился вдоль стен Главного Адмиралтейства. Связной был отправлен Бабиным с донесением к Бельшеву.

— Комиссар, скоро штурм, — отпортовал он, — дворец окружен. Податься юнкерам некуда. Там у них батарея из шести орудий, броневик «Ахтырец» и множество пулеметов. Наши броневики ждут на углу Невского и Морской. Кронштадтцы уже в Новом Адмиралтействе, Военном порту и на Казанской площади. Нас троих Бабин отряжал с самокатчиками в штаб округа. С нами ходил делегат Петропавловки. Он сказал корниловцам: если в двадцать минут не уберетесь, то узнаете,

достанут или нет до вас снаряды из крепости... В десять минут вытряхнулись кто куда. Мы даже удивились: только-что были корниловцы — и уже нету... На телефонной станции неладно, — угрюмо прибавил связной. — Отбили ее юнкера, а караульных кексгольмцев до единой души перекололи и в окна повыкидывали.

Моряки, обступившие связного и комиссара, заволновались.

— Неволин! — окликнул Бельшев трюмного машиниста. — Бери десять человек с винтовками и гранатами, дуй к станции и тормози юнкеров, пока мы с Зимним управимся.

— Еще не все, комиссар, — проговорил связной. — Из Военно-революционного комитета человек прибыл к нашему отряду. Велел передать приказ Ленина: если Временное правительство и юнкера не сдадутся до вечера, то с Петропавловки братва пустит ракету и пальнет сигнальная пушка. Сразу после нее «Авроре» произвести холостой выстрел по Зимнему, а будут юнкера упрямятся и сопротивляться, через четверть часа без пощады бить боевыми.

На палубе одобрительно зашумели...

Бельшев сызнава переживает напряжение последних минут того вечера. Память хранит все: отзвуки перестрелки, далекие крики с Дворцовой площади, извещающие о начале штурма, сноп изумрудных искр над темной громадой Петропавловки, — то взвилась в заволоченное тучами небо ракета, глухой удар сигнальной пушки, незабываемый миг у бакового орудия.

— Пли! — скомандовал комиссар комендору Огневу.

Гулкий голос «Авроры», заглушив эхо пальбы у Зимнего, подтвердил всему миру вещице слова Ленина, произнесенные в Смольном за несколько часов до выстрела с Невы:

«Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Бельшев, прерывая думы командиров, продолжает читать рапорт:

«...Весь день 25 октября корабль приводили в боевое состояние, готовяли пушки, снаряды, и вся команда находилась на своих постах. Вечером получено предписание от Военно-революционного комитета: после сигнальных пушечных выстрелов с Петропавловской крепости произвести несколько выстрелов холостых и, смотря по обстоятельствам и если нужно, — открыть боевой огонь, к чему прибегать не пришлось, так как Зимний дворец вскоре сдался. Между прочим, все это время производилась связь с Военно-революционным комитетом и другими военными судами, с пехотными частями, и посылались небольшие вооруженные отряды для разведки. Благодаря этому жизнь протекала вполне нормально, команда была вполне спокойна, так как была все это время в курсе происходящих событий. Между прочим...»

Бельшев обращается к машинисту Бабину:

— Говори по порядку, что в Зимнем было.

Бабин рассказывает:

— Как подала голос «Аврора», юнкера и замолкли. Мы — разом на баррикады и — даешь вниз по ту сторону. А там винтовок набросано! Ударницы пооставляли. У дверей — никого. Побежали дальше. Юнкеров нету. Разбежались. Однако мы их после переловили. Обыскали, а у них в карманах царицыны брошки, золотые браслеты! Выгрузили мы из них это добро и кричим своим, чтоб никто не соблазнялся: «Ничего не трогать, товарищи, это народное достояние!» Понятно, пришлось часовых у входа поставить, чтоб ни одной души без осмотра не выпускали... Двигаем дальше. Добрались до угловой комнаты, не то семьсот первая, не то девятьсот первая, их там пропасть! А Керенского нету, он еще утром удрал. Вывели временных министров из дворца, и я их с нашей братвой без пересадки в

Петропавловские номера доставил... Записал, Шура?

— Записал... «...необходимо отметить храбрость авроровцев, как, например, при взятии Зимнего дворца...»

— Достаточно, — соглашается Бабин. — Коротко и ясно.

— Теперь насчет телефонной станции, — напоминает Бельшев.

— Давай, я скажу, — предлагает Векшин. — Нашего личного состава у телефонной станции было одиннадцать человек. Первым делом уговорились захватить машины, с которых юнкера высадились у нее. Пять человек — Неволин, я и трое красногвардейцев — ползли с угла Кирпичного переулка и Морской к подъезду. Юнкера это проморгали. Мы с Невוליным вскочили в легковой автомобиль, завели его и с полного хода рванули к Невскому. Юнкера, конечно, озлились и вдогонку нам целую очередь из пулемета. Не попали. Наши увидели, что вышло, и в два счета расхватили другие машины. Чуют юнкера — амба им, палат со страху, а высунуться не смеют. Наш отряд с трех сторон их зажал. Кексгольмцы подступали с Гороховой, Липатов и еще пятеро от Исаакия, а мы от Невского по Морской. Сняли с баррикад бочки и, прикрываясь ими, подтягиваемся поближе. В это время Липатов с братвой отбил у других юнкеров броневик. Мы топчемся вокруг станции, и вдруг от Исаакия летит броневик под красным флагом. Это нам смелости придало. Поднялись с мостовой — и к подъезду. Ворвались, а один юнкер уже погони с себя сдирает, другие на крышу лезут. Тех, кто сдался, мы не тронули, но кто с чердака продолжал стрелять, с теми кексгольмцы рассчитались. Тут история с барышнями - телефонистками приключилась. Попривыкли они к господам, обозвали нас хамами и по домам почти все разошлись. Тех, кто остался, мы за старших назначили, а сами нацепили наушники, — и давай телефонные вилки втыкать. Связались с казармами, фабриками и Смольным, а юнкер-

ские училища и Думу выключили. В общем наладили связь.

— С броневиком получилось так, — вставляет Липатов. — «Ахтырец» вечером при штурме удрал от Зимнего и поутру объявился на Исаакиевской площади. Развезжает туда и сюда. Мы дождались, когда он на углу Морской показался, и выстрелами отогнали на площадь. Пуля в мотор угодила, он и застрял. Юнкера чесанули из пулеметов, кое-кто из наших упал. Все-таки добежали к нему, просунули наганы в амбразуры, обезвредили шофера и пулеметчиков, заставили юнкеров вылезть наружу. Кое-как завели мотор и — к телефонной станции. Возле нее и застряли: мотор прострелен. Так и не пришлось попользоваться броневиком, но пулеметы пригодились.

— Укажем вот что, — решает Бельшев, — «... и телефонной станции, где отряд авроровцев отбил у юнкеров броневик, но за негодностью мотора сняли с него пулеметы и притащили на корабль...»

— Ты про то не забудь, Шура, как против Керенского и Краснова под Гатчину ходили, юнкеров в переплет брали в Инженерном замке и в Павловском училище, — беспокоится Лукичев.

Дверь в каюту с шумом открывается, и через комингс шагает рослый моряк; его бескозырка сдвинута на затылок, за его поясом две гранаты.

— Здорово, братки!

— Здорово, Неволин! — радостно приветствуют командиры.

— Докладываю, комиссар, — говорит Неволин Бельшеву, — наш отряд возвратился без потерь людьми. В пути нами захвачен офицерский бронепоезд. Гонялись за ним полтыщи верст, пока словили. Шлют вам поклон московские рабочие. Мы немного запоздали к ним из-за того бронепоезда. Он путь загоривал меж Питером и Москвой...

— Комиссар! — приоткрыв дверь, пе-

ребивает Неволин вахтенный. — Пакет из Смольного.

— Предписание, товарищи командиры отрядов, — говорит Бельшев, ознакомившись с пакетом. — Этой ночью председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин и народный комиссар товарищ Сталин вызывали к прямому проводу главнокомандующего Духонина. Они приказали ему немедленно приостановить военные действия на фронтах и начать мирные переговоры с немцами. Духонин заявил, что не признает советской власти. Совет Народных Комиссаров сместил Духонина, но Духонин в Ставке, а Ставка в Могилеве. Военно-революционный комитет предписывает нам — «Авроре» — выделить отряд для поездки в Могилев. Надо рассказать всю правду могилевскому гарнизону и арестовать Духонина. Пошли в кубрики!

Он покидает каюту, забыв о незавершенном рапорте, и только спустя четверо суток, когда мятеж Духонина и ставки подавлен и отряд авроровцев возвращается на крейсер, вновь принимается подводить итоги первых дней завоевания власти.

Склонясь над столом, комиссар за ключает рапорт скупыми словами:

«В настоящее время жизнь хотя и проходит обычным порядком, но команда и корабль ежеминутно могут быть приведены в полную боевую готовность».

★

В дымке ноябрьского вечера над Невой возникает высокий силуэт корабля. Его корпус, мачты, баковое орудие и три тонких длинных трубы окаймлены гирляндами электрических огней. На фасаде мостика, словно на груди бойца, пламенеет рубином иллюминированный орден Боевого Красного Знамени. И каждый, кто видит обведенные световым штрихом строгие контуры, узнает легендарный корабль революции.

Это — крейсер «Аврора».

М а т ь

Повесть

ФЕДОР ГЛАДКОВ

★

Великое, святое слово: мать...

Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!

Н. А. Некрасов.

Даже в тот день, когда Наталья Степановна получила страшное известие о гибели Сони, она не выбыла из строя: как обычно, она явилась в школу точно за четверть часа до урока с тяжелым портфелем, пожала руку учительницам и села за стол. За тридцать лет учительства привычка к точности, исполнительности, к чуткому ощущению времени (она даже не нуждалась в часах) превратилась у нее в инстинкт.

Маленькая, тощенькая, седенькая, подстриженная под-польку, с узеньким бледным личиком, с тоненьким твердым носиком, с волосатой родинкой на подбородке, с коричневыми, очень горячими глазами, всегда печально строгими, она молча, заботливо, неторопливо-тщательно перелистывала свою тетрадь в клеенчатой обложке и внимательно читала записи всех дел, которые нужно было выполнить сегодня. К ней относились уважительно и как-то мягко, робко и разговаривали с нею вкрадчиво и виновато. Даже директор школы, опытный, хотя и молодой педагог, товарищ Косяков, немного заносчивый и грубоватый парень, обращался с нею осторожно, одергиваясь и беспричинно улыбаясь. Наталью Степановну знали в городе все школьные работники, считали ее выдающейся учительницей и часто приходили к ней за советом. А ученики души в ней не чаяли и, покидая школу, уносили нежную память о ней на всю жизнь. Многие до сих пор переписывались с нею. В классе она никогда не по-

вышала голоса, а дисциплина всегда была у ней превосходной.

— И как вы только добиваетесь этого, Наталья Степановна? — изумлялись товарищи.

Она улыбалась грустными глазами и тихо отвечала (она вообще говорила тихо):

— Взаимным пониманием... любовью... Без любви нет и понимания...

— Но как же все-таки?

— Да разве это объяснишь словами? Педагогика — искусство... очень душевное искусство...

Так товарищи и не могли добиться от нее никакого толка. Но редкий ее урок не посещал кто-нибудь из них, чтобы насладиться умной задушевностью ее подхода к ребятам. Это была сама жизнь, а не преподавание: самый простой вопрос, даже ничтожная мелочь приобретали в беседах ее с учениками большой жизненный смысл. И всем было ясно, что дети сохранят в своей памяти и своем сердце одну важную истину: надо свою жизнь оправдать, а оправдать ее возможно только постоянным любимым трудом, который должен не только выполняться, а создаваться, чтобы каждое дело было связано с личностью, как ее прекрасное выражение. Назначение человека — горячо воплощать себя в делах, а всякое дело доводить до конца, как это умели делать Фарадей, Пушкин, Ленин. Самый красивый и яркий человек в жизни — это борец, который не робеет перед препят-

ствиями и врагами, а обязательно добивается победы. И школьные работники забывали себя на ее уроках и взволнованно чувствовали, что все эти дети — и мальчики, и девочки — будут до конца жизни правдивыми людьми, жизнерадостными и вдохновенными тружениками и, может быть, выдающимися героями и творцами. В ее уроках ничего не было нового: методика была самая обыкновенная, все дидактические правила были налицо, но все это шло не преднамеренно, а дышало глубокой, вдохновенной жизнью и трогательной простотой. В классе, среди ребят, Наталья Степановна жила так же искренно, всей своей душой, как всегда и во всем.

У нее была дочка Соня, золотая кудряшка, румяная, большеглазая, веселая, звонкоголосая. Ее можно было считать шалуньей и дерзкой на язык. Она не стеснялась говорить правду в глаза всем, вплоть до учителей. Случалось, что она вставала во время урока, когда учительница нервничала, кричала на ребят и грозила выслать кого-нибудь из класса.

— Зачем же вы кричите и злитесь? Вы сами виноваты, потому что несправедливы, не понимаете нас. Вы меня извините, пожалуйста, но я хочу, чтобы мы вас уважали.

Если кто-нибудь из учителей или учительниц жаловался Наталье Степановне на Соню, она с тихой улыбкой и грустным сожалением спрашивала:

— Неужели Соня могла оскорбить вас?

— Она говорит дерзости.

— Из озорства? Чтобы унижить вас перед классом?

— Не думаю. Но нельзя же, Наталья Степановна, перед учениками ставить учителя в неловкое положение.

— Видите ли...—задумчиво говорила она. — Не знаю, как вы, но я считаю, что правда всегда похожа на дерзость. Даже народная мудрость говорит, что правда глаза колет. Не всякий из нас обладает мужеством прямо смотреть правде в глаза. Соня воспитана в правде и очень к ней чутка. И я знаю, что в жизни ей будет трудно от этого.

Обиженные отходили от нее смущенными и недовольными: им казалось, что Наталья Степановна поступает непедagogично, оправдывая свою дочь. Поэтому и отношение к ней было разное: одни не любили и боялись ее, другие почитали ее и считали идеальной учительницей.

В этой школе она работала без перерыва четырнадцать лет, и в этой же школе застигла ее и война.

Соня только-что окончила десятилетку и в первый же день начала военных действий просто и спокойно сказала матери:

— Я, мама, иду на курсы сандружинниц и поеду на фронт.

Наталья Степановна помолчала, борясь с собою, но так же просто ответила:

— Если ты находишь, что это голос твоей души, — иди, Соня. Но прежде всего подумай: выдержишь ли все трудности и ужасы и сможешь ли отвечать за себя?

— Мама, разве ты сомневаешься во мне? Мы с тобой всегда были согласны, что истинная красота человека и его назначение — борьба за правду и справедливость. Ничего, мама, не беспокойся обо мне: я сумею ответить за себя при всяких случаях. Поверь, что я, если случится, и умереть могу без конфуза... И тебя не подведу, милая мама...

Они не плакали, и этот день для них был таким же обычным, как и все прежние дни.

Жили они в одной и той же комнате с незапамятных времен — небольшой комнате большого и старого коммунального дома. Комната была светлая, с двумя кроватями, белыми и опрятными, с двумя столами — обеденным и письменным, за которыми они вдвоем и работали одновременно. Соня не помнила, когда умер отец, но в этой комнате она выросла и была счастлива любовью к матери, считая ее лучше всех на свете.

Соня уехала на фронт еще летом. Уезжала она радостная и гордая. В военном обмундировании, новая, необычная, она пылала счастьем. Ее большие серебристо-голубые глаза, открытые и чистые, как прозрачные роднички, так и не угасали в сердце Натальи Сте-

пановны. Время от времени Соня присылала торопливо написанные карандашом открытки, бодрые, полные любви и нежности. Потом наступили месяцы глухого молчания и безвестности. Наталья Степановна попрежнему была спокойна, с молчаливым трудолюбием работала в школьной библиотеке или в учительской вместе с заведующим учебной частью. Но в глазах появилась какая-то новая жизнь: затрепетала в их глубине тревога, и на мгновение вспыхивал не то страх, не то мучительный вопрос.

И когда ее спрашивал завуч Симочкин, коротконогий, толстенький человек с красным лицом и выпуклыми глазами, какие известия от Сонечки, Наталья Степановна отвечала неохотно и, к его удивлению, с холодной вежливостью:

— Пока молчит.

— Что же это она, неладная? Фронт-фронт, а забывать мамашу нельзя. Наталья Степановна с рассеянной улыбкой заключала разговор:

— Значит, так надо.

Иногда в учительской собиралось несколько старых и молодых учительниц и говорили о продкарточках, о хлебе, о картошке. Наталья Степановна сидела в сторожке за работой и молчала, далекая всем, ушедшая в себя.

Иногда вкрадчиво спрашивали ее:

— Как живете, Наталья Степановна?

Не отрываясь от работы, она равнодушно отвечала:

— Хорошо.

— Ну, какое там хорошо! Разве вы — исключение? Впрочем, вы ведь одинокая.

Она с улыбкой поднимала седенькую голову и оглядывала учительниц с кроткой печалью в теплых глазах.

— Почему же? Я — не одинока и не исключение. А жаловаться мне, право, не на что.

Одна молоденькая учительница из младших классов, Оля Давыдова, комсомолка, румяная толстушка, всегда застенчивая и изумленная, до слез влюблена была в Наталью Степановну. Она смотрела на нее с обожанием и слушала ее, как внимательная ученица. Когда Соня уехала на войну, она старалась каждый день встречаться с Натальей Сте-

пановой, терлась о ее плечо и умоляющим голосом спрашивала:

— Наталья Степановна, родная, можно вам помочь?

— В чем же, Оленька? — ласково удивлялась Наталья Степановна. — Ты бы вот лучше подчитала педагогическую литературу да придумала, как увлечь ребят самодеятельной работой. Если есть у тебя вопросы, затруднения и все такое — давай обсудим вместе.

— Ах, не то!.. Я просто хочу... так... вместе с вами побыть. Ну, хотя бы к вам на дом зайти...

— Оленька, я очень рада, — приходи, когда хочешь.

— Какая вы замечательная женщина, Наталья Степановна!

— Ну, брось ты это, Оля, брось!.. — с тихой строгостью обрывала ее Наталья Степановна и с веселой лаской обещала: — Вот придет весна — подем в деревню на полевые работы...

— Жаль, Сони нет, Наталья Степановна. Вместе бы... Как хорошо бы было!..

— Соня — на других полях, — более ответственных и трудных.

— И ведь очень опасных, Наталья Степановна — всегда под огнем... Это не всякому подсилу.

И она шепнула в отчаянии:

— А меня не взяли, Наталья Степановна. Вы, говорят, должны детей учить, воспитывать патриотов, а не воевать.

Наталья Степановна одобрительно кивала и улыбалась.

— Значит, так надо, Оленька. Правильно.

А ночью Наталья Степановна сидела перед столом и перебирала вещички, которые принадлежали Соне. Эти реликвии были историей жизни ее девочки с самого ее рождения. Вот старый золотой медальончик с портретом Сони, когда ей исполнился только годик. Наталья Степановна раскрывала его и долго смотрела на кудерку золотых волосков: их она отстригла в день рождения Сони и положила в медальончик. Восемнадцать лет хранятся эти золотые волоски в матово-золотом гнездышке, попрежнему живые, трогательно младен-

ческие. Они улыбаются и лепечут ей: «мама» — то первое слово, которое Соня уже уверенно и ликующе научилась произносить в те дни. Слезы нежности заливали глаза Натальи Степановны, и медальончик таял в них, как в тумане. Она вытирала глаза, и медальончик опять оживал и твердел в ее пальцах. И ей казалось, что эти волоски пахнут горячим тельцем, еще неотделимым от ее сердца. Тогда Соня ползала по полу, цепко держалась за стулья и училась стоять и переступать гольми ножками. И тогда же она впервые захохотала звонко и восторженно, когда увидела бабочку-крапивницу, которая, трепеща крыльшками, порхала над ее кудряво-золотой головкой.

Наталья Степановна бережно, как драгоценность, вынимала из маленького сундучка, с художественной деревянной мозаикой — подарок бывшего ученика, теперь председателя исполкома в области, где было много искусных кустарей, — рубашечку Сони, крошечные тувельки, соску с широким кружком и колечком, ее простенькие игрушки и раскладывала все это на столе. И ей чудилось, что они еще пахнут молочным тельцем Сони. Наталья Степановна вспоминала, как Соня лежала на ее коленях и пристально, со смехом в глазенках, смотрела на нее. Соска дрожала на ее языке, и девочка как будто открывала в лице матери что-то очень забавное и новое и пела с наслаждением:

— Д-д-д-д...

И это было очень смешно.

Потом появлялись на столе бумажки с крупными каракулями Сони — первые ее опыты в письме, — ее кривые, беспомощные рисунки: домики с дымком в виде спирали, лошади, люди, — и первые книжечки, которые она читала вслух. Дальше шли тетрадки с ее школьными работами, и по этим тетрадям видно было, как росла и крепла Соня год от году.

И всегда вспоминалось событие, когда характер Сони проявился ярко и остро. Ей было лет тринадцать. Училась она отлично, и работа давалась ей как-то очень легко. Успеха она добивалась не только работоспособностью, но какой-то

внутренней силой, похожей на интуицию. Как бы ни было трудно и скучно задание — выполняла она его быстро, с живым увлечением, точно открывала в нем какую-то особую, скрытую поэзию. Сядет, бывало, к столу, раскроет тетрадь, книжки, вздохнет, сделает над собой усилие, устремит глаза вверх, подумает и вдруг улыбнется, как будто вспыхнет у ней внутри огонек. Заскрипит перо по бумаге, и под песенку, не отрываясь, быстро закончит свое сочинение. А потом удовлетворенно, с горящими глазами, скажет:

— Хочешь, прочту тебе, мамочка?

А решала задачи по математике упорно, со странным раздражением, и никогда не было случая, чтобы она отступала перед трудностью и приходила в отчаяние. И если Наталья Степановна видела, что задача не дается и от этого глаза у Сони делаются злыми, а верхняя губенка покрывается потом, мать осторожно пыталась притти ей на помощь.

— В чем у тебя затруднение, Соня?

— Мамочка, не мешай. На то и задачи, чтобы решать их.

Наталья Степановна растроганно смотрела на нее и улыбалась: то, что говорила Соня, это говорила она, Наталья Степановна.

В классе учился один парнишка — Паша Запалкин, всегда вклокоченный, неряшливый, с вызывающе грязным лицом и руками. С учителями он постоянно держался нахально, точно мстил им за что-то. Особенно изводил он молодых учительниц, которые по неопытности выходили из себя и, красные от отчаяния, кричали на него и часто выгоняли из класса. Он скалил зубы, и озорные глаза его хохотали. Сидел он позади Сони, и, когда она оборачивалась к нему, он лукаво подмигивал ей и окаянно ликовал. Учился он неплохо — очень способный был мальчишка, — но каждую четверть по поведению у него стоял «неуд». Он был страстный игрок в орлянку и на переменах вовлекал в нее ребят. Его глаза в эти мгновения горели хищно и зло. Его вызывал к себе директор, и он выходил из его кабинета бледный, с ненавистью в глазах.

Однажды он привел в класс черную, лохматую дворняжку. Когда ребята стали гнать ее, он бросился на них с кулаками. И отступили они от него не потому, что он мог избить их, а отбросило их его лицо: оно осунулось, посерело и стало страшным. Всем показалось, что он мог в этот миг убить их. В другой раз он принес в школу причудливо и тонко сделанную мельницу — всю ажурную, в бесчисленных переплетах фермочек, с крыльями из фанеры, с хошенькими колесами и шестернями. Перед началом занятий все вышли на улицу, и на ветру мельница весело замахала крыльями, заиграла шестернями, зашептала зубцами и подшипниками.

На удивление всем — и ребятам, и учительницам — Соня сдружилась с ним: из школы шли они вдвоем, а утром встречались, радостно улыбаясь друг другу. И это удивление сменилось неприязнью к ним некоторых учительниц — особенно к Соне.

Остро ненавидела их одна пожилая, длинноногая учительница, математичка Шаброва — с красным, в кровавых жилках, лицом, с длинным ядовитым носом и маленькими глазками. Шагала она широко, по-мужски, и длинная юбка всегда путалась в ногах. Она придиралась к Соне и Запалкину из-за всякого пустяка и, когда в классе начинали перешоштываться и возиться, прицеливалась глазами и нервно покрикивала:

— Соня! И ты, Запалкин! Нельзя ли оставить интимные разговоры?

Ученики чутко настораживались.

Соня, возмущенная, вставала.

— Нельзя ли, Екатерина Николаевна, освободить и меня, и Запалкина от преследования?

— Что, что? — ехидно переспрашивала Шаброва, приложив раскрытую книгу к уху. — Вы хотите доказать, что это вас не касается?

Соня резко отвечала:

— Я не доказываю, а прошу справедливости.

— А еще что скажете? — так же ехидно-вкрадчиво поощряла Шаброва.

— Больше ничего, кроме просьбы — быть справедливой, чтобы не терять к себе уважения.

А Паша бормотал сзади с презрением: — Да брось ты эту швабру, Сонька!.. — Почему же? — вскрикивала Соня, оборачиваясь к Павлу. — Хорошая учительница обязана быть хорошим человеком.

Шаброва подходила к ним, и нос у ней становился фиолетовым, а глаза острыми, как иголки.

— Повтори, Павел, что ты сказал.

Павел вызывающе вставал и трубо рублил:

— Не повторю.

И вот вскоре произошло то событие, которое чуть не разразилось катастрофой. Соня подарила Павлу автоматическую ручку — черную, глянцевою, с золотыми ободками, и ей было очень радостно, когда она увидела, как глаза его засияли счастьем. Он крепко пожал ей руку и сказал просто:

— Я этого в жизнь не забуду. Я давно о такой ручке мечтал.

В тот же день пропала у одного парнишки такая же ручка. Этот толстенький, черномазый Сережа даже как будто заликовал от пропажи и только крикнул на весь класс:

— Это какой же гад слямзил у меня автомат? Найду ворюгу — этой ручкой очи расковыряю!

Дежурный доложил о пропаже Шабровой.

Тихий и кроткий отличник, со странной фамилией — Бляха, встал и на жесткий вопрос Шабровой с кроткой радостью сообщил:

— Эту ручку я видел в руках Запалкина.

Павел встал и, красный от негодования, спросил его:

— Значит, по-твоему, украл эту ручку я?

Бляха трусливо замаялся.

— Не знаю. А ручку видел я у тебя.

Тут встала и Соня, но Павел сердито усадил ее:

— Подожди, и до тебя дойдет очередь. А пока мне охота нарубить дров.

И опять спокойно обратился к Бляхе:

— Ежели ты сказал, что видел в моих руках эту ручку, значит, ты хотел указать на меня, как на вора. Так? Отвечай прямо.

Класс замер. Бляха побледнел и осунулся. Он умоляюще смотрел на учительницу. Шаброва ободряюще кивнула ему головой.

— Говори смелее, голубчик. Истина дороже всего.

Соня не стерпела и крикнула:

— Чего же ты, Бляха, не говоришь всего? Только ли у Запалкина видел ты эту ручку?

Бляха хрипло дополнил:

— Ручку я видел сначала у Сони, а она передала ее Запалкину.

— Ого, выходит, уже два вора! — весело крикнул кто-то.

Павел неторопливо вышел из-за парты, подошел к Бляхе и шлепнул его по щеке.

— Провокаторов бьют. А пока получи авансом.

И, улыбаясь, пошел на место.

Все сорок человек вскочили с мест и растерянно смотрели в сторону Павла и Бляхи.

Кто-то крикнул негодуя:

— Безобразие — драться в классе!

А кто-то одобрительно засмеялся:

— За дело!..

Шаброва распорядилась:

— Запалкин, оставьте класс, а на перемене явитесь к директору.

Соня вышла из-за парты и заявила:

— Запалкин не выйдет из класса.

Ручку подарила Запалкину я: это — моя ручка. — Она подошла к Павлу, взяла ручку и протянула ее Сереже. — Это — твоя ручка? Если твоя — значит, я — воровка.

Сережа взял ручку, осмотрел ее и возвратил Соне.

— Нет, это — не моя. На моей ручке — условная метка.

Шаброва настойчиво потребовала, чтобы Павел вышел из класса. И когда он, гордо подняв голову, пошел к дверям, следом за ним пошла и Соня.

— Я тоже не желаю оставаться в классе.

И она вышла за дверь, как победительница.

Вспоминая об этой маленькой истории из жизни Сони, Наталья Степановна улыбалась сквозь слезы. Так было

всегда. Соня любила повторять с глубокой верой:

— Правда — неугасима.

«Но правда — трудна, — шептала Наталья Степановна, не отрывая глаз от медальончика, повторяя слова, которые она когда-то говорила Соне: — Правда не всякому по плечу. Правда побеждает только в борьбе, Соня, а борьба — это страдания, муки и часто — самопожертвование». И звонкий голосок Сони звучал, как живой, в ушах матери:

— Конечно же, мама! Ведь революционеры шли за правду на каторгу, на виселицу, не боясь ужасов. Они даже пели песни. Понимаешь, мама, я чувствую, что и я способна собой пожертвовать за правду.

— Ты еще девочка, Соня, и не переживала еще никаких испытаний. То, что ты говоришь, — это детская романтика.

— Мама! — восторженно кричала Соня. — Я, мама, буду геологом или химиком. Любимые мои женщины — это Кюри и Роза Люксембург.

Откуда у ней, подростка, рождались эти мысли? Откуда у нее эта гордость и самолюбие? И внутренний голос отвечал Наталье Степановне: это — от тебя, это она выпитала с твоим молоком. Ты создала ей идеал хорошего человека. Хороший человек — это правдивый, совестливый человек, а такой человек увлекателен, как сказка, как мечта.

— Девочка моя, дитя мое! — шептала Наталья Степановна, задыхаясь от слез. — У тебя еще и жизни не было, а ты вспыхнула и сгорела.

И душу раздирал нечеловеческий крик:

— Соня повешена! Повешена!..

Одинокая, среди ночной тишины, Наталья Степановна рыдала, уронив голову на милые вещички Сони, и надолго застывала, замирая от отчаяния. Она судорожно сжимала в пальцах и рубашечки, и игрушки, и тетрадки Сони, и пальцы ее коченели и мертвенно скрючивались. И вместо сердца была сплошная рана.

В прихожей и кухне щебетали соседки — молоденькие жены служащих го-

родского банка. Одна, ярко рыжая, конопатая, юркая, надоедно болтливая, выбривала брови и тонкой дугой высоко рисовала другие, черные, вызывающе фальшивые. Чтобы скрыть веснушки, она густо покрывала лицо розовой пудрой, но замазывать их не могла и от этого страдала. Другая, высокая, узколицая, с острым подбородком, с пышно взбитыми волосами, обесцвеченными перекисью водорода, держалась важно, презрительно шурилась, говорила неохотно, рассеянно, с небрежной снисходительностью, а Наталья Степановна совсем не замечала. Когда в газетах появились статьи о Соне, которые сообщали потрясающие подробности пыток и казни ее девочки, а потом появилась фотография, где Соня висела на веревке, — они попрыгали у себя в комнатах и замолчали на время.

В газетных строках Наталья Степановна до галлюцинации ясно слышала звонкий, надорванный муками голос Сони:

«Я умираю молодая, но я страшно хочу жить. Истребляйте, выправляйте чудовищ на нашей земле. Расскажите, товарищи, как я умирала, — стойко, гордо умирала...»

Стояла она на табуретке, полуголая, босая при трескучем морозе, окровавленная, вероятно, обмороженная, закоченевшая, вся избитая, а дюжий палач-солдат с засученными руками намыливал веревку. Это видение ослепительно вспыхивало, как последнее пламя свечи. Она сидела в классе и просматривала письменные работы учеников. По почерку отмечала характер и настроение каждого. Она видела перед собою внимательные и тревожные их глаза и чувствовала в напряженной тишине класса их внутренний трепет. Ее невыразимую боль под обычным спокойствием и вдумчивостью они воспринимали чутко и мучительно. Ни возни, ни шопота не было слышно, и если кто-нибудь по забывчивости лез в парту, его с сердитым испугом толкал локтем сосед.

И в учительской встречала она необычную тишину и робкие взгляды, мутные от сострадания. Все — и дети, и товарищи — как будто постоянно под-

черкивали, что она должна жить только ужасом и своим горем. «Какие они странные! — думала она. — Они подавлены моим несчастьем и искренно сострадают мне, но не хотят, чтобы я с обычной заботливостью делала свое дело».

В школу приходили делегации комсомольцев и приносили ей цветы, учителя и учительницы других школ присылали своих представителей, они выражали ей соболезнование и превозносили героизм Сони. «Она для всех нас — высший образец истинной патриотки»... Потом каждый день на ее имя стали приходиться письма от организаций, от девушек, от бойцов, от рабочих. Эти письма сыпались на стол кучами, и читать их уже не было времени, да и читать было и радостно, и невыносимо. Она застывала и, сцепив зубы, закрывала глаза, чтобы не видеть лиц и глаз, которые жадно ловили каждое ее движение.

В газетах напечатали ее портрет рядом с портретом Сони — когда она была еще ученицей. Соня смотрела с газеты широко открытыми, радостно удивленными глазами, с задорно поднятым носиком, и улыбалась счастливо. А счастлива была потому, что жила.

Подробно описывалось, как Соня попала в окружение, как ее отряд с боями вырвался из огненного кольца с большими потерями, как она с группой бойцов блуждала по лесам и попала в отряд партизан, как ходила в разведку, и как полюбили ее и берегли колхозники в занятых немцами деревнях. Ее выследил предатель, и на дороге, когда ночью провожали ее девчата, немцы схватили ее вместе с этими девчатами. Больше она их не видела. Ее раздели почти донага, били до потери сознания. Офицер допытывался у нее, где партизаны, много ли их, какое у них вооружение. За предательство обещал ей свободу и возвращение на родину. Она молчала, как немая, и, истерзанная, иногда улыбалась презрительно, со жгучей ненавистью в глазах. И эта улыбка обезоруживала и приводила в ярость офицера. Он бросался на нее с кулаками, бил ее по лицу, по голове, топтал ее, но ни крика,

ни стопа не слышно было в эти минуты. Тяжело дыша, офицер садился к столу и орал на солдат. Они тоже били, потом выбрасывали ее на двор, на мороз, прямо в сугроб, а когда она от холода приходила в себя, ее опять тащили в избу и опять терзали — рвали волосы, поджигали кучки пороха на лбу, на груди, на животе. Издевались с хохотом над ее девичьей стыдливостью. И опять встречали только немое молчание. И опять офицер видел на лице ее только брезгливую гримасу, полную страдальческой ненависти.

Старик, хозяин избы, лежал на печи. Он мучился и стонал. Потом не выдержал, заплакал, как ребенок, слез с печки и упал на колени перед офицером. Он лепетал, молил о пощаде, стучал лысой головой об пол.

— Ваше благородие!.. Ведь дите... молоденькая... девушка... зачем такие муки?.. Лучше меня, а не ее... Ваше благородие!..

Офицер пнул его в голову сапогом и отбросил в сторону. Он кивнул солдатам, и они бросились к старику, выволокли за ноги на двор и застрелили.

В избу вошли солдаты и стали у двери. Офицер приказал им поднять Соню и поставить на ноги. Она была босая. Он отдал какое-то распоряжение и вышел из избы. Соня не могла стоять, она упала, но ее опять вскинули сильные руки. Потом оба солдата потащили ее на улицу и повели по накатанной дороге, босую, в лохмотьях. Водили ее долго. Ноги невыносимо жег мороз, а потом боль стала тупеть и исчезла, ног своих Соня уже не чувствовала.

Рано утром ее притащили на площадь. В морозном тумане она увидела мутную толпу колхозников и колхозниц. Избы таяли в этом тумане, оконца были слепые от инея. Соню, окровавленную, с всклокоченными от побоев волосами, опухшую, с темными обмороженными ногами, поставили на табуретку. Она собрала последние силы и крикнула громко, всей грудью:

— Товарищи! Мстите зверям, бейте гадов, палачей и убийц на каждом шагу! Не давайте им жить. Они издеваются над нами, насильничают, тер-

зуют, грабят, расстреливают, вешают не потому, что сильны, а от слабости, от страха. Я умираю, но радуюсь, что скоро опять настанут дни счастья и свободы. Прощайте, родные!

Из-под ног ее вышибли табуретку. В толпе рыдали женщины. Кричали дети. Тело Сони повисло, голова судорожно задергалась и склонилась набок. Лицо Сони с открытыми глазами стало синим и пристально смотрело на толпу, точно Соня еще продолжала призывать людей к мщению.

Все это рассказали в газетах свидетели ее мук и гибели.

Однажды Наталья Степановна не нашла в учительской обычной почты. На другой день газет тоже не было. Она с обычным спокойствием справилась, где же газеты. Учителя сделали вид, что сами удивлены, но она догадалась по их странной торопливости и необычным ласковым голосам, что они притворяются: они сговорились и спрятали от нее газеты. Она усмехнулась и оглядела всех с проникновенным упреком. Они растрогали ее своим наивным участием: милые, они хотели уберечь ее от лишних мук и боялись, как бы с ней чего не случилось. Какие чудачки! Ведь не только в газетах расписаны подробности гибели Сони: об этом кричит радио на площадях и в квартирах (у нее ведь тоже есть репродуктор!), разговаривают люди на улицах и в трамваях. Разве можно скрыть от нее то, что знают все, о чем гремит воздух и кричат ребятишки в школе.

В этот день она с удивлением замечала, что ей предупредительно уступали дорогу и с жадным любопытством вглядывались в ее лицо. Даже шаловливые мальчишки сходили на мостовую. Снег был золотой от далекого и низкого солнца, в воздухе искрился жемчужный туманец. Несколько мальчат катались по тротуару и по мостовой на коньках. Кто-то из них вдруг громко предупредил товарищей:

— Смотрите, эй, ребята!.. Мать Со-ни идет!

Все сбились в кучу и, не отрываясь, глядели на нее, как на необыкновенного человека. Один из них, румяный, кур-

носенький, скрипя коньками, подошел к ней и простуженным голосом робко спросил:

— Тетя, вы ведь мамаша Сони?

Она погладила его по щеке и ответила:

— Да, родной. Соня — моя дочь.

Мальчик, пораженный, с завистливым уважением выдохнул:

— Вот героиня, это — да!

— Соня, милый, не думала, что она — героиня. Она умерла так же просто, как жила.

— Спасибо вам, тетя...

— За что же, голубчик?

— А так...

Мальчик совсем сконфузился и быстро откатился от нее на коньках. Когда Наталья Степановна оглянулась, она увидела, как он что-то возбужденно говорил ребятам, которые пристально смотрели ей вслед. Она нежно улыбнулась им и пошла дальше. Слезы заливали ей глаза.

Уральский город, в котором она жила, был городом индустриальным. Заводы окружали его широким кольцом, и сами были, как города. Но он был все-таки не Москва, и Наталью Степановну, прожившую здесь большую часть своей жизни, знали очень многие из горожан. Эвакуация с запада предприятий и учреждений увеличила население раза в три. Закрыты были клубы, очищены все большие здания, часть школ и институтов превратили в госпитали, заняли под заводские цеха, а квартиры горожан тесно уплотнили. Всеяли по несколько людей в одну комнату. Но почему-то ее, Наталью Степановну, не трогали. Не уплотняли и ее соседей, служащих госбанка. Домой Наталья Степановна приходила поздно вечером. Ей мучительно хотелось побыть дома днем, остаться одной, в тишине своей комнатки, в которой еще продолжала жить и озарять ее своими веселыми, откровенными глазами Соня, — побыть вместе с ее родным призраком и перебирать ее вещички. А когда она приходила домой и включала лампочку, ей вдруг становилось страшно.

Наталья Степановна садилась за стол, раскладывала перед собою тетради учеников, раскрывала и свою тетрадь, где намечала план учебного дня в классах — всё делала так же, как и многие годы изо дня в день, и со стороны никто не заметил бы, что смерть Сони нарушила этот распорядок ее домашней жизни. Такой обычный порядок соблюдала она и в школе, и многие учительницы были изумлены ее поведением.

— Неужели она может работать и заниматься в эти минуты такой чепухой, как тетрадки? Ведь не шутка — так ужасно потерять единственную дочь!

Однажды учительницы обступили ее и стали убеждать, чтобы она взяла отпуск — ведь безумно в ее состоянии надрывать последние силы!

Она улыбнулась и дрогнувшим голосом ответила:

— Спасибо вам, дорогие, за участие и дружбу. Я чувствую, что вы меня любите. А в отпуск я не пойду. Наоборот: работа для меня — это жизнь.

У нее затряслись губы, и она вышла из учительской. Оля Давыдова все время смотрела на нее, не отрываясь, с нервной тревогой в лице. Она бросилась за нею и уже в коридоре перед толпою учеников стала целовать ее и в щеки, и в глаза, и в губы.

— Родная вы моя!..

Оля стала провожать ее из школы домой, держа подруку. А потом жалобно попросила позволить зайти к ней в комнату. И лицо у нее было такое страдальческое, точно вот-вот она заплачет. Наталья Степановна впервые засмеялась и подтолкнула ее к двери.

— Ну, разумеется, Оленька, заходи!

И по вечерам в тишине комнаты они разговаривали о Соне: вспоминали случаи из ее школьной жизни, ее слова, походку, смех, шалости, и в их представлении она была какой-то особенной, не такой, как другие, почти идеальной.

Оля так волновалась, что у ней глаза заливались слезами, хотя и вздрагивал подбородок от улыбки.

— Как я хотела бы быть на ее месте!.. Такой же быть, как она!.. Я все-таки хочу на фронт поехать... Мне стыдно и мучительно быть в тылу...

Наталья Степановна поглядывала на нее проверяющим взглядом, и на переносе у нее появились две вертикальные морщинки.

— И не выдумывай, Оленька! — со строгой лаской обрывала она ее. — Ты и здесь можешь так же хорошо работать. Ты воспитываешь новых людей, а это очень ответственное и важное дело. Не всякий на это способен.

И Оля поражалась: она ни разу не видела, чтобы Наталья Степановна плакала от горя, а когда говорила о судьбе Сони, становилась жестковатой, повелительной, и глаза делались сухими, горячими и глубокими.

Оля стала очень часто приходиться к ней вечерами «учиться учить и воспитываться воспитывать», как говорила она, краснея. И Наталья Степановна подробно, до мелочей, знакомилась с ее планами, конспектами, спрашивала, как она поведет урок по русскому языку (Оля была словесница), как будет прорабатывать материал по грамматике, по объяснительному чтению, какие примеры приготовила она для беседы, на что должна навести детей, чтобы они увлеклись, воодушевились и чтобы сами рассказали события из своей жизни и помечтали о своей борьбе, о целях, о радостях побед.

— Надо, чтобы каждый из них был уверен в своих силах и способностях, — говорила Наталья Степановна, прикрывая сухими руками страницы олимпиады тетради. — Надо, чтобы в каждом из них вспыхнула огонек беспокойства. Идею надо зажечь в них на всю жизнь... по примеру самых лучших и дерзновенных людей нашей страны. В нашей работе одно важно, Оленька: помочь ребятам найти свою идею, как живой образ их жизни, чтобы она захватила их навсегда и разгоралась, как пожар. Тогда и трудности, и жертвы, и неудачи, и поражения в борьбе не поведут к разочарованиям, а еще более воспламят их, обогатят мыслью и опытом, возбуждают жажду зна-

ния и укрепят их характеры. Нужно, чтобы даже тяжелые их жертвы сознавались и переживались ими, как предчувствие победы, как гордость за свою личность и за свою судьбу. В этом и есть условие всякого творчества, а в творчестве, как тебе известно, Оленька, весь смысл человеческой жизни.

Оля видела, что иногда Наталья Степановна говорила не ей, а себе: она глядела мимо нее невидящим темным взглядом. Оля не мешала ей и слушала ее молча и настороженно, как будто подслушивала ее. В эти минуты вся Наталья Степановна открывалась ей во всей глубине своей души и становилась прозрачной, простой и несложной. Это о себе она говорила, о своей прожитой жизни, о своих страданиях, о Соне, о материнской своей судьбе. Да, ей, Наталье Степановне, есть чем гордиться: она прожила свою жизнь хорошо, и ее не за что упрекнуть. Скольких людей воспитала она за многие годы учительства, и все ее помнят, все хранят к ней любовь и благодарность! Много на фронте командиров и политработников, бывших ее учеников, много начальников оборонных предприятий и инженеров. За эти дни получала она кучи писем от них, и Оля помогала разбирать их и прочитывать. И она видела тогда, как сияли глаза Натальи Степановны.

— Я не одна в своей беде, Оленька. Видишь, как много у меня родных людей... Это — большое счастье, Оленька... Если любишь жизнь и свой народ по-настоящему, никакие жертвы не убьют души. И на это способна каждая мать.

Оля знала, что Наталья Степановна пережила когда-то страшную трагедию, о которой принято было молчать. Эта милая маленькая старушка (а ей ведь было только 55 лет) несла в себе такую грозную правду, что Оля трепетала перед нею. А рассказывали про эту ее трагедию так.

Наталья Степановна прожила в этом уральском городе с молодых лет. Здесь она испытала счастье любви, когда каждая улица, каждый дом, каждое дерево и куст сирени в сквере у древнего

пруды пели ей милые песни и ликующе улыбались. Вода в широком разливе кипела вихрями солнечных вспышек, и волнишки плескались о камни вековой плотины, как будто бежали к ней толпами и смеялись. Здесь же, в городе, она познала первые желанные муки рождения ребенка и таинственный смысл новой, неведомой раньше, тревожной жизни матери. Мальчик болел дифтеритом, она металась от ужаса перед грозной тенью смерти. Она рыдала, не спала ночей, и ей казалось, что она погибнет вместе с ребенком. Мальчик выздоравливал, и она чувствовала себя самой счастливой матерью на свете. Она приходила в школу, и класс утопал в солнце и радости. Тогда и детишки, и учителя казались ей чудными, необыкновенно красивыми и добрыми. Мальчик рос здоровым, крупным, любил исследовать каждую вещь — игрушку, чашку, книжку, плошку с цветком — и обязательно разбивал, рвал, терзал на части. Отец, мужиковатый, рябой, с мускулами борца, веселый человек, который любил посмеяться, пошутить и делал всё приплясывая, очень любил мальчишку и после каждой его проказы ласково шлепал его по задку и кричал:

— Молодец, Гришка! Чтобы познать вещь, надо ее разрушить, чтобы познать мир, надо разоблечь его. А чтобы защищаться, надо драться.

Мальчишка рос драчуном, на дворе и на улице часто слышался рёв: это Гришка учил кого-нибудь из своей ребячьей дружины. Мать огорчалась и бежала водворять порядок, а отец хохотал и пророчил:

— Ни черта! Растет правильно парень... При хорошем пути он станет бесстрашным борцом за правое дело...

Разразилась империалистическая война, отца мобилизовали, и Наталья Степановна не видела его три года. В гражданскую он приехал в свой город бригадным полковым командиром и коммунистом, но смеяться и приплясывать перестал, и в мужицком лице его появились какие-то суровые и зловещие черты. Наталья Степановна сразу поняла, что он обречен на кровавую и беспощадную

войну с врагами. Потом он опять исчез на несколько лет и возвратился домой с двумя орденами Красного Знамени, но без руки, без глаза, со шрамами на теле и с тяжелыми последствиями послегнойного плеврита.

Наталью Степановну отозвали из школы и поручили ей руководство школьным подотделом. Отрываться от ребят, от любимого дела, от повседневных творческих исканий было очень тяжело: душа не лежала к чиновничьей работе, да и организатором она не считала себя хорошим. Теперь у ней не оставалось времени для воспитания своего мальчика. В школе он вел себя скверно, пропадал где-то по суткам и свел дружбу с безнадзорной шайкой уличных хулиганов. Ее просили из школы обратить на него особое внимание: в классе он отбил от рук, с учителями не считается, дурно воздействует на учеников, разлагает школьную дисциплину, а однажды ворвался вместе с бандой хулиганов и избил нескольких ребят. Она волновалась, бежала в школу, домой, но парня не находила. С работы она приходила поздно и заставляла его в глубоком сне. Будить его она не решалась, а утром он незаметно исчезал. Когда она пыталась разговаривать с ним, он угрюмо и зло замыкался и молчал, или смотрел на нее с наглой улыбкой простака, который ничего не понимает. Потом уходил так же молча, как будто издеваясь над ее бессилием.

Отец дома тоже не бывал: он работал в ЧК, дневал там и ночевал. А когда заезжал к себе на квартиру, о мальчике не беспокоился.

— Ничего нет страшного. Вы просто не понимаете его: не умеете направить его энергии по должному пути. Он бунтует, как весенняя вода.

— Так помоги эту энергию направить, как нужно, — говорила она. — Вы, вероятно, скорее поймете друг друга. А я чувствую, что он не уважает меня и презирает мою беспомощность. С другими детьми я умею находить общий язык, а с ним чувствую себя безоружной и глупой.

— Что ж, как-нибудь я его возьму в работу. А ты не беспокойся очень: бе-

шенный возраст — четырнадцать лет. Перебесится — образумится.

Но однажды отец привез его ночью из изолятора. Оказалось, что с бандой безнадзорников он связался с воровской шайкой и участвовал в налете на квартиру какого-то нэпмана. Вся банда была в масках. Хозяев связали, квартиру ограбили и под угрозой смерти заставили нэпмана отдать деньги. Всю шайку быстро накрыли, а его сдали отцу на-поруки. Отец впервые говорил с ним строго, угрожающе, но парень видел (это чувствовала и мать), что отец тоже бессилён совладать с ним. Они мало знали друг друга и были совсем чужие. Парнишка молчал с ним так же, как с матерью, и смотрел на отца с тупым нахальством идиота. И Наталья Степановна леденела от ужаса. На другой день он похитил из дома деньги, серебряные ложки, кое-что из вещей и исчез. Угрозыск не обнаружил его нигде. А за это время отец был изрублен кулаками в далеком районном селе, куда отправился для ликвидации кулацкого бунта.

В год гибели отца появилась на свет Соня. Наталья Степановна опять возвратилась в школу и была счастлива. Но она уже стала другой: молчаливой, вдумчиво-сдержанной, замкнутой, со скорбно-правдивыми глазами, которые казались странно холодными в своей сосредоточенности. С учителями и учительницами она держалась обособленно, но все чувствовали ее, и каждое ее слово было бесспорным и авторитетным. А на стороне злословили: учительница она хоть и талантливая, а вот сына своего воспитать не смогла: чужую беду руками разведу, а на свою ума не приложу.

Но это было только маленькой мезью ей за отчужденность и замкнутость: ее педагогический опыт и исключительное умение владеть классом очень ценили все учителя города.

Мысли о сыне жгли ее постоянно. Она считала и себя, и отца виновниками его гибели. Она была уверена, что Гриша или убит, или находится где-нибудь в концлагере.

И вдруг он, пропавший сын, пришел к ней внезапно ночью. Она обомлела и

прислонилась к стене у входной двери, чтобы не упасть. Прилично одетый молодой человек, высокий, чисто выбритый, причесанный до глянца, улыбаясь золотыми зубами, без стеснения, взял ее под руку и ввел в комнату. Он усадил ее в кресло, в котором она обычно любила сидеть, а сам уверенно сел на стул против нее.

— Жив? Ты?.. Пропавший?.. — пролепетала она. — Откуда?

А он с сильными челюстями, большим лбом, хищным носом и нагло-умными глазами, смотрел прямо на нее, не отрываясь, и проговорил странно манерным тенорком, проникновенным и певучим:

— Ну, мамочка милая, здравствуй! Заклинаю тебя простить твоего блудного сына. Знай, я искупил свою вину перед вами: тружусь, служу, пользуюсь большим доверием.

И протянул ей обе руки.

— Я не прошу себе, что принес тебе так много огорчений.

Наталье Степановне стало страшно: его слова, его нежный тенорок, протянутые к ней руки и весь он, густо пропахший одеколоном, — все это было чужое, ненастоящее. Было почему-то невыносимо видеть его перед собою: неужели это ее сын Гриша, которого она мучительно любила когда-то? Он остался в памяти у ней, как незаживающая рана, как ее вина и обида. А теперь этот молодой человек предстал перед ней, как самозванец, как жуткий двойник. У мальчика Гриши были красивые уши с маленькой серёжкой — нежной мохриной — на мочке левой раковины. У этого — тоже. И это все, что осталось от погибшего сына. Наталья Степановна сидела, неподвижная, немая, с мучительным предчувствием: этот чужой человек в образе сына послан, как возмездие, как неотвратимая беда.

Зачем он пришел? Он ограбил ее душу и вместо любви вызвал гнев и презрение. Душа холодела. Отец был растерзан озверевшими людьми, которые цеплялись за проклятое прошлое. Это прошлое жило еще в кулацких избах и трущобах преступного мира. Сын

утонул в этой трясине, затянутый туда бандами отверженцев. И он обрек ее на душевные пытки и страдания. Преступления против матери не прощаются. И вот этот человек, развязный актер, сидит перед нею и говорит притворные слова раскаяния. Он улыбается, сверкая искусственными зубами.

Соня сидела в углу за ширмочкой — готовила уроки. Вероятно, она почувствовала, что матери угрожает какая-то опасность: вышла быстро и стала около нее, готовая к защите.

— Это, конечно, моя сестренка? — спросил гость и протянул ей руку. — Ну, ну... иди, иди сюда! Познакомимся, будем друзьями, сестричка.

Она не двинулась с места и враждебно сдвинула брови.

— Я вам не сестричка, — угрюмо ответила она. — И друзьями мы не будем.

— Вот так раз! Почему же?

Гость засмеялся и, не ожидая такого отпора со стороны девочки, смутился.

— Потому... Оставьте нас, пожалуйста..

— Строгая женщина, — засмеялся он и лукаво подмигнул матери.

Наталья Степановна тихо и гневно сказала ему:

— Как видишь, между нами — пропасть. Взять у нас тебе нечего, а дать ты нам ничего не можешь. Сделай нам одно одолжение — уезжай отсюда как можно дальше... и бесследно...

Он ушел растерянно и покорно, но в каждом его жесте была наигранность и фальшь.

Потом стало известно, что сын был схвачен, как организатор шайки хищников и вредителей.

Наталья Степановна пошла к начальнику НКВД и рассказала ему о сыне, о своих муках, о страшной угрозе отца, о внезапном приходе молодого человека, чужого, жутко-фальшивого, который оставил после себя только черную тревогу и ужас.

Начальник, очень высокий человек, с бледным лицом, внимательно и вдумчиво выслушал ее, помолчал немного и вдруг спросил, поглядывая на нее исподлобья:

— Допустим, что отец выполнил бы свою угрозу... А вы, как мать?.. Сердце, конечно, протестует против его приговора?

Дрожащим голосом она ответила:

— Как мать, я и пришла к вам... В моем несчастье только вы можете мне помочь...

— А вы знаете, что это за человек?

И он кратко сообщил ей, что сын ее долгое время проводил в тюрьмах, как преступник-рецидивист, потом находился в концлагере. Там он как будто переменился — показал себя с лучшей стороны. Его освободили и помогли найти работу на золотых приисках, как способному мастеру. Он завоевал доверие. Но в результате — ловкий обман, тяжкое преступление против государства.

Наталья Степановна сидела, убитая горем, и мяла дрожащими пальцами носовой платок.

Лицо ее высохло еще больше и было строгим и жестким. Глаза ее горели сухим жарком, и в них застыло страдание и гневная решительность.

— Я пришла к вам, как мать... И как мать, не могу нести этого проклятия...

В молчании они пристально смотрели в глаза друг другу, и в этой тишине, полной смятения, оба поняли, что дальше говорить было не о чем. Оба встали одновременно, не отрывая глаз друг от друга. Начальник вышел из-за стола, пожал ей руку и повел к двери.

Прощаясь с ней, он проникновенно сказал:

— Ваша жизнь и жизнь вашего мужа — прекрасная жизнь. Пусть не тревожат вас никакие призраки.

Все это — в прошлом. Это пройденная полоса страданий, это уже навсегда перевернутая страница.

Ночи были мучительны: Наталья Степановна ложилась спать в свой обычный час, а утром вставала минута в минуту, в половине седьмого. Инстинктивно чувствовала она конец урока в школе, инстинктивно распределяла и разрабатывала материал урока, и знала, на какой секунде нужно переходить от одной темы к другой и как надо держать детей в постоянном дейст-

вии, не утомляя их внимания. В дни войны воображение ребят тревожили события на фронте, партизанская борьба, зверства немцев в оккупированных областях, героические подвиги наших летчиков, танкистов, разведчиков, снайперов. Надо было и уроки перестроить по-другому — насытить их волнующим содержанием переживаемых дней. Вместо рассказов и статей из хрестоматии Наталья Степановна ввела чтение корреспонденций, очерков и рассказов из газет. Она проводила беседы о патриотизме, о храбрости, о бесстрашии, о гневе и ненависти к врагу. Читали и беседовали о детях, которые самоотверженно и хитро работают в тылу у фашистов как разведчики. И она видела, как сильно переживают школьники, как горят их глаза от восторга перед героями и от хорошей зависти к их доблести, выдержке и умению истреблять врага. Некоторые ребята даже вскакивали с мест и кричали:

— Я бы тоже был хорошим разведчиком... и никаких бы попыток не забоялся... Эх, меня там нет, Наталья Степановна!

Она переводила беседу на работу тыла. Читали очерки и статьи о соревнованиях сталеваров, токарей, фрезеровщиков. Называли имена стахановцев своего города, которые прославились на всю страну. Беседовали о работе ремесленников и заводских учеников и об их трудовых победах. Оказывалось, что некоторые из этих ребят уже завоевали славу отличных мастеров. Выходило, что и здесь, вдали от фронта, можно и нужно быть героем и бойцом, что и отсюда можно и нужно громить врагов. И они, мальчики и девочки, каждый день и каждый час могут воевать с фашистами бок-о-бок с бойцами фронта: принять участие в создании, например, танковой колонны уральской молодежи, писать письма бойцам на фронт, посылать им подарки или вот весной и летом поехать на полевые работы в деревню. Война и служение фронту — это не праздник, не карнавал, а напряженная, тяжелая работа, полная испытаний, лишений. Не всякий может вы-

нести эти трудности. Для этого нужно быть горячим энтузиастом, любить свою родину, свой народ, гореть огнем ненависти к людоедам-фашистам, которые хотят, чтобы и они — все сидящие тут, в этом классе — стали их рабами. И опять со сверкающими глазками, с побледневшими лицами мальчики и девочки наперебой восклицали:

— Какие там трудности, Наталья Степановна! Нам ничего не страшно... Организуемся... Обязательно включимся... сегодня же...

В школе было хорошо: Наталья Степановна сама волновалась, чувствовала прилив бодрых сил и была уверена, что и она живет не напрасно, что и она может указать верный путь в жизнь этим маленьким трагеданам, что они каждый день выходят из стен школы иными, чем были вчера, более сильными духом и богатыми в мыслях и чувствах.

Но в своей комнате по ночам она переживала непереносимую тоску. В комнатах соседей, как обычно, шла своя безмятежная жизнь. Шептались и смеялись женщины. Каждый вечер к ним приходили гости — молодые веселые приятельницы, с растрепанными волосами до плеч. Они играли в домино или в карты. Должно быть, игра захватывала их и была полна забавных неожиданностей. Взрывы хохота, изумленные восклицания, восторженные споры бесцеремонно влетали в комнату Натальи Степановны и не давали ей покоя.

У Натальи Степановны замирало сердце от отчаяния, и ей хотелось плакать. Она одевалась и выходила на улицу. Мостовая и тротуары покрывались свежим снегом. На мостовой виднелись вспаханные колесами машин колеи в ухабах, а на тротуаре льдисто поблескивала протоптанная дорожка. Над белыми крышами мутно туманилось зарево от огней на далеких заводах, а над центром города вспыхивали зеленые молнии. Дул снежный ветерок с запада, со стороны пруда, но воздух был терпкий от легкого морозца, пахло свежим снегом и дымком от березовых дров. Наталья Степановна поднималась

вверх по переулку, на гору, на широкую площадь, где стоял старинный собор с высокой колокольней без креста, с ободранным куполом. Когда ей было особенно тяжело на душе, она бессознательно поднималась на эту площадь и тихо бродила по дорожкам сквера. Город расстился внизу, спускаясь беспорядочным засевом крыш и прямыми улицами и полого поднимаясь на другие склоны. Трепетали огни в окнах домов, а далеко за городом, на заводах, ослепительными созвездиями играли пронзительными лучами фонари. Там и день, и ночь делали танки, оружие и снаряды для фронта. На вокзале заботливо вскрикивали паровозы, внизу рывками машины и откуда-то, должно быть, с площади горсовета глухо доносились волны радиоконцерта из Москвы. Площадь эта тоже старинная: когда-то это был центр города. Здесь выстроены были лучшие дома именитых уральских золотопромышленников. Эти дома виднелись даже с далеких окраин. Внизу громоздились деревянные избы с резными фасадами и скромные каменные особнячки, а дальше толпились лачуги с ветхими надворными постройками. Палаты бывших властителей Урала гордо и величаво красовались над городом, как форум. И белые палаты эти, действительно, были прекрасны. Особенно красив и роскошен был дом, который занимал всю северную сторону холма. Главное здание в стиле ампира стояло на западном углу площади, с колоннадой и на улице, и на площадь, а на восток весь квартал занимала длинная пристройка в пилястрах, с зеленым куполом над крайним зданием, похожим на церковь.

Наталья Степановна очень любила смотреть на этот величаво-спокойный дом, и ей казалось, что эта классически стройная красота поет, как музыка. Ей чудилось, что она не только смотрит на это вечно молодое и жизнерадостное архитектурное создание, но и слушает его. Она вспоминала романы и повести Мамина-Сибиряка о страшных хищниках девятнадцатого века с звериными страстями, о кровожадной и свирепой борьбе за золото, об их бе-

зумных оргиях, о чудовишной эксплуатации народа, об иступленном их покаянии в своих богатых моленных, сверкающих золотом и драгоценными камнями. Искусство, хотя бы оно и выросло на крови и страданиях, остается чистым и непорочным искусством. Оно живет, а хищники и разбойники погибли, исчезли навсегда. Живет нетленно то, что создано вдохновенной душой: вечна и неувядаема человеческая правда и красота.

Наталья Степановна часто гуляла здесь с маленькой Соней, которая летом порхала за бабочками и пряталась в зарослях сирени и жасмина, а зимою каталась на салазках по пологим спускам. Отсюда был виден весь пруд, огромный, как озеро. В зеркальной воде отражались облака, вечерние зори и такие же богатые дома с колоннами на том берегу. Теперь это было ровное белое поле, которое хорошо было видно даже ночью. Оно было исполосовано ленточками дорожек, по которым длинными цепочками шли люди с той и с этой стороны.

Наталья Степановна долго бродила по скверу вокруг площади и думала только о Соне. Образ сына хотя и появлялся перед нею, но сразу же исчезал, как чужой, как давно проклятый ею. Он не тревожил ее: он погиб так бесславно, как и жил, и так же справедливо, как справедлив был и ее гнев.

Но Соня стояла перед нею, как живая, с золотыми кудрями, с широким румяным лицом и звонким смехом юношеского счастья в синих, умных глазах. Вспоминалась ее жгучая ненависть к брату. Она не знала его, но сразу каким-то внутренним чутьем догадалась, что этот молодой человек—ее смертельный враг. Чувствовала она и душу матери и без рассуждения жестоко отнеслась к брату.

— Мамочка, — говорила она потом. — Он и близко не должен подходить к нашему дому и не имеет права называть тебя матерью.

— Ну, откуда у тебя такие быстрые решения, Соня? Ты ведь не знаешь

его — в первый раз видишь. Может быть...

— Ничего не может быть, кроме зла. Не убеждай меня: я очень хорошо знаю, кто он такой. Я вся... вся его чувствую.

И вдруг бросалась ей на шею, целовала ее в губы, в щеки, в глаза и нежно бормотала:

— Мамочка моя! Любимая моя! Радость моя! Я тебя так люблю, так люблю!.. И знаешь, я всё, всё вижу в твоей душе... Я, может быть, такая же старенькая душою, как и ты... Нет, правда, не смейся. Это — очень серьезно.

Наталья Степановна плакала, улыбаясь, вспоминая об этих давно ушедших часах, и чувствовала Соню живой, слышала ее голос, точно девочка шла рядом с нею. И сразу же невыносимо больно замирало сердце, и она останавливалась, готовая упасть от отчаяния. Столбы виселицы, а внизу, на снегу, лежит Соня с веревкой на шее, с закинутым лицом, с растрепанными волосами. Она спокойна, точно заснула, только милые детские губы застыли в улыбке, как в те секунды, когда вспыхивала в ее головке какая-то неожиданная мысль.

Пусть она не говорила так, как писали в газетах, но так взывало о мщении всё ее истерзанное, обмороженное, полумертвое тело. Этот крик слышали все колхозники, которых согнали немцы на место казни. Они не могли не слышать этого, задыхаясь от рыданий и от яростного бессилия помочь ей.

Рассказывали, что в избе, куда бросили ее мучители под надзор двух солдат, старушка хотела отогреть ей обмороженные ноги и руки. Она склонилась над нею, поцеловала и, вся в слезах, прошептала ей:

— Ласточка моя! Молоденькая какая! Зачем безо время пропадаешь?

И Соня будто бы ответила ей с улыбкой, как святая:

— Нет, бабушка, за правду всюду умирают во-время. А ты, ежели будешь жива, расскажи обо мне, бабушка. Я не погибаю, нет! Я буду жить в сердцах наших людей веки вечные.

Значит, моя смерть нужна для родины. Не забудь, бабушка, передать, чтобы мама моя не горевала: она поймает меня.

Пусть и этого не говорила Соня, пусть и старуха была создана воображением бойцов и колхозников освобожденного села, но Соня сказала бы именно так.

Были мгновения, когда Наталья Степановна в своем одиночестве вдруг ощущала Соню около себя, с левой стороны, как она ходила с ней обычно. Призрачно чувствовалась ее живая рука и милая игра ее пальцев. Она инстинктивно ловила глазами Соню, и ей чудилось, что она улыбается ей в снежном полумраке и ласково кивает головой.

— Девочка моя! — шептала Наталья Степановна дрожащими губами. — Соня моя родная!..

Однажды вечером, возвращаясь из школы, она проходила мимо огромного здания, где помещался госпиталь. Окна были ярко освещены и на перламутровых от мороза стеклах мелькали пепельные четкие тени голов и плеч. Подчиняясь внезапному порыву, она, будто вспомнив о чем-то важном, торопливо возвратилась к парадной двери и вошла в широкий вестибюль с колоннами и матовыми лампами.

Военный человек строго спросил ее:

— Вам кого надо?

— Мне бы... комиссара.

— Приема нет.

— Но комиссар-то здесь? Ну, хотя бы врач или дежурная сестра.

— Вообще сейчас, гражданка, нет доступа в госпиталь. Завтра, пожалуйста. А лучше позвоните.

Подбежала молоденькая медсестра в белом халате поверх шинели, смуглолицая, с блестящими черными глазами и густыми черными бровями, толстогубая, похожая на цыганку. Она показала белые зубы в улыбке и с веселым изумлением всмотрелась в лицо Натальи Степановны.

— Я помогу вам, товарищ. У вас какое-нибудь экстренное дело?

Девушка понравилась Наталье Степановне, и она тоже ей улыбнулась.

— Я вижу, что так вы не пусти-

те, — сконфузилась она и, поколебавшись, тихо сказала: — Я — мать Сони Сукояровой. Я получила письмо от одного лейтенанта... Селиверстова...

Медсестра безмолвно раскинула руки, и лицо ее с восторгом и тревогой устремилось к Наталье Степановне. Военный человек улыбнулся и приложил руку к шапке.

— Вы бы так и сказали, товарищ.

— Мать Сони!.. — пораженная, протянула медсестра. — Мать замечательной Сони...

Просторный вестибюль показался сначала Наталье Степановне безлюдным, пустой была и широкая мраморная лестница с большой фигурой Сталина в шинели на широкой площадке второго этажа. Только сверху доносились далекие перелевы голосов, призрачные трели баяна и, как всплески волн, шорохи людского движения, похожие на ливень разрядов в репродукторе. Но на изумленный вопль медсестры, точно на призыв, выбежали из-за колонн и откуда-то из-за углов и выступов несколько девушек тоже в белых халатах и тесно окружили Наталью Степановну.

Наталья Степановна с благодарностью чувствовала, как осторожно и любовно эти молоденькие медсестры поддерживают ее подружки, чтобы ей легче было подниматься по лестнице. Та девушка, которая подошла к ней первая, крепко прижимала ее руку к себе и говорила живо, взволнованно, будто торопилась наговориться сразу. Она была уже счастлива от того, что идет бок-о-бок с ней, держит ее руку и чувствует таинственное сердце матери.

— У меня мама осталась в Москве, — говорила она, задыхаясь от нетерпения. — Она отказалась выехать осенью — куда ей одной ехать в далекий путь, да еще с эшелонном? У ней одна жизнь — я и брат. Софрон работает на заводе Ильича. А я — студентка мединститута...

— Мы ведь тоже все студентки... — не утерпела сообщить бледная, высокая девушка с другой стороны.

— Только из разных мест... — доба-

вила девушка сзади. — Я, например, — из Киева. Все время была на фронте.

— Да мы все — с фронта, — подтвердила первая девушка. — И все — раненые. Вот выздоровели и работаем медсестрами. Знаете, — радостно засмеялась она, — меня ведь тоже зовут Соней. Я и в боях была... на Калининском... Вынесла пятнадцать раненых с оружием... Ранило осколками два раза... Правда, легко, — пустяки. Все время надоедаю, чтобы меня опять на фронт... Комиссар у себя? — звонко спросила она высокого юношу с значками лейтенанта.

Он молча кивнул головой и быстро побежал вниз.

Соня скрылась за дверью и сейчас же вышла оттуда с военным человеком, чисто выбритым, очень бравым на вид. Он улыбнулся белыми зубами и поклонился Наталье Степановне.

— Мы очень рады, что вы посетили нас. Товарищ Селиверстов как-раз сегодня чувствует себя хорошо, но все-таки очень слаб. Серьезное у него ранение. Можно побеседовать с ним этак.. минут десяток... Не больше, если можно, а то наш врач довольно строговат.. — И приказал Соне: — Проводите! Только, пожалуйста, одна.

— Есть, товарищ комиссар, — вытянувшись, четко ответила Соня.

Остальные медсестры нехотя пошли обратно. Комиссар почтительно обратился к Наталье Степановне:

— На обратном пути, если у вас будет возможность, не откажите зайти ко мне.

Наталье Степановне понравился этот строгий порядок и подтянутость. Она почувствовала, что всё здесь — и люди, и их дело, и вещи твердо и уверенно поставлены на свои места. Всюду блесла чистота и даже воздух был на редкость прозрачный и лучистый.

«Может ли здесь больной уйти в одиночество? — спросила она себя и без колебаний ответила: — Нет. Здесь всё как будто пронизывается одним током, как в замкнутой цепи».

Соня провела ее в соседнюю комнату, попросила раздеться, и сама надела ей халат. И в белом халате лицо Натальи

Степановны помолодело, но стало еще более печальным.

В просторной палате, утопая в чистом белье, лежали больные. Бледные, утомленные страданием, они смотрели сосредоточенно в ничто, и по их впавшим глазам видно было, что им хотелось только одного — тишины и душевного отдыха. И эту тишину охраняла для них белоснежная пожилая сестра, массивная, с обвислыми, дряблыми щеками, важная и сердитая на вид. Она с тревожной подозрительностью встретила Наталью Степановну с Соней на пороге палаты, но, увидя улыбку на лице Сони, ответила такой же доброй улыбкой матери.

— Нам нужно, Ирина Петровна, к Селиверстову, — заискивающе сказала Соня, — так показалось Наталье Степановне.

— А, к Селиверстову? — неожиданно мягко и тепло ответила сестра. — Ему сегодня лучше, Сонечка. Читает. Два раза спрашивал, не звонила ли женщина, которой он посылал письмо.

— Вот эта женщина и пришла, Ирина Петровна.

— Пройдите, пройдите! Вы его очень обрадуете, — обратилась она к Наталье Степановне, вглядываясь в нее с любопытством.

Селиверстов лежал налево в углу. С русыми мелкими кудряшками, с широким лицом, чисто выбритым, с лихорадочными глазами, очень внимательными, он встретил женщин без удивления и как будто равнодушно. Он отложил на столик книгу и молча показал на стул около кровати. Сестра уже несла другой стул для Сони. Но Соня отрицательно покачала головой и незаметно подмигнула пожилой сестре: пусть, мол, они останутся одни, не будем их стеснять.

— Я сразу догадался, что вы — мать нашей родной Сони.

Голос у него хотя и болезненно срывался, но был звучный, мужественный и привлекательный. Лицо его было бледно, с страдальческой худобой, но умная лукавника в горячих глазах играла ласково и радостно. Наталья Степановна наклонилась над ним и поцеловала его в лоб. Он отвернулся и закрыл глаза.

Она села около него на стул, не отрывая от его лица глаз, залитых слезами.

Обе сестры незаметно вышли из палаты. Эта деликатность была приятна Наталье Степановне. Кровати стояли в два ряда, и больные лежали тихо и, казалось, были безучастны к появлению посторонней женщины. Но Наталья Степановна, оглядывая головы на белых подушках, заметила, что каждый из больных встречается с ней внимательным взглядом. А один молодой паренек даже болезненно улыбнулся ей.

Селиверстов опять взял руку Натальи Степановны и положил ее себе на грудь, накрыв ее своей горячей ладонью.

— Я очень хотел увидеть вас, Наталья Степановна, очень хотел. Боролся с собой: нужно ли? Не нанесу ли вам удара? Но решил, что я обязан... Мы с Соней дали слово друг другу: или она, или я, если кто-нибудь из нас выйдет из строя, лично увидеть мать того или другого... Обязательно увидеть и рассказать, чтобы душой коснуться... В письме этого не передашь... Солнышком она была для всех нас... ее просто обожали... Многие потом навзрыд плакали. Ее у нас не Соней звали, а по-своему — Светланой. Бывали очень тяжелые дни: отходы, боевые неудачи, потери — все это очень больно переживали бойцы. Но стоило появиться среди нас Соне, с ее бодрой и яркой душой, с милым смехом и шуткой, как на сердце становилось светло и весело.

— Как же это случилось с ней? — робко спросила Наталья Степановна.

— В окружение попали, в кольцо. Держались и пробивались две недели. Это было страшное испытание для многих из нас. Кое-кто пал духом, закрадывалось в душу отчаяние. Но Соня, как всегда, была ангелом жизни. «Ничего, товарищи родные! — звенит, бывало, голосок ее. — Пробьемся! Не только пробьемся, но и победим». И никто не видел, чтобы по лицу ее хоть на миг пробежала тень тревоги и раздумья. Точно живой луч пронизывал всех, и все чувствовали себя уверенно, легко, и никто не сомневался в победе. Везде ее ждали

с нетерпением, и каждый мечтал о ней, у каждого в душе была хорошая песня. Даже тяжело раненые, казалось, переставали страдать, когда она была с ними, а умирающие улыбались, держа руку ее до последней минуты.

Селиверстов сам улыбался и не выпускал руки Натальи Степановны.

— Спасибо вам за нашу Соню. Она часто вспоминала вас.

Селиверстов замолчал и закрыл глаза. Веки его дрожали, и ресницы были влажны. Не то он устал, не то взволновался, вновь переживая прошлое, но Наталья Степановна чувствовала, что не может нарушить его молчания, что эти минуты для него очень значительны. Она смотрела на него с нежностью и благодарной любовью. И не замечала она, как из глаз ее текли слезы. Больные внимательно прислушивались к ним, и лица их на близине подушек были строги и задумчивы.

— Страшный был этот наш последний бой, — сдавленным голосом, с болью заговорил Селиверстов. — Немцы всё туже и туже сжимали кольцо. Таяло наше подразделение с каждым днем, с каждым часом. И снаряды уже были на исходе, и голод изматывал силы. Мы решили прорваться во что бы то ни стало. Ударили мы по самому слабому месту противника. Ночью это было — в проливной дождь. Нам одно оставалось — быть смелыми. Впереди была жизнь, позади — плен и гибель. Оглушили мы немцев внезапностью и дрались с остервенением. Действовали и огнем, и штыком. Это был страшный рукопашный бой во мраке. И мы прорвались. Но прорвались не все. И вот тут-то наша Соня до конца осталась верной себе: ни одного раненого не хотела оставить на поле боя. Я изумляюсь до сих пор, как она успевала, откуда у ней брались силы, чтобы выносить раненых бойцов. Это мог сделать только человек чудовищного бесстрашия, спокойствия и какой-то нечеловеческой ясности. Когда мы с боями продвинулись вперед и углубились в лес, многих мы не досчитались. Раненых несли на себе. А через месяц я узнал о ней... о гибели Сони. Я дрался

и шел вперед вместе с бойцами, не замечая ни пуль, ни разрывов снарядов, с одним только жгучим чувством — уничтожить, истреблять поганое зверье, которое убило нашу Соню — нашу Светлану. И в часы отдыха или в минуты, когда оставался один, я вынимал ее письма и перечитывал сотни раз.

Селиверстов застыл в изнеможении, и лицо его покрылось смертельной бледностью.

— Голубчик мой, родной мой, больше не надо... — попросила Наталья Степановна. Она встала и наклонилась над ним. Он обнял ее и прижал ее лицо к своей щеке. Щека была мокрая и горячая.

— Подождите, не уходите, — прошептал он. — Прошу вас еще немножко... Я не кончил...

Его руки упали на одеяло. Наталья Степановна погладила его волосы, вынула платок и вытерла ему слезы. Он судорожно схватил ее платок и настойчиво потянул к себе.

— Дайте мне этот платок. Выздоровлю, возвращусь на фронт, буду хранить его...

Она молча оставила платочек в его руках и с рыданиями откинулась на спинку стула.

Больные так же тихо, не шевелясь, лежали на своих койках и пристально смотрели в их сторону. Только один из них, очень худой, с страдальческими глазами, ушедшими в себя, покашливая и крутил головой, точно его душило.

Селиверстов вынул из-под подушки измятое письмо и безмолвно протянул Наталье Степановне. Она взяла его. Ей почудилось на мгновение, что она сейчас потеряет сознание. Невыносимая боль пронизала ее сердце.

Соседний больной, с страдальческими глазами, приподнялся, опираясь на локоть, и крикнул:

— Сестра! Помоги, сестра!

Наталья Степановна, придя в себя, испуганно вытянулась и встала со стула.

— Что с вами, милый? Вам плохо? Я помогу вам.

Больной упал на подушку и ничего не ответил.

В палату вбежала Соня, а за нею вошла пожилая сестра.

Наталя Степановна, судорожно сжимая письмо в руке, опять наклонилась над головою Селиверстова. Он смотрел на нее горячими глазами и улыбался, и в этих его глазах и прекрасном лице была такая любовь к ней, такое обожание, что Наталя Степановна, ослепленная, почувствовала себя маленькой и слабенькой перед ним.

— Вы придете... — с улыбкой в голосе сказал он. — Вы будете приходите... Вы поможете мне скорее... скорее подняться на ноги...

И когда она вышла в коридор, лицо ее было опять спокойным и величаво светлым. Шла она твердо, высоко держа голову, и медсестре Соне показалась она совсем другой, чем в те минуты, когда она встретила ее в вестибюле, а потом провозжала в палату.

— Этот Селиверстов очень тяжело ранен... — смущенно, как будто оправдываясь, сообщила Соня: — В живот ранен... Опасную пережил операцию.

— Он выздоровеет, — уверенно и твердо ответила Наталя Степановна, — такой человек не может не выздороветь.

— Да, врачи теперь очень надеются.

— Его жизнь теперь не зависит от врачей. Он еще не утолил своей любви — не отомстил еще полностью. А это — сильнее смерти.

Пожилая сестра вздохнула.

— Ах, как много сейчас страданий!..

— Что ж... без страданья нет и жизни...

Сестры тревожно переглянулись и замолчали.

Госпиталь она посещала два раза в неделю и долго беседовала с Селиверстовым и с медсестрой Соней. Селиверстов поправлялся и день ото дня становился свежее и светлее, точно Наталя Степановна каждым своим прикосновением вливала в него каплю живой воды. Когда она подходила к его кровати, он улыбался и протягивал к ней руки.

— Знаете, Наталя Степановна, —

сказал он однажды растроганно, — я жду с нетерпением вашего прихода. И если бы вдруг не пришли, я был бы несчастлив.

Она целовала его и нежно говорила: — Я счастлива, что вам лучше. Вы быстро станете на ноги.

Он гладил ее руку горячими пальцами и шутил:

— Я — неугасим. Теперь я запыхаю еще сильнее...

— Это я знаю, — серьезно соглашалась Наталя Степановна. — И любовь у вас стала глубже, и ненависть острее.

— Да, да! Очень верно. Как я буду мстить!.. Я буду мстить в тысячу раз беспощаднее... За Соню... за вас... за себя... за всех... Демоны прошлого бесстрашны против будущего.

Наталя Степановна иногда заходила в городскую библиотеку, в читальный зал и просматривала там свежие центральные газеты. Теперь особенно дорога ей стала «Комсомольская Правда»: ведь это газета Сони, и Соне здесь было посвящено несколько номеров. «Комсомольская Правда» подробнее всех рассказала о последних ее днях и ей, матери, посвятила несколько трогательных строк. Она называла ее «труженицей». Что ж, она, действительно, прошла большую трудовую жизнь — честно прожила, хорошо, совестливо, скромно. Все знали ее и встречали молчаливыми поклонами. И если в читальне были заняты все места, кое-кто вставал и предлагал ей стул. Особенно старались проявить к ней свои чувства девушки.

Однажды она увидела на стене в читальне несколько новых портретов: между Пушкиным и Лермонтовым и ниже в виде звезды очень заботливо и любовно развешены были простенькие, вырезанные из газет и иллюстрированных журналов портреты молодых девушек, героинь отечественной войны. Все эти портреты под стеклами были окаймлены черной бумагой. А внизу в виде венка изгибались вверх две сосновые ветки с лучистыми пучками темнозеленой хвои. И в самом центре этих известных стране девушек была фотография Сони (она снялась перед отъез-

дом), а ниже — рисунок пером: Соня стоит под виселицей и кричит в толпу колхозников. Часть этой толпы видна вдали, справа. Здоровенный немец намыливает веревку, а его поддерживает за зад другой немец, но этого немца нет на рисунке, а только его руки с растопыренными пальцами. Сбоку нарисовано полненца, с чалмой из украденной шали на голове. Он замахивается палкой на Соню.

Этот рисунок сначала потряс Наталью Степановну. Она молча, разбитыми шагами подошла к нему, и на мгновение ей стало дурно. Рисунок был сделан старательно, но неумело: должно быть, кто-то из комсомольцев с мучительной ненавистью и мстительным вдохновением сидел над этим рисунком не один день. Она услышала, как сквозь сон, испуганные голоса и беспокойство позади и около себя. Чья-то рука хотела снять со стены рисунок, но Наталья Степановна сжала эту руку и прошептала строго и решительно:

— Не надо! Оставьте! Пусть видят все, как она умела умирать.

И ушла из читальни, как будто больная и сразу постаревшая. Позади себя она оставила тревожное безмолвие.

Эта зима была наредкость сурова, даже для Урала. Воздух был промороженный, звонкий, как стекло, и обжигал, как огонь. Низкое солнце всегда было мутным и оранжевым, и город окутывался пепельной мглой. С севера дули колючие ветры, и люди, даже тепло одетые, коченели от холода. Снег на улицах скрипел и визжал под ногами и свистел под полозьями саней, под колесами машин, и стены домов были покрыты белым бархатом инея, а окна зеленели растушеванными узорами. Деревья на бульварах, в скверах, во дворах старых особняков пушились густой белой хвоей.

И в эти морозно-жгучие дни и ночи завод строил новые цеха, достраивал на скорую руку соседние здания. День и ночь непрерывно рабочие, инженеры, служащие становились в две шеренги и веревками тащили во двор, в кирпичные здания тяжелые станки и мас-

сивные части машин. На улице эти станки и глыбы металлических деталей и оборудования громоздились беспорядочными свалками. Люди с веселым воодушевлением впрягались в канаты и с бодрой уверенностью упрямо тащили тяжести в ворота, в двери с криком: «Пойдет! Идет! Пошла-а!» И эти глыбы катились по кругляшам и скрывались во тьме зданий.

Наталья Степановна останавливалась и наблюдала за работой людей, зараженная их трудовым возбуждением и упорством. Оборудование, грязное, пыльное, покрытое ржой, подвозилось по железнодорожной линии, проложенной от вокзала прямо по улице, и рельсы исчезали за воротами, во дворе завода. И было странно видеть в центре города, на одной из шумных улиц целый товарный состав, нагруженный станками, железными фермами, балками, трубами, электромоторами и разным металлом, похожим на искалеченный лом. Паровоз пыхтел, выбрасывая тугие белые клубы пара, и медленно тащил за собою платформы. Улица становилась необычной, тесной, и было жутковато и приятно смотреть на осторожное движение вагонов, хотелось подойти поближе к паровозу и погреться около него. И когда поезд входил в широкие ворота и останавливался наполовину на улице, к вагонам толпами бросались люди и выгружали машины и всю эту путаницу из металла прямо на землю. Появлялся маленький кран, поднимал стальные глыбы на тросах над вагонами и опускал их на мостовую. По толстым доскам рабочие и служащие спускали большие и маленькие детали. Пустой состав уходил обратно, и люди, днем и ночью, как муравьи, тащили веревками и неуклюжими воротами тяжелые машины. Тут же рабочие и инженеры — и молодые, и старые — волочили по снегу на широких броневого листах громоздкие станины.

Наталья Степановна, забывая себя, смотрела на эту многолюдную хлопотную, на оживленный труд веселых людей в овчинных шубейках, в выходных пальтишках. Они смеялись, кричали,

дружно пели: «Идет-пойдет! Идет! Идет!» и, отдыхая, терли руками уши, щеки и носы. К ее удивлению, вся эта невообразимая махина металла исчезла с улицы, а через месяц завод уже работал, как и другие старые заводы. В местной газете она прочла заявление рабочих и инженерно-технических работников о включении их в новогоднее социалистическое соревнование. И таких заводов в городе и в его окрестностях были целые десятки.

«Удивительные люди! — думала Наталья Степановна, наслаждаясь необычной легкостью и странной радостью в душе. — Какая сила, какая могучая вера в свою правду! Они никогда не отступят ни перед чем. Возможно ли было эту махину быстро перебросить из таких далей, возможно ли было быстро собрать эти тысячи машин и всяких приспособлений и пустить в ход? А вот всё стало возможным. Нет, такой народ нельзя победить, нельзя поработить и уничтожить. И Соня, моя Соня — вместе с ними, с этими бесстрашными, родными людьми — такая же сильная, такая же бесстрашная, с бессмертной правдой в душе».

Так, по утрам, когда она шла в школу и по вечерам возвращалась домой, она останавливалась около свалок металла и, забывая себя, смотрела, как без усталости работают эти люди — рабочие, инженеры, комсомольцы и старики. На ее глазах одежда их быстро изнашивалась: в первые дни инженеры и служащие одеты были прилично — в хороших теплых пальто, в теплых кепках, у некоторых были каракулевые шапки, но через несколько дней пальто становилось грязным, засаленным, в дырах, из которых торчали клочья ваты. И лица как будто старели за эти дни: обветренные, обмороженные, обросшие волосами, они суровели, ожесточались, но бодрость и воодушевление становилось крепче и мужественнее. У некоторых в глазах появилось что-то вроде угрюмой радости или злобного торжества. И всегда среди этих людей хлопотал, покрикивая, коренастый седоусый старик в длинном ватном пиджаке и курносых валенках. Крас-

ное лицо его было исполосовано крупными морщинами. На тяжелом носу с широкими ноздрями сидели простенькие очки, очень старенькие, с маленькими овальными стеклышками. Старик этот почему-то тревожил Наталью Степановну и привлекал к себе.

— Нельзя так, ребята, — хрипло кричал он, юрко подбегая к артели, где звякали ломы, трещали рычаги и дрябло рокотало железо. — Что вы, что вы делаете? Какое же это обжогение с машиной? Пылу много, а уменья нет. Так можно все станки искалечить.

Старик исчезал в толпе и начинал что-то объяснять и копать около машины. Все замолкали, наклонялись, внимательно следя за его работой.

Наталью Степановну заметили и стали недружелюбно поглядывать на нее. Однажды к ней подошел высокий, узколицый и длинноносый человек, должно быть, инженер, в пальто, подпоясанном веревкой, и с злой вежливостью спросил:

— Вам что здесь угодно, гражданка?

Наталья Степановна растерялась и в первое мгновение не знала, что ответить.

— Я уже не раз замечаю вас, гражданка, на этом месте. Я должен позвать охрану и проверить ваши документы.

— Пожалуйста, — оправившись, ответила она. — Если угодно, хоть сейчас...

И она раскрыла свою сумочку.

— Я понимаю... — И она улыbnулась. — Я понимаю... Оттого, что я стою здесь, вам кажется это подозрительным.

Инженер сдержанно усмехнулся.

— Всяко бывает... и люди бывают всякие...

— Это — верно. Но я думаю, товарищ, что враг не стал бы так назойливо глазеть на вашу увлекательную работу. Враг, мне кажется, постарается не вызывать подозрений.

Инженер с недружелюбной хитринкой в глазах ответил:

— И враги всякие бывают. Одни из них могут вести себя так же и говорить то же, что и вы.

Наталья Степановна протянула ему паспорт и профсоюзную книжечку.

Но в этот момент старческая рука, вся в синих жилах, испачканная ржавчиной и маслом, отвела ее руку, и Наталья Степановна увидела перед собою того бодрого старика, с седыми усами, который привередливо распоряжался в бригаде.

— Спрячьте, гражданочка, и на него не обижайтесь. Он у нас — сердитый насчет бдительности, а человек хороший и технолог отличный.

— Я не обижаюсь. Бдительность сурова, но не оскорбительна.

Технолог насмешливо покосился на старика.

— Ты, дядя Миша, всегда охотник вмешиваться в психологию.

Старик, подмигивая ему, словоохотливо продолжал:

— Когда мы на юге завод выдирали с корнем, с кровью — сами ведь строили; — оба слезами обливались. Все — дорого-мило, каждая гайка, каждый болтик. Сокровище души. А теперь каждый из нас свирепую ревность проявляет.

Инженер рассмеялся.

— Тебя, дядя Миша, хлебом не корми, лишь бы дали случай пофилософствовать.

Сергей Никитич, испытующе вглядываясь в лицо Натальи Степановны, все-таки спросил ее:

— Сказать-то, однако, и не лишне бы: кто же вы такая?

Наталья Степановна с готовностью ответила не ему, а старику:

— Я — учительница здешняя.

Инженер смутился и протянул ей руку.

— Вы извините и не сердитесь. Сами понимаете: оборонный завод. Строили мы его на юге, отдавая душу, не щадя сил, и сами же разрушали, а здесь вот каждая деталь кажется дороже жизни. Вы не глядите, что мы здесь возимся, — завод уже заработал, и идут боевые машины. А у него — сыновья на войне, и один уже...

Сергей Никитич вдруг испуганно спохватился, украдкой взглянул на ста-

рика и быстро закончил другим голо- сом:

— Если пожелаете — заходите к нам, поглядите, как оживляем эти мертвые машины.

Дядя Миша поднял руку к усам, с удивлением посмотрел на рукавицу, потом быстро снял ее и опять надел. Он вскинул седые брови, но они сразу же упали на очки. Одна из них судорожно вздрагивала.

Инженер сердито приложил варежку к теплой кепке и быстро зашагал к толпе рабочих.

А старик стоял и улыбался, всматриваясь в морозную мглу над домами. Он забылся не то от старческой усталости, не то от раздумья.

— Простите, — с мягкой грустью сказала Наталья Степановна. — Я оторвала вас от работы. Бывает, что минута владеет человеком. В душе случается какой-то наплыв... не знаю, как это выразить... когда воля вдруг замирает... Я иногда ночью брожу одна по городу.

У старика задрожали усы, и глаза залились слезами. Он снял очки и вытер рукавицей веки.

— Ваш уральский морозище вышибает слезу. У нас на юге такого перца не бывает.

И с суровой пронизательностью уставился на Наталью Степановну.

— Вы — мать. Теперь душа матери — в мятеже.

— У меня дочь была на фронте...

И помимо воли Наталья Степановна испытала такую слабость, что у нее потемнело в глазах и задрожали ноги.

— До свиданья! — прошептала она, улыбаясь сквозь слезы, и протянула старику сухую руку. — Должно быть, людям дано понимать друг друга только через страданье... Слова только мешают...

Он снял шапку и осторожно подержал в своих грязных и закорюзлых пальцах ее белую руку в синих жилах. Хрипло, с надломом в голосе, он недовольно предупредил:

— Когда придете, спросите мастера Михайлу Буракова. Это — я, но в

обиходе — дядя Миша. А ваша фамилия?

— Сухоярова... Наталья Степановна.

— Это что же?.. Та самая Сухоярова?.. Будем знакомы.

Дядя Миша как будто остался равнодушным к ней, и от того, что он никак не выразил своих чувств, ей было приятно. Им обоим незачем было удивляться друг другу, когда в душе у них была одна и та же боль.

Наталья Степановна шла по улице торопливо и, к удивлению прохожих, шевелила губами и с возбужденной сосредоточенностью смотрела в пространство, никого и ничего не видя перед собою.

В цех она пришла дня через три, в ближайшее воскресенье. Дядя Миша встретил ее на том же месте, где был в прошлый раз. Улица была уже чистой, и свежий снег покрыл засоренную площадку. Бураков сурово и молча поздравовался с ней и так же молча пшел ее подруку в ворота. Он сердито буркнул что-то человеку в тулупе и, не останавливаясь, поднялся вместе с нею по бетонным ступеням на широкую площадку, а потом ввел в ночной полумрак корпуса. Ослепшая от снега, Наталья Степановна сначала ничего не видела, в глазах плавали только огненные клочья. Она ощутила огромную темную пустоту, и в этой пустоте раскатисто звякало железо, свистели и скрежетали какие-то режущие инструменты, где-то далеко звенел металл, как на точиле, и в разных местах оглушительно брякали тяжелые молоты. Голубые вспышки частыми молниями озаряли высокое пространство цеха, и клубы дыма зажигались и дрожали над черными силуэтами бесчисленных станков и разных приспособлений.

— Вот монтируем, ставим все на место, — ворчливо говорил дядя Миша, поддерживая ее под локоть, — а их, этих самых деталей и всякой всячины, многие тысячи. Вы не оступитесь, Наталья Степановна: здесь кучи разных, неудобных для вас, вещей. Гляжу вот на эту штуковину — видите, какая она тяжелая и фигуристая! — и чувствую:

в ней — моя жизнь, дыхание мое и ужасы этих месяцев. Значит, и этот час, и все будущее мое — в ней. Ежели бы она могла говорить, она завывала бы от проклятья врагу. Мы, старики, страшнее горим, чем молодежь, потому что больше испытали, больше раздумья было, больше мук. До тех пор, пока везли, а потом собирали, сердце чернело, как уголь. Я заболел даже: задремлю здесь в цеху, а паренек мой, сынишка, лейтенант, кричит: «Какой же тут сон, папаша! Торопись! Не замечаешь разве, как кровь моя на тебя брызжет?» Пал он, когда я в дороге был, когда сюда эти машины вез. И верно: гляжу и на каждом станке и инструменте кровь его вижу. Старуха-то в покое меня оставляет, но однажды вот в этих дверях встретилась — встретилась и головой укоризненно качает. Конечно, все это от думы и от беспокойства. Дремлешь находу. Мою старуху-то вместе с жильем разбомбили. Видите, монтируем... хорошо, успешно монтируем. Но ритму нехватает... да и самоотверженность хлещет через край.

Всюду стояли на свежих бетонных площадках токарные и фрезерные станки. Около них возились чумазые рабочие. В проходах и возле станков громоздились части машин, еще грязные, замороженные. Электромонтеры проводили кабель, тянули провода. Но рядом уже весело крутились станки, играли серебряным блеском и лоснились теплым гляncем. Синяя стружка дрожала спиралями, и резцы легко сдирали ржавую кожу с металла. Шум, скрежет и всплески рокотали в пространствах цеха. Молодые рабочие, женщины и ребята внимательно и пристально склонялись над резцами и с ловкой уверенностью крутили какие-то колесики, передвигали какие-то рычажки. Каскады мутной воды смешивались с ослепительным веером огненных брызг на карборундовых дисках. Крутолицая молодая женщина в шапке, сдвинув брови, проводила дядю Мишу и Наталью Степановну неодобрительным взглядом. Что-то шипело у нее под руками, и струною пел мотор. Вда-

ли, сквозь широкие арки видны были частые вспышки голубых молний, и на фоне дымного дрожащего сияния четко чеканились огромные силуэты каких-то неизвестных Наталье Степановне машин. На подмостках у этих машин тоже хлопотали люди. Около новых кирпичных стен сверкали штатели собранных снарядов, длинных стволов пушек, а на столах — куча красивых серебристых и латунных деталей. Около них стояли девушки, проверяли их и укладывали в порядок. Торопливо навстречу друг другу шли озабоченные рабочие и инженеры.

Наталья Степановна не раз бывала на заводах своего города. Но ей казалось, что здесь она впервые ощущала лихорадочное напряжение, особую торопливость и волнение людей. Она испытывала даже неловкость и смущение от того, что она — лишняя здесь, досадно ненужная, что своим праздным любопытством мешают этим людям работать и отрывает от большого и срочного дела дядю Мишу. Ей было особенно совестно в те минуты, когда к нему подходили рабочие и работницы и, не обращая на нее внимания, беспокойно требовали у него разъяснений или тревожно сообщали ему о каких-то неудачах. Он ворчливо разъяснял, подходил к станку, который устанавливали рабочие, и минуту-две возился вместе с ними. Это огромное нагромождение машин — и пущенных в ход, и еще холодных, неподвижных, но уже оживающих, — эти толпы людей, охваченных волнением труда, эти громы, язг и скрежет металла, вспышки молний, каскады искр, сверканье стружек и этот многолюдный труд, когда чувствуешь, как бьются человеческие сердца, — все это подавляло Наталью Степановну, и она ощущала себя здесь жалкой старушкой, а школьная ее работа казалась ничтожной, семейной возней.

— Вот мы мимо молодайки прошли, — наклонившись к уху Наталья Степановны, с одышкой сообщил дядя Миша. — Заметили? Бодрая бабенка, не унывает. Что ж... молодость... Для молодости и беда — как вода: с перышков горошком скатывается. А ведь

у ней — горя-то столько, что и нам, старикам, — в оторопь. Двое детишек фугасами разнесло, и косточек не нашли. Славные такие были ребяташки. Эвакуировалась с заводом. А недавно и муж погиб на фронте. Но работает... хорошо работает, примерно. Хоть и находится на нее: станет столбом, замрет — ничего не видит, не слышит и не чувствует.

Наталья Степановна остановилась и задержала рукою дядю Мишу.

— Можно мне подойти к ней?

Молодая женщина, немного скуластая, с очень большими глазами, смотрела навстречу старику с ожидающей улыбкой. Вблизи глаза ее показались Наталье Степановне опаленными, точно женщина недавно плакала.

Дядя Миша кротко, точно боялся сделать ей больно, сказал:

— С тобой, Зоя, дорогуша, хочет познакомиться Наталья Степановна Сухоярлова.

Зоя, не отрываясь от станка и не прекращая работы, с застывшей улыбкой, ответила:

— Я сразу вас узнала. По портрету. Вы — мать Сони Сухояровой.

Наталья Степановна сдержанно и душевно, с пристальной нежностью в глазах, предупредила ее:

— Я не могла пройти мимо вас.

— Я тоже, может быть, не прошла бы мимо вас... На улице остановила бы. Война всех окропила кровью.

Она с любовью взглянула на старика, но сказала попрежнему равнодушно:

— А вот он, дядя Миша, отец мне родной.

На несколько секунд она оторвалась от станка и окаменела — лицо ее мгновенно осунулось и посерело. Так и казалось, что Зоя сейчас пронзительно закричит и упадет на пол. Но она медленно повернулась к Наталье Степановне и жестко проговорила:

— Мы никогда не забудем... до гроба не забудем... Обуглилась я вся от горя... Мать не может забыть... и никогда не простит... На фронт рвалась — к партизанам, только там я нашла бы себя...

Дядя Миша погладил ее по плечу, но сказал с суровым упреком:

— А это что, по-твоему? Мы-то с тобой для фронта — навоз? Если бы мы не работали здесь, что сказали бы нам бойцы и партизаны? Не хотелось бы мне, Зоя, говорить тебе эти слова.

— Знаю, дядя Миша, понимаю... Работая за трюх, за пятерых. Но, дядя Миша! Меня как будто отбросило взрывной волной — от них, от моих мальчиков, от Коли. Тоска у меня, дядя Миша...

Дядя Миша затеребил усы и внушительно заворчал:

— Да ты-то одна здесь, что ли, такая? Вот она — тоже мать. А возьми нашего технолога, Сергея Никитича: молодой, сильный, ему бы артиллеристом быть, а ведь здесь находится — при заводе: нельзя ему оставить завод — дезертиром будет. И хорошо сделали, что нахлобучку дали, когда он о фронте замечтал: твое дело — быть здесь! Трудовой фронт — это такой же боевой участок. И заявили: ежели ты, как командир производства, как технолог, увеличишь выработку оружия и боеприпасов в несколько раз, ты достоин будешь такой же славы и награды, как герой войны. А ведь у него тоже — горе. Ты сама знаешь, какое. В его душе рана не заживет во всю жизнь. — И дядя Миша похлопал ее по плечу. — Ничего, ничего, Зоинька! Ты — не одна, ты — в нашей родной семье. И я тебе — отец... верно!

У Зои затрясся подбородок, и она задохнулась от рыданий.

И потом уже, при выходе из цеха, Наталья Степановна крепко пожала руку дяде Мише и сказала ему, как родному:

— Славный вы человек... дядя Миша!..

А он просто, с лукавинкой в умных глазах, согласился:

— Неплохой человек, не возражаю. Жил честно. Конечно, много вмятин и всякого норова... потому — жизнь цюмяла здорово.

Весною Наталья Степановна поехала в Москву, куда ее вызвали на антифашистский женский митинг. Устрои-

лась она с уральской делегацией, которая везла подарки бойцам. Она решила проехать с делегатами на фронт — посетить могилку Сони. Поезд с подарками направлялся именно в те места, где погибла Соня.

Провожала ее только одна Оля Давыдова. Свои уроки Наталья Степановна передала ей, и Оленька обрадовалась до слёз.

— Родная моя, — захлебываясь от счастья, выливая она свои чувства, — для меня это большая награда. Вы цените меня, считаете меня достойной... Это для меня — труднейший экзамен. Я выдержу его.

В школе считали ее глупенькой и экзальтированной, но Наталья Степановна знала ее лучше всех: Оля была только очень жадной к работе. Ей всегда казалось, что делает она меньше всех, и каждый свободный час переживала мучительно. Когда хвалили ее, она расстраивалась: ей чудилось, что над ней издеваются, потому что она была убеждена, что работает плохо, неумело, беспомощно. На переменах она в смятении бросалась к Наталье Степановне и спрашивала испуганно, так ли она провела урок, верно ли использовала материал, достаточно ли она возбудила активность учеников. И подробно рассказывала, как это она делала.

— Только, пожалуйста, критикуйте меня, Наталья Степановна, беспощадно, — самолюбиво просила она, вся красная от тревоги.

— Все хорошо, Оленька. Что ты волнуешься, голубчик?

— Хорошо, да? Больше мне ничего не нужно.

Но и школьной работы ей было мало. У ней была ненасытная жажда деятельности: то она организовывала кружки самодеятельности, то рьяно собирала подарки для бойцов фронта, то бегала по госпиталям и устраивала там какие-то занятия с ранеными красноармейцами.

К этой девушке Наталья Степановна привязывалась с каждым днем все ближе и теплее. Казалось уже, что Оля своей ясной простотой, сердечной непосредственностью вошла в ее душу, как родная. Но Оля была не похожа на Соню и не

могла заслонить собою ее образ. Они обе жили неотделимо одна от другой, каждая по-своему. В своей тоске по Соне, в мучительных видениях ее страдальческой смерти Наталья Степановна испытывала иногда странное чувство к Оле: она нежнее привлекала ее к себе, и в то же время сердце ее отравлялось враждой к ней. Она не раз замечала, как Оля, встречаясь с ее взглядом, пугалась, съеживалась, растеряннно и виновато отводила глаза в сторону и страдальчески замирала. Она не знала, что делать с собою, дышала с трудом, слова застывали на языке.

Наталья Степановна видела это ее мучительное смятение, и ей почему-то была приятна беспомощная растерянность Оли.

«У меня отняты и сын, и дочь. Почему именно мне выпала на долю такая судьба? Может быть, возмездие за сына?»

Она думала об этом часто, и сердце обливалося кровью. Но душа протестовала против этих мыслей. С горячей надеждой прислушивалась Наталья Степановна к этому внутреннему голосу и спорила с собою:

«Нет, каждый сам за себя отвечает в жизни. Тот погиб, как преступник, раздавленный правдой. А отец и Соня умерли во имя правды. Правда — это борьба. Жить правдой, то-есть, человеческим счастьем — свободой — значит, до смерти ненавидеть врага правды — свободы и счастья: преступника, палача, кровопийцу, злодея, насильника, работодателя. И смерть за эту правду — святая смерть. Так жила и умерла Соня. И смерть ее взволновала народ, укрепила его волю к беспощадной борьбе и раскалила ненависть к врагам. Нужно стыдиться эгоизма матери».

Эти мысли изнуряли Наталью Степановну, и она уже давно перестала спать по ночам.

Оля простилась с ней бурно. Она обнимала ее и обливалась слезами.

— Об одном умоляю вас, родная Наталья Степановна: пишите мне каждый день... Хотя бы два слова... иначе я умру от тоски.

Но Наталья Степановна знала, что

Оленька сегодня же с головой уйдет в работу и забудет все на свете.

Наталья Степановна волновалась всю дорогу, думая о том, как она будет искать родной могильный холмик, как почувствует близость Сони, как будет украшать эту могилку и как возьмет шепотку Сониной земли и повезет с собою. Делегация была многолюдной, и ей отвели отдельный мягкий вагон. А так как в делегации был и дядя Миша, Наталья Степановна устроилась с ним в одном купе. Старик был очень доволен и тоже волновался: ведь на этом фронте у него отличается в боях сынок-танкист, Петруха, как отличался стахановской работой в механо-сборочном цехе тракторного завода.

Старик хотя и сурово хмурился, но в остреньких его глазах сверкали искорки радости. Усы у него шевелились от усмешки, когда доносился дружеский смех и шумные разговоры молодежи из других купе. Двое молодых рабочих, которые занимали верхние места, обычно пропадали у соседей, и в купе оставались только дядя Миша и Наталья Степановна. Без своей засаленной кепки дядя Миша был проще и как-то ближе. Серые свои волосы, уже редкие, какие-то вялые, он часто причесывал маленькой расчесочкой, и Наталья Степановна не могла смотреть на него без жалости. Что переживает он один, по ночам, когда приходит в свой угол? Домик, где жил он многие годы, где вырастил своих сыновей, разнесло в пыль, и нельзя было собрать тел его старухи и невестки — жены Петрухи, только-что родившей внучку. Другая невестка, жена погибшего сына, осталась в немецком плену. Наталья Степановна смотрела на дядю Мишу и чувствовала, что никто не может понять душу старика так, как она, и знала, что и он понимает ее больше и глубже, чем другие. О своем горе они ни слова не сказали друг другу, но сроднились с первого же дня. Они поперебой ухаживали один за другим, с наслаждением угощали друг друга и колбасой, и маслом, и рыбными консервами. Почти каждую ночь Наталья Степановна просыпалась от смутного бес-

покойства и при синем свете видела, как дядя Миша заботливо поправлял на ней одеяло и осторожно накрывал ее ноги своим длинным теплым пиджаком. Наталья Степановна отмечала, что он не смыкал глаз, что его терзает бессонница, и он не находит покоя от своих дум. Двое парней часто уходили в соседнее купе играть в козла или в преферанс, хохотали, пели песни, хвалились достижениями на своих заводах, ругали бюрократов-снабженцев, железнодорожников, проваливающих поставки.

Наталья Степановна поднималась, опираясь на локоть, и ласково убеждала старика:

— Дядя Миша, родной! Нельзя же так мучить себя: надорветесь вы, милый. У меня есть снотворное — выпейте.

Он садился на свое место, вздыхал и говорил глухо и хрипло:

— Я никогда этим дерьмом не ремонтировал себя. Никакой доктор не даст здоровья души. Аптека не властна над мозгом и сердцем. А организм сам себя монтирует великолепно. У нас, стариков, думы, как дрожжи: всегда мозги наши — в брожении. Старость — это итог сражения: или капитулировать, или наступать. Я всегда был за наступление.

В вагоне с первого же дня он стал звать ее Степановной и сразу же дружески и уважительно перешел на «ты».

Дни стояли наредкость солнечные, горячие, с чистым, молодым небом и тугими белыми облачками. Мимо окон вагона зеленой метелью пролетали полянки, усыпанные золотыми одуванчиками, плыли густые заросли бурьих лесов. Они были еще голые, без листьев, угрюмые, но по-весеннему — потные. Вдали, на взгорьях и увалах, они бархатно щетинились и дымились сиреневым туманцем, и всюду темнозелеными кудрями красовались над мелколесьем стройные сосны. И там, на склонах гор, и здесь, на увалистых равнинах, громоздились руины разрушенных скал и свалки гигантских камней — зеленых сиенитов, серых песчаников и гранитов, коричневых глыб железняка. Красные речки, сверкая на солнце извилистыми

лентами, пролетали под грохочущими мостами. Сияли озера в широких долинах, пустынные и холодные. Наталья Степановна подходила к открытому окну в коридорчике вагона, подставляла свое лицо под тугую струю воздуха и вдыхала легкую его свежесть и пряный аромат новорожденной травы и влажной земли. Над лесом и горами играл нагретый воздух, и каменные скалы и вершины мерцали зеркальными переливами. Солнце было где-то над крышей вагона, но все горело опаловым сиянием. Какая бурная и радостная весна!

Свой город уже таял, как сон, и о нем не думалось, а впереди — много неожиданных перемен и неизвестных волнующих событий. Но важнее всего было одно, от чего замирало сердце, — это могила Сони, маленький холмик земли, уже осевшей от растаявшего снега.

Подходил дядя Миша и ворчал, причесывая расческой свои жиденькие волосы:

— Строили, созидали двадцать лет, думали, решали, планы составляли, сколько гигантов возвели... вот именно здесь, среди бездонных богатств... а железные дороги — однопутки. А край-то какой, ух! Железо, уголь, алюминий, руды всякие — голыми руками загребай. Да тут нужно было двадцать двухпуток проложить да электричками весь Урал заплести.

И сердито огрызался сам на себя:

— Критикую! Потому и критикую, что сердце болит, душа перегорает. Страна-то моя? Труд-то мой?

И вдруг улыбался, шевеля седыми усами, растроганно вглядываясь в окно. — Природа-то какая — благодать! Такой природы на нашем черноземе нет. Леса, горы, озера. Побродить бы здесь, подумать... Даже издали душа омолаживается. Труда-то здесь сколько нужно! Сколько дано человеку! Красив человек среди природы в труде своем...

Однажды Наталья Степановна все-таки попыталась разговаривать с ним о его сыновьях, но старик нахмурился и уколол ее своими пронзительными глазками.

— Помолчала бы ты о детях, Сте-

пановна. На то и дети на свете, чтобы горел свет, как лазоревый цвет. Все родители живут в детях своих. Одно скажу: почтенная и грозная обязанность — быть родителями своих детей. Ты сама это лучше всех знаешь.

Так они, минуя Москву, доехали до самого фронта. На одной станции, с разрушенным депо и сожженным пакагаузом, вагон их поставили на запасный путь, а военные люди посадили их в машины и повезли на передовую линию. Товарные вагоны с подарками остались пока на путях. Делегаты взяли с собой только несколько небольших ящиков. Наталью Степановну посадили вдвоем с дядей Мишей. Вместе с шофером сел малорослый, крепенький политработник с двумя кирпичиками. Когда он знакомился с ними, он щелкнул каблучками и сочно заулыбался во весь рот. Зубы у него были крупные и белые. Назвался он самым обиходным именем — Ивановым.

Наталья Степановна спросила его, озираясь и снизив голос:

— Скажите, товарищ комиссар, мы уже в тех местах, где были немцы?

— А конечно же... — веселым фальцетом пропел он. — Не только здесь, но и ближе к Москве километров на сто. Отбросили, тесним понемножку.

— Значит, этот пакагауз и депо они сожгли и разрушили?

— Точно. Зато здесь уложили их целые горы. Видите, вон там, за путями, пустырь? Туда их в ров стащили и закопали. Мерзкая была работа.

Уже в машине она коснулась пальцами его плеча и с дрожью в голосе спросила:

— Скажите, товарищ Иванов, далеко будет та деревня, где погибла Соня Сухоярова?

— А это отсюда километров пятнадцать, — с веселой готовностью отозвался он, стараясь повернуться к ней. Он, очевидно, не догадывался, почему спрашивает о Соне эта пожилая женщина. — Как же! К ее могиле, как к святыне, ходят: каждый обязательно пойдет и положит то самодельный цветок, то ленточку, а то и живые цветы из города. А один скульптор даже при-

клеил к дощечке обелиска мраморную пластинку с ее портретом.

Наталья Степановна вцепилась пальцами в спинку сиденья, к которому прижимались плечи Иванова, и даже приподнялась со своего места.

Дядя Миша бережно, но настойчиво усадил ее обратно.

Здесь тоже были густые леса, как на Урале, но больше елей, с тяжелыми бахромами темнозеленой хвои, точно вылитых из меди. Родные, задумчивые березы толпились по обе стороны дороги и приветливо улыбались своими белыми стволами. Было тепло, солнечное, по-весеннему задумчиво, пахло молодой травой и разбухающими почками. Но Наталье Степановне жутко было смотреть на этот лес: он как будто пережил страшный грозовой ураган. Всюду, в зарослях, лежали друг на друге сломанные деревья, торчали расщепленные стволы, и вершины были срезаны, как гигантскими ножницами.

— Видите? — весело разъяснял Иванов, показывая рукою на лес. — Как градом выбило. Это был такой металлический ливень, что осколки лежали на земле сплошным слоем.

По обочинам дороги — в канавах, на полянках и среди деревьев громоздились развороченные черные танки, грудями лежали сгоревшие автомашины, обломки металла, колеса от пушек, разорванные и заржавленные гусеницы, изуродованные тягачи и кучи железного лома. Широкие круглые ямы — воронки от авиабомб — сверкали водой и близко, и далеко от дороги. Часто мелькали красные обелиски с звездочкой на вершине, со свежими белыми дощечками и четкой черной надписью. На других дощечках, прибитых к столбикам, Наталья Степановна без труда прочла: «Стоит! Минировано!»

И особенно жутко было на сердце, когда проезжали через сожженные деревни. Стояли только одни русские печи, с разинутыми ртами и высокой трубой. Среди черных углей, головешек и покрытых матово-сизой чешуей обгорелых бревен перламутром блестело на солнце сплавленное в куски и

плитки оконное стекло. Пережжённые чугуны, горшки, ведра разбросаны были всюду, и от этого почему-то было особенно тягостно. Кое-где по этим пепелищам сиротливо бродили оборванные старики и старухи, а кое-где такие же старики, склоняясь над бревнами, взмахивали топором — должно быть, опять строили себе избу на родном месте. Дядя Миша с удовольствием вглядывался в этих стариков и с восхищением покрикивал:

— Ведь вот какие упрямы! Строят!

В шуме и дребезге машины слышно было, как где-то далеко вздыхал глухой, могучий гром. Должно быть, стреляли пушки.

Машина быстро обгоняла кургузые грузовики, окрашенные в грязнозеленый цвет, доверху нагруженные снарядами ящиками и клетками с пузатыми бомбами.

— Гостинцы немцам! — хвалился Иванов, кивая головою на грузовые машины. — Ваших рук дело. Хорошие гостинцы, любо-дорого!

Дядя Миша угрюмо пошутил:

— Мы-то на гостинцы не скупимся: каждый месяц подбрасываем вам вдвойне, втройне, да еще с гаком. А почему вот вы нас гостинцами мало радуете? Плохо воюете.

— Это как же так плохо? — всполошился Иванов. — Вы едете по земле, с которой мы прогнали немцев и уничтожили их видимо-невидимо. Ведь на полтора километра шуганули! А Калуга? А Медынь и Юхнов? А Тула и Подомосковский бассейн? Учиться у врага надо — это верно. Этот враг — свирепый учитель. Он берет миллионной ордой рабов и техникой. Но он не разбил у нас ни одной армии. Разве территория решает дело?

И он улыбнулся, показывая белые зубы.

Дядя Миша хмуро ворчал:

— Что вы мне говорите: территория! Свиное рыло добирается до сердца и до желудка.

И опять грубовато пошутил:

— Адвокат вы хороший, товарищ комиссар. Давайте-ка соревнование

объявим: кто лучше дерется — мы или вы?

— Идет! — весело крикнул Иванов. — Принимаем вызов.

Наталя Степановна рассеянно слушала этот спор: она не интересовалась им. Но ей казалось, что дядя Миша напрасно обижает комиссара — этого симпатичного юношу. Работать на заводе — это одно дело, а воевать, быть бойцом и командиром в кровавом урагане, в смертельных схватках с врагом, находиться под градом пуль, снарядов, бомб, под натиском танков, бронешин и авиации и самим создавать для врага огненный ад — это другое дело. Надо обладать огромной волей и выдержкой, чтобы постоянно бороться со смертью, обрушивать ее на врагов. Нужен огромный героизм, огонь гнева, ненависти и ярости, чтобы быть высоким мастером в смертельной буре сражения. Ей представлялось это сплошным ужасом, ледяющим кошмаром, понятием который она была не в силах. И Соня в этом сверхчеловеческом ужасе казалась еще более необыкновенной и непостижимой.

Она всматривалась в сожженные деревья, в черные, мертвые сады, провожала глазами печи с высокими трубами, этих одиноких стариков и женщин, которые пришли на свои пепелища, чтобы опять свить себе гнездо, и думала: жизнь истребить невозможно, русский человек никогда не погибнет. История его полна страданий, но страдания только закаляли его душу, и он, как стальная пружина, выпрямлялся и был неотразим и страшен. Смерть склоняла перед ним свою кровавую косу.

Машина быстро поднялась на холм, спустилась в долину, и Наталя Степановна опять увидела черные пепелища с печами и сожженными садами. Направо громоздились руины каменных домов — груды кирпича и обвалившихся стен, высокие здания с развороченными железными балками в середине, в мусоре обвалов, полуразрушенная церковь с черными дырами вместо окон и дверей. Свернули налево и неожиданно очутились в улице, совсем нетронутой ни пожарами, ни разрушением. Де-

ревянные домики с резными наличниками, с палисадниками смотрели жизне-радостно своими оконцами и как-будто лукаво усмехались: а вот мы все-таки не сторели, все-таки живем попрежнему, крепко и уютно! Каменные двухэтажные дома среди них стояли строго и хозяйственно. Но ворота всюду были открыты, и во дворах стояли машины, ходили красноармейцы в пилотках. Недалеко, около кирпичного особняка толпились бойцы. Когда подъехала передняя машина, все окружили ее, ко второй машине тоже бросилось несколько человек. Иванов распахнул дверцу и выскочил из кабины легко и бойко. С той и с другой стороны распахнулись дверцы, и Наталью Степановну подхватили двое молодых командиров. Один был сухощавый и высокий, с энергичным, горбатым носом, другой — коренастый, низкорослый, румяный, с озорными глазами. Оба были обветрены и пахли лесом. Они повели ее подруки к группе других, пожилых командиров, которые с приветливым любопытством подвинулись ей навстречу. Очень высокий богатырь, с лицом интеллигента, сдержанно и вежливо отрекомендовался, пожимая ей руку:

— Бригадный комиссар Ясновский. — И добавил тепло и почтительно: — Мы рады, что видим вас у себя. Мать Со-ни Сухояровой — родной, дорогой нам человек.

Наталья Степановна спокойно и тоже сдержанно ответила:

— Спасибо вам. Приехала вот... побыть у ее могилки.

— На ее могилку каждый день приезжают люди: молодежь, конечно, — все, кому посчастливится приехать на фронт. Вы сами увидите, как украшена ее могила. Соня живет и сейчас так же ярко, как и при жизни. Нет, изумительно живет. Здесь происходят волнующие сцены: здесь люди дают пламенные клятвы — быть такими же, как Соня, — бесстрашными борцами, беспощадными мстителями. И эту клятву они выполняют беззаветно.

Пока военные знакомились с делегатами и перекидывались с ними короткими разговорами, Наталья Степанов-

на отошла в сторону: хотела несколько минут остаться наедине с собою. Под ногами у нее была земля Со-ни. Этим воздухом дышала Соня много дней, в этих лесах она проводила свои зимние дни. Здесь всюду живет ее тень, и голос ее еще не замолк под этим небом. Так и казалось, что она выбежит неожиданно и крикнет звонко и радостно:

— Мамочка, родная моя!

Делегацию угостили очень вкусным обедом. За столом никаких речей не было, и это очень понравилось Наталье Степановне. Разговор был общий. Военные рассказывали о боевой обстановке, о подвигах отдельных бойцов и командиров, о зверствах фашистов в захваченных деревнях, о партизанских делах, о том, с каким напряжением и трудом приходится бороться с гитлеровцами за каждый населенный пункт. Делегаты говорили о заводах, о своих победах, о соцсоревновании, о фронтовых бригадах. Дядя Миша больше молчал и исподлобья поглядывал на делегатов: в его остреньких глазках поблескивали лукавые искорки.

После обеда опять сели в машины и поехали дальше — в ту деревню, где была могила Со-ни. Немцы от этой деревни находились в тридцати километрах. Оттуда все время доносился глухой, далекий гром. Этот гром и тревожил, и манил к себе Наталью Степановну.

Дорога была плохая: весенняя вода превратила насыпь в тряси-ну. Сплошным настилом лежали бревна, и машина плясала на них, покачиваясь с боку на бок. Дядя Миша хмурился и ворчал:

— Строили дорожки для мирного удовольствия, а о войне не думали. Понаделали ловушек для пушек. Сколько вы здесь танков и артиллерии утопили? — ехидно обратился он к Иванову, который опять сидел вместе с шофером. Вместо Иванова ответил с большой охотой остроносый шофер:

— Тут километров на сорок сами бойцы пушки-то пузом таскали. Ее, эту тряси-ну, сколько ни бути, все равно прорва будет. Один раз грузовики с боеприпасами ехали и влипли. Бой-

цы на себе снаряды несли двадцать километров. Русского человека этим не испугаешь: и снаряды доставили, и бой выиграли. Вот как!

И он засмеялся, очень довольный своим рассказом.

— А так вот, — ворчал дядя Миша, — силы-то измотали, а техника загрохла.

Шофер, ликуя, крикнул победоносно:

— А вы представляете, папаша, сколько этой немецкой техники мы заполучили? Всё оставили и драпа задали. Ни проехать, ни пройти на много верст — вот какие горы вооружения оставили. На пузо у них таланту не бывает.

И он, довольный, опять засмеялся.

«Какие они все веселье и бодрые!» — думала Наталья Степановна, и ей было легко и приятно с ними.

Неужели они так привыкли к опасностям, к крови, к боям, к страданиям и смерти, что сердце их уже не замирает от ужаса? Очевидно, эта непонятная и страшная действительность для них — рабочие будни, трудовой быт, и люди здесь веселятся и ссорятся, смеются и огорчаются. Иванов рассказывал ей за обедом, как один красноармеец после долгого и тяжелого боя стал разуваться и обнаружил, что голенища у него разорваны пулями и осколками мин. Он страшно расстроился и долго ругался: «Сукин ты сын, собака, морда фашистская, все сапоги испохабил. Я их, за эти сапоги, как гнид, давить буду». А ему кричат товарищи: «Чего ты, друг, на сапоги лубуешься? Иди на перевязочный — раненый ведь, в кровище весь». Он огрызается: «Чего там — кровища, гляди, братцы, что он с сапогами мне понаделал. Меня-то починят, а вот сапоги-то, гады, в рогожку обратили». Сам Иванов смеялся, рассказывая этот анекдот, а ей совсем не было смешно. Ей казался этот рассказ неправдоподобным, но она поняла одно: на фронте люди привыкают ко всему. И смерть так же не смущает их и не мутит сознания, как и в мирной, обыденной жизни. И опять вспоминала она старика на пепелище, который трудолюбиво обтесывал

вал топором бревна — готовил венцы для нового сруба. Очаг у него на месте: стоит исконная русская печь с высокой трубой, и над челом темнеет еще многолетняя копоть. Как паук, у которого бурей порвало паутину, упрямо плетёт на том же месте новую сеть, так и этот старик неустанно возится над бревнами, чтобы на тех же камнях построить новую избу. Он не думает о том, что его могут убить. Он знает одно: он — на своей земле, на дедовском месте, здесь жили и умерли его родители, здесь родился и жил он сам, здесь каждый аршин его земли освящен его трудом, и поля, распаханные и засеянные его руками, дадут ему свой урожай. Кончится война, придет его сын, и они опять будут трудиться для будущего. Бессмертен такой народ и неистребима могучая сила его жизни. Никакие бедствия не могут раздавить его, и это немецкое нашествие, несущее гибель и разрушение, потонет в собственной крови.

По дороге бесконечным потоком ехали на фронт машины с оружием и боеприпасами. Машины следовали одна за другой на некотором расстоянии. Это был гигантский конвейер, который двигался и день, и ночь непрерывно. В лесу тоже стояли машины, и, сливаясь с лесной чащобой, ходили между деревьями красноармейцы.

Вдруг, точно по сигналу, машины впереди начали сворачивать с дороги и одна за другой скрываться в лесу. Легковые машины, в которых ехали делегаты и командиры, тоже съезжали с пологого съезда и рассыпались в разные стороны, исчезая в зарослях голых деревьев. Иванов и шофер переглянулись и свернули с шоссе вслед за передним грузовиком. Комиссар оглянулся и, улыбаясь, предупредил:

— Не пугайтесь, товарищи. Придет-ся отдохнуть в лесу. Немножко побеспокоят немецкие самолеты. Не совсем приятное удовольствие, но... мы уже привыкли. Мы скроемся в лесу, и немцы нас не заметят. Я вас, Наталья Степановна, в блиндаже укрою.

Но она спокойно и просто ответила:

— Не заботьтесь обо мне, товарищ Иванов: я не боюсь.

Дядя Миша толкнул ее в плечо и усмехнулся в усы.

— Нас, стариков, трудно испугать, — верно, Степановна. Страхи-то обливали нас в жизни, как ливни.

Машины развезжались по лесу и скрывались в зарослях. Когда Наталья Степановна вышла из своей эмки, она увидела невдалеке, в голых кустах, другие делегатские машины и несколько человек, которые уходили в глубь леса. Где-то очень далеко над лесом плаыл волнообразный вой — не то пели заводские гудки, не то телеграфные проволоки. Ни тревоги, ни беспокойства Наталья Степановна не заметила в лицах Иванова и шофера. Они переговаривались о чем-то тихо и скучно. Шофер открыл капот и начал копаться в каких-то мелких частях двигателя, а Иванов пригласил взмахом руки Наталью Степановну и дядю Мишу и повел их по мокрому перегнутому в заросли.

— Могут и мимо пролететь, — утешал он их с улыбкой. — А бывает, покружатся, покружатся и — обратно. Или так: сбросят бомбы на дорогу, чтобы разворотить ее, потом по лесу прогуляются.

Между стволами деревьев Наталья Степановна неожиданно увидела землянку, покрытую хворостом и землей. Около нее стояли военные и несколько делегатов. Командиры рассказывали им что-то забавное, делегаты смеялись. Внезапно что-то засвистело и зашипело в воздухе, этот свист несся в падающей быстротой и жуткой пронзительностью. Все бросилось в землянку. Иванов с серьезным и похолодевшим лицом приказал дяде Мише и Наталье Степановне зайти в блиндаж. Он не успел закончить фразы, как необъятный взрыв тугой и горячей волной ударил Наталью Степановну и в голову, и в грудь, и в ноги и мгновенно вызвал что-то вроде тошноты. Она инстинктивно нагнулась с замирающим сердцем.

— Ничего, ничего, не бойтесь! — ободрил ее Иванов и подхватил под руку. — Это — далеко. Давайте-ка

зайдем в блиндажик: там — безопаснее.

Но Наталья Степановна уже оправилась и увидела, как дядя Миша, помолодевший, злыми глазами пристально смотрел вверх.

— Где же наши соколы? — набросился он на Иванова. — Валить их надо, чертей... валить рылом в болото...

Иванову, должно быть, показалось очень смешным озлобление старика: он весело расхохотался.

— Не беспокойтесь, наши соколы свое дело знают.

И вдруг scomандовал строго:

— Скорее, прошу вас, в блиндаж!

Опять раздирающий душу свист и вой, мгновенно и страшно приближающийся, и опять — необъятный взрыв и горячий, упругий удар воздуха, пронизывающий мозг и внутренности. У Натальи Степановны дрожали ноги и руки. Ей показалось, что лицо ее опалилось. Лес огромно ревел, дрожал и волновался, точно живой. Свист, взрывы, удары воздуха уже не прекращались. В сердце тоскливо останавливалась кровь. Но страха Наталья Степановна совсем не испытывала. Ей не хотелось входить в блиндаж: как-то стыдно было прятаться.

«Этот вой и взрывы переживала и Соня, — думала Наталья Степановна, — переживала много дней. Была под градом пуль и мин, в рукопашных сражениях... в ночной тьме...» — вспомнила она рассказ Селиверстова.

Когда Иванов настойчиво потребовал, чтобы они укрылись в блиндаже, Наталья Степановна сухо ответила:

— Оставьте нас, пожалуйста. Прощу вас.

— Но поймите, очень опасно: осколки разлетаются далеко — могут ранить или убить.

Наталья Степановна не ответила и стояла бледная и строгая. Дядя Миша, обнимая ее, отошел с нею в сторону, в густой кустарник, и они сели на ствол упавшей березы.

«Земля Сони и сейчас потрясается взрывами. Я стою на этой земле. Она стонет и волнуется, как море. Этот лес, эту дорогу и, может быть, эту березу

видела Соня. Возможно, что она тоже сидела тут же, где сижу и я. Она смотрела прямо в глаза смерти».

Оглушительный свист и рев разразился прямо над головою Натальи Степановны. Ей почудилось, что бомба летит прямо на нее, но душу ее объяло тихое и ясное спокойствие. На мгновение она услышала далекий и пискливый крик дяди Миши:

— Держись, Степановна!.. Их, ты!..

Двойной, потрясший землю, взрыв взметнул лес перед Натальей Степановной. Почудилось, что лопнула земля, и воздух завизжал и запел, как разноголосые струны. Наталью Степановну ошпарило, как кипятком, и отбросило назад. Она схватилась за дядю Мишу* и прижала голову к его плечу.

— Ничего, ничего, Степановка! — бодренько бормотал он, обнимая ее. — Однако, совсем рядом ведь садануло...

Иванов и еще двое военных с испуганными лицами бежали к ним.

Через час машина опять понеслась по дороге, подпрыгивая на бревнах. Ехали не долго и остановились в маленькой деревеньке. Она уцелела от пожара, но избы казались слепыми: ни одного стекла в окнах. Кое-где около изб стояли красноармейцы, колхозников не было видно. Всюду молчала пустота. И, когда Наталья Степановна всмотрелась в эти слепые избы, она увидела, что в стенах выпилены широкие дыры, а с некоторых изб снесены щепные крыши, и эти крыши лежали рядом, изуродованные и разбитые.

— Огневые точки немцев... — пояснил Иванов. — Тут у них пушки стояли. Все эти пушки и разное вооружение мы у них полностью захватили.

Все вышли из машин и собрались около избы. Подтянутый командир, с красным лицом и выпуклыми насмешливыми глазами, отрывисто и хриловато отвечал комиссару Ясновскому:

— На месте. Все готово. Полковник Крупнов, — отрекомендовался он Наталье Степановне, приложив руку к фуражке, когда Ясновский представил ее. — Очень рады. Вы вдохновите бойцов на новые подвиги. — И поприя-

тельски обратился к Ясновскому: — Ну, пошли? — Потом опять повернулся к Наталье Степановне: — Это — недалеко, на братском кладбище. Вон у этого лесочка.

Это был не лесочек, а настоящий большой лес, который начинался сейчас же за деревенскими усадьбами белой толпой берез. Наталью Степановну вел подругу Ясновский. Рядом тяжело шагал дядя Миша. Толпа делегатов и военных, разговаривая о недавних боях, шла позади.

День был горячий, прозрачный, с очень чистой небесной синевой. Лес в коричневой дымке густо сплетенных ветвей, с разбухшими почками, дрожал в волнах марева. Пели жаворонки в солнечной вышине, далеко куковали две кукушки. Поля на увалах уже жирно зеленели озимями. Всюду по молодой траве рассыпались золотые одуванчики. Пахло влажным перегноем и мятой.

Поднялись на пологий взгорок и по протоптанной траве свернули влево к березам. Трава светилась вокруг и переливалась золотом. Наталья Степановна увидела отряд бойцов в пилотках. Они стояли плотной стеной и, должно быть, ждали гостей. Наталье Степановне стало неприятно: очевидно, у могилы Сони решили устроить что-то вроде митинга. Значит, в эти неповторимые для нее минуты, когда сердце нуждается в одиночестве и молчании, она должна была говорить перед ними. Почему эти люди так нечутки к ней, как к матери? Почему скорбь ее и это огромное душевное ее событие они хотят превратить в демонстрацию? Она взглянула на Ясновского и встретила его тревожный взгляд, — в этом взгляде она почувствовала, что он знает, что происходит в ее душе.

— Вот что, Наталья Степановна, — сказал он задумчиво: — Мы здесь останемся, побеседуем с делегатами, а вы идите по этой дорожке. Она приведет вас к Соне. Вы пройдете поодаль от бойцов. Они тоже посещают эту могилу. Почитают и заботятся о ней. Потом и мы подойдем. Ведь и делегатам необходимо побыть там. — Соня-то

ведь не только принадлежит вам одной: она дорога всему народу.

Наталья Степановна со слезами благодарности молча подняла на него глаза. Он пожал ей руку и остановился.

— Идите, это совсем недалеко. Тропа только туда и ведет.

Он повернул назад и вместе с делегатами и командирами свернул к кучам земли и глубоким канавам — прошлогодним укреплениям немцев.

Дядя Миша тоже отстал, угрюмо постоял немножко, глядя вслед Наталье Степановне, потом медленно зашагал за комиссаром. Наталья Степановна оглянулась, и ей стало больно, когда увидела скорбно согнутую спину старика. В тот же миг она почувствовала, что к этой родной и страшной могиле одна она дойти не сможет. Как только она осталась наедине с собой среди этой зеленой пустыни и ощутила грозное ожидание берез с их многоствольной глубиной, она сразу ослабела, и у ней онемело сердце. Ах, если бы сейчас была рядом с ней Оленька!

— Дядя Миша! — упавшим голосом позвала она его. — Пойдемте со мной, пожалуйста. Мне что-то трудно.

Старик как будто ожидал, что она позовет его, и быстро, с радостью зашел к ней.

— Ну, чего ты, Степановна? Не теряйся, дружок! — ласково заворчал он. — Отчаяние да слезы сейчас — не к месту.

Он взял ее подруку.

Кружилась голова, и перед глазами проходили темные волны. Лес наплывал на нее, как таинственная туча, и вздыхал, как далекий рокот грома.

Соня была тут, совсем рядом, и Наталья Степановна всем существом чувствовала ее близость. Ее призрак был всюду — и близко, и далеко — и мерцал улыбкой счастья. Он светился и обнимал ее, и Наталья Степановна видела золотые волосы Сони, пылающие на ветерке, ее изумленные, широко открытые глаза. Порхали бабочки, как когда-то летом на сквере, и она порхала вместе с ними, размахивая руками, как крылышками. Наталья Степановна не

заметила, как очутилась на широкой площадке, среди серебряных берез. Мельком увидела только красный обелиск с белой мраморной плиткой по середине и свежий, приподнятый над землей зеленый квадрат, заботливо обложенный дерном, а на нем вороха золотых одуванчиков и искусственных цветов. Несколько венков с красными лентами прислонялись к обелиску.

Она упала на могилу, шепча и задыхаясь:

— Соня моя родная! Соня, дочка моя, я здесь... Я — с тобой, моя единственная...

И сразу все исчезло.

Дядя Миша опустился на колени и склонил седую голову к могиле. Потом медленно, по-старчески, с торжественно-суровым лицом опять встал на ноги. Он не тревожил Наталью Степановну. Вот так же под обелиском лежит сейчас где-то на берегах Днепра и его сын. Эта могила девушки — могила его сына.

Когда он увидел, что Наталья Степановна лежит неподвижно, он осторожно подошел к ней и погладил ладонью по ее седым волосам. Лицо ее беспомощно лежало на прозрачной травке дерна, мертвенно бледное. И как только старик приложил руку к ее волосам, она вздрогнула и с судорожным порывом приподнялась на руках и села.

— Соня! Дитя мое! — с невыразимой нежностью сказала она, и потом твердо и спокойно добавила: — Нет, нет, Соня, я не плачу.

И опять упала, сотрясаясь от рыданий. Дядя Миша не мешал ей. По щекам у него текли слезы и скатывались на усы, и казалось, что он не плачет, а улыбается.

— Ничего, ничего, мать, — поплачь, это — хорошо... — громко размышлял он сам с собою, всматриваясь в рельефную кудрявую головку девушки на мраморной дощечке. — Слышишь, Соня, как плачет мать? Эти слезы — как огонь: они жгут и испепеляют. Этими слезами пропитана каждая наша пуля, каждый наш снаряд. И твоя великая смерть — наша победа и жизнь.

Вставай, Степановна! Мы здесь, на могиле стали сильнее и тверже. Знай, что дочь твоя не умерла. Видишь, к ее могиле идет народ — бойцы и молодежь, — чтобы почерпнуть живой воды. И ты должна высоко, с гордостью поднять голову.

Наталя Степановна слышала каждое слово дяди Миши и откликнулась на них всей душой: он будто повторял ее мысли и чувства, которые зрели давно. Она встала и, продолжая плакать, молча стала смотреть на белый барельеф Сони. Потом наклонилась над ним и прижалась к нему горячими губами.

Нет, плакать не нужно. Она думала только о живой Соне, и сердце ее не соглашалось, что ее уже нет. Теперь Наталя Степановна увидела могилу, где лежит ее задушенная девочка. Удар был слишком страшный, и она ослабела до потери сознания. Ее слез никто не видел в городе — ни в школе, ни на улице, ни в квартире. Она и тогда знала, что Соня идет навстречу смерти, и у нее хватало сил сказать ей:

— Если ты находишь, что это голос твоей души, — иди.

И, когда провожала ее на вокзале, тоже не плакала, но страданье ее, конечно, Соня видела, потому что брови ее туго сдвигались к переносью. Она крепко обняла мать и, не отрываясь, долго не отпускала ее.

— Милая моя мамочка, умница моя! Ты не плачешь — как это хорошо! И я счастлива. Я стала сильнее сейчас в тысячу раз. И я буду гордиться тобой постоянно, потому что ты уважаешь меня, веришь в меня и знаешь, что никогда не изменю нашей правде, что бы со мной ни произошло. За эту правду — за жизнь нашу — я и еду бороться.

Она задышалась от волнения, но в голосе ее была такая сила и убежденность, что Наталя Степановна впервые удивилась ей, как человеку: ее девочка без колебаний пойдет навстречу всяким испытаниям и не дрогнет ни перед какими ужасами. Она никогда не рассуждала о красоте, о честности, о благородстве, о бесстрашии, о челове-

ском достоинстве, но это воплощалось во всех ее поступках, во всем ее поведении. И вот сейчас она смотрела на нее с белого мрамора, живая, прежняя, и как бы говорила матери:

— Я дело свое довела до конца, мама. Я — твоя дочь, твое отражение. Ты можешь только гордиться мною. А правда — бессмертна, и я не умерла, а живу еще более прекрасно, потому что живу и в твоём сердце, и в сердцах людей.

Наталя Степановна стояла перед могилой, строгая и спокойная. Она уже не плакала, а как будто обдумывала какую-то большую, поразившую ее мысль. Дядя Миша увидел другую женщину — не седенькую старушку с мягкой печалью в глазах, а сильного человека, которого не сломишь никогда и для которого в жизни уже ничего нет страшного.

Поодаль, на полянке и между стволами берез стали собираться бойцы, молча и осторожно. Пришли делегаты и комиссары. Ясновский вместе с полковником Крупновым остановились позади Натали Степановны.

Она медленно оглянулась и опять застыла, не отрываясь от мраморного барельефа Сони. Вдруг она решительно повернулась и твердо пошла мимо Ясновского и делегатов в толпе бойцов с высоко поднятым лицом. И голос ее прозвучал отчетливо и сильно:

— Друзья мои, Соня была единственным моим сокровищем и радостью жизни. И я, как всякая мать, приехала к ее могиле, чтобы оплакать ее. Но я не плачу, нет: я горжусь, что я — ее мать. Она умерла прекрасно, потому что прекрасна была ее жизнь. Бойся смерти трус и предатель, бойся смерти лжец и эгоист. Я родилась заново у этой дорогой могилы, и я без колебаний пошла бы с радостью по пути моей дочери. Ее борьба, бесстрашие, сила духа, ее ненависть к врагам нашей правды, нашей жизни — пример для вас. Кто слаб душой, кто еще не нашел себя — пусть придет к этой могиле. Друзья мои, вы молоды, жизнь нашей родины — ваша жизнь, она — в

ваших руках. Бейтесь с врагом, как билась Соня, ненавидьте врага, как она ненавидела, презирайте смерть, как она презирала, будьте так же бесстрашны, как она. Мстите врагам за ее гибель, потому что вы будете мстить за себя, за своих сестер, за девушек нашей страны, за весь наш народ, за нашу поруганную землю, за оскорбленную нашу честь, за горе и бедствие нашей страны. Я — мать, и я благословляю вас на подвиги за жизнь и счастье.

Она подошла к первому же бойцу и поцеловала его, потом возвратилась

твердым шагом, приблизилась к Ясновскому и подняла руки. Он наклонился к ней, и она так же строго поцеловала и его. И в ее фигуре была такая величавая простота, что все — и бойцы, и командиры, и делегаты — не могли оторвать от нее взволнованных лиц.

Кто-то из бойцов крикнул срывающимся голосом:

— Клянемся нашей жизнью... клянемся на этой могиле...

В этот же день, обняв, как родного человека, дядю Мишу, Наталья Степановна уехала в Москву.

На колючей проволоке

Рассказ

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО

★

Три дня и три ночи сидел Петро Чабан в темной камере под замком, без пищи и без воды. Сидел и слушал, и казалось ему, что много раз как будто открывали двери и немцы выводили его во двор и после жесточайших пыток бросали мертвого в яму.

В яме уже гнила не одна сотня расстрелянных крестьян и раненых бойцов, что не успели отойти с армией на восток. Яма была недалеко, и Чабан слышал все, что творилось около нее эти три дня.

С каждым выстрелом он падал в эту яму, и каждый раз душа его возносилась из ямы вверх, как огненная птица — орел или голубь, которых видел он когда-то в церкви, золотых, на царских воротах. Птица пролетала над землей и разносила его гнев на все четыре стороны. Она стучалась крыльями в каждое окно, в каждую убогую дверь, где надежда боролась с отчаянием в скорбных сердцах, где скреблись в двери голод и рабство, и бесславное вымирание. Потом она подымалась еще выше, так высоко, что у нее начинало звенеть в ушах, и тогда Чабан видел всю как будто землю.

Земля была больна. Она словно влетела в какую-то кровавую туманность и занемогла. Размах смерти был такой исполинский, что Чабану на одно мгновение его собственная смерть и пытки, и все, что делали с ним немцы, показались таким маленьким и незначитель-

ным, что он даже улыбнулся и открыл глаза. Кто-то постучал. Приоткрылась дверь. В камору хлынул поток такого свежего, теплого октябрьского воздуха, что у Чабана закружилась голова. Когда его выводили во двор, он споткнулся и чуть было не упал.

— Ты есть командир партизанского отряда, что начал действовать в этом районе? — спросил у него усталый немецкий офицер. — Ты уничтожил двести сорок наших офицеров и солдат?

— Да. Я сын украинского трудового народа, коммунист Петро Чабан, сорока двух лет, командир партизанского отряда. Уничтожение солдат и офицеров — это моя работа, — ответил Чабан и посмотрел вокруг. Как странно изменилось село. Как померкло оно, словно кто-то посыпал его серым пеплом. Словно отравы разлилась по нем и отравила все.

Недалеке, на площади, Петро увидел виселицу. На ней висело четверо крестьян, и он сразу узнал их. Висели Ткач Василь, Нечипорук Оксентий, Сербин Левко и Куприян Шумило. Пятая петля была свободна. Возле виселицы полукругом стояли крестьяне, преимущественно женщины. Они стояли неподвижно, словно чаши, переполненные горем. Горя было гораздо больше, чем могли вместить в себе чаши. Горе разлилось везде по селу. Никто не плакал. Ни одна душа.

— Вот и все, что я решил сказать.

— Хорошо. Еще два коротеньких ответа, и ты свободен, — сказал усталый офицер, кивнув головой в сторону петли. — Итак, где скрываются твои партизаны и где закопано оружие красных?

— Не скажу.

Офицер встал и подошел к Чабану.

— Слушай. Я допускаю, что ты сильный человек. Я вижу в твоих глазах презрение к смерти. Но война есть война. В данной ситуации нет ничего в мире, что дало бы тебе хоть малейшее основание так отвечать. Ты не европеец. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Не дразни меня. Скажи и умирай скорее.

— Не скажу.

— Слушай, я не хочу кричать на тебя или бить тебя сейчас, хотя это входит в мои обязанности. Я устал от этого сегодня. Как говорится, всякая работа имеет свою скуку. Я апеллирую к твоему рассудку.

— Петро!!! — раздался вдруг из толпы душераздирающий женский крик.

— Слышишь, даже люди просят, — покривился офицер.

Усмехнулся по-своему и Чабан. Они глядели друг другу в глаза, и каждый понял улыбку другого.

Нет, не просила Левчиха. Чабан сразу узнал ее голос. Она заклинала. В этот отчаянный жалобный крик, в одно слово, в один звук его имени, в этот извечный материнский стон вместились, как в тесную клетку, вся ее женская доля.

«Терпи, не поддавайся. Перенеси все муки, что обрушились на тебя. Прими все страдания, как принимали встарину твои прадеды-запорожцы, умирая на острых колах и смеясь врату в лицо. Будь мужественен, чтоб не пренебрегли живые твоим именем, чтоб прославляли тебя, брата-товарища. Молчи, такая уж несчастливая земля наша».

Чабан не сводил с офицера очей.

— Я буду молчать.

— Я уже вижу, — сказал офицер тихим голосом. — Ну, что ж. Тогда до завтра, до утра. Я должен отдохнуть

и иметь свежий юмор. А завтра, как говорится в вашей поговорке: «Ой, хоть крикни — не докрикнешь, ой, хоть свистни — не досвистнешь». Я не даром долго изучал твой язык.

— Ну, это еще посмотрим, — сказал Чабан.

— Помолчи. Завтра я сам выколю тебе глаза и отрублю руки и ноги. Потом я отрежу тебе язык и вырежу большую звезду на груди.

— А зачем? Зачем вам моя звезда и язык, и вырванные очи? Зачем они вам? Вам же нужна только моя смерть.

Чабан даже подался весь к офицеру. Он пристально вглядывался в серые водянистые глаза офицера, в морщины на лбу и губах. Он хотел проникнуть в его странную таинственную душу. Он никогда не думал, что на свете могут быть такие люди.

— Вам же нужна только моя смерть!

— Обыкновенная банальная смерть — это примитив, — сказал офицер и достал из кармана записную книжку. Он любил записывать мысли, казавшиеся ему достойными истории его отечества.

— Зачем? — продолжал офицер. — Я романтик войны. Ты этого не понимаешь. Собственно говоря, я сказал это совсем даже не тебе. Я записываю свои мысли вслух... Так... Сегодня кто-то прошел по Европе, тот кое-что пережил, тот жил, понимаешь, жил!.. — рука офицера быстро забегала по книге мемуара. — Если под жизнью, конечно, разумеешь фаустовский принцип — хотеть все знать, все пережить, все, что может дать человеческая жизнь, короткая, как мгновение, в понятии великого или отвратительного, как эта яма и эта виселица, доброго или злого, высокого или мизерного... Впрочем, это философия, — закончил писать офицер и взглянул на Чабана. — Ты понимаешь?

— Пойди ты к такой матери, черт бы твою душу забрал нехай, — сказал Чабан и отвернулся. У виселицы стояли в ожидании его смертной казни несчастные его люди.

— Так, — сказал офицер, словно не слыша Чабана. — А перед тем я при-

ажу изнасиловать твою жену, чтоб ты видел свой собственный позор. Я убью вонх детей, чтоб не осталось на земле всего следа, так как это земля уже аша. Потом тебя повесит твой бывший сосед. Он давно об этом мечтает, ще с Сибири.

Чабан оглянулся. За спиной у него голя, как привидение, высланный кукак Максим Заброта. Откуда он появился? Чабану показалось, что он даже пошатнулся. На одно мгновение он видел свой последний день. У него ересохло во рту, и он с трудом облизул губы. Заброта тоже весь побледел и тяжело задыхался. Офицер был явно доволен встречей соседей. Он был опытный, утонченный специалист.

— Ты партизан. Я не должен обойтись с тобою просто. У меня есть свой престиж, а ты сильный клиент. О, я же вижу тебя в процессе! — и офицер вдруг так сверкнул глазами, что Чабан даже вдрогнул.

— Сегодня он переночует в лагере за проволокой, — приказал он по-немецки своей команде. — Пусть немногочью померзнет. Завтра ему будет карко.

И офицер ушел.

— Стой, куда пошел! — сказал вдруг Чабан тоном приказа. Офицер остановился, невольно поддавшись его властному тону.

— То, что ты сказал, есть непотребство, недостойное человека. Нечеловеческая смерть — это единственное, что ты можешь мне учинить. Это твоя специальность. Но ведь душа моя свободна от тебя? Ее ты ничем не разрубишь и глаз ей не выколешь. Ты меня пугаешь моим «завтра». Так вот завтра, как и сегодня, запиши себе в книгу, — «ой, хоть крикни — не докрикнешь, ой, хоть свистни — не досвистнешь». Я смеюсь над тобой! — Последние слова Чабан прокричал громко, чтоб всем было слышно, чтоб хоть немного подержать людей, стоявших у его петли.

— Прошу без агитации, — гадливо поморщился офицер и подошел близко

к Чабану. — Напрасно просишься на пулю. Завтра умрешь, как я сказал.

И ушел в хату.

★

У шоссеиной дороги, за селом, там, где когда-то из-под обрыва брали песок, в провалье расположился лагерь пленных. Он был обнесен высокими свежими столбами и обмотан густой колючей проволокой. Над обрывом и по углам стояла сильная стража. Всякая попытка не то что бежать, а даже прикоснуться к проволоке, каралась верной смертью из автомата.

Тысячи людей, лишенных оружия и закона, умирали в этом лагере невольниками на своей растерзанной земле. Они были полуголые и босые и так истощены горем утрат и холодом, и грязью, и вопиющим голодом, что уже и сами себе казались не людьми, а каким-то невиданным созданием большого воображения, каким-то символом недоли и горя. Они умирали день и ночь сотнями от голода и ран, передавая живым последние поклоны и прощания своими белыми губами, и мертвые лежали среди живых, и живые не плакали над мертвыми, так как хотели хлеба, хлеба, хлеба!

Трудно найти словесные краски, какими можно было бы написать картину этих лагерей, и прошумят, может быть, долгие годы, пока родится новый Данте и создаст своим гением, приумноженным неслыханным множеством людского горя, новую «Божественную комедию» для грядущих поколений, как величественное воспоминание про дорогую цену, что заплатил наш народ, когда на его широких кровавых полях решалась судьба человечества.

Сегодня дантовому аду посчастливилось. Днем приезжали из Берлина кинооператоры. Пленным бросали с обрыва дохлых лошадей, и они разрывали их зубами на куски и глотали, и грызли лошадиные кости, — так страшен был голод в лагере. Операторы снимали это кормление привидений, чтобы весь немецкий мир видел, все немки и немчата, какие поганые и некрасивые люди, против которых Империя подняла свой меч.

Вечерело. Невольники позалезали в норы и стучали зубами от холода. Под холодным осенним небом лагерь казался огромным кладбищем разрытых могил, где лежали на дне живые покойники.

Из одной могилы тихо возносилась вверх песня про горе, и не про людское, ну его горькое да некрасивое, а про горе чайки-горемыки, что давным-давно когда-то вывела было чайчат при широкой дороге. Про далекие чумацкие дороги и про беспечных чумаков, что все пели себе, за возами идучи, и согнали чайку, и детей забрали. Как билась чайка о дорогу, как припадала она белой грудью до сырой земли, как жалобно молила певцов дорожных, — «Ой, верни мне чаенята, я їх рідна мати».

Гремели выстрелы часовых, и раздвигали песню автоматы. Над лагерем стоял сладковатый трупный смрад и тяжелая невыразимая печаль.

За колючей проволокой сидел Чабан и плакал.

Кто завтра крикнет ему: «Слышу?!» Кто поддержит его добрым словом, когда начнет ломаться его воля от хруста костей и сдирания кожи, когда боль выйдет из берегов, выльется лавой из вулкана и начнет заливать мир, когда начнет он падать духом, а надо будет крикнуть в последний раз на все село: «Не забудьте!» Отпразднует ли завтра он достойно свой страшный праздник? Когда-то в детстве страшный суд представлялся ему тоже, как праздник.

На темное небо выходили звезды. Чабан посмотрел вверх. Небо было огромное, торжественное, вечное. Далекие звезды освещали его холодным безразличным светом. Ощущение вечности и бесконечности мира опустошило его усталую душу и немного успокоило.

— Что смерть моя и смерть моих детей? — подумал Чабан. — И что мои мизерные муки, когда исчезают в небытие тысячи наших людей, гинут семьи, гинут целые роды без числа и края.

Чабан опустил голову и начал трогать и гладить свои руки и ноги.

— Какие у меня хорошие, сильные ноги и руки! Сколько хлеба напахали они, сколько сена накосили и собрали в стога, сколько людей накормили сколько походов прошли!

Он закрывал руками глаза и, глядя на звезды, снова раскрывал их — как они видят и как не видят. Как быть слепым. Он готовился к завтрашнему дню, словно борец к неслыханному состязанию.

— Не дождешься, офицер, услышат мой голос! Не дождешься...

Он так сжал челюсти, что у него затрещало в ушах, и он с трудом разнял их.

— А, может, выручат партизаны? — подумал он и даже стал вглядываться за проволоку, в кусты, не идут ли еще хлопцы.

Нет, не выручат его партизаны. Далеко они за рекой, в лесах и оврагах. Много немцев ночует сегодня в селе.

Когда-нибудь ночью, где-нибудь в лозах расскажут им, как умирал их командир, как презрел он свою смерть, чтоб не забыли они его, пока живы будут, и отплатили врагу щедрой рукой.

Он был их предводителем еще с детства, когда они начинали пасти гусей, потом телят, потом перешли в конский класс и стали ходить на улицу к дежачатам.

Уже тогда все подчинялись его особенной натуре.

Он любил ловить с ними рыбу. Он стал вспоминать рыбную ловлю, и его вдруг затошнило. Голод снова набросился на него, словно дикий зверь, и впился ему в живот и в горло.

Как хочется есть, как хочется есть! Дайте хлеба. Принесите кто-нибудь хоть корочку...

— Петро... Петро... — как-будто слышался издали женский клич. Чабан поднялся и стал прислушиваться.

— Петро... это ты, Петро? Я принесла тебе поесть! Хлеба, картошки и груш...

Он узнал голос Левчихи. Она притаилась где-то в кустах и тихо-тихо звала.

— Я сейчас положу возле проволоки и уберу. А ты возьми и никому не давай, надейся, слышишь? А утром доешь, крепче будешь. Слышишь?

— Слышу, — глухо ответил Петро.

— Гляди, я бегу, — тихо, шопотом простонала Левчиха и выбежала из кустов прямо к нему.

Прогремел выстрел — ррр...

— Ай! — испугалась Левчиха и тихонько упала мертвая на песок. Узелок с разгону пролетел немного вперед и упал возле проволоки.

И дающая правая рука ее с разгону тоже протянулась вперед и поникла.

Чабан припал к земле и быстро приполз к проволоке. Изю всех сил он протянул руку к хлебу и не достал.

— Тетушка, — прошептал он, хватая пальцами песок.

Левчиха не отзывалась. Она лежала маленькая, аккуратненькая, в праздничной одежде. На ней была чистая сорочка, которую она давно еще держала в сундуке на смерть, и старинная длинная безрукавка, и новая черная юбка в мелких синих цветочках. А на шее даже ниточка мелкого кораллового мониста с дукачом еще с девичьих лет. Она предвидела свою смерть. Вечный покой уже разливался по ее челу. Оно словно светилось в сумерках.

Не вернemo, чайко, ти матінко наша,
З'їли твоїх чаєнятoк, добра була каша.

Разносился над лагерем из ямы тихий чумацкий реквиem. Неумирающий голос седых столетий звучал в темноте над колючими проволоками. Уже ничего и не просил он, не упрекал, не проклинал. Была уже в нем одна примиренность с неумолимым бегом времени и очищенная, настоянная на сухих цветах давности, прозрачная печаль.

*

Над мертвой Левчихой стоял начальник службы порядка Максим Забрoда с желто-голубой повязкой на руке. На груди, на ремне блестел у него автомат. Чабан встал, и они сразу узнали друг друга.

— Хорошо поет недоля, — тихо сказал Забрoда.

Он перешагнул через труп Левчихи и подошел к проволоке.

— Сегодня не мешало б и тебе заглянуть что-нибудь, га? Я пришел послушать. Спой что-нибудь, слышишь?

Из-под нахмуренных густых бровей смотрели на Чабана тяжелые глаза Забрoды. Они даже светились изнутри. Сквозь них словно пробивалось пламя разъяренной целой четвертью непринятого столетия темной забродиною души.

— Подай хлеб! — приказал Чабан и сделал шаг вперед.

— Гальт!.. Покушать захотелось? Давно пора чего-нибудь там перед смертью.

— Ты убил? — глухо спросил Чабан.

— Кого? — Забрoда оглянулся. — А, Левчиха... Да что там Левчиха! Мне вот тебя жаль. А придется завтра, как у вас говорят, выполнить офицерский план. Ой, будет болеть, Петро! Сорвутся с твоего языка и партизаны, и оружие, да будет поздно. Жалко.

— Не нужна мне твоя жалость.

— Такая душа у меня. Ненависть у меня к тебе, Петро, старая, как застарелая болезнь, а вот пришел твой смертный час — жалко... Может, что-нибудь придумаем?.. Скажи, где партизаны и оружие. Может, придумаем, га? — Забрoда близко-близко заглянул Чабану в глаза.

— Уйди от меня, сатана. Иди, погавкай офицеру, что на мне земли ты не заработаешь. Пойди, вот он стоит под деревом, я вижу.

— Ну, что ж, вечная тебе память за такой характер. А я, глупый, думал было...

— Что? Заработать на партизанах? Иуда.

— Эге, Христос нашелся. Я уже заработал и так немало...

Забрoда поднял кулаки.

— Сводил ты со мной счеты, Чабанюта, сводил. Теперь вот я с тобой сведу. Теперь заъем советску власть... и Левчиху... Вишь, паскуда, нарядилась, словно на пасху!

— Не смей так говорить про нее, слышишь! — крикнул Чабан. — Не смей! Она святая.

— Кто? Ты думаешь, не знаю, где сын ее? В лозах у тебя.

Заброда бросил на песок автомат и подошел к самой проволоке.

— У... ты... Боишься?

— Кто-о?

Дальше они не выдержали и вцепились друг в друга сквозь проволоку.

Долго говорили они у колючей проволоки. Говорили о земле, про кулаков, про ссылку, про голод, про смерть, про измену.

Они плевали друг другу в глаза — один Сибирью, чужбиной и страданиями, другой — Гитлером, немецкими погромами и пожарами, и виселицами и немецким рабством, и ненавистью к Гитлеру всего мира. Ненависть разбушевалась в их пламенных душах и вырывалась страшными взрывами, одна против другой.

Они били друг друга тяжелыми ржавыми обломками своей тяжелой истории, и оба стонали от ударов. Они шипели, как змеи, друг другу в раскрытые рты про Богдана, про Мазепу, про царей, про Петлюру и Гитлера и рвали, кто что ненавидел, и топтали ногами.

Они то отходили друг от друга, то снова сходились и снова схватывались, и вглядывались друг другу в темноте в сверкание глаз и зубов. Они душили друг друга и прижимали грудью к проволоке, и колючая проволока впивалась в их лбы, и кровь стекала с них, и ненависть, и страсть.

Они говорили то тихо и медленно, как бы нехотя, утомившись, и тогда слова вырывались из уст, как одинокие выстрелы, то внезапно, когда ненависть снова начинала раздирать их горячие души, они расстреливали друг друга в упор бешеными ураганами слов. Тогда слова вылетали из них с быстротою необычайной. Слова часто сталкивались на дороге, сбивались в кучу, ломали, уродовали друг друга и, разрываясь, разлетались в куски, в крик, в вопль, в хрип, в стон. Тогда пена закипала у них на побелевших губах, и брызги вылетали изо рта и казались ночью искрами, как у разъяренных драконов.

— Пусти меня, немецкая псина... Ай... Пусти!

— Ага, просишься, гад? Вот завтра вытянем из тебя жилы. Нарезем красных звезд из твоей проклятушей шкуры!

— Режьте, чорт вашу душу бери!

— Сам буду резать. Слышишь? Упад перед офицером на колени, выпрошу. Сам!

— Слушай, Иуда, нечистая сила! Неужели тебя породила земля наша?

И Чабан оттолкнул Заброду.

Всего народила богатая украинская земля. Добро и щедро удобрена она с давних времен. Много рыцарей и сеятелей пахали ее копьями и орами. Много нечисти засоряло ее мусором. Богата и трудна душа народная. А люди... «Буде ж теперь їх по горах, по долинах, ой буде ж теперь їх по чужих по країнах».

— Что ж вы натворили, немецкие предатели? — сказал Чабан, когда Заброда поднялся и снова подошел к нему. — Откуда налетели вы, черные вороны? Слышишь, темная сила? Все равно: пропадет ваш Гитлер. Ничего, что я погиб. Не страшна мне смерть. Слышишь? Но страшно мне, когда подумаю, где ж погниют кости обездоленных Гитлером бедных наших людей? В каких Африках, в каких Скандинавиях? В каких песках и в чьих морях?

Заброда схватил Петра за руку.

— У... Пусти, не крути руку, немецкий раб!

— Кто раб? Я раб?

— Ты. А ты думал, кто ты?

— Я...

— Ага!

— Пусти меня. Я не хочу говорить с тобой, — сказал Чабан. — Оставь меня одного. Я хочу перед смертью немного подумать. Иди. Я хочу очиститься от твоего прикосновения. Я народный партизан. Слышишь? А ты... труп! Мертвый ты!

Чабан посмотрел на Левчиху.

— Подай мне хлеб, слышишь! Хлеб подай! Я не буду его есть. Я поцелую его!

— Не подам!!! — осатанел Заброта и начал бешено топтать узелок с черным хлебом и мерзлую руку Левчицы.

Чабан словно окаменел. Он увидел свою смерть — вот она, совсем близко, лютая, неумолимая. И проснулась в Чабане нечеловеческая жажда жизни. Из широких украинских степей, из дебрей, из темных оврагов повеяло на него гарью истории, головнями, дымом и кровавым паром.

Страсть борьбы и мести, вся воля, весь разум, все вспыхнуло в нем с такой страшной силой, что он в одно мгновение словно возвелся в какую-то необычайную степень, близкую к взрыву.

— Стой, собака! — прохрипел он и страшно сверкнул глазами. Заброта остановился.

— Га?.. Ага!.. — как-то иступленно агакнул он, раскрывши рот, и повернулся к Чабану.

И бросились они на проволоку еще раз уже молча, ударились грудью, обнялись, и тут только Заброта почувствовал, что он погиб.

Это был уже не тот Чабан. Словно железными клещами, впился он в Заброту, обхватил его, оторвал от земли, поднял, крикнул и, тяжело дыша, изо всех сил рванул его на себя и прижал горлом к проволоке.

Не выдержала проволока, порвалась. Тогда, схватив голой рукой проволоку, Чабан закрутил ее вокруг Заброты и завязал на его жилистой шее смертельный узел.

Потом, разогнавшись, он бросился на проволоку, как лев. Железные колючки впелись ему в босые ноги, в руки, в грудь. Они рвали и раздирали в куски его тело, но он уже ничего не замечал.

Он вырвался на волю.

— Гальт! — рявкнул из-под дерева офицер и, торопливо вытягивая из деревянной коробки маузер, бросился к Чабану. Он не ожидал такого поворота действий. Чабан вылез уже на ограду.

— Гальт! — крикнул еще раз уже возле самой проволоки и прострелил

лицо Чабана почти в упор. Стрелять второй раз ему уже не довелось. Молниеносным прыжком Чабан обрушился на него сверху, опрокинул и убил одним ударом кулака в ухо. Удар был такой страшной силы, что офицер умер мгновенно. Но Чабан не мог уже остановиться. Выплюнув офицеру в лицо с десяток своих зубов, он бил его по голове так, что кости пальцев поломались в кулаке.

— Ой, хоть крикни — не докрикнешь.. не докрикнешь..

Загрели выстрелы. Тогда Чабан схватил автомат Заброты и выпрямился, весь в крови, горячий и вдохновенный.

— Гей! Подымайтесь, кто сильный да дужий! Гей, кто хочет жить, вылезай из могилы! Вставайте, гей!

— Гальт! — кричали немцы, выскакивая из караульной.

— Разгибайте спины! Разрывайте проволоку!

— Гальт! Гальт!

— Ура-а-а! — загремело в лагере.

— Слушайте! Слушайте, кто презирает рабство!..

— Вперед, братья! Ура-а-а!

И вылезло из могил, из пещер, из ям все, что было за проволокой. Все разогнулось, встало и бросилось на проволочный забор с такой силой, что он упал и в одну минуту погруз в песок, под тысячами ног.

— Свобода!

Уже передние ряды достигли кустов. Уже кое-кто думал, что все спаслись, только ударили вдруг проклятые немцы из доброго десятка автоматов в самую людскую гущу. Множество людей покатилося на землю, застонало. Кое-кто в смятении остановился.

— Не останавливайтесь, не стойте, пропадете все! — гремел Чабан. — Слуша-а-ай!

Такого еще не видели ни украинская луна, ни звезды. Чабан был вдохновенный, как пророк. Его уже ничего не брало. Он один уничтожил добрую половину немецких автоматчиков. Когда у него кончились патроны, он бил немцев автоматом, как булавой, и убивал

с одного удара. Для него словно не существовала темнота. Он видел всех и все. Он выводил людей за Десну, туда, где было зарыто оружие:

— Не отступать! Вперед, за мной!

Устилая дорогу трупами, бросились за Чабаном через кусты в лозы окруженцы. Никто не отступил, ни одна душа. Так хотелось жить. Так хотелось жить, что вода закипела в Десне, когда бросились ее переплывать люди. Прыгали с обрыва в Десну даже те, кто сроду не плавал, и, не умеючи плавать, переплывали, перелезали Десну, удивляясь своей необычайной власти над водой. Только некоторые, у кого от голода нехватало силы или страсти, или кто был ранен, те не смогли победить своего неумения плавать. Они по-

гибли в чистой Десне, не замечая, что они тонут. Но и в последнее роковое мгновение им еще казалось, будто они летят на свободу, и радость не покидала их до самой, до самой смерти.

И только кое-где показывалась из Десны трудовая рука, как бы посылая живым свой последний привет:

— Прощайте, товарищи! Выплывайте на берег! Выплывайте, братья, да добре отомстите за Украину! Да будьте счастливы, да непременно ж будьте счастливы!.. Потоплю...

И исчезала трудовая рука в седой воде, потопала.

А Петро Чабан с братьями гуляет по пойме над Десной, живой и здоровый и сеет смерть немецким оккупантам щедрой украинской рукой.

Рука отяжелела

Повесть

А. ПАНФЕРОВ

★

1. НЕОЖИДАННОСТЬ

Три дня мы ждали погоды в деревне Сухая Глушица.

За день перед этим мы вместе с Иваном Кузьмичом Миловым вышли в поле, пустили гончих собак — широкопрудого, «нечистого на руку» кобеля Орлика, ласковую суку Томку и их сына, неопытного, молодого Громилу. Милов, получив мою телеграмму, что после ранения на фронте мне дали месячный отпуск и что часть этого отпуска я решил провести у него на охоте, все сделал, чтобы охота удалась на славу. Собаки ходили с задором, даже с азартом. Признаться, с азартом ходили и мы, но подняли только одного зайца, и тот оказался ушлый, то-есть такой опытный, такой мастер своего дела, что даже Милов, прекрасный знаток всех зайчиных приемов, и тот сказал:

— Ну, знаешь ли, это не просто заяц. Это академик. Смотри, какие выкрутасы откальывает: собаки по его следу, а он петлю — и снова на старый след. Собаки за ним, а он влево — и дует по собачьему следу. Академик. Честное слово.

Так и ушел от нас этот заяц.

А больше за весь день мы и не подняли ни одного, хотя Милов и уверял меня:

— Тут их, в этом поле, пополам с землей.

— Ты, Иван Кузьмич, настоящий охотник, — сказал я ему, когда мы, измученные, разбитые, вошли во двор.

— А что?

— Врешь здорово. «Пополам с землей!» Я к тебе приехал за триста километров от железнодорожной станции, а у тебя во всем поле один заяц, и тот академик.

— У тебя в охотничьем деле, вижу я, молоко еще на губах не обсохло, — зло пробурчал Милов и, отодрав сосульку от бороды, продолжал: — Что сегодня произошло, если посмотреть в разрезе данного вопроса? — Иван Кузьмич в таких случаях всегда любил говорить витиевато. — В разрезе вопроса произошло то, что завтра, гляди, буран будет. О зайце думают — он глупый, а он хитрый: буран за три дня чует. Человек не знает, какая погода будет через два-три дня, а заяц знает, и, если буран, то будет лежать так крепко, будто гвоздем приколочен.

— Ну, еще бы!

— Вот тебе и еще бы!

Но в рань утра, в самом деле, небо позеленело, а откуда-то с севера, точно он там был долгое время на привязи, сорвался такой ветер, что мы просто не знали, куда от него деваться: он трепал нашу избушку, словно собираясь ее закинуть в посиневшее небо, рвал деревья, срывал с земли снег и метал его во все стороны, как оголтелый.

— Это чорт, — говорил Милов, заглядывая в промерзшее окно.

— Почему чорт?

— По уверению Николая Васильевича Гоголя.

— Ну, да?

— Этак. Николай Васильевич Гоголь уверяет, что так крутится чорт, когда ему удастся соблазнить старую набожную деву. Факт.

— А ты веришь?

— В чорта — нет, а в Николая Васильевича — да, — и снова Милов лез на печку, кутался там в тулуп и засыпал, как барсук в норе.

И на следующий день снова говорил он, заглядывая в окно:

— Это чорт!

Кому хорошо жилось в эти три дня, это нашим собакам: они объедались кониной. Орлик при этом показал, какой он «нечистый на руку»: он поочередно обжирал то Томку, то Громилу.

— Не собака, а лев какой-то: дай целую лошадь — сожрет. И куда только в него лезет? — удивлялся Милов.

На четвертый день ураган стих. Чуть свет меня разбудил, Милов и почему-то шопотом, несмотря на то, что в избе была только его жена, сказал:

— Ну, теперь пойдём. Хотя надо бы завтра. Сегодня заяц еще не вставал: следа свежего боится, как чорт лада-на.

— Опять чорт и опять погода, — проворчал я и, нехотя поднявшись с постели, поплелся за Иваном Кузьмичом.

В поле он дал мне подержать собак, сам куда-то сбегал, что-то долго вынюхивал в кустарнике, затем подошел ко мне и снова шопотом:

— Стой тута и гляди вот на эту тропу. Эта тропа и есть зайчиная шаша, или, по-вашему, шоссе. Стой тут! — И он вместе с собаками скрылся от меня.

Прошло минут десять, и вдруг я услышал такое радостное завывание Томки, как будто ей под самый нос поднесли жареного гуся. А через миг в ее завывание вплелся молодой голос Громилы. И тут же, словно состязаясь с ними, запел победоносно басом Орлик.

— Ах, погнали! — воскликнул я и забыл все на свете.

Вы не верите мне, что я в этот миг

забыл все на свете? Ну, значит, вы охотник, а просто презренный сидень преферансом — вот вы кто. А Хотите вам расскажу, как мой друг, инженер прооходил свою невесту? Да, а Поехал вот так на охоту, день — буря, второй — буря, третий — буря... И десятый все стихло. Удача. Настрем зайцев, приехал домой, а невеста вышла за другого: она решила, что друг не просто издевается над ней, и вот на з ему вышла замуж за другого...

...Смотрю, прямо на меня по шоссе несется заяц. Он сжался в комоч, стобился, приложил уши и несется пуле. Я вкинул ружье и, моля охотничьего бога, чтобы не промазать, спустил курок. Заяц несколько раз перекувырнулся и упал.

— Ага! Есть! — воскликнул я, поднимая за задние ноги зайца.

Вскоре и Милов снял зайца. Потом снял я. Потом Милов сразу пару... и через несколько часов на лыжах Милова поленицей лежало одиннадцать штук: пушистые, с серебристыми спинками, жирные.

— Ну, что? Ну, что? — хвастался Милов. — Ну, что? А-а-а! То-то! Что ж, хватит, что ль? На развод надо оставить. Домой, что ль?

— Ну, домой.

— Академика только надо достать!

И он повел меня на то место, где мне несколько дней тому назад гонял зайца-академика. Милов разыскал его на лежке, поднял. Собаки его тоже признали и взяли в такой переплет, что первые минуты бедняга не знал, куда деться. Как циркач, он прыгал через кустарник, а то вдруг забивался в такую чащобу, что, казалось, его оттуда и огнем не выкурить, но собаки и оттуда выгоняли... Тогда он начал применять свои излюбленные приемы: путать собак на следу.

— Ага! За старое взялся, — выкрикнул Милов и кинулся наперерез академику, норовя его поймать на старом следу. — Вот тут-то я тебя и прихлопну.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Из синеющей зимней дымки вы-

пыли рога и коровья голова. За ней другая, третья... И вот огромное стадо коров надвинулось на нас, как туча... Заяц-академик вырвался из кустарника и со всех ног шархнул в стадо. Собаки остервенело рванулись за ним. За собаками — Милов.

— Куда ты гонишь? Куда тебя чорт несет? — заорал он на пастуха.

Но было поздно. Академик-заяц пропал в стаде.

Собаки, как вкопанные, остановились: коровий запах перешиб им запах зайца.

А Милов бушевал, наскакивая на пастуха:

— Ну, куда ты? Куда ты гонишь? Ай не видишь?

— Куда? — передразнил его пастух. — В армию, вот куда. Резервную армию в степи создают. Слыхал ты, или ты чумазый? Вот, мы, колхозы, и гоним бойцам нашим мясо.

Милову стало стыдно, и он примолк. Издали, выныривая из зимней дымки, выплывало стадо за стадом — жирные, пестрые, рыжие, черные коровы. Заходящее солнце играло лучами на их колыхающихся спинах.

— Т-е-ек-с, — протянул Милов и вдруг сорвался с места, кинулся к пастуху. — Возьми-ка! Возьми! — торопливо и взволнованно заговорил он, привязывая веревку с лыжами, на которых лежали зайцы, к поясу пастуха. — Возьми-ка зайцев. Одиннадцать штук тут. Бойцам.

Так мы и второй раз вернулись домой с пустыми руками. Ребятишки кричали нам:

— Что? Видно, зайцы умирать побежали? Дяденька! Пстой-ка. Я тебе сейчас на гумне поймаю!

А Милов, подойдя к калитке своего двора, повернулся ко мне и тихо проговорил:

— Ну... я решил — уйду! — он произнес это так, как будто я знал его тайные помыслы, а я недоуменно спросил:

— Куда?

— Придумаю что-нибудь такое, отчето немцу икнется, — и близко к моему уху, обдавая меня горячим дыханием,

сказал: — На завод уйду. Ты, однако, жене моей ни-ни. На охоту, мол, уезжаем... У меня только вот малость спина болит. Ну, я к Ивану Ивановичу заеду... Иван Иванович? Доктор. Левченко. В Кудряше.

— Левченко? Это не отец ли комиссара Левченко?

— Возможно, что он. Но мы его знаем как замечательного доктора.

2. ДОЧКА

Городок находился далеко от столицы. Кудряшом он назывался, может быть, потому, что весь был в кудрявых липах, а, может быть, потому, что тут когда-то поселился какой-то Кудряш-забубенная голова. Но в городке этим никто не интересовался. Жители были заняты другим: одни собирали по берегам реки ракушки, другие на фабрике выделяли из ракушек пуговицы, и все в один голос говорили:

— Ну-у. У нас город промышленный.

Одним словом, городок был глубокомирный, из сосновых бревен, избы с витыми карнизами, палисадниками и пестрыми петухами на трубах. Только на центральной площади, рядом с кафе «Долина роз», красовался трехэтажный кирпичный «Дом специалистов». Название такое очень нравилось жителям городка, и они ревностно относились к тому, кого вселяли в этот дом.

Первым в «Дом специалистов» въехал местный доктор Иван Иванович Левченко, и жители городка единогласно одобрили такое вселение: Иван Иванович пятьдесят четыре года прожил в этом городке и знал всех, как и его знали все. Многие помнили его еще малышом — вихрастым, шустрым, с задраным носом. А женщины городка помнят его юношей, когда он приезжал на каникулы и шеголял в студенческой шинели по улицам Кудряша. Ах, как тогда у девушек горели глаза и как завидовали ему парни! Но с тех пор прошло больше тридцати лет, девушки давно превратились в мамаш, да и у Ивана Ивановича сыну двадцать четыре года. Все, между

прочим, ждали, что Иван Иванович сына своего пустит по той же дорожке, по которой шагал сам. Но Василий Иванович на первом курсе сделал крутой поворот и через несколько лет превратился в агронома. Жители городка ахнули.

— Да как же это, Вася-то у вас? А-а-а? Батюшка ваш у нас доктором были, вы тоже. Придется вам уж дочку определять по докторской линии.

— Да, придется, видно, дочку, — отвечал Иван Иванович и нежно улыбался.

Дочку, семилетнюю Нину, сероглазую, с темно-золотистым клоком волос надо лбом, очень похожую на мать, Иван Иванович любил больше всего на свете.

— Крепко-крепко, — требовала она, стараясь всем лицом приласкаться к его большому ладоням.

— Крепче крепкого, — отвечал он.

— Крепче всех пап?

— Крепче всех пап. А ты как, Нинуха?

Нинуха закатывала глаза и, встряхивая золотистым клоком, вскрикивала:

— Я тебя крепче-крепче и еще сто раз крепче.

Нинуха была самая большая радость Ивана Ивановича. Вторая его радость заключалась в том, что он был неизвестен и в медицинском мире. Тридцать лет он тщательно изучал народное лечение и немало извлек из этого пользы для своей врачебной практики. Однажды один крестьянин порубил ногу, положил на рану колесной мази, забинтовал ее, и рана быстро затянулась. Иван Иванович исследовал колесную мазь и составил свою — из чистого дегтя, формалина и рыбьего жира. Эту мазь он применил к больным и получил хороший результат. Как-то раз он попробовал свою мазь на больном, у которого была отморожена рука, и снова получил удовлетворительный результат. Тогда Иван Иванович послал свою мазь в «соответствующие медицинские комиссии», и вскоре в аптеках

появились баночки с надписью «Мазь доктора И. И. Левченко». А потом: Потом случилось вот что. На севере страны работали десятки тысяч лесорубов. В эту зиму грянули жесточайшие морозы, и среди лесорубов появились обмороженные. Тогда доктора применили мазь Левченко. Она очень помогла Правительству за это наградило Ивана Ивановича орденом Трудового Красного Знамени.

★

И вот грянула война.

В тот час, когда правительство сообщило о том, что в раннее утро, без предупреждения, немцы накинлись на Страну Советов, — в этот час дрогнули миллионы сердец матерей.

— Да-а. Война. Ну, что же, аа-а? — входя в квартиру, проговорил Иван Иванович.

Елизавета Ильинична, его жена, мать Василия Ивановича, поправила седеющие волосы и, ничего не ответив, почему-то улыбнулась.

— Вы чего улыбаетесь, матушка? — спросил Иван Иванович. Он в таких случаях всегда полусутя переходил с ней на «вы». — Улыбочка ваша к чему? — и тут Иван Иванович увидел глаза Елизаветы Ильиничны, какие-то бездвижные, смотрящие куда-то вдаль, через стены квартиры. Он подошел к жене, обнял ее и тихо проговорил:

— Ведь не один наш. Миллионы поднимутся.

— Да. Да. Я это знаю, — ответила мать, и вскоре во всех комнатах появились портреты сына: Вася — мальчи, Вася — учится ходить, рот его разинут, Вася — школьник, Вася — юноша, Вася — агроном. Портретами этими были увешаны стены, уставлены столы, а мать все откапывала новые и новые. После этого казалось, что во всех четырех комнатах живет только Вася, теперь Василий Иванович, комиссар полка.

Ниночка каждое утро обходила портреты и разговаривала с Васей на своем языке. За ней шла мать и еле слышно шептала свое:

— Вася. Мальчик мой! Мне дорога родина, но так же дорог и ты.

Так тянулись дни, месяцы. От Василия Ивановича с фронта было получено одно письмо, из которого было ясно только то, что он жив, здоров, что очень хочется ему посмотреть на отца, на мать, на маленькую Нинуху.

Иван Иванович жадно набрасывался на газеты. Читая о немецких зверствах, о грабежах, он иногда говорил своим коллегам:

— Как же, позвольте? Как же это? Выводят мать и у нее на глазах зарубают двенадцатилетнего сынишку только за то, что тот не отдал немцам своих голубей. Как же это? Не вяжется. С человеческим обликом не вяжется.

Пожилые коллеги разводили руками, а Наташа Крайнова, молодой врач, сверкая глазами, вскрикивала:

— А если человеческий облик потеряли?

— Но ведь это немцы. Понимаете? Кох. Рентген...

— Кант. Гегель. Гейне. Шиллер. Что вы мне на них указываете? — перебивала его Наташа. — Их фашисты устранили. Они подыскали себе другого — Гитлера, потому что те предлагали жить честно, трудиться, любить людей, а этот — грабить и убивать.

— Да-а, — тянул Иван Иванович и трогал своей уже стареющей рукой молодую упругую руку Наташи. — Видите ли, я не то, что не верю, а просто в голове не укладывается... Вандализм.

★

По приезде в Кудряш я направился прямо в больницу, решив, что лучше всего повидать Ивана Ивановича вне семьи. С полчаса мне пришлось ждать в коридоре. Наконец, когда вышел больной, я шагнул в кабинет. За столом стоял человек в белом халате, с резкой складкой над переносицей и розовым пятнышком под левым глазом. Я сразу узнал в нем отца комиссара Левченко.

— Ну-с, на что... — начал он и, увидев мою улыбку, как-то замялся. — Вы что? Не с фронта ли?

— Да. С фронта. Сына вашего видел.

— Васю? Василия Ивановича? — Иван Иванович плотно прикрыл дверь и, чуть постояв передо мной, держа руку на сердце, вдруг резко сказал: — Рассказывайте. Все. Не бойтесь.

Я рассказал, что полковой комиссар Левченко случайно попал в лапы к немцам, они пытали его, потом его вырвали из рук немцев друзья, затем он находился долгое время в тылу у немцев, партизанил.

— Недавно вернулся и...

— Ну, и?

— Ослеп. От побоев: немцы били, пытали.

Иван Иванович долго стоял передо мной, глядя в пол, затем поднял увлажненные слезами глаза:

— Вы только это... матери...

— Ну, конечно.

— То-то. Смотрите. И еще, у нас есть Нинка... дочка моя... семь с половиной лет. Ей тоже...

— Ну, конечно.

— То-то, конечно, — и снова, чуть подождав, глянув мне в глаза: — А вы его, значит, видели? И руку, поди-ка, ему жали? А-а?

— А как же!

— Знаете что? Могу я вас поцеловать? Вы ведь так близки были к моему сыну, — и он крепко обнял меня, поцеловал и, возможно, мне это только показалось, тихо произнес: Васенька мой!

★

День был зимний, воскресный.

Иван Иванович вышел из комнаты роженицы часов в пять вечера. Роды были очень тяжелые, но молодую женщину удалось спасти. Вот так же тяжело когда-то рожала и его жена Нинуху. Ох, сколько тогда пережил Иван Иванович, и теперь, спасая эту молодую мать, он все время думал о своей жене и о Нинухе. Ух! Нинуха! Какой у нее золотистый клок на голове! Он всегда говорит с ней так, как будто она, с этим золотистым клоком на голове, большая, а он

маленький. И сейчас он придет домой и скажет:

— Что-то уши у меня замерзли, Нануха.

Она обязательно его поцелует:

— Не уши, а уши, папка!

— Нет, уши, — заспорит Иван Иванович.

— Нет, уши!

В таком хорошем расположении духа и вышел из больницы Иван Иванович. Он спустился с крыльца и прищурился: зимнее, яркое, холодное солнце играло на синеватой снежной парче и резало глаза. На заборе сидели две галки и звонко перекликались.

— Значит, скоро тепло: галки кричат по-весеннему, — решил Иван Иванович. И прибавил шагу. Ему захотелось распахнуться. Но в ту самую минуту, как только он пальцами прикоснулся к пуговицам, где-то в небе заревели моторы. — Что же это такое? — подумал он и повернулся, глянул в небо. Над городком бреющим полетом пронесся самолет. Иван Иванович еще не успел сообразить, как вдруг самолет взвился вверх над центральной площадью, и тут же что-то грохнуло, что-то рвануло, над площадью поднялся столб щебня и густого дыма.

— Нелепость. Какая-то нелепость, — пробормотал Иван Иванович и кинулся на место взрыва...

Все было сметено.

На центральной площади валялась разорванная на части лошадь и телега без задних колес, трехэтажный «Дом специалистов» как-то весь покосился, а кафе «Долина роз» как будто не существовало, казалось, не существовало и дома горсовета, гостиницы, мелких домиков с палисадниками и пестрыми петухами на крышах — все было сметено...

Иван Иванович, не замечая ни разрушений, ни стонов, ни криков, обеими руками разгоняя перед собой пыль и дым, пересек площадь и вбежал к себе в квартиру, на нижнем этаже. Как обычно, он хотел открыть дверь и протянул было руку, но на какую-то секунду замер от удивления: двери не было, в косяках торчали острые щепы и висела

ржавая петля. Иван Иванович шагнул через порог. Дунуло сквозняком под ногами закрипело мелкое стекло. Иван Иванович шагнул во вторую комнату. Во второй комнате на полу, ввернув лицом, закинув руки, лежала Елизавета Ильинична, а в углу, будто от кого-то прячась, сидела на корточках Нинка и стеклянными, мертвыми глазами смотрела в дверь.

Иван Иванович тяжело упал перед дочкой и, протянув к ней руки, застонал:

— Нинка! Нинка! Тебя-то за что?

...Над городом опускались сумерки — зимние, густые, тоскливые. Пахло горелой соломой. Иван Иванович, улыбаясь, что-то бормоча, перебирая пальцами отворот шубы, пересек центральную площадь и свернул на окраину города. Выйдя в открытое поле, он сбился с дороги и зашагал прямо по супробам. Наверстачу ему дул холодный, пронизывающий ветер, и ветер трепал на его голове седые волосы...

А в самую рань утра жители городка во главе с представителями местной власти, встревоженные исчезновением Ивана Ивановича, высыпали за околицу. Окопавшего Ивана Ивановича они нашли недалеко от города. Одновременно с этим на снежных равнинах был обнаружен и немецкий самолет. Как выяснилось потом, фашисты сблизались с пути, пронесли далеко в тыл и, видя, что горючее подходит к концу, сбросили бомбы на город. Затем совершили посадку.

Жители городка немедленно окружили их, не подходя к самолету метров на триста. Фашисты выкинули в кабине белый флаг, очевидно, предполагая, что этого вполне достаточно. Но к самолету никто не подошел: люди стояли живой цепью и молча, напряженно следили за самолетом. Фашисты вышли из кабины. Их было пятеро. Несколько минут они смотрели на людей, затем начали кричать, угрожая револьверами. Живая цепь не двигалась. Фашисты пошли было в сторону, тогда вся цепь колыхнулась, как морская волна, и подалась вместе с фашистами. Те кинулись было в другую сторону — цепь снова

подалась. Так длилось до того часа, когда один из летчиков, самый молодой, упал на колени и, протянув руки к горожанам, что-то закричал, видимо, моля о пощаде.

— А-а-а! Собаки! — опираясь на дубовый кол, винул в ответ сторож больницы Егор Иванович Крайнов, мужчина лет шестидесяти. — А-а-а! Собаки! Бросайте свои пугалки. Все одно не увидите.

Фашисты побросали револьверы, подняли руки вверх, и круг стал сужаться. Люди подходили молча, сначала в два кольца, потом в три, потом в четыре... Из цепи выделился председатель горсовета. Он шагнул к фашистам, вытаскивая из кармана веревку, намереваясь их связать, но в эту же самую секунду с другой стороны из цепи шагнул Егор Иванович Крайнов. Гордо неся свою седую голову, он подошел к подполковнику и, вскинув кол, выкрикнул:

— Это тебе за Ниночку, за Ивана Ивановича, за всех сообща, — и со всей силой опустил кол.

Подполковник присел, хватаясь руками за голову, немцы кинулись в разные стороны и тут же все были схвачены.

3. ИСПЫТАНИЕ

Мирный, весьма далекий от фронта городок Кудряш вдруг необычайно ожилился: жители городка то-и-дело стали бегать на центральную площадь и, глядя на разрушения, разводили руками, охали, как бы не веря, что то, что случилось несколько дней назад, случилось именно у них. Никак не хотелось этому верить. Но дома были разрушены, десятки мирных жителей были убиты и искалечены. Летчиков на следующий день всех перевязали. Все остались живы, кроме подполковника, которого колом по голове убил больничный сторож Егор Иванович Крайнов. Горожане, очевидно, убили бы и остальных, но в дело вмешались местные власти, чем жители и остались весьма довольны. И теперь, то-и-дело забегая на центральную площадь, глядя на разрушения, охая, вздыхая и плача по убитым, искалеченным, они говорили:

— Егора Ивановича, вот кого ко власти: за всех за нас фашиста колом угостил.

И единственный человек, кто не появлялся на центральной площади, это сам Егор Иванович Крайнов: он заперся у себя во дворе, никуда не выглядывал и никого к себе не пускал.

— Герой, а взаперти сидит, как девушка в тереме, — говорили жители и не раз пытались проникнуть к Егору Ивановичу, но всякий раз нарывались на его жену Марию Ивановну, женщину лет под сорок пять, суровую, солидную.

— Спит он. Спит.

— Пятый день спит?

— Пятый. Ступайте: слона во дворе нет, — отвечала она и никого не впускала в домик.

Я пошел к Егору Ивановичу на шестой или седьмой день после всей этой печальной истории. У меня было тяжелое поручение. Сына Крайновых Ваня Крайнов, удалой гармонист, смелый боец, погиб во время разведки от немецкой пули. Егор Ярцев, командир роты, вместе с которым Ваня Крайнов ходил в разведку, там, в тылу у немцев, его и похоронил, сняв с него полевую сумку, в которой оказались фотографические карточки и недописанное письмо отцу, матери и сестре Наташе. Видимо, я еще не сознавал, что поручение у меня очень тяжелое, поэтому своему попутчику Милову сказал, расставаясь с ним у двора:

— Погоди тут. Через десять-пятнадцать минут вернусь.

— Ну, да?

— А что ж? Передам и все, — и постучался в калитку.

Калитку полуоткрыла девушка. Было видно только ее лицо, румянощекое, покрытое мелким пушком. Девушка посмотрела на меня довольно сердито черные до блеска брови сдвинулись, глаза метнули в меня искры, но тут же, увидав, что я в военной форме, мягко спросила:

— Вам кого?

— Я с фронта. Видел вашего Ваню.

— Ваню? Мама! Папа! — девушка

бесцеремонно рванула меня за борт шинели и так, не отпуская, ввела в домик, все выкрикивая: — Папа! Мама! От Вани. От Вани!

Первой навстречу вышла мать. Скрестив руки на груди, видимо, не в силах вымолвить слова, она стала передо мной и, глядя мне в глаза, замерла. Лицом она очень похожа на Ваню: то же сращение бровей над переносицей, те же резкие отвороты ноздрей и такая же властность в лице. Я даже подумал: «Наверное, она — хозяйин в доме. Ей я и передам печальную весть».

— Мама. Ты что же? Мама! — тронула ее за плечо дочь.

— Самовар, — наконец проговорила мать и, подав мне руку, добавила: — Мария Ивановна я. Проходите-ка. Как вас-то звать? Героя, поди-ка, нашего хотите видеть, Егора? Герой. Который уж день не выглядывает на улицу. Вот, говорит, не сдержал я себя. Выскочил раньше всех. Убил, не знаю кого. — И тут же Мария Ивановна резко добавила: — А кто его звал, такого злодея, какой ветер занес? Жили мы и без него. А тут прилетел, дома разрушил, людей поубивал-покалечил. Чего же жалеть-то...

Из-за перегородки вышел старичок. По рассказам, он мне казался огромным, могучим, таким, какими иногда бывают старики-дубы, а тут я увидел, что он низенький, сморщенный, и борода у него спутанная.

— Ишь, как запаршивел. Бороду-то расчеши, — крикнула на него Мария Ивановна.

— Борода, что! Вот она и в порядке. — Егор Иванович расчесал рукой бороду: — Душа вот... Душу никакой рукой не расчешешь. Эх, да, ну ладно. Ваню, значит, видели? — и опустил голову. — Опять ежели его увидите, вы про мое-то геройство ему ня-ни. А-а? Пожалуйста, прошу уж вас. И как я его стукнул, сам не знаю. Понимаете, кол-то прихватил для защиты. Думаю, ежели они на нас нападут, так я хоть колом буду отбиваться. А тут увидел его, офицера, и так во мне все вскипело... и грохнул его по башке... Мать! А мать! Ты что ж! Где у тебя самовар, закуска

и прочее? Наташка! Живей, — и весь преобразился, стал каким-то властным распорядительным. — А вы раздевайтесь. Раздевайтесь.

Я снял с себя полевую сумку, принадлежавшую Ване Крайнову, и хотел было ее сразу передать Егору Ивановичу, но тут же подумал: «Погожу. Пускай старики придут в себя, да и Наташка жалко».

Егор Иванович мелким шажком подбежал ко мне и протянул руку к сумке.

«Узнал, — мелькнуло у меня. — Ну это, пожалуй, и лучше».

— Сумочка? Дайте-ка я ее... Дайте-ка я ее... повешу вот тут, — и повесил сумку у дверей на гвоздь. — Снимайте шинельку-то. Эх, Ванюшку, значит, видели? Он ведь у нас, Ванюшка... Невеста у него тут есть — Лиза. Красавица умница.

Наташа вышла из-за перегородки и в упор посмотрела на отца.

Отец звонко засмеялся:

— Ну, ну. Зашипела, — и сейчас же ко мне: — Наташка все говорит, что Ваня лучше Лизы, а я говорю, Лиза лучше Вани. Девушки всегда лучше парней: у девушек сердца мягче, — в этом корень. Если бы у всех на земле такие же были мягкие сердца, как у девушек, так войны бы сроду не было. Поверьте уж мне, — и снова затосковал. — Вы сами подумайте, вырвались, заплутались в воздухе... Что делают? Бац-бац на мирный город бомбы. Э-э-э! Не подумали, что в этом городе женщины есть, дети есть. Нинка есть. Это дочка у доктора, у Ивана Ивановича. И ее ведь убили...

— Это фашисты, папа, — сказала Наташа и ловко вскинула на стол кипящий самовар.

— Фашисты? Признаю. Да ведь...

— Ты вот что-то страдаешь, хотя убил мерзавца, а не девушку.

— У меня, Наташенька, сердце мягкое, девичье.

— У-у-у, — мать тоже вышла из-за перегородки. — Мягкое. А как, бывало начнет жучить Ванюшку, аж у меня по коже мороз.

— Ванюшку надо было жучить: он мужчина. Жучу его, значит, сердце его делаю мягче. А чего ж, садитесь-ка за стол, — обратился он ко мне.

Откуда, какими путями все это узнается, — неведомо. Но не успели мы сесть по-настоящему за стол, как в комнату вошла девушка — розовая, лет восемнадцати, и кинулась ко мне.

— От Вани? Ну, как он? Ваня?

— Лиза, — намеренно сурово заговорил Егор Иванович. — С нами допреж надо поздороваться. Чай, я тебе вроде отец, что ль?

— А ну вас, Егор Иванович, — и снова ко мне: — Как он там, Ваня?

Я заколебался и, покраснев, сказал не то, что хотел:

— Хорошо.

С этой минуты все и пошло у меня шиворот-навыворот. А отец за столом развернулся. Рассказывая о каком-нибудь жителе городка, он передавал его в жестах, движениях, живой интонации, как хороший актер. Иногда он притворялся, начинал изображать из себя самого отсталого, темного мужика, и тогда поднимался спор между ним и Лизой.

Так мы просидели до поздней ночи. В разговоре часто возвращались к Ване. Я рассказывал, как Ваня играет на гармошке, как его все любят в роте, какой он смелый. И когда я переходил на боевые эпизоды, глаза у матери наполнялись страхом, а отец пристукивал ладонью по столу и выкрикивал: «Так и знал. Так и знал. Он не из трусов. В меня пошел». Мать добавляла: «Хвастаешься. А Ванюшке напиши, чтобы он себя берет». Тогда отец поднимался из-за стола и, расхаживая по комнате, — и отсюда только у него появлялся такой голос, — грохотал:

— Ежели бы мамыши руководили миром, ни одного героя на свете не было бы. Ну, представьте себе на минутку, мамаша посылает Чкалова на перелет. Что бы она ему приказала? Летай, сказала бы она, верхом на палке, а не на самолете. Оно вроде и летишь, а не разобьешься. На войну я гляжу против. Да, Считаю, война штука глупая, человеку совсем не нужная. Честному, конечно, че-

ловеку. Жулику — вот, кому она нужна. Пойти пограбить, чужое добро отнять. А честному человеку взять чужое добро, это все равно, что женщине в лицо плюнуть. Вот как. Но, с другой стороны, раз на нас кинулись, бей в морду, да так, чтобы ни тому, ни другому не повадно было, чтобы другой не полез. Теперь я про сына буду говорить. Я ему долбил всегда — помни, трусость всегда ведет к позорному концу. Всегда. И ты не трусь и не грабь. В огонь надо лезть за честное дело — лезь. В морскую пучину надо за честное дело прыгать — прыгай. А мы страна честная, благородная, значит за нашу страну и надо лезть в огонь и в пучину морскую прыгать.

— Прыгнешь, да и не выпрыгнешь, — мать посмотрела на Егора Ивановича тоскливыми глазами.

Егор Иванович примолк, в глазах у него тоже появилась тоска, но он тут же встряхнулся и тихо произнес:

— Что ж? Потерять сына — великая потеря. А загнать страну под пяту жуликов, превратить людей наших в рабов — есть еще большая потеря. Умереть от пули, конечно, страшно... но еще страшней умереть от того, что народ от тебя отвернется и трусом назовет.

Я глянул на полевую сумку, висящую у дверей, и подумал: «Вот сейчас и скажут про смерть Вани», — но меня перебил Егор Иванович:

— Да ведь вот, не погиб Ваня-то: живой поклон с живым человеком прислал. И придет. Героем придет Ванюшка. Тогда тебя, мать, в президиум выберут, тебе поклон от всего нашего города, и народ скажет: таких сыновей надо растить, как наш Ванюшка. — Егор Иванович произнес это так трогательно, с такой гордостью, как-будто все это уже происходило в городке. Мать смахнула слезы, Наташа сияющими глазами посмотрела на меня, Лиза протянула руки, обняла Егора Ивановича и молча поцеловала.

— Да меня-то за что? Я, что ль, герой-то, Ванюшка герой, — шутовски откликнулся он и тут же сам привлек ее к себе и поцеловал в лоб. — Э-эх, вы-ы!

Жизнь еще по-настоящему не кусала вас, хоть и ученые, — и ко мне, показывая сначала на Наташу, потом на Лизу: — Эта врач. У меня, у больничного сторожа, дочка врач. А эта — учительница. У вдовы, работницы пуговичной фабрики, дочка учительница. Да когда это бывало? Эх!

... Я возился, переваливался с боку на бок и никак не мог заснуть, а, между прочим, на такой мягкой постели я не спал уже несколько месяцев. Мария Ивановна достала чистое белье, новенькое, клинушками, одеяло, положила мне под голову две подушки, мягкие, пуховые. А когда я лег, она, не стесняясь меня, закутала в одеяло мои ноги, погладила рукой по щеке, и тут я понял, что всю свою любовь к сыну она перенесла на меня... И мне не спалось... Я тихо вздыхал, все думая о том, как мне передать семье печальную весть о смерти их сына Вани Крайнова... Тогда ко мне снова подошла мать и шопотом, чтобы никого не разбудить, спросила:

— Что охаеть? Ай плохо постелено?

В темноте я отыскал ее руку, положил ж себе на голову:

— У меня тоже есть мать, — тихо ответил я. — Старушка. Плачет все: три брата на войне. Вот и думаю, как была бы она рада, если бы к ней кто-нибудь из моих друзей заехал и передал бы ей от меня поклон.

— Для матери дите свое дороже всего. Под сердцем своим ведь она его выносила, дите свое.

Все в доме давно уже крепко спали. Не спали только Мария Ивановна и я. Она сидела на моей постели и что-то тихо-тихо шептала. Так я и задремал. Поздно ночью я очнулся. В комнату вошла женщина. Она под села к матери и в темноте спросила:

— Здесь, что ль, он?

— Вот тут, Екатерина Петровна. Тише. Заснул. Мать свою вспомнил, да и в дороге, видно, намотался.

И я почувствовал, как другая рука, холодная от уличного мороза, легла мне на голову, и Екатерина Петровна прошептала:

— Не могла я раньше-то притти с фабрики. Лизутка забежала, сказала,

что от Ванюшки человек военный поклад привез. А я уйти-то не могла. После взрыва решили мы все месть устроить — программу увеличили вдвое. На арми пуговицы вдвое увеличили. Чем уж можем. Ну, и два часа работы прибавил. Вот как. Выдержим. А как же? Зверь то какой ползет на нас.

Я так и заснул под рассказы второй матери, Екатерины Петровны.

И только утром вспомнил, что двора оставил Милова, Ивана Кузьмича, сказав ему, что выйду минут через десять-пятнадцать. Сейчас он стоял на дороге и махал мне рукой, как бы говоря: пора, пора — загостился. Распрощившись с Егором Ивановичем, с Марией Ивановной, с Наташей, с невестой Лизой и ее матерью, Екатериной Петровной, я вышел из домика, прихватив с собой и полевую сумку Вани Крайнова. И как только зашел за угол домика, привалился к завалинке и зарыдал.

Милов долго стоял около меня, не зная, что предпринять, затем проговорил:

— Реки их нонче, слез-то таких... но этим делу не поможешь. Факт, — и, смахнув слезу, сказал: — Пора мне. Поезд минуты на минуту в путь-дорогу тронется. Пока, значит, прощевай, — и, показав мне руку, Иван Кузьмич ушел.

Он уехал на Урал, в большой город, чтобы сделать там такое, чем можно удивить мир, а я отправился через всю нашу необъятную страну в Казахстан, чтобы там повидать мать Ураза Бузакарова и передать ей поклон от сына.

4. УДАР ПО ГОЛИАФУ

По пути в Казахстан я задержался на Урале. Урал зачаровал меня своими густыми лесами, а тут еще наш поезд случайно задержался на берегу одного горного соленого озера, и мой спутник — геолог — рассказал мне, что озеро это есть остаток моря, что Уральским горам насчитывается миллион лет, что недра Урала только еще тронуты.

— На сотни лет тут при любых температурах хватит золота, серебра, свинца, меди, руды и нефти.

А второй сосед по купе, видимо, скептик в душе, заговорил о другом:

— Урал — страшный. Недавно мы сносили здание, построенное еще при Петре Великом... И что же? В стенах нашли кости людей: люди были замурованы в стены, сидя. Понимаете?

— Ну, теперь Урал не тот, — оборвал его геолог. — Что это вы страшное вспомнили? На Урале теперь построены десятки таких заводов, как Челябинский тракторный, Орский комбинат, Уральский машиностроительный и так далее. А сколько новых городов? Нет, нет, вы его не слушайте, — он повернулся ко мне и с сияющими глазами сказал: — Остановитесь тут: Урал — это большой, своеобразный и очень красивый мир. А сейчас вы увидите, какой могучий удар по врагу кует седой Урал... Да не останавливайтесь в больших городах — это уже всем известно, что делают большие города... Вы куда-нибудь в глушь...

Так я и задержался на Урале в маленьком городке Михас. Люди в Михасе оказались очень любопытные: узнав о том, что какой-то приезжий человек на фабрике самоварных труб изготовил пушку, которая бьет по танкам, они разнесли эту весть по всем закоулкам и каждому, кто только появлялся в городке, тут же охотно рассказывали об этом чуде.

— На фабрике самоварных труб? Да какая же это фабрика?

— Ну, не фабрика, а кустарная артель...

— Из самоварной трубы пушку?

— Точно. Как даст, так танк кубарем.

— Эко!

— А вы не экайте.

— Чудо?

— Да еще какое.

Я, конечно, не поверил такому чуду: мало ли что могут выдумать люди да еще в таком глухом городке, но жители об этом рассказывали всюду — на бульваре, в столовых, на вокзале, в избах, и я решил проверить.

Наутро я отправился на окраину городка. Шел туда я улочками, занесен-

ными снегом «по шейку», с маленькими, подчас однооконными домиками, без сараев, без загородей. Про такие домики говорят: «Ну, этот дом небом крыт, полем горожен». Шел, шел и под конец очутился перед широким, одноэтажным и довольно мрачным зданием, на двери которого красовалась вывеска: «Фабрика самоварных труб артели «Вперед». Вывеска была довольно потертая, как потерты и ступеньки крыльца. Я было шагнул в дверь сразу через три ступеньки, боясь, что первая обрушится, как тут же был задержан окриком:

— Куда, гражданин?

Передо мной стоял милиционер.

— А вот, хочу заказать самоварную трубу.

Милиционер, не изменив своего строго лица, улыбнулся глазами:

— Экий. Хватился, — и полушопотом: — Тут тебе, гражданин, то-есть, никаких самоварных труб, — и причавкнул так, как-будто съел что-то весьма вкусное.

— То-есть, как же это? А вывеска?

— Не всегда вывеска поет то, что за ней, — отрезал милиционер и сурово посмотрел на меня. — А, может, вы с целями?

— Ну, конечно, не без цели.

— Ага. Тогда, — и милиционер крикнул в сторону: — Товарищ комендант! Тут с целями, — ко мне: — Ни с места, гражданин!

— Да я не двигаюсь, — смиренно ответил я, понимая, что наболтал лишнее, что так шутить нельзя, что теперь, пожалуй, скоро и не выберешься отсюда.

И тотчас же передо мной, как из-под земли, вырос комендант — седенький старичок со вздернутыми усами, весь взъерошенный, как только-что искупавшийся воробей. Глянув на меня подозрительно, он вдруг улыбнулся и, повернувшись к милиционеру, сказал:

— Тоже нашел... с целями, — и проговорил, увидя в моих руках мандат. — Проходите-ка, проходите.

Взяв подруку, старичок ввел меня в здание.

— Чудо, — подумал я, переступая порог.

Здание было темное, замазанное маслами, красками, заваленное обрезками кровельного железа, из которого выработывались самоварные трубы. На деревянных, длинных и тоже засаленных, изрезанных верстаках рабочие, главным образом женщины, сгибая железо, ловко крутили трубы, звонко постукивая молотками по швам, одновременно напевая каждая свою песенку, — поэтому в здании стоял такой шум и такое грохание, что даже рядом невозможно было разговаривать.

— Тиша-а-а! Эй! Команда! — крикнул комендант.

Рабочие оборвали песенки, тише застучали молотками, и все повернулись в нашу сторону.

— Где же это ваша чудо-пушка? — спросил я.

Комендант завел меня за фанерную перегородку и почему-то шопотом сказал:

— Секретное. Вот она. Смотрите.

Передо мной на широком верстаке лежало нечто, похожее на самоварную трубу, только без полагающегося загиба на конце да еще чуточку пошире обыкновенной самоварной трубы. Штука эта была пристроена к деревянному скрещению, на конце трубы виднелось нечто, похожее на ружейный затвор. Так и есть — вот и место, куда вкладывается патрон, а вот сам патрон от охотничьего ружья двенадцатого калибра.

— Действительно, — проговорил я и сомнительно покачал головой.

— Чудо-пушка... без сомнения, — выпалил комендант.

— С ума сходят, — старый рабочий, вскинув очки на лоб, посмотрел из темного угла в нашу сторону и, как бы не веря, что его слова дошли, еще раз повторил: — С ума сходят. Делали самоварные трубы и делали бы. Всякая хозяйка при встрече спасибо сказывала. А теперь, нате-ка... Да ее, эту пушку, можно ногой раздавить.

— Ты, Иван Степанович, вот что, не артачься. Знаешь, время военное, — комендант хотел еще что-то сказать, но

Иван Степанович, перебив его, презрительно кинул:

— Так и надо разумно поступать в военное-то время, — затем подошел ко мне и, чуть не плача, сказал: — Хоть бы вы вразумили. Тридцать лет я тут работаю — самоварные трубы гну, и все знают — честный я. А тут, нате-ка вам, — пушку!

— Да кто же это вас с ума-то сводит?

— Приезжий один. Друг мой, дав знакомый... Встретил я его на вокзале и прицепился ко мне... Я думал, правда что у него разумное, а он вот — пушка. Эх, лучше бы и не встречать его. Охотник он притом, а охотники все — вредли. Вот что.

«Охотник? Не Милов ли сюда замтел?» — подумал я.

Я сочувственно посмотрел на Ивана Степановича и спросил:

— А где же он, ваш чудак-охотник?

— За озером. Трактор старый доста и сегодня весь свой позор хочет народу показать. Комсомольцев набрал в отряд к своей пушке.

— Ага. Значит, испытание. Скоро?

— Через часок, сказывал, — и Иван Степанович гневно глянул на меня, видя во мне чудака.

Часок растянулся до вечера.

Только к заходу солнца, неподалеку от «фабрики самоварных труб», на берегу замерзшего озера стали собираться любопытные, в том числе и мы, то-есть комендант, я, Иван Степанович и милиционер, который сегодня утром заподозрил меня в том, что я «с целью».

Подойдя к месту испытания, мы увидели: вдали стоял старый, полуразрушенный трактор, а около лесочки толпились люди, кого-то окружив и что-то рассматривая.

Я протолкался и вдруг...

— Ба! — чуть не вскрикнул я.

В кругу около пушки стоял мой закадычный друг, заядлый охотник Милов. Я хотел было окрикнуть его, но решил подождать, внутренне надрываясь от смеха, говоря про себя:

— Да, да. Этот может начудить, —

и стал прислушиваться к тому, что говорил Милов.

Около него толпились комсомольцы, женщины, и одна женщина, довольно пожилая, донимала его:

— Как же стрелять-то будет? Ведь это самоварная труба?

— А вот так, — объяснял Милов. — Закладываем эту самую гранату в трубу, — он показал шар из жести, спаянный оловом. — Закладываем в трубу. А граната эта налита веществом горючим, тем самым веществом, какое имеют в бутылках наши бойцы — в тех бутылках, которые бросают на танки. Но там это делается рукой, а тут это можно бросать за триста метров. Сиди себе в сторонке, идет танк, ты по нему из укрытия бах, и танк загорелся.

— Ну, вот, — развел руки Иван Степанович.

А Милов, увлекшись, продолжал:

— Давид. Помнишь, по священному писанию? Вышел против него богатырь Голиаф. Что Давид придумал? Пращу. Вложил в пращу камень, да как Голиафа по голове трахнет! Выдумка и победила. Конечно, немец не Голиаф, а мы не Давид, но, между прочим, мозгой шевелить умеем. Однако, расступись: едут! Комсомольцы, на место!

Народ расступился, комсомольцы кинулись к пушке, один взял патрон, другой гранату с горючим. Из-за перелеска выскочила пара взмыленных лошадей. Лошади с храпом круто повернулись, остановились около пушки, и из саней вышли — генерал-майор, полковник и капитан.

— Ну, показывайте, товарищ Милов, что у вас тут такое, — сказал генерал-майор и отошел чуть в сторону.

— Приготовься! — крикнул Милов. — Готово? Ну, теперь по Голиафу огонь! Пли!

Труба захрипела, дрогнула, раздался взрыв, и из трубы вылетел шар... И все увидели, как он грохнулся на старый, изъезженный трактор. Трактор мгновенно вспыхнул, а люди, хлопая в ладоши, кинулись к нему. Тогда генерал-майор склонился над пушкой, потрогал ее, затем выпрямился и, протягивая руку Милову, сказал:

— Поздравляем. Очень хорошая штука для партизан.

— Именно, товарищ генерал-майор. — Милов быстро разобрал свою пушку, сунул трубу подмышку, захватил приспособление и кинулся бежать.

— Постойте, постойте, — остановил его генерал-майор. — Давайте-ка сюда, в сани...

В этот миг из толпы выделился Иван Степанович и, подойдя к Милову, неожиданно сказал:

— Мастак. Всегда в тебя верил... И как это люди могли сумлеваться?

Я тоже подошел к Милову. Он вытаращил на меня от удивления глаза:

— Ты?

— Я.

— Ну, вот, видишь? Обещал родине и выполнил.

— Молодец.

— Ну, мы — охотники... А теперь, возьму эту штуку и к партизанам. Сам пойду.

Тут мы снова расстались с Миловым: его увез с собой генерал-майор, и я, глядя ему вслед, подумал:

«Столкнет ли еще где-нибудь с ним судьба? Ведь сколько таких замечательных людей я встречал на своем веку, и почти всегда так же вот расставался с ними, с иными переписывался, иные просто как-то терялись на великих просторах нашей страны. Вот и здесь, совсем недалеко от Михаса, в городе немало моих знакомых...» — и тут я вдруг вспомнил про одну женщину — Варвару, с мужем которой встречался на фронте. И я поспешил в город.

5. ВАРВАРА

Однажды нам пришлось пересекать Приуральские степи. Был конец июня, и цвели подсолнухи. Они цвели на огромнейшей площади — сочно, ярко, все время поворачиваясь головками к солнцу. Это было море яркожелтого цвета, и от этого моря невозможно было оторвать глаза.

— Какое чудесное украшение степей, — сказал мой спутник.

И вот откуда-то дунули горячие ветры и в течение двух-трех дней скрутили подсолнух: желтые, нежные лепестки

почернели, лопухле, густо-зеленые листья свернулись, обгорели... и головки перестали поворачиваться своей цветущей стороной к солнцу.

Что-то такое напоминала мне и Варвара Пряхина.

Я знал ее девушкой — сильной, смелой, размашистой, с большими светлыми глазами и с кудлатой русой прической. Про нее говорили:

— Смотрите, Варвара цветет, как подсолнух.

Варвара на это только скидывала бровь, видимо, вполне сознавая, что она хороша собой и что ей вовсе незачем унывать.

Такой она мне и запомнилась, эта девушка, проживающая на окраине города.

Прошло шесть или семь лет. Я снова, уже в дни войны, попал в этот город и однажды на трамвайной остановке увидел женщину, которая показалась мне знакомой. Она стояла впереди меня, вся увешанная сумочками-авоськами, набитыми картошкой, капустой, хлебом. На ней было серенькое помятое пальто, на голове синий берет, из-под которого нагойливо выбивались русые волосы, лицом — выцветшая, бледная, но глаза большие, свежие и еще молодые.

«Да кто же это?» — подумал я и обошел женщину, стал впереди нее, чтобы хорошенько рассмотреть ее лицо. Но не успел я еще внимательно глянуть на нее, как ноздри у нее раздулись, губы, посинев, затряслись, и она крикнула на меня:

— Куда! Куда! Очередь!

— Варвара? — удивленно произнес я и даже попытался. — Ты? Варвара!

Варвара, узнав меня, деланно засмеялась и, стараясь все перевести в шутку, проговорила:

— Как я тебя шугнула. В милиции, что ль, служишь: вперед лезешь? Ишь, какой стал. Чай, приходи к нам. У Цыганского базара живу, — и стремительно, не глядя на меня, кинулась в вагон.

— Варвара! Варвара! Да где ты, у Цыганского-то базара? Я ведь твоего мужа видел на фронте, — закричал я и метнулся было за ней, но меня отгнали,

трамвай, покачиваясь, тронулся, и только подумал: «И какой горячий ветер тебя так опалил, Варвара?!» Не сколько минут я стоял растерянный, затем мне пришло в голову, что следует сходить в адресное бюро, и я хотел бы так и поступить, но было уже поздно: адресное бюро, наверное, закрыто. Пока я так стоял и раздумывал, подошел второй трамвай. «Поеду-ка лучше поищу ее у Цыганского базара», — решил я и отправился на окраину города.

Было уже совсем темно, когда я попал на Цыганский базар. Я обошел ряд улочек, отыскивая низенький, с покосенным крылечком домик, где когда-то жила Варвара. И, наконец, натолкнулся на него. Но домик был заколочен, крылечко совсем развалилось. Тогда я снова начал бродить по улицам, заглядывая в окна. И вот в одном окне я увидел женщину. Она сидела за столом, раскидывала карты, видимо, гадая. Временами она вдруг опускала голову на руки и вся сотрясалась от плача.

«Чудная какая-то. Но, очевидно, у нее большое горе», — подумал я и прильнул к стеклу. Сделал я это, видимо, весьма неосторожно, потому что женщина резко подняла голову и страшными глазами посмотрела на меня.

Это была Варвара.

И спалил ее самый обыкновенный горячий ветер.

Она жила своей жизнью — в длинном двухэтажном, деревянном доме. Каждый день она вставала ровно в шесть утра, бежала на базар, покупала там, что надо, и спешила на общую кухню. Тут она готовила завтрак мужу: он вставал в семь, и полвосьмого завтрак должен быть на столе.

— Нето опоздаю на работу, — гудел муж баском, окая.

Варвара подавала завтрак. Муж быстро ел, одевался и уходил на работу, а Варвара начинала крутиться, как белка в колесе: готовила завтрак своим дочкам Нюре и Варе, затем готовила обед, стирала белье, мыла полы, расчесывала головы дочкам, иногда переставляла мебель и... ссорилась с соседями. И откуда только возникали эти ссоры? Трудно было понять,

Они вспыхивали всегда неожиданно, как буря в тихую погоду. А ведь и соседи-то хорошие. Хотя бы та же самая Евдокия Петровна, старушка. Милая такая. Даже каждый день ходит гулять с дочками Варвары. Но вот сдвинь на плитке ее кастрюлю хоть бы на полсантиметра — и пойдет... Или та же Катюша. Всего ведь год, как вышла замуж, а как начнет... святых выноси. Впрочем, Варвара тоже никому спуска не дает. Верно, после всякой ссоры ей становится как-то стыдно, и она иногда думает:

— Да что это со мной делается?

Замечала Варвара и другое в себе, что она как-то мельчает, что у нее появились совсем другие интересы, нежели у ее мужа, слесаря. Муж Василий Иванович приходил с работы, обедал, с полчаса отдыхал, затем садился за газеты и, отыскав что-нибудь интересное, приглашал:

— А ну-ка, послушай, Варя.

Первые минуты она слушала, но потом глаза ее слипались, голова сваливалась, и Варвара, сидя, засыпала. Но стоило только Василию Ивановичу сказать: «Сегодня утром проходил через базар. Ух, как там тетки воевали около капусты», как Варвара немедленно оживала и безудержно начинала рассказывать о том, что она видела и слышала на базаре.

— Чуднѧ ты какая-то делаешься, Варвара: скучная, — говорил Василий Иванович, и, свернув газету, уходил к соседу по дому, старому рабочему Петру Степановичу Шилову.

...Я вошел в комнату. Варвара смущенная стояла перед дверью и что-то прятала за спину.

— Здравствуй. Видел — гадала. О чем гадала, Варвара?

— Да так. Садись. Хочешь дочек моих посмотреть? Одной шесть уж лет, другой четыре. Посмотри, там они, — и, включив свет во второй комнате, она почти силой втокнула меня туда, а сама кинулась к этажерке, пряча колду карт.

Дочки, обе розовые ото сна и очень похожие на отца, крепко спали. Наклонившись над старшей, я тихо произнес:

— Варя! А я твоего мужа видел на фронте.

— Знаю. Писал мне об этом.

«Странно, ее это даже мало интересует», — подумал я и вышел из спальни.

— Ты о чем гадала? О нем, что ль? — и тут я заметил на столе бумагу и прочел. Это был вызов — повестка из районного совета. Варвару приглашали поступить на работу на один из заводов, расположенный за городом.

— Об этом гадала? — спросил я.

У Варвары затряслись губы, как тогда, около трамвая.

— Я бы на твоём месте пошел бы.

— Ты бы? Пошел бы! На моем месте бы? А куда я их дену? — показала она на дочек.

— Ты что ж думаешь, на заводах работают только бездетные?

— Ничего не думаю.

— Напрасно, — я некоторое время стоял перед ней молча, затем, перечитав повестку, тряхнул ею. — Это тебе путевка в жизнь, Варвара. Это облагородит тебя, кроме того, ты по-настоящему будешь помогать стране, фронту, значит, и Василию Ивановичу.

— Нет уж, — Варвара взмахнула рукой и с упрямой тупостью произнесла: — Нет уж, я жизнь свою порешу, а на завод не пойду.

И по тому, как она взмахнула рукой, и по тому, как она это произнесла, я понял, что слова эти чужие, не ее, поэтому я обнял ее и сказал так, как мы, бывало, говорили с ней:

— Варя. И куда ты делась? Умница. Смотри, через пять лет дочки твои смеяться будут над тобой.

Она присела на табуретку и, подняв на меня увлажненные слезами глаза, тихо проговорила:

— Да ведь страшно...

— Жить страшно? А прозябать не страшно? Эх, Варя!

Да, ей казалось, что все страшно...

Было страшно отпускать дочек в детский сад, хотя-тем детским садом, который возник в доме, где жила Варвара, взялась управлять старушка Евдокия Петровна, — но все равно было страшно. Было страшно читать путевку, где

написано: «К станку», хотя такие путевки имели на руках тысячи женщин, призванные вместе с Варварой на производство, но все равно было страшно. Было страшно и оттого, что вот теперь каждый день придется ездить за город, хотя вместе с Варварой туда будут ездить тысячи людей, но все равно было страшно...

И когда Варвара решилась и первый раз увидела, что на пустыре раскинулся огромный завод со светлыми корпусами, с трубами, с железнодорожными ветками, с гудронированными шоссе, то она совсем растерялась, и даже как будто оглохла. Она делала все, как во сне, шла туда, куда шли все, расписывалась там, где расписывались все, отвечала то, что отвечали все. И только, когда вошла в цех и увидела своего соседа по дому, старого рабочего Петра Степановича Шилова, то облегченно вздохнула:

— Ну, теперь я, видно, в твоей полковой власти, Петр Степанович.

Петр Степанович вскинул очки с переносицы на лоб:

— Значит, полку нашего прибыло, — сказал он и подвел ее к станку. — Вот тут день стой и гляди. Только гляди на руки мои. Втрескайся в него, ай, как по-благородному, влюбись в него, в станок.

Станок весь трепетал, постукивал колесиками, молоточками. От него тянулась цепкая стальная стружка. Она вся извивалась, как живая, налезая на станок, на ноги Петра Степановича, и, казалось, вот-вот запутает его всего. Но Петр Степанович ловко поддел стружку железным крючком и бросил в корзину.

— Вот этой только штуки и бойся, — сказал он, показывая стружку. — Прозеваешь, вмиг палец отхряпает, а то и ногу. А станка не бойся: станок, он существо благородное, прямо скажу, существо с высшим образованием.

Так потянулись дни.

С каждым днем Варвара становилась все смелее и смелее: она видела, как ласково к ней относятся старые работницы и рабочие, но она видела и другое, как ее пальцы «поумнели», как они овладевали станком, и как станок, до этой поры казавшийся неприступным,

начал подчиняться ей, слушаться ее. И наконец, она, вся трепеща, сказала:

— Я сама, Петр Степанович.

— А ну, валяй, — Петр Степанович улыбнулся, как отец, который видит, что его сын берется за большое дело. — Валяй, — но в следующую же минуту улыбка сошла с его лица, и он заорчал над самым ухом Варвары: — Раззява! Тебе что металл, что кусок глины! Муж твой на фронте труд наш кровью защищает, а ты тут металл портить!

Но уже следующая деталь вышла хорошо... И дней через пятнадцать Петр Степанович, кружась около станка, восхищаясь работой Варвары, вскрикивал:

— Варвара! Ты королева у станка, вот кто ты есть, прости за старое слово.

А сегодня мы собрались у Варвары. На столе бушует самовар, за столом на самом почетном месте Петр Степанович, рядом старушка Евдокия Петровна, подруги Варвары и сама Варвара — в голубом, шелковом платье, в том самом платье, которое она так берегла.

Собрались мы по двум причинам: во-первых, прошел месяц, как Варвара поступила на завод и сегодня получила за полмесяца заработную плату, не как ученица, а как полноправная работница, и, во-вторых, вчера было получено письмо с фронта от Василия Ивановича. По этому поводу Петр Степанович раскопал где-то бутылку старой вишневой настойки и сейчас, разлив настойку по рюмкам, поднялся и провозгласил:

— Через мои руки учениц и учеников прошло много. Ух, как много, и все в толк. А Варвара?.. Варвару завтра перевожу на три станка... За такую крестницу будьте здоровы, — и опрокинул рюмку в рот.

Тогда поднялась и Варвара. Глаза ее загорелись, щеки запылали румянцем. Вскинув бровь, подняв рюмку, она сказала:

— За Васю, на фронте он. А потом за крестного моего, за Петра Степановича: учение его никогда не забуду... и за советскую власть, — сказав это, она посмотрела на меня, спрашивая глазами, хорошо ли говорит.

— От души, значит, так, — ответил я и тут же шепнул ей на ухо: — А ты,

Варя, опять стала похожа на подсолнух в цвету.

6. ОТЕЦ МАЙОРА

Было уже девять утра, но все в доме старались сохранить тишину: Анастасия Григорьевна, главная мать, как ее звали в семье, даже прикрыла ставни передних окон, внучата — Гриша и Саня — шипали друг друга молча, сноха Нина, мать Гриши и Сани, вышла из своей комнаты в ночных туфлях, у порога переобулась и неслышно покинула домик.

— Деда спит? — шопотом спросил младший, Саня.

Анастасия Григорьевна, пригрозив ему пальцем, ответила:

— Я уж тебе десятый раз говорю это.

Саня надулся, вытянул хоботком верхнюю губу и с полным достоинством сказал:

— Я маленький.

— Маленький? А когда конфетку просить, большой?

— Польшой, — выдохнул Саня и на четвереньках стремительно ринулся в свое убежище — под кровать.

«Весь в Петю: обидчивый растет и губу вытягивает, как Петя — подумала Анастасия Григорьевна, осторожно передвигая на столе кипящий самовар. — И чего это он затеял, старый? То каждое утро вскочит чуть свет, а ныне: «Не тревожьте меня. И ты приготовься сегодня, как перед вендом». Экое вспомнил», — в больших сероватых глазах Анастасии Григорьевны мелькнули искорки, и она, чуть приоткрыв дверь, заглянула в затемненную комнату. Заглянула и ахнула: тот, для кого создавалась в домике тишина, вовсе не спал. Он лежал на кровати и что-то шептал.

— Да ты что это, ай? Мы на цыпочках ходим, а он, лежа себе, митинг устроил. Петр Степанович!

Петр Степанович пристально посмотрел на нее и, как бы не узнав ее, достал со стула очки, надел их и сказал:

— Ты, конечно, можешь меня в охапку и на свое место к самовару, — это я в точности знаю. Только ныне ты меня не трожь. Сам явлюсь. Ступай.

Петру Степановичу Шилову стукнуло семьдесят четыре. Лет пять тому назад он ушел с завода — «ноги подвели», и сын, Петр Шилор, посоветовал ему пойти на отдых.

— Первый звонок. Значит, скоро костюм на покой, — с тоской проговорил Петр Степанович вечером, в кругу своих родных. — Так уж человек построен — работает, работает, а потом звонок — убирайся, давай дорогу молодым. Вот ныне тебе, Петр, дорога открыта: работай и честь Шиловых держи высоко. — И с тех пор Петра Степановича ежедневно можно было видеть с удочками на реке.

Грянула война. Сын Петр ушел на фронт. Петр Степанович снова вернулся на завод. Ему дали очень подходящую для него работу — обучать новичков, преимущественно женщин. С этой работой он справлялся легко и даже как-то помолодел.

— Труд, он кровь в человеке очищает, вот что, — говорил он.

Так потянулись дни, месяцы.

Война доходила до Урала через пещарь, через раненых, вернувшихся с фронта, — все это было страшное, тревожное, но все это происходило где-то очень далеко от Урала, в том числе и от Петра Степановича. То-есть, он все понимал, сознавал, что страна в опасности, что надо всем работать, не покладая рук, но ощущения полной реальности происходящего не было. И вот совсем недавно стряслось такое, чего Петр Степанович никак забыть не мог.

На завод с фронта прислали в ремонт очередной танк. Он был избит, как бываюи избиты в драке силачи: синяк там, вмятина тут... и вчера во время ремонта в гусенице танка нашли изуродованную кисть руки. Чья это была рука? Врага, друга? В эту минуту никто об этом не подумал: рука эта принесла с собой войну, все ужасы войны, и каждый, кто смотрел на эту руку, невольно вспомнил своих близких, родных, ушедших на фронт и, как ни странно, каждому показалось, что эта рука и есть рука близкого, родного, ушедшего на фронт. Петру Степановичу тоже показалось, что это рука его сына, Петра Шилова, и он

весь день ходил мрачный, злой, но к вечеру, получив телеграмму от сына, успокоился, однако, забыть то, что он увидел в гусенице, никак не мог. Она мучила его весь день, всю ночь — даже во сне — и сегодня, по обыкновению проснувшись чуть свет, он снова увидел перед собой страшную руку. И он лежал в постели, все подыскивая, чем бы развезть у себя и у рабочих это гнетущее впечатление. Чтобы люди воспрянули духом.

В телеграмме, полученной вчера поздно вечером, было сказано, что его сын Петр Шилов получил звание майора.

— Разве вот это пустить в ход? Притти и сказать: «А Петр-то мой — майор». — Но сейчас же подумал: — А какое мне дело до чужих душ? — и тут же ругнул себя: — Старый дурак. Разве на заводе есть чужие души?

Так он провозился все утро, не переставая упорно долбить в одну точку, — чтобы помочь чем-то рабочим. Одновременно с этим в нем поднялось какое-то другое чувство, ему не знакомое, — не злорадия, не ненависть, а что-то более сокрушительное.

— Остервенел я. Вот что. Будь сила, сам бы пошел колотить мерзавцев тех. Эх, Петя. Видно, и тебе майора дали за такое, — и чтобы не быть больше одному, крикнул: — Настасья! Поднимай!

Анастасия Григорьевна вошла в комнату и, сильными руками подхватив его, усадила на кровать:

— Герой. Сидел бы дома. А-то ему больше других надо.

Анастасия Григорьевна, несмотря на свои пятьдесят пять лет, была женщина крепкая и нередко помогала Петру Степановичу с его больными ногами перебираться из ванной в постель. Это Петр Степанович хорошо знал и, чтобы «уколоть гордыню» своей супруги, произнес:

— Ты, конечно, существо сильнее меня. Как бы повежливей сказать, ну, физически. Но в уме я сильнее тебя.

— Ну, уж! Давай вторую-то ногу, силач, — проворчала она, растирая ему ноги.

— Да. Сильнее в уме. Знаешь, Варвару Пряжину как выковал? Первейшая работница у станка. А была? Была просто баба, положим молодая, ядреная, но баба. А таких, знаешь, я сколько выковал? Сто девяносто одну.

— Знаю. Это я знаю, да ведь и ты мне не чужой: кряхтишь, кряхтишь ночь-то.

— Эх, старуха! Нонче мертвые должны подняться и на врага кинуться, а не то что мы с тобой. — Петр Степанович встал, умылся, оделся, попил с внучатами чайку и неожиданно потребовал:

— Орден дай. Ну!

— Потеряешь еще.

— Сегодня день такой, орден должен быть на груди, — и прицепил к борту пиджака орден Трудового Красного Знамени.

Выходя из домика, Петр Степанович сказал на крылечке Анастасии Григорьевне:

— И ты приготовься, — и пошел, мелко-мелко перебирая больными ногами.

Анастасия Григорьевна, ничего не понимая, долго смотрела ему вслед и вдруг охнула:

— Батюшки! Да какую это он тайну придумал? Может, сегодня Петя с войны вернется? А он таит. Зачем таить-то об этом?

Завод был построен лет десять тому назад на диком пустыре, в суровые уральские морозы. Завод построили далеко от города, и всем казалось, что надо было бы строить его ближе, но за последние годы город неожиданно расхлестнулся и приступил почти вплотную к заводу. Завод занимался мирным трудом — выпускал гусеничные тракторы, и тракторы эти бороздили русские поля. Теперь завод выпускал другую машину — танки.

Петр Степанович подошел к проходной будке, хотел было достать пропуск, но милиционер, отдав честь, сказал:

— Проходите. Проходите, Петр Степанович.

— А ты бы у меня пропуск спросил. Может, я поддельный?

Милиционер растерянно улыбнулся:

— Ну, как это? Под Петра Степановича никого не подделаешь.

— Есть такие мастера, — подделают.

— Не встречал таких, — ответил милиционер и, касаясь локтя, помог Петру Степановичу пройти через проходную будку.

— Ты меня-то почитать — почитай, да, брат, врага не прозевай, — вот что. Тебе пост какой дан? К самому сердцу завода тебя приставили и сказали — гляди. Чуешь? Ну и ступай на свое место, а я и без тебя дойду.

Распростившись с милиционером, Петр Степанович направился в свой цех, с полным намерением поднять бодрость духа у рабочих, смахнуть ту печаль, какую навел на всех обрубок руки.

В цехе работали, главным образом, женщины, ученицы Петра Степановича. И сегодня тоже они работали проворно, без задиренок, это уловил Петр Степанович своим опытным ухом по шуму станков.

Он направился к своей любимой ученице, к Варваре Пряхиной, муж которой тоже находился на фронте: одной ей можно сказать.

Варвара, увидя его, ласково улыбнулась и проговорила:

— Подчиняются, Петр Степанович. Станки-то. Боялась я раньше, не подчинятся, а подчиняются.

— Станок существо разумное, прямо скажу, существо с высшим образованием. Но создан он человеком и человеку должен подчиниться. Конечно, человеку, который в уме, а не балбесу. Балбесу — нет. Только работать на нем надо, как работает мой Петр на фронте, — с чистым сердцем и смелостью большой, — и, чуть подождав, добавил: — А и день-то нынче какой, Варвара.

— Да-а. Пятитысячный танк выпускаем. Не потому ли орден вы надели?

— Ох, ты! А я и забыл об этом. Вот те на. Это, конечно, само собой, — орден по этому случаю. Но, кроме того, есть еще великая радость, — и хотел было рассказать о своей личной радости Варваре, но та перебила его:

— Эх, Петр Степанович, тоску танком не разгонишь. Танком можно полк разогнать, а тоску — нет.

На такое Петр Степанович не нашелся, что ответить. Он только снял очки, протер их, надел, хотел было посмотреть куда-то вдаль и тут натолкнулся на огромный плакат, висевший над станками. На плакате было крупно написано: «Пятисотница Мария Гракова вчера побилла свой рекорд: дала пятьсот шестьдесят два процента». Ниже было написано, видимо, самой Марией Граковой: «Работаю, как наши бойцы и командиры на фронте, к чему и остальных призываю, в том числе и Варвару Пряхину».

— Толково написано, — проговорил Петр Степанович. — А ты как, Варвара? Варвара неожиданно блеснула глазами:

— Принимаю, Петр Степанович.

— И спасибо тебе за это. Другого, положим, и не ждал от тебя, — Петр Степанович крикнул и быстро вышел из цеха.

Он кинулся в сборочный. Там ухали молотки, резко жужжала автогенная сварка, окаявшая все здание фиолетовым светом, тревожно звонили переносные краны — и все гудело, горланило так, что нельзя было разобрать говора человека, стоящего рядом. Для Петра Степановича все это было привычно, и он направился к Михаилу Сторожеву, бригадиру по сборке танков, — низенькому, курявому, юркому, как стриж. Михаил Сторожев, увидев Петра Степановича, спрыгнул с танка, кинулся навстречу.

— Ждал. Все утро ждал вас, Петр Степанович. Ждали, как праздника.

— Это почему же, как праздника?

— Пятитысячный. Пятитысячный сегодня выпускаем.. и честь эта дана нашей бригаде. Думал, ай крестный не придет? На честь нашу порадоваться. Дай руку пожать, — и, крепко сжав руку Петра Степановича, он крикнул членам своей бригады: — Вот он! Вот он, мой крестный на всю жизнь: с малых лет меня жучил, жучил, аж и сейчас пот.

— И толк из тебя вышел. Только ты давай-валяй, работай, а за работой скажи, как честь досталась.

Михаил Сторожев снова забрался на танк и, прикручивая какую-то деталь, продолжал говорить — быстро, быстро, морща по-смешному нос:

— Хитростями. Хитростями честь выбили, Петр Степанович.

— То-есть, как это? Подлостью какой ты тут занимаешься? — Петр Степанович вскинул очки с переносицы на нос, готовый разбушеваться.

— А и не подлость, а хитрость. Подсчитали мы с ребятами — так и так: ежели свой танк выпустим на смену раньше, он будет пятитысячный.

— Ну?

— Ну и давай-валяй работать. Третью смену с него не сходим. Кабы спали, честь проспали, а мы без сна третью смену. Вот она хитрость та какая.

Смеялся ли когда так Петр Степанович? Вряд ли. А тут он, обхватив руками живот, захохотал, выкрикивая:

— Ай да Мишка! Сорви-башка. Ну, молодец. Прямо скажу, молодец. А скоро ли выкатите его — душу в него живую вдунете, в молодца этого? Пятитысячного!

— Часок-другой, и торжество великое, — ответил Михаил Сторожев и смолк, как будто окунулся в воду.

Петр Степанович не задавал больше вопросов, он понимал, что Михаилу Сторожеву сейчас не до них.

Часа через два, во время перерыва, из ворот цеха выполз танк. Здание цеха было огромно — оно тянулось метров на шестьсот — и когда танк стоял в здании, он не казался таким огромным, как теперь, выбираясь из ворот. На боку танка было мелом написано: «Пятитысячный богатырь. Выпускает бригада Михаила Сторожева».

У ворот собрались рабочие, работницы, среди них мелькало разруганное лицо Варвары Пряжиной. Принесли красивые знамена, они горели на солнце. Появился оркестр. Митинг возник стихийно, и люди сбегались к танку, как они иногда сбегаются на особое происшествие.

Танк уже вышел из ворот цеха — живой, поворотливый, а люди все стояли и чего-то ждали. Вон к танку подкатила машина, неслышно шурша резиной. Из

машины вышел директор завода Махотин, — мужчина крупный, с резким морщинами на лице. Он вывел из машины растерявшуюся Анастасию Григорьевну, ее внучат Гришу и Саню, затем из машины вышла молодая женщина — Нина, жена Петра Шилова. Но люди попрежнему молчали, чего-то ожидая. И вот ворота цеха снова распахнулись и на пороге появилась группа рабочих во главе с Михаилом Сторожевым. Рабочие держали на руках седенького старика — Петра Степановича Шилова. Они поставили его на танк — осторожно, нежно, как что-то самое дорогое, и тут же по-молодецки прыгнули на танк сами. Тогда на танк поднялся и директор завода. Показывая на автомобиль, он произнес:

— Эта машина отныне в постоянную службу вам, Петр Степанович.

— А ты как?

— Я? Да ведь еще есть.

— Честь большая. Однако дай я первый скажу народу, хоть ты и директор. Я ведь сроду с народом так не говорил.

— Рад буду.

— Радоваться тому, что первое место отбивают — нечего.

Петр Степанович повернулся к рабочим, работницам — и тысячная толпа разом смолкла, было слышно, как ветер треплет красные полотнища. Петр Степанович несколько секунд о чем-то думал, затем заговорил:

— А Петр мой... Шиллов Петр ныне майор. Натек-ко вам, — и, чуть подождав, продолжал: — Руку-то помните? Которую в танке нашли? Человеку принадлежала рука та. Жил тот человек, и хочется верить — честно жил, мечту свою имел. А вот, руку ему оторвали. Кто? Вы, что ль? Кто это из вас способен честному человеку руку оторвать? Мы с вами люди чистой породы. Да. Самой чистой породы. И нам с вами не то, что убить честного человека, но и обидеть его трудов больших стоит. Да-а, — Петр Степанович передохнул и несвойственным ему звонким голосом хлестнул: — А может, это рука жулика-прохвоста? Тех жуликов-прохвостов, кои напали на нас? Так колоти их, чтобы чистоту нашу сберечь, чтобы потомки наши ска-

зали: «Вот были богатыри-герои, для всего мира чистоту человеческую сберегли». Кологи и лезь в командиры, как мой Петр. Да. Да. Лезь. Каждый на своем месте лезь. Каждый на своем месте лезь. Вот Миша Сторожев ныне влез в командиры: пятитысячный перхватил. А вы перхватите шеститысячный, семи, десяти... И танками их, гадов, танками. Пускай их собачьи башки во все стороны летят...

Последние слова Петра Степановича потонули в буре возгласов, аплодисментов, оркестра и гула, могучего, ревушего гула рабочих, кующих танки. А Петр Степанович впервые за эти дни улыбнулся и сказал:

— Эх, люди! Да и какому это мерзавцу в голову пришло — покорить вас!

7. РУКА ОТЯЖЕЛЕЛА

Мой верблюд идет первым и всему кланяется. Что ни шаг, то плавный поклон. С ним вместе кланяются и я — плодороднейшим полям, горячему солнцу, бурным потокам и вот этим величавым горам. Справа от нас тянется хребет Тянь-Шаня. Вершины хребта, покрытые голубыми ледниками, величаво и гордо блестят на солнце. Нет, они не угрюмые, а какие-то мудро-задумчивые: они манят, зовут к себе, и поэтому чан их смотришь неотрывно, как завороченный. Подножия гор покрыты темно-зелеными травами, выше — дикие яблоны, еще выше — сочные, серебристые ели и еще выше — буро-черные, оголенные пики.

— Зверь тут много, — поровнявшись со мной на своем верблюде, говорит сопровождающий меня Саке. — Зверь много. Орхар, козел, медведь, барс. О-о-о! А птица? Фазан, куропатка, дрофа, утка все виды, гусь, лебедь. Все есть. Много. А вон, смотри: вор сидит. У-у!

— Вор? Какой может быть в горах вор?

Саке не успел мне ответить, как тот, кого он назвал вором, крупными машками, словно через что-то перепрыгивая, пошел к ущелью, и по этим машкам я определил, что это волк. А из ущелья выскочило не менее десятка диких коз. Они на какой-то миг остановились, вски-

дывая белыми пушистыми хвостами, и тут же стремительно ринулись в горы. Волк тоже остановился и, как бы с обидой посмотрев в нашу сторону, вяло поплелся прочь.

— А-а-а, не удалось волку схватить козел, — обрадованно закричал Саке и, повернувшись ко мне, сердито добавил: — Не люблю вор. Все живут честно — орхар, козел, фазан, а волк — вор, барс — вор. Как и человек, есть честный, есть вор. Что, не верно говорю?

— Не знаю.

Саке по-восточному загадочно улыбнулся:

— Вора надо убивать, нет? Скажешь, лечить? Эге. Волка можно лечить? А есть и человек такой, как волк.

Я пристально посмотрел на Саке, все еще не понимая, к чему он такое говорит. Ему лет под семьдесят, но на верблюде он держится, как юноша.

— К чему это ты говоришь, Саке?

— Зачем честному человеку война? Ответь мне. Зачем? Гляди, наш край богатый. Видишь, сколько яблонь — дички. Все горы яблони. А там еще много-много малины, урюку, груши. О-о-о! А посмотри сюда — в низину. Твой глаз достанет края наших полей. В этих полях все растет. Яблоко растет, виноград растет, пшеница растет, овес растет, коров растет. Все растет. Зачем мне война? Мне надо работать. Много работать, и я буду богатый, сосед мой будет богатый, все будет богатый. Да. Работай только. А-а-а, нет, вор хочет все мое добро воровать — карапчать. Работать не хочет, карапчать хочет, значит, его надо убивать, как волк, — и Саке вдруг о чем-то быстро-быстро заговорил на своем родном языке, отплевываясь, выкрикивая одно и то же слово: — Собака! Собака!

Я засмеялся:

— Саке, я не понимаю, о чем ты.

Саке спохватился:

— Я ругался. Крепко ругался. На фашист ругался. Фашист волк! Да? Нет?

В этот миг через тропу перебежали фазаны — сизые, с огненно-красными надглазниками. Это были самцы. Они остановились и, как по команде, вытянув шеи, уставились на нас. Я выхватил

из чехла ружье, но Саке тронул меня за локоть:

— Не стрели: фазан играет.

— Тебе жалко?

— Фазан не вор. Вора стрели.

Я убрал ружье.

С гор спустились гурты овец. Жирные, с тяжелыми курдюками, они спустились, пощипывая молодую травку, обгоняя друг друга, переливаясь, как барашки на море.

— Саке! Саке! — заговорил я. — Я хочу видеть чабана. Пастуха!

— Мужчину трудно. Женщину можно.

— Разве чабан обязательно женщины?

— Нет. Обязательно мужчина. Но мужчина ушел туда, на фронт. Муж ушел, жена на его место.

Я повернул верблюда и направился к гуртам овец. Впереди гурта шли две женщины, в полушубках. Одна из них, прикрыв лицо рукой, в щели между пальцев посматрела на меня. Я снял шапку:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, пожалуйста, спасибо, — обе враз ответили они и громко засмеялись.

Ничего не понимая, я повернулся к Саке. Он тоже хохотал, выкрикивая:

— Они по-русски знают только три слова: здравствуйте, пожалуйста, спасибо.

А женщины все смеялись, сверкая карими, чуть-чуть раскосыми глазами, и что-то часто-часто говорили на своем языке, все время показывая на меня.

— Что они говорят, Саке?

— Они говорят, приходи вечером, чай будет, крепкий чай, и ты будешь гость. Они видят, ты военный, значит, брат родной: может, ты увидишь на фронте ее мужа, так скажи, жена его хорошо стережет овец от волка, пускай он, муж, крепче бьет волка-фашиста. Ого. Слышал, что говорят наши женщины?!

Я заставил верблюда лечь и, сойдя с него, направился к женщинам. Они примолкли. Мне показалось, что они примолкли потому, что застеснялись, но в то же время я увидел, что они смотрят в другую сторону, а одна из них проговорила:

— Председатель.

По склону горы скакал всадник, держась так, как будто был влит в седло. У коня по ветру развевалась грива. Всадник сидел чуть-чуть боком и, казалось, совсем не управлял конем. Но вот конь на всем скаку остановился, всадник соскочил с седла, и тут мы увидели, что это женщина лет сорока пяти, смуглая, загорелая. Подойдя ко мне почти вплотную, осмотрев меня с ног до головы, она сердито проговорила:

— Шалтай-балтай нет. Наш женщина чист. Зачем пришел?

Это было так неожиданно, что я растерялся.

— Муж на фронт. Женщина чист. Зачем пришел?

— Марьям Бузакарова, — шепнула мне Саке. — Ты к ней в гости ехал, а она тебе навстречу.

— Марьям, — сказал я. — Я привез тебе поклон от твоего сына Ураза.

Строгое, суровое лицо Марьям дрогнуло, золотистые, чуть-чуть раскосые, такие же, как и у ее сына, глаза увлажнились, и она протянула ко мне руки:

— Ураз. Сын мой. Ураз. А ты, человек, прости меня за мои нехорошие мысли, — и, взяв меня за обе руки, подвела к своему коню. — Садись на коня. Тебе надо на коне скакать. Садись. А я сяду на твоего верблюда.

Я повиновался ей.

Она привела нас к себе в хату. Хата была саманная, покрытая камышом, довольно мрачная. Нас встретила огромная стая собак-волкодавов, с острыми шипами на шеях. Но когда мы вошли во внутрь хаты, нас поразила не только необычность обстановки, но и чистота, опрятность. В передней комнате на полу были разостланы ковры, посередине комнаты стоял круглый стол на низеньких ножках, в стороне — кровать и на кровати множество одеял и кошм. Мы сели на ковры. Марьям кинула нам две подушки. Мне показалось, она предлагает нам прилечь с дороги, но Саке шепнул мне:

— Садись. Такой обычай: почетный гость должен сидеть на подушке.

Я сел. Марьям вышла из хаты, и вскоре послышался во дворе ее звсский голос. Перед окном вспыхнул костер.

Около огня появились две девушки с длинными косами и стали хлопотливо что-то делать. Вскоре в комнату вошел старик. Он поклонился нам и сел около стола. Следом за ним вошла старуха — низенькая, полная, с вытянутым лицом и, тоже поздоровавшись с нами, села около стола. Они некоторое время смотрели на нас молча, затем старик заговорил:

— Когда Уразу было шесть лет, отец его Абдильда посадил его на коня. Подхлестнул коня плеткой и пустил в степь. Мужчина должен с шести лет управлять конем. Конь помчался в степь, стараясь скинуть со своей спины мальчика. Но молодой Ураз держался за приву, и когда взмыленный конь прискакал к табуну, тут я Ураза снял с коня и сказал:

— Крепкий будешь: настоящий мужчина. — Ураз ответил: — Я это знаю.

— Ого. Откуда он знал, что он будет настоящий мужчина! — и старик громко засмеялся, показывая крепкий, белый ряд зубов.

— Какой он там, на фронте, Ураз? — обратился ко мне Саке.

— Крепкий: настоящий мужчина.

— Ого. Я это знал, — авторитетно заметил старик и, кивнув головой старухе, сказал ей: — Он, Ураз, такой же крепкий мужчина, как и твой сын Абдильда, отец Ураза. — Старик посмотрел на меня и сказал: — Абдильда тоже пошел на фронт — к сыну. — Он обнял старуху и закачался, тихо напевая. Он пел о том, что он, старый Сабит, и его жена, теперь старуха, а тогда молодая Аше, родили на свет Абдильду — сына степей, сына гор. И пока рос Абдильда, кости Сабита и Аше черствели... «Живость, струнность наших костей уходила к сыну нашему Абдильде. Но мы не завидовали, мы радовались с тобой, мать, что у нас растет такой могучий сын, и сын этот забирает наши молодые силы. Потом у Абдильды появился Ураз... и мы с тобой, старуха моя, опять радовались тому, что наши силы переходят в Ураза. Нынче Абдильда и Ураз защищают степи наши, горы наши, покой наш... и я вместе с тобой, моя старуха, гордо

поднимаю голову», — и, повернувшись ко мне, он громче запел: — Ты наш гость. Ты приехал из большого города. Счастливый ты: ты видел самого мудрого человека на земле. Увидишь еще, скажи ему: далеко, в Казахстане, у гор Тянь-Шаня живет старик Сабит Бузакаров и его жена Аше. Нам вместе сто девяносто лет, и мы кланяемся ему, самому мудрому человеку на земле. Скажи, — он протянул мне руку, и я еще не успел крепко пожать ее, как он поцеловал мою. Я растерялся, но тут же перевернул его руку и поцеловал в ладонь. И тогда они вместе запели другую песню — просторную, как степь.

Песнь оборвали девушки: они внесли и поставили на стол два блюда, в одном лежали куски вареной баранины, в другом — что-то, похожее на огромные подсушенные блины. Затем вошла Марьям — раскрасневшаяся, помолодевшая, и положила около старика баранью голову, одновременно ставя на стол огромный кувшин с вином.

Старик вымыл руки, затем огромным ножом очистил лежавшее на блюде мясо от костей, мелко изрезал его, наломал блины, все это перемешал в огромном блюде, полил соусом и взялся за баранью голову. Торжественно отрезал ухо и подал мне.

Саке сказал:

— Кушай. Ты почетный гость.

Старик отрезал второе ухо и подал его Саке.

Марьям разлила золотистое вино, девушки подали ложки. Выпив вино, я сказал:

— За здоровье матери Марьям.

Но за столом все молчали. Девушки взяли было ложки и потянулись к блюду. Старик что-то сказал на своем родном языке, глядя на меня.

Саке шепнул:

— Это кушание есть беш-бармак, что значит — пять пальцев. Можно кушать и ложками, но сейчас торжественный день, и они хотели бы...

Я не дослушал Саке и поддел пальцами кушанье... За столом раздался взрыв восторга: все потянулись к блюду, ловко поддевая кушанье пальцами.

Марьям пододвинулась ближе ко мне и, глядя мне в глаза, тихо проговорила:

— Ты кушай, кушай. Ты друг Ураза. Когда увидишь его, скажи, отец его тоже пошел туда. И еще скажи, мать его работает в колхозе. Эта рука, — она показала маленькую, обветренную руку, — эта рука не может держать винтовку, но она может вести хозяйство. Скажи ему, когда народ нашего колхоза узнал, что с фронта приехал его друг, то-есть ты, народ сказал мне: Марьям, возьми дочек своих и иди встречай гостя. Скажи ему, что мы бы пришли все, но надо хлеб в поле убирать. А ты кушай. Кушай!

Мы уснули, уставшие с дороги, сытно поевшие, выпив порядочный кувшин натурального вина, самовар чая... Но сквозь сон я слышал, как неподалеку от меня что-то шептала Марьям, то-и-дело упоминая имя сына и мужа.

Я открыл глаза. У моих ног Марьям. Глядя куда-то в сторону, сжимая мой большой палец на ноге, она шепчет:

— Дорогой гость, родной, как сын. Люди собрались в поле. Они зашли, чтобы посмотреть на тебя.

Я быстро вскочил с постели и вышел во двор.

Вдалеке виднелись горы. Солнце играло на пиках и, казалось, оно сходит с гор. А во дворе стояли люди, смуглые, загорелые, и молча смотрели на меня, а я на них. Так длилась какая-то минута. Молчание нарушила женщина. Она крикнула мне:

— Расскажи нам про Ураза.

Я рассказал о том, как однажды Уразу было приказано переправиться за ли-

нию фронта и достать «языка». Он ушел с вечера, утром явился очень пасмурный и сказал:

— Я подкрался к часовому ночью, ударил его прикладом по голове, схватил, понес, но увидел, что немец мертвый: такой сильный был удар, что ка-ска вмялась в голову.

Командир ему заметил:

— Зачем же так сильно бить. Надо полегче.

Ураз ответил:

— Я не хотел так бить. Сама рука ударила.

— Ну, что ж. Придется послать другого.

— Нет, нет, — запротестовал Ураз.— Я пойду. Я только приклад обверну мешком.

И пошел с вечера. Рано утром видим, Ураз несет «языка». Принес, положил. Подошли, посмотрели, немец был мертвый.

— Мертвый, Ураз, — сказали мы.

Ураз растерялся:

— Нет. Я его не сильно ударил. Он был живой, когда я его схватил и понес. Но я, наверное, так крепко его сжал, что... Рука отяжелела, товарищ командир.

— Так же, как у Ураза Бузакарова, отяжелела на врага рука у всех наших бойцов. Я скоро снова буду на фронте, что передать от вас Уразу? — спросил я.

И в этот миг, сжав кулаки, вскинулись десятки рук, и люди в один голос крикнули:

— Передай Уразу, у нас тоже рука отяжелела на врага.

Добро

Эвенкская легенда*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

★

Бубен — звали его. Был он скромен и прост.
Богатырскую силу имел он и рост.
Промышляя в тайге, был отважен и сметлив.
Богача не любил, с бедняком был приветлив.
Всех отважных охотников к Бубну влекло.
Они к Бубну придут, он их встретит тепло,
В сани плотно усадит и — вес-то прикинуть! —
По песку начинает те сани таскать.
Двадцати бы оленям их с места не сдвинуть.
Вот силач был, каких поискать!
Все охотники, знамо, смеются,
Бубна щупают, диву даются.
Сам старик Алгауль — чтили все старика —
Приговаривал, щупая бубновы плечи:
— Велика в тебе силушка, ох, велика!
— Так-то, так, — и другие, ворчливые речи
Раздавались порой, —
Бубну равного силой досель не бывало,
Нет и нынче, да только нам радости мало
Ото всей этой силы сырой:
Тяготы нашей жизни она не посбавит
И от бедности нас не избавит. —

Скромный Бубен молчал, постемневши, как ночь.
Он видал, как живут все эвенки убого.
Думать стал, в голове мыслей много, ой, много,
Но одна больше всех: как эвенкам помочь?
И красы в Бубне много, и сила могуча,
— Сколько, сколько по Бубне вздыхало невест! —
Но сидит он, бывало, как черная туча,
Днями молча сидит, и не пьет, и не ест.
Вдруг лицо его светом как-бы озаряется,
Бубен скажет: — Хоть так беднякам помогу! —
И далёко,
далёко в глухую тайгу
Он уходит и вовсе в тайге потеряется.

---

* Из готовящейся к печати книги «Звезды счастья». «Ленин и Сталин в народном творчестве».

Долго нету ни духу, ни слуху о нём.
 Для храбрейших охотников редкостный случай —
 Там пройти, где прошёл уже Бубен могучий.
 Раз, довольный наредкость удачливым днём,
 Он лишь под вечер вспомнил: поесть хоть морошки,
 Со вчерашнего дня в рот не брал он ни крошки.
 Вдруг он видит, охотничьим пылом горя,
 На огромном сосновом суку глухаря.
 Бил он, Бубен, без промаха птицу из лука.
 Лук схватил и теперь. Метит в сердце как-раз,
 Метит Бубен и видит: у птицы из глаз
 Смотрит жалость и мука, смертельная мука,
 Будто просит глухарь: — Не стреляй, пощади! —
 — Что за чортова штука?
 Птица плачет, гляди! —
 Опустил Бубен лук и глаза протирает,
 Но, протерши глаза, снова цель выбирает,
 В сердце метит. Нацелился — во!
 А глухарь на суку на сосновом
 Всё сидит,
 всё глядит на него,
 Клокчет Бубну — чудно таково! —
 Человеческим словом:
 — Бубен, слушай! Совет тебе дружеский мой:
 Возвращайся домой.
 На эвенков судьба оюлчилась.
 Поскорей, поскорей возвращайся домой:
 Там беда приключилась! —
 Из ослабнувших, дрогнувших рук
 Уронил Бубен лук,
 Полетел он к родным своим чумам стрелою.
 Алгауля сыскал, старика,
 Тормошить его стал за бока:
 — Говори мне, какою бедою
 Наши чумы постигнуты?
 — Злою, —
 Отвечал Алгауль, — небывалой бедой:
 С разрешения грозного русского хана
 К нам купцы понаехали из Турухана
 И народ опоили водой
 Шибко-шибко худою.
 Одурманенный этой водою,
 Запирающей дух, обжигающей рот,
 Обезумел народ,
 Падал на-земь, орал, словно обданный варом.
 Пили все сообща, старики с детворой.
 А купцы той порой
 Укатили с товаром,
 Увезя всю пушнину с собою задаром.
 — Как же ты, Алгауль, это всё разрешил? —
 Бубен тихо спросил, брови сдвинувши строже.
 Алгауль отвечал: — Не таю. Согрешил.
 Был без памяти тоже. —
 С того дня было жалко на Бубна смотреть.

Богатырь стал приметно хиреть.
 Точно осенью лист, все лицо пожелтело.
 За какое б ни взялся он дело,
 Не спорилось дело, валилось из рук.
 Все же Бубен боролся с тяжелою хворью.
 Но прошла ужё Смерть у него по задворью,
 Простучала костями: тук-тук!
 Тук-тук-тук!
 Услыхав этот стук,
 Бубен вздрогнул, но все ж, овладевши собою:
 — Нет, — сказал он, — я Смерти не сдамся без бою! —

Смерть ломилась к нему, как солдат на постой,
 Исхитрялася, сон наводила густой,
 Бубна сонного взять, задушить порешила, —
 Как, иначе, его ни душила,
 Не могла додушить. Стала тем донимать:
 Принималась его и трепать, и ломать.
 Но конец наступал всем трепаньям, ломотам,
 Повернется вдруг дело другим поворотом,
 Бубен сон свой стряхнет,
 Бой со Смертью начнет,
 Весь покроется пдотом,
 А не может он Смерти никак одолеть,
 На какой-то там час он ее и отгонит,
 А потом снова голову клонит,
 Продолжает болеть.

Вот однажды, отбившись от Смерти на время,
 Стал скликать он родное охотничье племя.
 Набежало людей без числа.
 Смотрят, эвона как Бубна хворь затрясла:
 Богатырь был, а стал, что убогий калека.
 Жалко Бубна. Не сделал он зла на веку,
 Был отзывчив он сердцем всегда к бедняку.
 Где другого такого найти человека?
 Трудно будет им жить, дознаваться одним,
 Где надёжна дорога, где — топко, где — склизко.
 Опустили пред Бубном все головы низко
 И прощались с ним.

Бубен молвил: — Не дети. Довольно вам хныкать. —
 Приподнявшись маленько, стал Смерть Бубен кликать.
 Смерть явилась. Худая. Одна только кость.
 И хоть чем показала бы Смерть свою злость!
 К косяку прислонилась, вперед не суется,
 На людей смотрит молча и тихо смеется.
 Молвил Бубен: — Какой мог сказать лиходей:
 «Смерть сильнее всех людей?»
 Понапрасну все приняли это на веру.
 Смерть возьмет тех, других, и меня вот, к примеру,
 А В л а д и м и р а нет: он ее посильней. —
 Тут спросили охотники Бубна больного:
 — Про какого Владимира молвил ты слово? —

— Есть такой. Вместе с нами в тайге он живет.
 Он — кузнец: людям счастье кует.
 Он — мудрец и людей мудрым словом он учит,
 Их готовя к приходу Великого Дня.
 Слушать слово его никогда не наскучит.
 Я не видел его, но дошло до меня:
 Всех людей он добрее,
 Всех людей он мудрее.
 Сердце доброе мудро устроено в нем,
 Не сгорает и вечным пылает огнем.
 В человеке, чье сердце трепещет, как птица,
 И сжимается черной, гнетущей тоской
 От неправды людской,
 Есть от сердца Владимира капля-частица.
 Взор Владимира гонит неправду и тьму.
 Разыщите его, расскажите ему,
 Обо всем, что ночами и днями вас гложет,
 Что ваш дух омрачает и сердце тревожит,
 Отравляет вам радость и жить не дает.
 Он вас в горе утешит, в беде вам поможет.
 Он — кузнец: людям счастье кует.
 Быть поближе стремится он к нашему брату.
 Солнце путь вам укажет. Идите к закату. —
 Каждый думал, кто слушал: — Куда я пойду?
 Бубен так говорит нам в предсмертном бреду. —
 Умер Бубен. Заткало густой паутиною
 То, что он говорил пред своею кончиною.

С той поры, как всегда,
 Шли года
 Год за годом
 Предуказанным времени ходом.
 Весть к эвенкам пришла. Весть была не худа:
 Расцвела Хатанга, из другого сословья
 Появились в ней честные очень купцы,
 Не бывшие свирепые псы, стервецы,
 Что питались бесчестным торговым уловом.
 Эти, новые, вежливо белку берут,
 И лису, и сохатого. Дело и словом
 Не обидят: за честный охотничий труд,
 За пушнину, эвенком зимою добытую,
 Соль и сахар, муку и одежду дают,
 Без обмана ведут они дело, в открытую,
 В долг дают. Вот какие купцы!

— Что за дичь?! —

Алгауль этой вести не может постичь:
 — Бабы выдумки всё. Чепуха. Пустословье.
 Не проверивши, как я поверить могу? —
 И решил он отправиться сам в Хатангу.
 Вот пришел он к купцам в их большое зимовье,
 Говорит им лукаво: — Худые дела.
 Шибко-шибко добыча мала.
 Белок мало добыл я и мало сохатых.
 А ребят у меня полон чум, целых шесть.

Думать надо, аль нет, о ребятах:
 Чем кормить их? Они просят есть.
 Самому тож ходить надоело в заплатах. —
 Алгаулю купцы отвечают на честь.
 Все слова их, похоже, совсем не безделка,
 Не катают пред старым эвенком шаров:
 — Вот товар, — говорят, — в долг берн. Сам здоров —
 Будет белка.
 Всё отпустим тебе, в чем имеешь нужду. —
 Алгауль был смущен. — Верить им?.. Обожду. —

По тайге снова слухи. Везде затрубили.
 Слух за слухом от чума до чума плывет:
 В Хатанге еще больше зимовий срубили,
 Там и доктор живет, и учитель живет.
 К Алгаулю учитель пришел — ну, не диво?
 Говорили о нем, значит, служи правдиво.
 — Нам, — учитель сказал, — в темноте да в грязи
 Вечно ль жить? Сколько есть у тебя ребятишек?
 — Три девчонки да трое парнишек.
 — В школу их привози, в Хатангу привози,
 Будут знанья-ума набираться.
 Тех, которые будут в ученьи стараться
 И отборными выйдут из всех по уму,
 В большой город возьму.
 Там бесплатно
 Будут их содержать и обучат всему.
 Как вернутся они, обучившись, обратно,
 Сами будут они всех эвенков лечить,
 Сами будут они ребятишек учить
 И для общего счастья-здоровья
 Распрекрасные строить зимовья. —

Жизнь эвенков в другие вошла берега.
 Алгауля спросили: — Уверился, старче? —
 Он уверился: жизнь стала краше и ярче,
 Зажила по-иному тайга!
 Груз последний стяхнув недоверья былого,
 Алгауль вспомнил Бубна прощальное слово
 О Владимире. — Вот,
 Вот кто счастье эвенкам кует,
 Кто людей разлучил с прежним горем-кручиною!
 Кто же больше? Он счастьем тайгу одарил!
 Верно Бубен тогда нам о нем говорил
 Пред своею кончиною! —
 Стал по чумам ходить Алгауль с той поры.
 Взрослых встретит людей иль среди детворы —
 Новой жизни великую правду доказывает,
 Про Владимира взрослым и детям рассказывает.

Весть худая пришла. Застонала тайга,
 К небу вихрями буйно взметнула снега.
 Шибко стало морозно и шибко метельно.
 Вестью злой опечалились люди смертельно,

Все стонали, рыдали навзрыд:

— Ленин в землю зарыт!

Уж не скажет он слова Большому Совету!

— Умер Ленин Владимир!

— Владимира нету! —

Вздрыгнул вдруг Алгауль и тряхнул головой:

— Бросьте выть, — он вскричал, — что за жалобный вой!

Солнце есть, раз его не лишились мы свету!

Слух о смерти Владимира лжив!

Есть приметы — любую возьмите примету! —

Что Владимир не умер. Он жив!

Его доброе сердце — оно не остыло,

Не сгорая, горит оно вечным огнем.

Всё осталось, что при Владимире было,

Всё цветет, как цвело и при нем.

Налицо те ж большие зимовья,

Те же честного торго условия,

То же школьное с вывеской красной крыльцо,

Та ж лечебница... Всё налицо!

Бросьте выть, без причины горюя!

Ленин жив, говорю я!

Смерть меня и любого из нас заберет,

Но Владимир вовек не умрет,

Жить с простыми людьми будет жизнью единою

И творить то добро, что доселе творил.

Бубен так говорил пред своею кончиною.

Верно он говорил! —

Ночью тихой, благою

Хорошо над тайгою

Светят звезды-огни.

Раньше гасли они,

Когда жизнь у эвенков была неприглядна.

Много лесу в тайге, нету края ему,

И тайги не сломить никогда никому.

И богата тайга, и нарядна.

В Хатанге — и уже не в одной Хатанге! —

Люди жить стали дружно,

Без взаимных подвохов, попреков, угроз,

Общей братской семьей, так, как жить людям нужно,

И семье той названье — колхоз.

Алгауль умилен новой жизнью до слез:

— Что пред нынешней жизнью былое житьишко?

У охотника у одного есть ружьишко,

У колхозников — сто.

Это вовсе не то!

Все в работе друг другу спешат на подмогу,

Все для пользы для общей хлопочут вокруг.

Кто нашел, указал нам такую дорогу?

Он, Владимир, наш мудрый учитель и друг.

Он собрал нас, эвенков, и спас от разброду.

Хорошо сделал добрый Владимир народу!

— Хорошо! — Алгаулю сказали в ответ, —
 Общий радостный труд, общий мир да совет.
 Перестали мы жить в повсечасной тревоге.
 На большую дорогу мы вышли, на свет,
 И ведет всех нас Сталин по этой дороге. —
 Алгаулю большой показали портрет:
 — Вот, гляди. Это — Сталин! —

От счастья взволнованный,
 И смеясь, и плача, как бы зачарованный,
 Глаз не мог Алгауль от портрета отвести
 И, рукой его глядя, сказал:

— Так и есть!

Дайте мне, я к глазам его старым приближу.
 Он, он самый. Вот я его явственно вижу.
 Он — добро. А добро — разве смертно оно?
 Ленин, Сталин — одно,
 Только имя двойное,
 Одинаково близкое нам и родное.
 Сталин нас охраняет от зла и вреда,
 В наших радостях он принимает участие.
 Сталин с нами всегда —
 В светлый день и в ненастье.
 Он для нас не жалеет забот и труда.
 Он — кузнец и кует людям счастье.
 Его ласка — на нас, и гроза — на враге.
 Он живет вместе с нами в тайге! —

Держись, старшина!

Рассказ

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

*

Черноморскому подводнику, старшине группы товарищу Пустовойтенко, его стойкости и героизму.

1.

На этот раз командир лодки поймал себя на том, что смотрит на циферблат глубомера и пытается догадаться, сколько же сейчас времени. Он перевел глаза на часы, висевшие рядом, но все-таки понять ничего не мог. Стрелки на них дрожали и расплызались, и было очень трудно заставить их показать время. Когда, наконец, это удалось, капитан-лейтенант понял, что до наступления темноты осталось еще больше трех часов, и подумал, что этих трех часов ему не выдержать.

Мутная, проклятая вялость вновь подгибала его колени. Он снова, в который раз, терял сознание. В висках стучало, в глазах плыли и вертелись радужные круги, он чувствовал, что шатается и что пальцы его сжимают что-то холодное и твердое. Огромным усилием воли он заставил себя подумать, где он, за что ухватились его руки и что он, собственно, собирается сделать. И тогда он вдруг понял, что стоит уже не у часов, а у клапанов продувания, схватившись за маховичок. Видимо, снова он потерял контроль над своими поступками и теперь, вопреки собственной воле, был уже готов прогнать балласт и всплыть, чтобы впустить в лодку чистый воздух.

Воздух... Благословенный, свежий воздух, без этого острого, душевного, проклятого запаха, который дурманит го-

лову, клонит ко сну, лишает воли... Воздуха, немного воздуха!..

Его очень много было там, над водой. Несправедливо много. Так много, что его хватало и на врагов. Они могли не только дышать им. Они могли даже сжигать его в цилиндрах моторов, и их самолеты могли летать в нем над бухтой и Севастополем. И поэтому лодка должна была лежать на грунте, дожидаясь темноты, которая даст ей возможность всплыть, вдохнуть в себя широко открытыми люками чистый воздух и проветрить отсеки, насыщенные парами бензина.

Уже тринадцатый час люди в лодке дышали одуряющей смесью этих паров: углекислоты, выдыхаемой их легкими, и скурых порций кислорода, которым командир, расходуя аварийные баллоны, пытался убить бензинный дурман. Кислород, дав временное облегчение людям, сгорал в их организме, а бензинные пары все продолжали невидимо насыщать лодку.

Они струились в отсеки из той балластной систерны, в которой подводники, рискуя жизнью, привезли защитникам Севастополя драгоценное боевое горючее. Систерна ночью была уже опорожнена, бензин увезли к танкам и самолетам. Оставалось только промыть ее (чтобы при погружении водяной балласт не вытеснил из нее паров бензина внутрь лодки) и проветрить отсеки. Но сделать этого не удалось. С рассветом началась одна из тех яростных бомбежек, длившихся целый день, которые

испытывал Севастополь в последние дни своей героической обороны.

Лодка была вынуждена лечь в бухте на грунт до наступления темноты.

Первые часы все шло хорошо. Но потом стальной корпус лодки стал подобен гигантской наркотической маске, надетой на головы нескольких десятков людей. Сытный, сладкий и острый запах бензина отравлял человеческий организм, — люди в лодке поочередно стали погружаться в бесчувственное состояние. Оно напоминало тот неестественный мертвый сон, в котором лежат на операционном столе под парами эфира или хлороформа.

И так же, как под наркозом каждый человек засыпает по-своему, один — легко и покорно, другой, — мучительно борясь против насильно навязываемого ему сна, так и люди в лодке перед тем, как окончательно потерять сознание, вели себя по-разному.

Одни медленно бродили по отсекам, натякаясь на приборы и на товарищей, и бормотали оборванные, непонятные фразы. Другие, лежавшие терпеливо и спокойно в ожидании всплытия, вдруг принимались плакать пьяным истошным плачем, ругаясь и бредя, пока отравленный воздух не гасил в них остатков сознания и не погружал в молчание. Кто-то внезапно поднялся и начал плясать. Может быть, в затуманенном его мозгу мелькнула догадка, что этим он поднимет дух у остальных, — и он плясал, подпевая себе и ухарски вскрикивая, пока не упал без сил рядом с бесчувственными телами, для которых он плясал.

Большинство краснофлотцев, стараясь сберечь силы до того времени, когда можно будет всплывать, лежали так, как приказал командир, — молча и недвижно. Но и они в конце концов были побеждены бесчувствием, неодолимо палявающим на мозг. И только глаза их неподвижные, не выражающие уже мысли глаза, — были упрямо открыты, словно краснофлотцы хотели этим показать своему командиру, что до последнего проблеска сознания они пытались держаться и что они ждут только глотка свежего воздуха, чтобы встать по своим местам.

Но дать им этот глоток командир не мог.

Всплывать, когда над бухтой был день, означало подставить лодку под снаряды тяжелых батарей, под бомбы самолетов, непрерывно сменяющих друг друга в воздухе. Нужно было лежать на грунте и ждать темноты. Нужно было бороться с этим одуряющим запахом, погрузившим в бесчувствие всех людей в лодке, кроме него. Он должен был держаться и сохранять сознание, чтобы иметь возможность всплыть и спасти лодку и людей.

Но держаться было трудно. Все чаще и чаще он переходил в бредовое состояние и уже несколько раз ясно видел на часах двадцать один час — время, когда можно будет всплывать. Глоток свежего воздуха, только один глоток — и он продержался бы и эти три часа. Он завидовал тем, кому привез бензин, мины и патроны: они дрались и умирали на воздухе. Даже падая с пульей в грудь, они успевали вдохнуть в себя свежий, чистый воздух, и, вероятно, это было блаженством... Стоило только повернуть маховичок продувания балласта, отдраить люк, вздохнуть один раз — один только раз! — и потом снова лечь на грунт, хоть на сутки.. Пальцы его уже сжимали маховичок, но он нашел в себе силы снять с него руки и отойти от трюмного поста.

Он сделал два шага и упал, всей силой воли и мысли сопротивляясь надвигающейся зловещей пустоте. Он не имел права терять сознания. Тогда лодка и все люди в ней погибнут.

Он лежал в центральном посту у клапанов продувания, скрипя зубами, глухо рыча и мотая головой, словно этим можно было выветрить из нее проклятый, вялый дурман. Он кусал себе руки, чтобы боль привела его в чувство. Он бился, как тонущий человек, но сонная пустота затягивала в себя, как медленный, сильный омут.

Потом он почувствовал, что его поднимают, и сквозь дымные и радужные облака увидел лицо второго во всей лодке человека, кто, кроме него, мог еще думать и действовать. Это был старшина группы трюмных.

— Товарищ капитан-лейтенант, по-

пейте-ка, — сказал тот, прикладывая к его губам кружку.

Он глотнул. Вода была теплая, и его замутило.

— Пейте, пейте, товарищ командир, — настойчиво повторил старшина. — Может, сорвет. Тогда полегчает, вот увидите...

Капитан-лейтенант залпом выпил кружку, другую. Тотчас его замутило больше, и яростный припадок рвоты потряс его тело. Он отлежался. Голове, действительно, стало легче.

— Крепкий ты, старшина, — сказал он, найдя в себе силы улыбнуться.

— Держись пока, — сказал тот, но капитан-лейтенант увидел, что лицо его было совершенно зеленым и что глаза блестят неестественным блеском. Командир попытался встать, но во всем теле была страшная слабость, и старшина помог ему сесть.

— А я думал, вам полегчает, — сказал он сожалюще. — Конечно, кому как. Мне вот помогает: поправлю — и легче...

Командир с трудом раскрыл глаза.

— Не выдержать мне, старшина. Свалюсь, — сказал он, чувствуя, что сказать это трудно и стыдно, но сказать надо, чтобы тот, кто останется на ногах один, знал, что командира в лодке больше нет.

И старшина как будто угадал его чувство.

— Что ж мудреного, вы же в походе две ночи не спали, — сказал он уважительно. — Я и то на вас удивляюсь.

Он помолчал и добавил:

— Вам бы, товарищ командир, поспать сейчас. Часа три отдохнете, а к темноте я вас разбуджу... А то вам и лодки потом не поднять будет...

Командир и так уже почти спал, сидя на разноможке. Борясь со сном, он думал и взвешивал. Он отлично понимал, что если он немедленно же не отдохнет, он погубит и лодку, и людей. Он с усилием поднял голову.

— Товарищ старшина первой статьи, — сказал он таким тоном, что старшина невольно выпрямился и стал смирно, — вступайте во временное командование лодкой. Я, и точно, не в себе. Лягу. Следите за людьми, может,

кто очнется, полезет лок отдраивать. или продувать примется... Не допускает:

Он помолчал и добавил:

— И меня не допускайте к клапанам до двадцать одного часа. Может, и меня к ним тоже потянет, понятно?

— Понятно, товарищ капитан-лейтенант, — сказал старшина.

Командир снял с руки часы.

— Возьмите. Чтобы все время правас были, мало ли что... Меня разбудить в двадцать один час, понятно?

— Понятно, — повторил старшина надевая на руку часы.

Он помог командиру встать на ноги и дойти до каюты. Очевидно, тот уже терял сознание, потому что повис на его руке и говорил, как в бреду:

— Держись, старшина... Выдержи! Лодку тебе отдаю... людей отдаю... На часы смотри, выдержи, старшина...

Старшина уложил его в койку и пошел по отсекам.

2.

Он шел медленно и осторожно, стараясь не делать лишних движений, потому что и у него от них кружилась голова. Он шел между бесчувственных тел, поправляя руки и ноги, свесившиеся с коек, с торпедных аппаратов, с дизелей. Порой он останавливался возле спящего или потерявшего сознание краснофлотца, оценивая его: может, если его привести в чувство, пригодится командиру при вспышке? Он попробовал расшевелить тех, кто казался ему крепче и выносливее других. Из этого ничего не получилось. Только трое на минуту пришли в себя, но снова впали в бесчувственность. Однако он их приметил: это были нужные при вспышке люди — электрик, моторист и еще один трюмный.

Трижды за первые два часа ему пришлось прибегать к своему способу облегчения. Но в желудке ничего не осталось, и рвота стала мучительной. По третьему разу он почувствовал, что его валит непобедимое стремление заснуть. Чтобы отвлечься, он опять пошел по отсекам, пошатываясь. Когда он проходил мимо командира, он подумал, не разбудить ли его, потому что сам он

мог неожиданно для себя заснуть. Он остановился перед командиром. Тот по-прежнему продолжал бредить:

— Двадцать один час... Боевая задача... Держись, старшина...

— Спи, товарищ командир, все нормально идет, — ответил он, но, видимо, командир его не слышал, потому что повторял однообразно и негромко:

— Держись, старшина... Держись, старшина...

Старшина смотрел на него, взволнованный этим бредом, в котором командир и без сознания продолжал верить тому, кому он поручил свой отдых, нужный для спасения лодки. Ему стало стыдно за свою слабость. Он пересилил себя и пошел в центральный пост.

Но там, оставшись опять один, он снова почувствовал, что должен забыть себя хоть на минутку. Голова сама падала на грудь, и он боялся, что заснет незаметно для самого себя. Тогда он пошел на хитрость: он прислонился к двери, взялся левой рукой за верхнюю задрайку и привалился головой к запястью с тем расчетом, что если случайно он заснет, то пальцы разожмутся и голова неминуемо стукнется о задрайку, что, несомненно, заставит его опомниться.

Какое-то время он сидел в забытье, слушая промкий стук в висках. Потом этот стук перешел в ровное, убаюкивающее постукивание, равномерное и не очень торопливое. Это тикали у самого уха командирские часы на руке. Они тикали и как будто повторяли два слова: «Держись-старшина, держись-старшина»... Он понял, что засыпает и тут же хитро подумал, что пальцы обязательно разожмутся, как только он уснет, и что пока можно сидеть спокойно, отдаваясь этому блаженному забытью. Но часы тикали надоедливо, и надоедливо звучали слова: «Держись, старшина, держись, старшина», — и вдруг он вспомнил, что они значат...

Он резко поднял голову и хотел снять руку с задрайки. Но пальцы так вцепились в задрайку непроизвольной, цепкой судорогой, что он испугался. Их пришлось разжать другой рукой.

Ему стало ясно, что нельзя идти ни на какие сделки с самим собой: не-

смотря на свой хитрый план, он мог сейчас заснуть, как и все другие, и погубить лодку. Чтобы встряхнуться, он зашел, промком и нескладно. Он никогда не пел раньше, стесняясь своего голоса, но сейчас его никто не слышал. Он пел дико и фальшиво, перевирая слова, но песня эта его несколько рассеяла. Вдруг он замолчал: он подумал, что наверху, может быть, подслушивают вражеские гидрофоны. Потом с трудом вспомнил, что никаких гидрофонов нет, — лодка лежит в своей бухте.

Время от времени в лодку доносились глухие взрывы. Наверное, фашисты бомбили наши корабли. Он вспомнил, как перед погружением, когда, сдав груз и бензин, лодка уходила от пристани, в небе загудело неисчислимое количество самолетов, и светлые столбы воды встали на нежном небе рассвета, и один из них, опав, обнаружил за собой миноносец. И снова с потрясающей ясностью он увидел, как корма миноносца поднялась над водой и как одно орудие на ней продолжало бить по самолетам, пока вода не заплеснула в его раскаленный ствол.

— Держись, старшина, — сказал он себе вслух, — держись, старшина... Люди же держались...

Его охватила жалость к этим морякам, погибшим на его глазах, и внезапная ярость ожгла сердце. Он поднял к подволоку кулак и погрозил.

— Еще и лодки ждете, гансовы дети?.. Прождетесь... — сказал он тихо и отчетливо.

Ярость эта как будто освежила его и придала ему сил. Он пошел по отсекам, чтобы найти тех, кого он наметил, и перетащить их в центральный пост, чтобы при вспышке привести в чувство. Он наклонился над электриком, когда услышал в конце отсека шаги. Перегнувшись и посмотрев вдоль лодки сквозь путаную сеть труб, штоков и приборов, он увидел, что кто-то, шатаясь, подошел к люку и взялся за задрайку. Старшина быстро прошел к нему:

— С ума сошел? Кто приказал?

Но тот, очевидно, его не понимал. Старшина попробовал его оттащить, но тот вцепился в задрайку с неожиданной

силой, покачивая опущенной головой, и повторял:

— Обожди... на минутку только... обожди...

Он боролся со старшиной отчаянно и упорно, потом вдруг весь ослаб и упал возле люка.

Борьба эта утомила старшину, и он вынужден был отсидеться. Едва он отдохнул, как упавший снова встал и потянулся к задрайкам. На этот раз схватка была яростней, и может быть, тот одолел бы старшину и впустил бы в лодку воду, если б не пустяк: старшина почувствовал, что рука с командирскими часами прижата к переборке, и ему почему-то померещилось, что если часы будут раздавлены в этой свалке, то он не сможет разбудить командира во-время. Он рывком дернулся из зажавших его цепких объятий, и бредивший снова потерял силы. Для верности старшина связал ему руки чьим-то полотенцем и долго сидел возле, задыхаясь и вытирая пот. Когда он смог подняться на ноги, — было уже десять минут десятого. Он прошел к командиру и тронул его за плечо:

— Товарищ капитан-лейтенант, время вышло, вставайте.

— Старшина? — тотчас же ответил тот, не открывая глаз. — Хорошо, старшина... Держись... Не забудь разбудить...

— Пора всплывать, товарищ командир, двадцать один час, — повторил старшина и поднял голову к подволоку, где за толстым слоем воды была спасительная тьма и воздух, чистый воздух, который сейчас хлынет в лодку.

Нетерпение охватило его.

— Вставайте, товарищ командир, можно всплывать, — повторил он, но командир очнуться не мог. Он подымал голову, ронял ее обратно на койку и повторял:

— Держись, старшина... боевой приказ... двадцать один час...

Разбудить его было невозможно.

Когда старшина это понял, он просидел минут пять, соображая. Потом прошел к инженеру и попытался поднять его. Но тот был без сознания.

В отчаянье старшина попробовал заставить очнуться кого-либо из тех, кого

он наметил ранее. Но и они подымали голову, как пьяные, отвечали вздор, и толку от них не было.

Тогда он решился.

Он перенес командира в центральный пост и пристроил его под самым люком, чтобы воздух сразу хлынул на него. Потом подошел к клапанам и открыл продувание средней.

Все было в порядке. Знакомый удар сжатого воздуха хлопнул в трубах, вода в системе зажурчала, и глубомер пополз вверх. Лодка всплыла на ровном киле, и глубомер показал, что рубка уже вышла из воды. Теперь оставалось лишь отдрать люк и впустить в лодку воздух. Тогда, под свежей его струей, командир очнется, и все пойдет нормально...

Во всей этой возне старшина очень устал. И, как бывает всегда в последних секундах ожидания, ему показалось, что больше он выдержать не может. Свежий воздух стал нужен ему немедленно, тотчас же, иначе он мог упасть рядом с командиром, и тогда все кончится и для лодки, и для людей. Сердце его билось бешеным стуком, голова кружилась. Он полз по скобтрапу вверх к люку медленно, как во сне, когда руки и ноги вязнут и когда никак нельзя дотянуться до того, что тебя спасет. Руки его, и в самом деле, ослабли, и, взявшись за штурвал люка, он едва смог его повернуть. Еще одно огромное усилие понадобилось, чтобы заставить крышку люка отделиться от прилипшей резиновой прослойки.

Свежий, прохладный воздух ударил ему в лицо. Он пил его всей грудью, вытянув шею, смеясь и почти плача, но вдруг с ужасом почувствовал, что голова кружится все сильнее. Он сумел еще понять, что люк надо успеть задраить, иначе лодку начнет заливать, если разведет волну и не будет уже ни одного человека, кто это сможет заметить. Теряя сознание, он повис всем телом на штурвале люка, крышка захлопнулась под тяжестью его тела, руки разжались, и он ружнул вниз.

3.

Очнулся он от того, что захлебнулся. Рывком он поднял голову, пытаясь понять, где он и что случилось.

В лодке попрежнему было светло и тихо. Он лежал рядом с командиром, лицом вниз в небольшой луже, заливавшей палубу центрального поста. Командирские часы на руке показывали двадцать один час пятьдесят минут. Значит, он только-что упал, и откуда появилась вода, было непонятно.

Он встал и с удивлением почувствовал, что силы его прибавились, — видимо, помог воздух, которым ему только-что удалось подышать. Но открывать вновь люк было опасно: раз в лодке была вода, значит, рубка не вышла целиком над поверхностью бухты. Он в раздумье обвел глазами центральный пост, соображая, что же могло произойти. Тут на глаза ему попались часы на переборке у глубомера. Они показывали ноль часов восемь минут.

Это значило, что командирские часы разбились и что он пролежал без сознания больше двух часов. Все это время лодка дрейфовала в бухте и с ней могло произойти, что угодно, раз вода выступила из трюма на настил палубы.

Он пошел осматривать отсеки и понял, откуда появилась вода.

Тот, кого он связал полотенцем, сумел освободиться от него и все-таки отдраить носовый люк. Но, по счастью, он только ослабил задрайки: у него или нехватило сил открыть его, или вода, полившаяся в щель, привела его на момент в чувство, и он понял, что делает что-то не то. Однако, и этого оказалось достаточно, чтобы вода, покрывавшая над люком верхнюю палубу лодки, всплывшей только рубкой, уже залила трюмы.

Поняв, что очнулся как-раз во-время, старшина тотчас повернул задрайки носового люка, вернулся в центральный пост, пустил водоотливные помпы и только после этого решился открыть рубочный люк. Воздух снова ударил его по голове, как молотом, но на этот раз он сразу же перевесился через коминг люка и удержался на трапе. Скоро он пришел в себя и поднялся на мостик.

Торжественно и величаво стояло над бухтой звездное, чистое небо. Вспыхивающее на горизонте кольцо орудийных залпов осеняло мужественный, избранный город огненным венцом славы. Шу-

мели волны, разбиваясь о близкий берег. Свежий морской ветер бил в лицо, выдувая из легких ядовитые пары бензина.

Старшина стоял, наслаждаясь ветром, воздухом и возвращенной жизнью. Он стоял и дышал, он смотрел в звездное небо и слушал рокот волн и залпов.

Но лодка снова напомнила ему о том, что попрежнему он остается единственным человеком, от которого зависит ее судьба и судьба заключенных в ней беспомощных, одурманенных людей: она приподнялась на волне и ударила носом о грунт. Тогда он перегнулся через обвес рубки, вгляделся во тьму и понял, что за эти два часа лодку поднесло к берегу и, очевидно, посадило носом на камни.

Опять следовало действовать, и действовать немедленно. Нужно было сняться с камней и уйти в море, пока еще темно и пока не появились над бухтой фашистские самолеты.

Он быстро спустился вниз, включил вентиляцию и с трудом вытащил командира на мостик. На воздухе тот очнулся. Но так же, как недавно старшина, он сидел на мостике, вдыхая свежий воздух и еще не понимая, где он и что надо делать. Старшина оставил его приходиться в себя и вынес наверх еще одного человека, без которого лодка не могла дать ход, — электрика, одного из троих, назначенных им для всплытия.

Наконец они смогли действовать. Командир приказал продуть главный балласт, чтобы лодка, окончательно всплыв, снялась с камней. Электрик, еще пошатываясь, прошел в корму, к своей станции, старшина — к своему трюмному посту. Он открыл клапаны, и глубомер пополз вверх. Когда он показал ноль, старшина доложил наверх, что балласт продут, и командир дал телеграфом «полный назад», чтобы отвести лодку от камней. Моторы зажужжали, но лодка почему-то пошла вперед и вновь села на камни. Командир дал «стоп» и крикнул вниз старшине, чтобы он узнал, почему неверно дан ход?

Электрик, стоя у рубильников, с напряженным вниманием смотрел на телеграф, ожидая приказаний.

— Тебе какой ход был приказан? — спросил его старшина.

— Передний, — ответил он. — Полной мощностью оба вала.

— Ты что, не очнулся? Задний был дан, — сердито сказал старшина.

— Да я видел, это телеграф врет, — сказал электрик спокойно. — Как же командир мог задний давать? Сзади же у нас фашисты. Мы только вперед можем идти. В море.

Он сказал это с полным убеждением, и старшина понял, что тот все еще во власти бензинного угара. Заменить электрика у станции было нечем, а ждать, когда к нему вернется сознание полностью, было нельзя. Тогда старшина прошел на мостик и сказал капитан-лейтенанту, что у электрика в голове шарики вертятся еще не в ту сторону, но что хода давать можно: он сам будет стоять рядом с электриком и посматривать, чтобы тот больше не чудил.

Лодка вновь попыталась сняться. Ошибка электрика поставила ее в худшее положение: главный балласт был продут полностью, и уменьшить ее осадку было теперь уже нечем, а от рывка вперед она плотно засела в камнях. Время не терпело, рассвет приближался. Лодка рвалась назад, пока не разрядились аккумуляторы.

Но за это время воздух, гулявший внутри лодки, и вентиляция сделали свое дело. Краснофлотцы приходили в себя. Первыми очнулись те упорные подводники, которые потеряли сознание последними. За ними, один за другим, вставали остальные, и скоро во всех отсеках началось движение и забила жизнь. Мотористы стали к дизелям, электрики спустились в трюм к аккумуляторам, готовя их к зарядке. Держась за голову и шатаясь, прошел в центральный пост боцман. У колонки вертикального руля встал рулевой. Что-то зашипело на камбузе, и впервые за долгие часы подводники вспомнили, что, кроме необходимости дышать, человеку нужно еще и есть.

Среди этого множества людей, вернувших себе способность чувствовать, думать и действовать, совершенно затерялся тот, кто вернул им эту способность.

Сперва он что-то делал, помогал другим, но постепенно все больше и больше людей появлялось у механизмов, и он чувствовал, будто с него сваливается одна забота за другой. И когда, наконец, даже у трюмного поста появился краснофлотец (тот, кого он когда-то, — казалось, так давно! — пытался разбудить) и официально, по уставу, попросил разрешения стать на вахту, старшина понял, что теперь можно поспать.

И он заснул у самых дизелей так крепко, что даже не слышал, как они загрохотали частыми взрывами. Лодка снова дала ход, на этот раз дизелями, и винты полными оборотами стащили ее с камней. Она развернулась и пошла к выходу из бухты. Дизеля стучали и гремели, но это не могло разбудить старшину. Когда же лодка повернула и ветер стал забивать через люк отработанные газы дизелей, — старшина проснулся. Он потянул носом, выругался, и не в силах слышать запах, хоть в какой-нибудь мере напоминающий тот, который долгие шестнадцать часов валил его с ног, решительно вышел на мостик и попросил разрешения у командира остаться.

Тот узнал в темноте его голос и молча нашел его руку. Долго, без слов, командир жал ее крепким пожатием, потом вдруг притянул старшину к себе и обнял. Они поцеловались мужским, строгим, клятвенным поцелуем, связывающим военных людей до смерти или победы.

И долго еще они стояли молча, слушая, как гудит и рокочет ожившая лодка, и подставляя лица свежему, вольному ветру. Черное море окружало лодку тьмой и вздыхающими волнами.

Потом старшина смущенно сказал:

— Конечно, все хорошо получилось, товарищ капитан-лейтенант, только неприятность одна все же есть...

— Кончились неприятности, старшина, — сказал командир весело. — Кончились!

— Да уж не знаю, — ответил старшина и неловко протянул ему часы. — Часики ваши... Надо думать, не починить... Стоят...

С тобой и без тебя

*Из лирического дневника
Цикл третий*

К. СИМОНОВ

Посвящается В. С.

★

ЛЮБОВЬ

Когда на выжженном плато
Лежал я под стеной огня,
Я думал, слава богу, что
Ты так далеко от меня.
Что ты не слышишь этот гром,
Что ты не видишь этот ад,
Что где-то в городе другом
Есть тихий дом и тихий сад.
Что вместо камня там вода,
И вместо прома — кленов тень,
И что со мною никогда
Ты не разделишь этот день.

Но стоит встретиться с тобой,
И я хочу, чтоб каждый день,
Чтоб каждый час и каждый бой
За мной ходила ты, как тень.
Чтоб ты со мной делила хлеб,
Делила радости до слез,
Чтоб слепла ты, когда я слеп,
Чтоб мерзла ты, когда я мерз,
Чтоб страхом был твоим — мой страх,
Чтоб гневом был твоим — мой гнев.
Мой голос на твоих губах —
Чтоб был, едва с моих слетев.

Чтоб не сказали мне друзья,
Все разделявшие в судьбе:
С тобой был не она, а я,
Что эта женщина тебе?
Ведь не она с тобой была
В тот день в атаке и пальбе,
Ведь не она тебя спасла,
Что эта женщина тебе?
Зачем теперь все с ней да с ней,
Как будто в горе и беде,
Всех заменив тебе друзей,
Она с тобой была везде?

Чтоб я друзьям ответить мог:
Да, ты не видел, как она
Лежала, съевшись в комок,
Там, где огонь был, как стена.
Да ты забыл, она была
Со мной три самых черных дня,
Она тебе там помогла,
Когда ты вытащил меня.
И за спасение мое,
Когда я пил с тобой вдвоем,
Она, ты не видал ее,
Сидела третьей за столом.

★

ЕДИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Твой голос поймал я в Смоленске,
Но мне, как всегда, не везло;
Из тысячи слов твоих женских
Услышал я только: «Алло!»

Рвалась телефонная нитка
На слове три раза под ряд.
Оглохшая телефонистка
Устало сказала: «Бомбят».

А дальше летели недели,
И так получилось само —
Когда мы под Оршей сидели,
Тебе сочинил я письмо.

В нем много написано было,
Теперь и не вспомнишь всего.
Ты б верно меня полюбила,
Когда б получила его.

В ночи под глухим Могилевом,
Уж так получилось само,
Иначе не мог я, ну, словом,
Пришлось разорвать мне письмо.

Всего, что пережито было
В ту ночь, ты и знать не могла.
А верно б меня полюбила,
Когда бы там рядом была.

Но рядом тебя не случилось,
И порвано было письмо,
И все, что могло быть, — забылось,
Уж так получилось само.

Нарочно писать ведь не будешь,
Раз горький затеялся спор;
Меня до сих пор ты не любишь,
А я не пишу до сих пор.

Но после войны под травую,
Получится так уж само,
Мы чудом отыщем с тобою
В клочках обгорелых письмо.

Но мы его склеим, и знаешь —
В сиянии мирного дня,
С войны ты письмо прочитаешь
И все же полюбишь меня.

★

Пусть прокляну впоследствии
Твои черты лица —
Любовь к тебе, как бедствие,
И нет ему конца.
Нет друга, нет товарища,
Чтоб среди бела дня
Из этого пожарища
Мог вытащить меня.
Отчаявшись в спасении
И бредя наяву,
Как при землетрясении
Я при тебе живу.

Когда ж от навождения
Себя освобожу,
В ответ на осуждение
Я про тебя скажу:
Зачем считать грехи ее?
Ведь не добра, не зла,
Не женщиной — стихиею
Вблизи она прошла.
И, грозный шаг заслыша, я
Пошел грозу встречать,
Не став, как все, под крышею
Ее пережить.

★

ХОЗЯЙКА ДОМА

Подписан будет мир, и вдруг к тебе
домой,
К двенадцати часам, шумя, смеясь,
пророча,
Как в дни войны, придут слуга покор-
ный твой
И все его друзья, кто будет жив к той
ночи.

Хочу, чтоб ты и в эту ночь была
Опять той женщиной, вокруг которой
Мы изредка сходились у стола
Перед окном с бумажной синей шторой
Басы зениток за окном слышны,
А радиолы старый вальс играет,
И все в тебя немножко влюблены,
И половина завтра уезжает.

Уже шинель в руках, уж третий час,
И вдруг опять стихи тебе читают,
И одного из бывших в прошлый раз
С мужской ворчливой скорбью вспоми-
нают.

Нет, я не ревновал в те вечера,
Лишь ты могла разглядить их морщины.
Так краток вечер, и: порал порал —
Трубят внизу военные машины.

С тобой наш молчаливый уговор —
Я выходил, как равный, в непогоду,
Пересекал со всеми зимний двор
И возвращался после их ухода.
И даже пусть догадливы друзья,
Так было лучше, это б нам мешало.
Ты в эти вечера была ничья,
Как ты права — что прав меня лишала!
Не мне судить — плоха ли, хороша,
Но в эти дни лишений и разлуки
Лишь ты была та женская душа,
Тот нежный голос, те девичьи руки,
Которых так недоставало им,
Когда они под утро уезжали
Под Ржев, под Харьков, под Калугу,
в Крым.

Им девушки платками не махали,
И трубы им не пели, и жена
Далеко, где-то, ничего не знала.
А утром неотступная война
Их вновь в свои объятья принимала.
В последний час перед отъездом ты
Для них вдруг становилась всем на
свете,

Ты и не знала страшной высоты,
Куда взлетала ты в минуты эти:
Быть может, не любимая совсем,
Лишь для меня — красавица и чудо.
Перед отъездом ты была им тем,
За что мужчины примут смерть
повсюду —

Сияньем женским, девочкой, женой,
Невестой, всем, что уступить не в силах
Мы умираем, заслонив собой
Вас, женщин, вас, беспомощных и милых.
Знакомый с детства простенький мотив,
Улыбка женщины, как много и как
мало...

Как ты была права, что, проводив,
При всех мне только руку пожимала.
Но вот наступит мир, и вдруг к тебе
домой,

К двенадцати часам, шумя, смеясь,
пророча,

Как в дни войны, придут слуга покор-
ный твой
И все его друзья, кто будет жив к той
ночи.

Они придут еще в шинелях и ремнях
И будут долго их снимать в передней,
Еще вчера война, еще всего на-днях
Был ими похоронен тот, последний,
О ком ты спросишь: «Что ж он не
пришел?»

И сразу оборвутся разговоры,
И все заметят, как широк им стол,
И станут про себя считать приборы.
А ты, с тоской перехватив их взгляд,
За лишние приборы в оправданье,
Шепнешь: «Я думала, что кто-то из
ребят
Издадека приедет с опозданием...»
Но мы не станем спорить, мы смолчим,
Что все, кто жив, пришли, а те, что
опоздали,

Так далеко уехали, что им
На эту землю уж поспеть едва ли.
Ну что же, сядем, сколько нас всего?
Два, три, четыре... Стулья ближе сдвиг-
нем,

За тех, кто опоздал на торжество,
С хозяйкой дома первый тост поднимем.

Но если опоздать случится мне,
И ты, меня коря за опозданье,
Услышишь вдруг, как кто-то в тишине
Шепнет, что бесполезно ожиданье, —
Не отменяй с друзьями торжество.
Что из того, что всех тебе я ближе,
Что из того, что я любил, что из того,
Что глаз твоих я больше не увижу.
Мы собирались здесь, как равные, потом
Вдвоем ты только мне была дана
судьбою,

Но здесь, за этим дружеским столом,
Мы были все равны перед тобою,
Потом ты можешь помнить обо мне,
Потом ты можешь плакать, если надо.
И, став к окну в холодной простыне,
Просить у одиночества пощады.
Но здесь не смей слезами и тоской
По мне, по одному, лишать последней
части,

Всех тех, кто вместе уезжал со мной,
И кто со мною не вернулся вместе.

Поставь же нам стаканы заодно
Со всеми! Мы еще придем неожиданно,

Пусть кто-нибудь живой нальет вино
 Нам в наши молчаливые стаканы.
 Еще вы трезвы. Не пришла пора
 Нам приходить, но мы уже в дороге,
 Уж била полночь... Пейте до утра,
 Мы будем ждать рассвета на пороге.

Кто лгал, что я на праздник не пришел?
 Мы здесь уже, когда все будут пьяны,
 Бесшумно к вам подсядем мы за стол
 И сдвинем за живых бесшумные стака-
 ны.

★

БЫЛ У МЕНЯ ХОРОШИЙ ДРУГ

Был у меня хороший друг,
 Куда уж лучше быть,
 Но все бывало недосуг
 Нам с ним поговорить.

То уезжает он, то я,
 Что сделаешь — война...
 Где настоящие друзья —
 Там дружба не видна.

Такой не станет слезы лить,
 Что не видал давно,
 При всех не будет громко пить
 Он за меня вино,

И на пирушке за столом
 Не расделует вдруг...
 Откуда ж знать тебе о нем,
 Что он мой лучший друг?

Что с ним видали мы беду
 И расквитались с ней,
 Что с ним бывали мы в аду,
 А рай — не для друзей.
 Но встретится в Москве со мной —
 Весь разговор наш с ним:
 — Еще живой? — Пока живой.
 Когда же посидим?

Опять не можешь, сукин сын,
 Совсем забыл друзей,
 Шучу, шучу, ведь я один,
 А ты, наверно, к ней.

К ней? Может, завтра среди дня
 Найду к вам, или нет,
 Вам хорошо и без меня,
 Передавай привет.

А впрочем, и привет не шли,
 С тобою на войне
 Мы спелись от нее вдали,
 Где ж знать ей обо мне?

Да, ты не знаешь про него
 Почти-что ничего,

Ни слов его, ни дел его,
 Ни верности его.

Но он, он знает о тебе
 Всех больше и верней,
 Чем стать могла в моей судьбе
 И чем не стала в ней.

Со мною вместе ревновал
 Тебя он к тем, другим,
 Со мною вместе угадал,
 Когда я стал чужим.

Всех мук и ревностей моих
 Лишь он свидетель был,
 И, правду говоря, за них
 Тебя он не любил.

Но он меня не осудил,
 Когда, забыв о нем,
 Я, все узнав, опять ходил
 К тебе играть с огнем.

И если бы из боя он
 Один пришел домой,
 Он все равно б мой медальон
 Принес тебе одной.

Был у меня хороший друг,
 Куда уж лучше быть,
 Да все бывало недосуг
 Нам с ним поговорить.

Теперь мне есть досуг навек
 О нем жалеть, скорбя,
 Он был хороший человек,
 Хоть не любил тебя.

Давай же помянем о нем
 Теперь с тобой вдвоем.
 И горькие слова запомним,
 Как он любил, вином.

Тем самым, что он мне принес,
 Когда недавно был.
 Ну, и не надо слез. Он слез
 При жизни не любил...

★

СМЕРТЬ ДРУГА

Памяти Евгения Петрова

★

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает,
Он хлеб с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет,

В землянке занесен метелью,
Застольной не поет с тобой,
И рядом под одной шинелью
Не спит у печки жестяной.

Но все, что между вами было,
Все, что за вами следом шло,
С его останками в могилу
Улечься рядом не смогло.

Наследник гнева и презренья
С тех пор, как друга потерял,
Двойного слуха ты и зренья
Пожизненным владельцем стал.

Любовь мы завещаем женам,
Воспоминанья — сыновьям.

Но по полям, войной сожженным,
Итти завещано друзьям.

Никто еще не знает средства
От неожиданных смертей,
Все тяжелее груз наследства,
Все уже круг твоих друзей.

Неси ж их груз, в боях кочуя,
Не оставляя ничего,
С ним вместе под огнем ночуя,
Неси его, носи его!

Когда же ты нести не сможешь,
То знай, что, голову сложив,
Его ты только переложишь
На плечи тех, кто будет жив.

И кто-то, кто тебя не видел,
Из третьих рук твой груз возьмет,
За мертвых мстя и ненавидя,
Его к победе донесет.

Край земли

Повесть

А. ПИСЬМЕННЫЙ

Отпуска нет на войне.

Р. Киплинг

★

1. МИРНЫЕ ВРЕМЕНА

Каждый вечер на командном пункте отдельного артиллерийского полка с нетерпением ждали экспедитора Осипцова. Он возил почту с полевой станции. Флегматичный телефонист в штабной землянке, время от времени поверяя свою связь, спрашивал по линии: где видели Осипцова? Чем бы ни занят был командир или военком полка, над чем бы ни работал начальник штаба, телефонист отнимал телефонную трубку от уха и во всеуслышанье докладывал:

— «Атака» сообщает, Осипцов проехал Грязную Картавку.

И все, кто находился в штабной землянке в эту минуту, прерывали свои занятия или разговоры и с оживленным взглядывали друг на друга: едет Осипцов!

В стужу и в дождь, поздним вечером и глухой ночью, на лошади или пешком, если кто-нибудь забирал лошадь, по размытым дорогам и по лесным тропам, в тихие дни и под жестоким обстрелом пробирался с почтовой сумкой полковой экспедитор Харитон Осипцов. Он вез письма из Сибири, из Казахстана, из Рязани, из Москвы. Тонкие и толстые, в самодельных треугольных конвертиках и в учрежденческих из хорошей бумаги, пахнущие штемпельной краской и едва уловимым запахом родных домов, стекались они к Харитону Осипцову со всех концов нашей земли.

Осипцов вваливался в землянку и с порога сообщал тихим, чуть картавым голосом:

— Товарищ батальонный комиссар, вам три письма. Вам, товарищ капитан, две открытки. Ну и дорожка, чорт бы ее разодрал!

— Осипцов, а мне?—кричал адъютант командира. — Смотри, Осипцов, поссоримся. Сегодня мне должно быть два письма.

— Вам нету, товарищ лейтенант. Вам пишут, — вежливо и смущенно отвечал Осипцов, точно и в самом деле он был виноват, что лейтенанту Шефферу нет писем ни от матери из города Аральское море, ни от невесты из Куйбышева.

Военком тем временем разглядывал конверты.

— Вот беда! Опять эрзац! — говорил он. И по поводу второго письма: «эрзац!» И по поводу третьего. И он обращался к экспедитору: — Не те письма, Осипцов. Сплошной эрзац. Ты мне от жены привези.

— Завтра, товарищ батальонный комиссар. Завтра обязательно, — отвечал экспедитор и улыбался. Как бы он хотел, чтобы привезенные письма были те, которых ждут.

Все с нетерпением ждали писем с Осипцовым и получали их. Не ждал писем только командир полка майор Люсь, потому что ему не от кого было их получать. В полку было известно, что жена майора погибла во время бомбежки под Смоленском в первые дни войны. Маленький сын его жил с теткой где-то в Чувашии. Писала она редко, и Люсь привык жить без почты. Каж-

дый раз, когда приезжал Осипцов, майор уходил из штабной землянки и старался вернуться попозже, когда письма будут прочтены, попрятаны или сожжены в железной печурке.

По ночам майор Люсь метался на лежанке. Он вскидывал руки, толкал спящего военкома и кричал во сне: «Не подпускай! Не подпускай. Заходи справа!» Он приподнимался, скрипел зубами, потом поворачивался на бок и продолжал спать.

Однажды утром военком сказал майору:

— Иван Иванович, ты опять воевал всю ночь. Как ни вертись, а нужно тебе проветриться.

— Стрелять по ночам еще не начал? Значит, время терпит, — ответил майор.

— Ну, спасибо, — сказал военком, — ждать, пока меня продырявят в собственной землянке?

— Дорогой товарищ, а что же делать? Война!

Люсь произнес это таким тоном, точно совершил открытие. Но ирония на военкома не действовала. Он и сам мог иронизировать. И он сказал:

— Кадровик ты или тебя взяли из картотеки в военкомате на Кузнецком мосту? А если ты кадровик, так ты должен уметь воевать, как плотник умеет дом строить. Командарм тебе сообщал, когда кончится война? А куда ты годишься с такими нервами?

— Ладно, не сердчай. Разговор очень милый, но командирам полков не дают отпусков во время военных действий. Завтра прикажут передвинуться на левый фланг, а ты пойдешь докладывать начарту: командир где-то проветривается?

— Что с тобой говорить, — сказал военком, — получишь увольнительную на десять суток и катай в Чувашию.

Он натянул сапоги и пошел к выходу, горбясь под низким потолком землянки. Через секунду его хозяйский голос загремел наверху, над четырьмя основными накатами.

Люсь с начальником штаба капитаном Денисовым и его помощником по опера-

тивной части сидели над картой, разостланной на складном столе. Майор что-то отчеркивал на карте красным карандашом.

— Что-нибудь новенькое? — спросил военком Кутовой, входя в землянку.

— Перегруппировывается семнадцатая есде, и мы приняли решение дать батарею Терентьева новый район для кочевья.

— Мирные времена, — сказал военком и со значением поглядел на майора. — Послушай, Иван Иванович, лучшего времени не дождешься. Кончится апрель, начнутся горячие денечки.

Майор Люсь не ответил. Кутовой положил руку на его плечо и сказал снова:

— Когда ты начнешь стрелять по ночам, будет слишком поздно. Нужно сделать так, чтобы ты не начал стрелять по ночам. Сейчас есть такая возможность, и никто не знает, когда она повторится. Ты же ни на один день не вышел из строя даже после контузии в январе.

— Чего ты хочешь, Андрей Петрович? Чего ты хочешь, объясни мне? — спросил с горечью Люсь и ладонью пришепнул на карте свой карандаш.

В январе майора Люсь контузило в боях под деревней Овсянниково. Тяжелый немецкий снаряд разорвался в тридцати шагах от него. Люсь сумел подняться без посторонней помощи и в санчасть итти отказался. Ночью он все скрипел зубами и вздыхал, и на следующее утро товарищи заметили, что у него подергиваются веко и губы с правой стороны. Но Люсь не желал обращаться к врачам. Он только однажды сказал Кутовому:

— Беззащитных женщин офи бьют на смерть одним ударом. Я не женщина. Меня легко не возьмешь.

Он никогда не говорил о гибели жены, никогда не жаловался на свое горе. Но Кутовой и без слов понимал, какую ненависть к врагу испытывает этот человек.

После контузии, в снегах по грудь, под жестокими февральскими ветрами, изматываясь до последних сил в дневных переходах, Люсь продолжал командовать своим полком. Люди сбрасывали шинели под колеса пушек и автомашин,

когда путь преграждали снежные наносы, и майор Люсь сбрасывал свой полушубок и в одной гимнастерке, подпирая плечом борт грузовика, бок-о-бок с бойцами, выволакивал из сугробов буксующие машины. Люди мерзли на снегу, в еловых шалашах, и вместе с ними мерз Люсь.

Начиналась весна. Весеннее бездорожье сковало действия обеих сторон. Противник зарылся в землю. Сплошной глинистый вал обозначал его передний край на том участке фронта, где действовал полк Люся. Два ряда проволоки на березовых крестовинах, изрытая снарядами, мертвая земля, трупы солдат в белых нижних рубахах, два подбитых и сожженных немецких танка, наш подбитый танк, — и глинистый вал вражеского переднего края.

Люди, грузовики и тракторы тонули в непролазной грязи. На взгляд артиллериста, дороги выглядели более страшно, чем сожженные деревни и разрушенные города.

Вздыбленные колесами транспортов, полные вязкой и скользкой грязи, покрытые рытвинами, в которых машины садились так прочно, что их приходилось вытаскивать подъемными кранами, дороги стали непреодолимыми ни для автомобилей, ни для тракторов, ни для танков. Грязь стаскивала с ног сапоги. Лошади проваливались по брюхо в развезенных колеях. В местах, где лес раздавался в стороны, дорога заполняла всю ширину поля. От леса до леса расплзались расхлябанные колеи. Горестно было смотреть на дикую взерошенную землю. На два-три километра в ширину земля точно была вспахана исполинскими плугами.

Фронт замер в неподвижности и бездействии.

Издредка пройдут на запад советские штурмовики, и тогда за передним краем послышится лай немецких зениток. Попробует кто-нибудь на просохшей прогалине звонкое противотанковое ружье. Пролетит ночью невидимый, медленный «огородник», или, как его еще называют, — «лесовик». Взовется над передним краем осветительная ракета. Подни-

мется где-нибудь шальная перестрелка. Потом опять тишина.

Второй дивизион командование полка отправило в тылы на ремонт материальной части. Ежедневно в штабе полка собирались командиры батарей для обучения стрельбе с воздушным корректировщиком. В полк должен был прибыть корректировочный самолет. Бойцы первого дивизиона в свободные часы готовили юмористический журнал. Работники штаба зачитывались по очереди романом Драйзера «Сестра Керри» и рдовались тому, что книга эта такая толстая.

В полку работало только хозяйство Халина, командира первого дивизиона. Одна его батарея обрабатывала передний край противника, другая, с постоянно меняющихся позиций, обстреливала стратегически важный населенный пункт через который противник подвозил на фронт резервы и боепитание.

2. ВОТ ДРУЗЬЯ!

Утром над лесом показался черный, желтыми кончиками крыльев, двухфюзеляжный «Фокке-Вульф». Бойцы называли его «рамой». Самолет медленно плыл в безоблачном, бледном, гладком как чайное блюдце, апрельском небе. Моторы его ревели громко и порывисто. Где-то вдали тьякнула зенитка, застучав торопливо на дальней опушке счетверенный пулемет. Выбежали бойцы и стали бить по самолету из винтовок. «Рама» скользнула на крыло и резко изменила курс вправо.

Когда немецкий самолет скрылся в лесом, военком полка сказал Люсю:

— Знаешь, Иван Иванович, все-таки у людей произошел удивительный перелом. Перестали люди бояться авиации. Помнишь, осенью, как загудит где-нибудь фриц, — сейчас же народ бегом бежит в блиндажи и укрытия. Иногда даже опытные, обстрелянные. А нет поблисти блиндажа, так куда-нибудь к черту под кусточек. Ведь верно, а? А теперь совсем другое. Каждый норовит выскочить на открытое местечко, с кругозором, и бьет по фрицу так, точно не самолет это, а куропатка. Только б д

стать фрица винтовочным огнем. Вот, друзья!

— Времена другие, товарищ батальонный комиссар, — сказал разведчик Моликов, молодой паренек с вздернутым носиком и веснушками.

— Видал? — сказал Люсь. — Психология.

Фашистский разведчик улетел, и жизнь полка продолжалась обычным размеренным ходом. Командир полка и начальник штаба обсуждали программу трехдневного сбора командиров батарей для занятий по стрельбе с воздушным корректировщиком. Позже начальник оперативного отдела принес новую сводку. Существо ее заключалось в том, что на участке, который занимал полк Люсья, ничего нового не произошло.

Перед обедом позвонили из штаба армии и предложили майору Люсью прибыть в один из ближайших дней по самому неотложному делу. Приказание было такое неопределенное, и начарт говорил таким непонятным тоном, что Люсья, отдав трубку телефонисту, покрутил пальцем перед своим носом и сказал:

— И кто его знает, на что он намекает... Вызывают в штаб, с вещами. Ты тут ничего не смухлевал? — спросил он Кутовой.

Военком не ответил. Он вдруг заинтересовался своими ногтями и то приближал руку, то отдалял ее, точно оценивал качество маникюра.

— Одуванчик, туш! — скомандовал начальник штаба лейтенанту Шефферу. Адьютанту не понадобились объяснения. Люди, воюющие бок-о-бок долгие месяцы под ряд, привыкли понимать друг друга с полуслова. Лейтенант Шеффер сделал серьезное лицо, с готовностью отбросил «Сестру Керри», поджал под себя по-турецки босые ноги, вздохнул, коротко, по-капельмейстерски, тряхнул пышной шевелюрой, за которую и был прозван капитаном Денисовым «одуванчиком», и прынул туш, вплетая в мотив завывания саксафона.

— Значит, едешь? — невозмутимо спросил Кutowой, покончив с осмотром маникюра. — Ну, поздравляю. Смотри же, как уговорились, без бочонка пива не приезжай...

— Смухлевал? — закричал Люсья, и его лицо задергалось от волнения.

— Послушай, Иван Иванович, поуди сам, рисковать ранением в собственной землянке... Съездишь, проветришься, сына погладишь. Ни полк, ни война, ни фриц, которого ты собираешься сбить из ручного оружия, ничто от тебя не уйдет. Хватит на твою долю. А мне за хлопоты бочонка пива. Есть расчет.

— Ах, ты, чорт ласковый, — сказал Люсья, размахнулся кулаком и, нежно приставив его ко лбу военкома, осторожно постучал им, точно пробовал его прочность.

3. КОЧУЮЩАЯ БАТАРЕЯ

На смену раненому трактористу Соловьеву из расчета кочующей батареи прибыл новичок, Егор Кадушкин. Ему было лет двадцать. Долговязый спокойный парень понравился военкому, и когда он спросил новичка, знает ли он «сталинцы» и любит ли мотор, Кадушкин ответил:

— А как же? Мотор не любить нельзя. Слушаться не будет.

— Значит, токарь-пекарь, — сказал военком.

Тракториста Соловьева ранило осколком двухсотсорок миллиметрового снаряда, когда батарея снималась с огневых позиций. Тракторист не покинул своего места, не подал вида о своей беде. Орудийный расчет ушел вперед, как обычно, и только на исходных позициях товарищи узнали о ранении Соловьева. Ослабев от потери крови, он не сумел самостоятельно выйти из кабины.

— Сашка, — позвал он Чепеля, своего дружка, водителя второй машины. — Фриц, кажись, испортил мне карбюратор...

— Не, валяй ваньку, — ответил Чепель.

— Сашка, — снова сказал Соловьев, — честное слово...

Чепель взглянул на товарища, увидел его побледневшее, осунувшееся лицо и сказал:

— Да ты врешь, Соловей?

Раненый попытался вылезть из каби-

ны. Тогда Чепель испугался и подбежал к нему.

— Не может быть!.. — заговорил он, удивляясь тому, что чувствует теплую кровь товарища на ладони. — Ты смотри, я думал, мимо... За шею хватай, держись за шею. Чего ж ты сразу не сказал? Вот, чорт...

Он вынес Соловьева из кабины и положил подле тракторной гусеницы на молодую весеннюю траву. Пока санитар перевязывал рану, Соловьев тихим голосом отдавал Чепелю распоряжения. Он просил ничего не писать жене; напишет, мол, сам из госпиталя; приказывал следить за трактором и за тем, как будет обращаться с ним новый водитель, и чтобы берегли «старушку», — так называли в дивизионе орудие, самое старое орудие в полку; и что из госпиталя он обязательно вернется в родной полк и побьет армейский рекорд вождения трактора без капитального ремонта. Вокруг Соловьева стояли товарищи, и командир батареи лейтенант Терентьев все приговаривал:

— Ладно, можешь не беспокоиться.

Чепель слушал Соловьева молча, потому что не знал слов, которые можно сказать в утешение.

Исходные позиции кочующей батареи находились в лесу, изуродованном артиллерийским обстрелом. Печальная картина разрушения на Егора Кадушкина не произвела особенного впечатления. На мощную дальнобойную пушку, которую предстояло ему возить, он также не обратил внимания. Он подошел к трактору, оглядел его, приподнял кожух, пощупал что-то и сказал:

— Машина подходящая, работать можно.

Чепель недовольно следил за ним.

— Токарь ты по обточке французских булок, — сказал он, оглядывая нескладную, будто все еще штатскую фигуру Кадушкина. — Тебя, думаешь, пахать прислали?

— Пахать или сеять, разницы не составляет, — ответил Кадушкин. — Как ни клади — трактор. Таких до чорта в нашей эмтеэс!

— Деревня! — сказал Чепель. — Что ты понимаешь? Эх-х!

Он с горечью вспомнил о последних словах Соловьева. Плуг возить или сеялку — на это парень, может, и ладный. А тут пушку люди возят и снимаются с позиций через четыре минуты после отбоя, под неприятельским огнем. Как же уберезит такой дядя дивизионную «старушку»? Он вот даже и не взглянул на нее.

И, помолчав, Чепель сказал с досадой

— Лезешь рассуждать, а ведь никакого понятия... Известно тебе, что на батарее самое главное? Расчет отстреляется — и тикать. А нашему брату тикать не приходится. Заговорит фриц прежде времени, все равно сиди, выволакивай старушку. Понял? Вот Соловья и клюнуло.

Кадушкин недоверчиво поглядел на Чепеля, а потом перевел взгляд на пушку.

Вечером артиллеристы сидели у костра среди деревьев, сломанных орудийным огнем. Напившись чаю, Кадушкин ушел в землянку спать, на воле остались Чепель, командир орудия Клейменов и три бойца. Было еще светло, и командир батареи лейтенант Терентьев сидел на пенке и читал газету.

Бойцы курили на сон грядущий, поплевывали в огонь и говорили о всякой всячине. Чепель не принимал участия в разговоре. Он упрямомолчал, утаптывая сапогом белый пепел по краям костра. Потом сказал:

— Соловей велел следить за трактором и беречь старушку, а на его место прислали деревню. Убережешь тут, как же.

— А ты учи, — сказал замковый Воропаев, — сам-то тоже не из Буэнос-Айреса.

— Нет у меня доверия, — закричал Чепель, — он сюда прибыл, как на весеннюю пахоту. Плуг ему таскать, а не пушку.

— А чем не пахота? — спросил лейтенант Терентьев, отрываясь от газеты. — Мы у фрица, небось, так расплахи, что прямо можно приступить к севу.

— Глубже, чем на двадцать сантиметров пахать не полагается, — сказал

командир орудия Клейменов. Он на всякую шутку отвечал всерьез.

— Ударит фриц прежде времени, — этот дядя и себя забудет, — упрямо сказал Чепель.

— Эй-богу, Чепель и впрямь позабыл, что сам тоже ведь не из Буэнос-Айреса, — снова повторил Воропаев. Ему, очевидно, понравилась эта мысль.

...Ранним утром в назначенный час два гусеничных трактора вывели «старушку» на расплывшуюся военную дорогу, полную жидкой грязи и талой воды. Дорога шла лесом, мимо изломанных, сваленных деревьев, мимо продырявленных немецких касок, изодранной и брошенной одежды, полусгнивших фашистских поясов.

У поворота к огневой позиции артиллеристам повстречался боец с цинковым термосом за плечами. Это был подносчик пищи из какого-то чужого подразделения. Он остановился, пропуская мимо себя номера орудийного расчета, козырнул Терентьеву, а у Клейменова попросил закурить. Лицо у него было худое, длинноносое, и красные, точно заплаканные глаза. Он взял щепотку табаку и пошел своей дорогой, грузно ступая по мягкой тропе в хозяйственно поджоганных, разношенных ботинках.

Из леса вышел Моликов, разведчик штабной батареи.

— Эй, приятель! — крикнул он подносчику. — Огонек-то у тебя есть?

Подносчик остановился. Моликов подошел к нему.

— А-а, Макар! Все бродишь?

Как зовут подносчика, Моликов не знал, но встречая его иногда в своих странствиях, окрестил почему-то «Макаром».

— Я тебе не Макар, — сердито ответил подносчик.

— Да ты не сердись, ведь мы с тобой знакомые.

— Вместе в тюрьме сидели, — сказал подносчик.

Не докрутив цыгарки, он вынул из кармана кремень и огниво и дал Моликову.

Моликов прикурил и нагнал Клейменова.

— Что-то вид у тебя, Моликов, будто ты не спавший, — сказал Клейменов, оглядывая разведчика.

— Угадал, товарищ начальник, всю ночь с девками прогулял. Не слышал разве, как мы песни пели?

— Веселый ты парень, Моликов, — сказал Клейменов, — голова только легкая.

Артиллеристы ушли вперед.

Тяжело урча, увязая в грязи по самому радиатору, шлепая и чавкая гусеницами, тащили мощные «сталинцы» тяжелую пушку, и на втором тракторе сидел Егор Кадушкин. Руки его привычно лежали на тракторном рычаге, и на душе было спокойно. Он знал, что до переднего края далеко, километра три-четыре, утро было тихое и ясное, и на всем участке прифронтовой полосы не слышно было ни одного выстрела.

На опушке леса, вблизи деревни Лисьи Норы, от которой остались только колодезные ямы и полуразваленные погреба, — дома немцы сожгли до тла, весенние ветры успели развеять их пепел, а верхние воды унесли головешки, — командир тяги приказал остановиться. К пушке, не торопясь, подошли бойцы и сняли ее с передка.

Орудийный расчет действовал так спокойно и неторопливо, и такая тишина была вокруг, что Кадушкин усомнился: правду ли говорил Чепель?

Еще на исходных позициях, угрюмо опуская глаза, Чепель, с назидательной целью, посвятил Кадушкина во все особенности их боевой работы.

Пушки майора Люся причиняли большие неприятности противнику. Они громили укрепления немцев, нарушали коммуникации, мешали подвозу подкреплений и боеприпасов. Но превосходные дальнобойные пушки отличались очень громким выстрелом, и немцы быстро засекали их огневые позиции. Поэтому батарее Терентьева приходилось кочевать. Тщетно немцы охотились за его «старушкой». На десять советских выстрелов они отвечали иногда сотнями снарядов. Целым артиллерийским полком гонялись они за кочующей батареей, и все же накрыть ее ни разу им не удалось. По уставным нормам, для

отбоя после стрельбы полагалось восемь минут. Батареицы Терентьева укладывались в четыре минуты, и снимались с огневых позиций.

Вопрос о том, каким образом немцам удастся так быстро засекают огневые позиции, волновал командование полка. Военком, начальник штаба и лейтенант Терентьев и его бойцы считали, что на этом участке действует так называемая батарея звуковой разведки. Командир полка до поры до времени не высказывал своего мнения. И только разведчик Моликов был убежден, что на советской стороне бродит немецкий корректировщик и что благодаря ему немцы так быстро определяют место, откуда ведет огонь кочующая батарея.

Как бы там ни было, но кочующая батарея доставляла много хлопот командиру и комиссару полка. Ни одна воинская часть не хотела иметь у себя по соседству голосистое орудие, вызывающее на себя бешеный огонь противника. И выбор места для ее временных позиций представлял настоящую проблему.

— Глушитель бы какой-нибудь изобрести. Отовсюду нас гоняют, — постоянно жаловался майору лейтенант Терентьев.

Сейчас Кадушкин следил за работой орудийного расчета, и ему не верилось, что в самом деле бойцам может грозить какая-нибудь опасность. Он совершенно спокойно вспоминал, что, по словам Чепеля, немцы обычно открывают шквальный огонь из тяжелых пушек через шесть-семь минут после первого выстрела «кочевников».

Пушку установили на позиции. Установщик свинтил со снарядов колпачки взрывателей, зарядный приготовил заряды.

«А что, если они не уложатся в свой срок?» — подумал Кадушкин. И ему стало не по себе. «Откроет фронт огонь раньше времени, шлепнет тебя по загривку, костей не соберешь», — думал Кадушкин.

Когда наводчик навел орудие на цель и лейтенант Терентьев отдал команду, Кадушкин не поверил своим глазам. Орудийный расчет точно подменили. С удивлением Кадушкин смотрел на

бойцов. Он никак не ожидал, что эти люди, действовавшие так медленно секунду назад, могут работать с такой быстротой. Он был любопытен, когда дело касалось какого-либо механизма, и хотел видеть, как управляются сейчас с ним люди, но не мог проследить за действиями бойцов. Снаряд и гильза мгновенно исчезали в казенной части, и пушка оглушительно рывкнула. Оранжевое пламя вырвалось из ее ствола. Полетел пепел сгоревшей пробки и сальника. Пепел был желтовато-серый, крупный, но легкий, как снег. Зеленоватое облако дыма поднялось к небу. Бесшумно откатилась и вернулась на место казенная часть. И уже снова поднесен снаряд и гильза, и замковый снава дернул боевой шнур. Выстрел следовал за выстрелом, оглушающий, рвущий воздух, пышущий огнем, останавливающий сердце. И все же лейтенанту Терентьеву темп казался недостаточным.

— Быстрей, товарищи, быстрей! — то-и-дело покрикивал он.

Да, действительно, так все и произошло, как описывал Чепель. Расчет отстрелялся в свой срок и ушел бегом, а Кадушкин с Чепелем остались выволакивать «старушку». Сердце Кадушкина преисполнилось гордостью. Точные, быстрые действия орудийного расчета вселили в него уверенность. С такими людьми не пропадешь, так теперь казалось ему. И вдруг позади что-то лязгнуло. Тракторы рванулись вперед. Кадушкин оглянулся. Пушка находилась на прежнем месте, но ее станина соскочила с передка. Кадушкин пронзительно свистнул, остановил трактор, выскочил из кабины и побежал к орудью.

К пушке бегом возвращался командир тяги. Весь расчет следовал за ним по пятам.

— Сдай назад! — на бегу крикнул командир тяги трактористам. Кадушкин полез обратно в кабину «сталинца».

Он слышал, как ругаются люди, и Клейменов говорит лейтенанту, что грунт сырой, колеса увязли, потому и сорвалась резьба шкворни и станина соскочила с передка. Чепель, приоткрыв дверцу кабины, стоял одной ногой на

гусенице и глядел, как работают люди. Кадушкину было видно его лицо, искаженное от напряжения. Лейтенант Терентьев взглянул на часы. На сердце у Кадушкина защемило. Он посмотрел в сторону передовых, точно мог увидеть, что там делается. Он прислушался. Было тихо.

— Ох, ребята, накроет, — проворчал кто-то из бойцов.

Вот уж и командир батареи стал поглядывать в ту сторону, откуда немцы откроют огонь. Время тянулось так медленно, точно проходили часы, а не минуты. Но люди продолжали возиться у передка. Кадушкин зевнул. Он устал от напряженного ожидания. И тогда вдруг снова driшшло к нему успокоение. Он плотнее уселся на сиденье и подумал: «Будь, что будет. В самом деле, это не пахота, а война. И я здесь не один, в конце концов».

Когда они снова тронулись в путь, послышался далекий выстрел и за ним приближающийся свист. Артиллеристы плашмя упали на землю. Присел и лейтенант Терентьев, который шел позади всех. Кадушкину нельзя было падать. Ему очень хотелось сейчас упасть и быть поближе к земле, но он должен был сидеть в кабинке и вести трактор. Кадушкин увидел, что Чепель обернулся, лицо у него было напряженное и злое, и он зачем-то погрозил пальцем. Метрах в тридцати от места, на котором только что стояла пушка, упал снаряд и осколки с отвратительным жужжанием пронеслись мимо Кадушкина. Один из них угодил в крыло трактора, и машина глухим стоном отозвалась на удар.

Кадушкин выругался, согнулся, втянул голову в плечи. Но когда он понял, что жив, что не от каждого снаряда человек гибнет, на душе полегчало, он приоткрыл дверцу и крикнул:

— Ничего, мы живые!

И тотчас снова послышался выстрел и приближающийся свист. Люди орудейного расчета, успев пробежать несколько шагов, снова приникли к сырой земле. На этот раз снаряд упал точно на то место, откуда стреляла кочующая батарея. Кадушкин успел увидеть черный и страшный фонтан земли, осколки

застучали по пушке, один из них пробил крышу кабинки и упал на сиденье рядом с Кадушкиным. Он тронул его рукой. Осколок был очень горячий. И Кадушкин повторил про себя, не чувствуя никакого страха: «А мы живые...»

Минуты через две противник открыл шквальный огонь, но снаряды падали не в той стороне, куда направилась батарея.

На исходных позициях Чепель вылез из трактора и крикнул Кадушкину:

— Эй, пахарь! Как настроение?

— Крышу пробило: В кабинке, — ответил Кадушкин. — Дырка — во!

— В кабинке? — переспросил Чепель. — В кабинке мы залатаем. Значит, не сдрейфил?

— А чего дрейфить? — спросил Кадушкин.

— Ты же пахарь.

— Был пахарем, а стал артиллеристом. Сам-то, небось, тоже не у пушки родился.

Чепель промолчал. Ответ был правильным.

К трактористам подошли Клейменов и командир отделения тяги.

— Вывернулась наша старушка, а я боялся, не было б беды, — сказал Клейменов. Он посмотрел на Кадушкина: — Вы, Егор Данилыч, работали удовлетворительно. Будете артиллеристом.

Кадушкин улыbnулся и сказал:

— Постараюсь. Вот только крышу в кабинке у меня пробило.

Он вынул из кармана осколок и показал Клейменову.

— Брось ты его к чертям. На память бережешь? — сказал Чепель. Он ударил по ладони Кадушкина и вышиб осколок из его руки.

4. КРАЙ ЗЕМЛИ

На двух ветвистых старых елях и стройной гладкоствольной березе, высоко над землей, была водружена легкая площадка из березовых кольев. Она напоминала плот, сколоченный деревенскими мальчишками. Верхушки деревьев тихо покачивались, и плот точно плыл по речным волнам.

Старший лейтенант Хахалин глядел

на ветряную мельницу, которая вдруг ожила в немецком тылу. Вчера она бездействовала, а сегодня ее крылья медленно вращались под напором слабого ветра. Потревоженные птицы кружились над ее крышей. Долго Хахалин вглядывался в эту далекую мельницу. И с каждым взмахом мельничных лопастей все сильнее охватывали его горечь и недоумение.

За линией фронта в каких-нибудь двух десятках километров находился город, в котором он родился и вырос.

В ясные дни на заре и на закате, когда воздух прозрачен, контур города был виден через стереотрубу. Он возвышался на краю пустого горизонта зигзагами серых полуразрушенных домов, точно нарисованный на стекле карандашом, точно мираж над пустыней.

И сердце Хахалина отказывалось верить, что в этой пустыне вдруг начала работать ветряная мельница.

Там, по ту сторону фронта, лежала мертвая земля. Хахалин знал, что придет время, и она оживет, восстанет из огня, очищенная от немецкой мрази, но пока она мертва, его родная земля, и Хахалину больно было смотреть, как в косых лучах солнца вращаются желтовато-серые крылья ветряка.

Приходил лейтенант Терентьев. Поглядев на мельницу, он спрашивал:

— Может, помочь этому мельнику промолоть зерно?

Хахалин молчал, точно не слышал вопроса.

На третий день он доложил командиру полка, что хочет сходить с разведчицами на эту мельницу.

Ночь выдалась тихая и ясная. Мелко и остро светили звезды. В ночном небе плыли легкие облака, и казалось, что время от времени кто-то прикрывает звезды мохнатой шапкой.

Хахалин вышел на волю покурить.

Он сидел на березовом пеньке и думал о том, что родные земли — теперь для него чужая сторона. Горько и стыдно было так думать. Год назад там были наши земли. Они тянулись далеко на запад. Смоленские, минские, белостокские земли. Люди по утрам вста-

вали на работу, шумели на полях сельскохозяйственные машины, поднимался дым над заводскими трубами. По вечерам играла музыка в парках и садах. Всего этого не стало. Сгинули все места, которые раньше были густо населены, деревни и села, где жили люди, их дома, где они гуляли на свадьбах, погосты, где были похоронены старики, дворы, полные птицы, хлева, согретые дыханием скота. Вместо этого теперь там лежали сизовато-черные прямоугольники пожарищ, и печные остофы торчали над ними, и синие, перекаленные обручи от бочек хрустели под ногой. Точно огненная лава затопила его родные места. И родные поля стали краем земли. Хахалин не в состоянии был думать иначе. Не передний край, а край земли. Дальше на запад открывалась бездна.

Он затянулся папиросой и при свете ее поглядел на часы. Ровно два. Не торопясь, как поступают люди, которым предстоит рискованное дело, он поплевал на папиросный огонек, щелчком вышиб окурок из мундштука и встал.

— Подъем, — негромко сказал он, спускаясь в землянку. — Подъем, товарищи, пора.

С неостывшими лицами после сна, разведчики двинулись в лесную чащу.

Незаметно для самих себя они пересекли линию фронта.

Под деревьями в небольшой роще стояли какие-то грузовики, покрытые брезентовыми чехлами, и высокие фургоны. На одной машине разведчики разглядели широкие раструбы звукоуловителей.

Моликов подполз к Хахалину.

— Обратили внимание? — спросил он. — Батарея звуковой разведки.

— Убежден? — спросил Хахалин. — Что-то незаметно, чтобы она работала.

— В том-то вся штука, — ответил Моликов. — Сомнений нет, это безээр, а работы не видно.

— Вероятно, эта батарея находится в резерве. Работает другая.

— А если другой нет? — спросил Моликов.

Вскоре они достигли цели. Лес кончился. Впереди, за мелким кустарником, на опушке, открылся широкий по-

логий холм. На нем возвышалась ветряная мельница.

Охраны возле нее не было. Моликов штыком сковырнул замок с дверей мельницы. Два разведчика остались у входа, Хахалин, Моликов и Афонин вошли внутрь. В лица пахнуло теплом и прелью. Хахалин почувствовал на щеках прикосновение липкой паутины. «Давненько сюда никто не заходил», — подумал он и сказал:

— Смелей, ребята. Тут никого нет.

— Даю свет, — сказал Моликов, и в его руке вспыхнул карманный фонарик. Слабый луч пересек темное пространство. Балки и мельничные механизмы, обычно белые от мучной пыли, темнели махровыми клочьями паутины. Нигде не видно было ни одного мучного пятна.

И вдруг из дальнего угла прозвучал тихий голос:

— Кто тут?

Хахалин вздрогнул и стиснул пистолет.

— Тихо, — сказал он товарищам.

Он пошел вперед.

— Кто тут? — снова прозвучал голос из дальнего угла. Лучи карманного фонаря осветили худую съежившуюся фигуру. Хахалин подошел вплотную. Маленький худой старик с вклокоченными седыми волосами лежал на груди тряпья.

— Ты что тут делаешь, отец? — спросил Хахалин.

— Господин офицер, я точно по указанию... Господин офицер... — пролепетал старик и поднялся на ноги.

— Я тебе не офицер, сволочь, — сказал Хахалин. — Говори, что здесь делаешь?

— Наши! — дрожащим от счастья голосом вскрикнул старик.

Он рухнул на колени и, схватив руку Хахалина, крепко поцеловал ее.

— Ты что, очумел? — вырывая руку, вскричал Хахалин. — Предал, сволочь, а теперь лижешься? Вставай, пойдешь с нами.

И Хахалин ткнул старика пистолетом.

Старик вскочил на ноги.

— Сейчас, голубчик, сейчас, род-

ной, — сказал он. В свете карманного фонарика блестели слезы на его глазах.

— Двигайся, — сказал Хахалин.

Старик нагнулся, сунул голову куда-то в темноту, скрипнула доска. Хахалин не успел сделать шага, как старик вынырнул обратно. В его руках белел какой-то сверток.

— Что еще такое? — спросил Хахалин.

— Знамена, сыночек, — ответил старик. — Сохранил господь.

Он вытер рукавом слезы.

— Работаешь на немца, а на всякий случай наши знамена бережешь? — спросил Хахалин, пропуская старика вперед.

— Какая работа! Все жернова, ироды, истерли вхолостую. Хоть бы горсть зерна я измолот. «Чтоб мельница работала», — сказал староста. «А зерно где взять?» «Пушай, говорит, работает вхолостую»... — Старик вышел на волю, потягивая носом и отирая рукавом лицо. — Дней пять просидел. Как в тюрьме...

— Не пойму я что-то, — сказал Хахалин. — Зачем же вхолостую?

— А он говорит, чтобы Красная Армия смотрела да думала: мы в окопах гнием, а немец уже трудится. Сам староста говорил. Фамилиа ему Протопопов. Пять дней здесь я сидел. Харч, как собаке, принесет и в дверь бросит. А на мельнице ни одного зерна. И мышь не наскребет. Все в Берлин увезли. Вхолостую крутят. Придет солдат, автоматом брякнет, велит пушать. Я пушаю. Все одно на этой мельнице больше не молоть.

— Значит, агитмельница, так что ли, папаша? Ну, и молодцы! — сказал Моликов.

— Разверни узел, — сказал Хахалин.

Старик сел на землю и развязал платок. Двумя пальцами Хахалин потянул к себе материю. Развернулось полотнище. Кумачевое знамя в темноте выглядело черным. Посредине его разведчики разглядели пионерский значок и надпись: «Будь готов! Пионерский отряд Урчевского сельсовета».

— Здорово, — сказал Моликов.

— А дальше что? — спросил Хахалин старика.

Старик развернул второе полотнище. Оно было сделано из шелка. Это было переходящее красное знамя района.

— Третий год держали под ряд, — сказал старик.

Он развернул следующее. Судя по надписи, оно принадлежало комсомольской организации. Затем в узле оказалось знамя сельского совета и колхозов «Путь Ильича» и «Власть советов». Под пачкой красных знамен Хахалин обнаружил кусок парчи, это была церковная хоругвь.

— Знамена всех подразделений, — сказал Моликов. — Ай да старик!

— А что, немцу церковную хоругвь оставлять? — спросил старик. — Как бы не так. Все одно, думал: или вы придете, или я к вам переберусь, а помру ненароком, все одно немцу не достанется. В селе одни старики да хворые. Всех здоровых еще зимой угнали. Ох, лихое время, господи, прости.

— А ты сам откуда? — спросил Хахалин.

— Я сам Урчеевский, — сказал старик.

— Вон как! А Лену Соколову случайно не знаешь?

— Как не знать? Чай она мне внучка.

— Ну? — вскричал Хахалин. — А чем докажешь?

— А чем доказывать? Внучка и все. Вы ее, чать, знали?

— Твоя фамилия как?

— И моя Соколов. Игнатий Степанович. Паспорта-то у нас отобрали, а справка есть.

Он полез за пазуху, вытащил небольшой сверток в белой тряпочке. Доставая справку, он сказал:

— Стой, подожди. Никак, имеется еще карточка. Так и есть. Тут она с подружками снята, — проговорил он и протянул Хахалину фотографию. — Тут она молодая. Только из техникума приехала. В темноте-то не разглядишь.

Хахалин схватил фотографию, сел на землю, сунул карточку себе под плащ. Моликов присел на корточки возле него и прикрыл грудь командира

своей пилоткой. Хахалин на секунду зажег фонарик.

— Она, — сказал он.

5. ВСТРЕЧА

Поздней осенью полк Люся с боями отходил под жестоким и упрямым натиском противника. Сутками иногда продолжались сражения. Неделями командиры не снимали сапог. Бывали дни, когда пушки Люся выпускали до пятисот снарядов. Стволы их приходилось поливать водой.

В конце октября, ночью, в селе Урчеево, подожженным немецкой авиацией, Хахалин встретился с Леной Соколовой. Он не видел ее больше трех лет. Он знал ее в родном городе тоненькой девочкой в кофточке с короткими рукавами и прической, пушистой, как дым от папирсы. Она любила повторять вопросительно: «да?..», с той наивной интонацией, которая пленяет мужчин и вызывает отвращение у женщин. Она кончала тогда педагогический техникум. Еще она любила мороженое в вафлях.

Они ходили на водную станцию. Темносиний шерстяной костюм облегал ее тело. Они и познакомились на водной станции незадолго перед тем. Дурась, Лена Соколова ухватила за борт байдарки, в которой сидел Хахалин, и перевернула ее. В тот год Хахалин еще плохо плавал. Он бросил свою байдарку и, отфыркиваясь, поплыл к бонам, огораживающим плавательный бассейн. Лена выловила весло, прибуксировала байдарку к плотам и пошла просить у него прощенья. Потом она учила его плавать.

Были каникулы, и они спасались от дневной жары в пустынном и тенистом городском парке. Сперва Хахалину было очень легко с ней говорить, и он болтал без умолку. Потом он вдруг точно онемел. Он сидел рядом с Леной и смотрел на нее, и молчал, и на ее вопросы отвечал односложными междометиями, и не спускал глаз с ее рук, с ее плеч, с ее загорелого личика. Теперь уже Лена болтала без конца. Она рассказывала, как в прошлом году первый раз ездила в Крым, и как ее укачало, когда

они проехали Алушту, и о том, что в Ялте, в полдень, в их доме отдыха было слышно, как бьют склянки в порту. А потом и она онемела. И они сидели на сломанной садовой скамейке в дальнем углу парка или бродили по самым глухим дорожкам, заросшим некошенной травой, по тем дорожкам, которые проходили у высокого забора, отгораживающего парк от городской свалки; в дни больших гуляний через этот забор мальчишки проникали в парк без билетов. Оркестранты в футбольных майках репетировали в музыкальной раковине, в киосках с прохладительными напитками скучали продавцы, а они молча ходили по заброшенным дорожкам парка и не испытывали желания говорить.

Дивизион, в котором Хахалин командовал батареей, прошлой осенью проходил по сельской улице. Дома горели с обеих сторон. С треском разлетались крупные головешки, и огненно-черные бревна срубов шевелились, как живые. Кричали женщины, плакали дети, куры, объятые пламенем, носились во дворах. Тяжелые орудия, тракторы, машины с боеприпасами, не останавливаясь, проходили по широкой улице. Никто не смел покинуть свое место,—в 23.00 дивизион должен был занять новые позиции. Хахалин сидел рядом с водителем на первом тягаче. Он сидел, опустив голову, сложив руки на коленях, и глядел куда-то вниз. Он знал, как горят села, и ничем не мог помочь. В 23.00 дивизион должен был занять новые позиции.

Когда они проезжали мимо горячей школы, к трактору, на котором сидел Хахалин, ринулась маленькая фигурка в синем лыжном костюме.

Хахалин узнал Лену по голосу.

— Едете мимо, хоть бы один помог, — крикнула она, бросаясь чуть ли не под гусеницу.

— Лена! — вскрикнул Хахалин.

Он выпрыгнул из трактора, а машина продолжала, прохоча, идти вперед. Он схватил Лену за руки, и она смотрела на него, широко раскрыв глаза, с лицом, измазанным сажей, с легкими волосами, опаленными в огне. Она

тяжело дышала и, смахивая пот со лба, растирала по лицу сажу.

— Лена, — повторил Хахалин, — как мы встретились...

— Уходите? — спросила она.

— Едем со мной, скорей. Сядешь рядом. Места хватит. Мы не можем останавливаться. У меня приказ быть на месте ровно в... Бежим, Леночка.

— Нет, — сказала она, — мне бежать некуда.

Школьное здание затрещало, вспыхнуло разом, и стена, брызгая тяжелыми искрами, повалилась на улицу. Огненные бревна рассыпались по земле.

— Соколова! — донесся отчаянный крик. — Соколова, где ты?

— Здесь, здесь я. Ну, прощай, Сережа. Наверно, больше не увидимся, — сказала Лена.

Передняя машина забуксовала, тракторы приостановились. Подъехал майор на своей эмке.

— Вперед! — крикнул он. Затем он увидел Лену. — Кто такая? — спросил он Хахалина.

— Невеста, — сказал Хахалин и пошел прочь к своему трактору.

Люсь поглядел ему вслед и сказал Лене:

— Минутку. Вот, нате. — Он откинул полу сырой шинели и вытащил из кармана брюк маленький браунинг. Он торопливо сунул его Соколовой. — Может, понадобится, — сказал он, и эмка пошла вперед, обгонять колонну.

6. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

На обратном пути, поджидая на опушке Афонина, который остался, чтобы взорвать мельницу, Хахалин спросил старика, что это за машины стоят здесь поблизости, вот эти фургоны, крытые брезентом, грузовики и та машина, которую Моликов считал звукоуловительной установкой? В точности ответить на вопрос старик не сумел. По его словам, как только начинали стрелять тяжелые пушки с советской стороны, немецкие солдаты с особыми нашивками сдерживали чехлы с тех штук, которые походили на граммофонные трубы, влезали в фургон и надева-

ли на уши телефонные трубки, точно собирались слушать радио. А что они слушали — старик не знал.

— И теперь они так делают? — спросил Хахалин старика.

— Теперь не знаю, я в мельнице сидел. Но перед тем, как меня посадили, в землянках никто не жил и, кроме часовых, возле фургонов никого не бывало. В конце зимы, когда немец пошел в наступление, всех солдат из этих фургонов погнали в бой. Я сам видел, как они чегой-то топились, кричали, точно удивлялись, что их гонят в бой. А потом подошел новый офицер, они замолчали и пошли.

— Ну, а дальше что?

— И погнали их в бой. С той поры так и стоят здесь эти машины и никто в них больше не лазает.

— Никто не вернулся?

— Из боя-то? Нет, никто.

— Левко, — сказал Моликов. — Значит, фриц и звукачей погнал в контратаку. И я помню, товарищ старший лейтенант, в донесении войсковой разведки имелось упоминание про того фрица, который лежит перед нашим танком на ничейной земле — он тоже из звукачей. Мне один пехотинец говорил: он его, как вошь, разглядел из окопа боевого охранения. Видите, не безээр засекает нашу кочующую. В звукачей я никогда не верил.

— Думаешь, у них только один взвод звукачей?

— А чорт их знает, может, и один. Будь ты трижды немец, силенок свыше меры тоже не наскребешь. Солдата на заводе не изготовишь.

Раздался взрыв. Это Афонин выполнил задание. Над холмом, на котором стояла мельница, поднялось багровое дымное пламя. При свете зарева проплыла в небе мельничная кровля и косо, как самолетная плоскость, пронеслось и обрушилось где-то в поле мельничное крыло. Тотчас вокруг холма застучали выстрелы, взлетела в воздух осветительная ракета, послышались голоса немцев, по небу прошелся луч прожектора. Зашелестели кусты. В кустах возник Афонин.

— Сделано, товарищ старший лейтенант, — сказал он.

— Это, брат, известно. Слышали мы твой доклад, — ответил Хахалин.

Они пробрались мимо расположения неработающей БЭР, и Моликов спросил Хахалина:

— Дернем, может, и эту хазу?

По всей местности слышалась стрельба. Не жалея патронов, немцы прочесывали кусты вокруг холма, на котором стояла мельница. Иногда Хахалину казалось, что он различает собачий лай. Это было уже опасно. Все же Моликов и Афонин ухитрились подползти к двум машинам и поджечь их.

Разведчики благополучно переправились на свою сторону. Моликов с двумя товарищами должен был вести старика в штаб полка, Хахалин с Афониным сворачивали к наблюдательному пункту.

— Ну, папаша, прощай, — сказал Хахалин старику. — Может, когда-нибудь встретимся.

— Прощай, сынок, да хранит тебя господь...

И старик заплакал.

— Товарищ старший лейтенант, — сказал Моликов, — есть у меня одна идея. Ей-богу.

Хахалин посмотрел на него вопросительно.

— Вот знамя Урчеевского сельсовета. Ей-богу, не дело уносить его со своей земли. Оно бы еще послужило.

— Как так? — спросил Хахалин.

— Я о танке. Он давно мозолит мне глаза. Танк наш, а стоит без дела. Они нас мельницей хотели агитнуть, а мы против них свое придумаем. Давайте мы сельсоветское знамя подыдем на танке. Папаша, ты как, не возражаешь? Пусть фриц позлится. Папаша, уступишь нам свое знамя, а?

Хахалин молча разглядывал Моликова. Он еще ничего не решил, но уже в душе у него загорелось ребяческое желание поднять над разбитым танком советский флаг. Он представил себе, как это будет выглядеть. Наша земля и наш танк. Пусть над ним взвевается красное знамя. Пусть на

несколько метров отодвинется край земли.

Все же он произнес для солидности:

— Ох, и бедовый ты парень, Моликов.

— Да ну, товарищ старший лейтенант, — сказал Моликов.

— Нагорит нам от начальства, — сказал Хахалин, и Моликов понял, что командир согласен.

Два разведчика повели старика в штаб, а Хахалин с остальными по глинистому сырому ходу сообщения прошли в передовые окопы. Не говоря ни слова, Моликов отстранил рукой тщедушного пехотинца в шинели с неаккуратно подчатым воротником, перемахнул через бруствер и пополз вперед.

Начинался рассвет. В серовато-синем толумраке, холодном и пусгом, вскоре застаяла его фигура. Афонин подтянул пояс, снял винтовку с ремня, крикнул, жазал: «Прощевайте» и полез за Моликовым.

— Эх-х, и ужасть! — восторженным голосом вскрикнул тщедушный пехотинец. Он приподнял винтовку и грудью налег на край окопа, сияясь разглядеть в предрассветном сумраке распластанные на земле тела разведчиков.

Немцы поздно заметили, что на ничейной земле появились живые люди. Они открыли огонь, когда Моликов и Афонин были уже настолько близко от подбитого танка, что одним рывком смогли достичь пространства, прикрытого от врага бронированными стенами машины.

Постреляв немного, немцы замолчали. В абсолютной тишине обе стороны следили за ними: доползут или нет?

Вот из рассеченной башни танка с карканьем вылетели вороны. Пехотинец с поднятым воротником вскинул винтовку, но товарищ по окопу остановил его. Люди боялись потревожить установившуюся тишину. Никто из них не знал, зачем полезли на ничейную землю артиллерийские разведчики, но каждый желал им успеха, каждый с волнением следил за ними: доползут или нет?

В слабом свете наступившего утра над мертвым советским танком пока-

зался красный комок. Он взлетел вверх на коротком древке. В следующее мгновение утренний ветер расправил его складки, и над пружно осевшей стальной машиной затрепетало красное полотнище.

Немцы открыли огонь не сразу. Они точно сперва разглядывали то новое, что возникло перед ними. Затем, словно рассмотрев как следует красное знамя, они открыли ураганный огонь. Застегаля по воздуху винтовочные выстрелы, застрочили ручные пулеметы, отрывисто заплевали автоматы. По краям красного знамени показались кровавые лоскуты. Минными осколками повредило ткань.

В дело вступила артиллерия. Один из снарядов угодил по тому месту, где лежал труп немецкого солдата с маленьким остроносым лицом и тонкими черными усиками. Пехотинцы в советском окопе ясно видели, как отделилась от трупа и пронеслась в вихре, вместе с землей, нога в коричневом сапоге с широким голенищем. Мертвый был убит еще раз, на этот раз своими. Но красное знамя развевалось попрежнему.

Через некоторое время огонь поутих. Советские люди увидели под танком человека. Это был Афонин. Он поглядел в сторону своих и вдруг метнулся, сломя голову, через открытое поле. За ним побежал Моликов.

— Эх-х, и ужасть! — восторженным голосом вскрикнул пехотинец.

Немцы мгновенно усилили огонь. Мины упали впереди и сзади разведчиков. Как подкошенные, повалились советские бойцы один на другого в воронку, возникшую перед ними.

Хахалин согнулся и по ходу сообщения побежал назад, на наблюдательный пункт.

— Первой батарее подготовиться к ведению огня! — крикнул он на ходу своему телефонисту и полез на наблюдательную вышку.

Под прикрытием своего огня разведчики почти достигли окопа боевого охранения, но вдруг Афонин вздрогнул и упал. Моликов вернулся к товарищу,

быстро взвалил его себе на спину и опять побежал вперед.

Он скатился с Афонинным в окоп боевого охранения и прохрицел:

— Вот задали фрицу задачу. Рассердился фриц, не дай, бог. — Он поглядел на Афонина. — Его в ногу садануло. Ничего, кость, будто, цела. Ну что, Гриша, струхнул малость?

— Обойдусь, — сказал Афонин. — Авось, заживет.

— До свадьбы заживет, Гриша. До свадьбы все заживает, — сказал Моликов.

7. ПОПРОБУЙ ОТЛУЧИТЬСЯ ИЗ ПОЛКА

Майор Люсь собирался уезжать на следующий день после звонка из штаба армии. Весь вечер он сидел со своими командирами над бумагами. К часу, когда должен был приехать экспедитор Осипцов, он вышел из командирской землянки.

Харитон Осипцов с почтой прибыл поздно вечером. Он сбросил почтовую сумку, разогнулся, насколько позволял низкий потолок, и, раздав корреспонденцию, вытащил из-за борта ватника еще пять писем.

— Майору Люсь сегодня пять штук, — торжественно объявил он.

Люди в землянке удивленно переглянулись. Откуда майору письма? Пять штук. От кого?

— Дай-ка сюда, — проговорил комиссар полка.

Конверты ничего ему не сказали. На них не было обратного адреса.

— Осипцов, — строго сказал комиссар, — сознавайся сразу, схитрил что-нибудь?

— Что вы, товарищ батальонный комиссар, разве такими вещами шутят?

— Тогда будем выдавать ему по штуке, чтобы он сразу не испугался.

— А может, прочесть? Может, там что-нибудь неприятное. Хватит майору гибели жены, — сказал лейтенант Шеффер.

Кутовой посмотрел на лейтенанта, лейтенант посмотрел на Кутowego.

— Нет, все-таки неудобно. Будем

выдавать по штуке, в порядке штуке пелей отправления, и в случае чего

— Понятно, — ответил Шеффер.

У входа в землянку послышались шаги Люся. Военком протянул ему письмо.

— Мне? — спросил Люсь. Он взглянул на конверт и нахмурился. Почерк был незнаком.

Люди в землянке с ожиданием смотрели на него. Люсь разорвал конверт, оглядел листок бумаги и улыбнулся. Он не читал письма. Быстро перевернул страницу, затем снова посмотрел начало и снова слишком быстро, чтобы успеть прочесть, перевернул страницу.

Шеффер привстал и заглянул в почтовый листок. Он ничего не понял. Его толстое, румяное, подвижное лицо изобразило испуганное недоумение. Теперь и комиссар, и начальник штаба, и телефонист, и помощник майора строевой части — все смотрели на Шеффера. Лейтенант пожал плечами.

— А больше нет? — спросил Люсь.

Военком заглянул в раскрытое письмо и увидел в нем множество волнистых линий.

— Есть еще, — сказал он и выдал майору второе.

Так же, как в первом, листок бумаги был испещрен множеством волнистых линий. Военком ничего не понял.

— Посмотри-ка это, — сказал он и выдал Люсю третье письмо.

Оно выглядело так же, как первые два.

— Давай остальные, хватит смеяться, — сказал Люсь. Лицо его расплылось в радостной улыбке.

Все с огорченными и недоумевающими лицами склонились над письмами, и только майор один счастливо улыбался, хмуря от непривычной радости свой высокий и чистый лоб. Только ему были понятны эти неровные извилистые линии. В них он умел прочесть больше, чем если бы отправитель высказал свои мысли обычными буквами и словами. В конце последнего письма, вслед за одинаковыми во всех письмах волнистыми линиями, каракулями ребенка, только-только научившегося писать, бы-

ло нацарапано: «Дорогому папе от сына Женички».

— Теперь понятно, почему так долго вы не имели писем, товарищ майор, — сказал лейтенант Шеффер. — Военная цензура была озадачена: не шифр ли это какой-нибудь? Разберись-ка, что это значит!

— Нет, — ответил майор. — Просто у мальчишка была скарлатина. Я об этом не говорил. А кроме того, видите, пока мы воюем, он научился грамоте.

В землянке было тихо и тепло, а снаружи трещали выстрелы и уныло завывали мины над передним краем.

Наступила ночь. Командиры вытянулись рядком на лежанке. Телефонист проговаривает в трубку: «Атака», «Земля», положит трубочку и пойдет принести дров.

На рассвете, когда посветлела амбразура землянки и ветвь орешника четко обрисовалась на фоне надбитого стекла, гажелым вздохом, как в шахте, отозвались в землянке выстрелы первой батареи.

Начальник штаба капитан Денисов проснулся сразу, точно постучали зтвь.

— Узнай-ка, почему бросает, — сердитым голосом сказал он телефонисту.

Телефонист узнал и доложил начальнику штаба. Командир полка услышал сквозь сон его доклад. Он заворочался и спросил:

— Что такое там?

— Хахалин прикрывает отход разведчиков, — сказал начальник штаба.

Снова заснули все в землянке, кроме дежурного телефониста, но сон командиров продолжался недолго. Разведчики, посланные Хахалиным, привели в штаб старика с мельницы. Расспросив старика, кто он такой, разузнав о взрыве агитмельницы, командиры снова улеглись спать, а старика взял к себе уполномоченный особого отдела.

А еще через полчаса заговорила кочующая батарея, и знаменитый бас полковой пушки снова разбудил Люся. Со стены землянки с тихим шуршанием посыпался песок, замигала керосиновая копилка на столике дежурного телефо-

ниста, майор выругался, сел на лежанке и посмотрел на часы.

— Почему так рано? — спросил он.

Начальник штаба точно и не спал. Он поднялся с лежанки и в одних носках по сырым березовым половицам подошел к телефону.

— К самому капэ подобрались, черти, — сказал он и заговорил в телефон: — «Атака»? Дайте мне «Луну»... Попросите к телефону сорок шесть. Спрашивает выше. Слушайте, сорок шесть, почему так рано проснулось ваше хозяйство? Ну, а почему так близко расположились возле нас? Ах, вас отовсюду гонят? Бедные, бедные, никто вас не любит, не жалеет. Вот вас сегодня сорок поблагодарит. За что, за что... — капитан Денисов покосился на лежанку, прикрыл рукой трубку и сказал: — За то, что не даете человеку спокойно уехать. А что, думаете, легко ему уезжать? Можно было бы догадаться. И так у него сна нет. То ваш сорок шесть разыгрался, то какого-то старика привели. Вот, бобики! — Капитан положил трубку и сказал, обращаясь к майору: — Говорят, хотели вызвать серенаду по случаю вашего отъезда. А вообще, стреляли по графику. Шесть ноль ноль сейчас.

— А почему так близко? — спросил военком.

— Да потому что отовсюду их гоняют. После того, как из-за кочующей батареи противник накрыл санитарных лошадей, лейтенант Терентьев места для себя не находит. И помните, начарт скандалил, что пострадала полковая кухня семнадцатой эсде. Горемычные кочевники.

— Что же, Терентьев думает, мы не будем его гонять? — спросил военком.

— Позвольте, — сказал Люсь, — но ведь мы дали им новый район для кочевья.

Ответить начальник штаба не успел. Хлопнул далекий выстрел, послышался нарастающий свист снаряда, вслед за ним помчался второй, и где-то совсем близко, один за другим, ухнули тяжелые разрывы. При каждом вражеском выстреле лицо Кутового принимало скорбное выражение — кожа на лбу

его сморщивалась, глаза становились грустными, и губы складывались дудочкой. Военком не был трусом, он неоднократно доказал это, но он был артиллеристом и слишком хорошо знал, что такое орудийный выстрел.

— Вот тебе и серенада, — сказал он.

Наступила пауза. Затем немного дальше пристрелочных забухали тяжелые разрывы шквального огня. Противник прочесывал пути отхода с огневой позиции.

— А не пустить ли в кочевье еще одну пушку? — произнес командир полка. — Если мы будем стрелять одновременно с разных позиций, батарее звуковой разведки противника, ежели она действует в самом деле, будет трудней их засекаать.

— Ну вот, опять — «ежели». Кто же еще может так быстро их засекаать, если не безеэр? — сказал военком.

— Знаешь что, Андрей Петрович, не стоило б мне уезжать, пока мы не выяснили этого вопроса. Безеэр все-таки или не безеэр? — сказал Люсь.

— Опять он за старые песни. Не уезжай... Тебя ж, в самом деле, никто не гонит. И я, в конце концов, без бочонка пива как-нибудь проживу, — сказал военком.

— Старые песни или не старые, но, думаешь, легко ехать и думать: а не накрыл ли фриц нашу кочевую?

— Никто тебя не гонит, — сердито повторил Кutowой.

— Между прочим, разведчики, когда приводили старика, сказали, что Моликов выяснил: безеэр бездействует с зимы. Всех звукачей фриц уложил в последней своей контратаке, — проговорил начальник штаба.

— Это новость, — сказал Люсь. — Неужели он звукачей погнал в контратаку? Любопытно. А Моликов уже вернулся?

— Моликов остался на энке.

— Ну, ладно, — сказал Люсь. — Поеду я к вечеру, а сейчас мы с Шеффером ходим к Терентьеву, а затем прогуляемся к Хахалину на энке. Что-то они балуются, по-моему.

— Товарищ майор, вы этак, действительно, никогда не уедете, — сказал капитан Денисов.

Командиры встали, умылись, повара Житихин подал завтрак на стол.

Впервые за всю войну Люсь собирался отлучиться из полка и все не мог отделаться от беспокойства. Он мучился от желания повидать сына, маленького человечка, оставшегося сиротой, перенесшего тяжелую болезнь и научившегося писать. По временам майор страдал от сильных головных болей. Иногда они были так мучительны, что казалось, он не сможет больше скрывать это. Нужно было посоветоваться с хорошими врачами. В прифронтовых санитарных частях можно было встретить хороших хирургов. Хороших невропатологов было гораздо меньше, да и как их искать? А вместе с тем страшно не хотелось уезжать из полка. Всегда в таких случаях кажется: вот ты уедешь, и что-нибудь случится без тебя.

Он надел китель, затянул ремень и вышел из землянки, не сказав никому ни слова. Лейтенант Шеффер выбежал за командиром. Напяливая на свою пышную шевелюру летнюю пилотку, вскидывая на плечо автомат, он пропел для бодрости:

— «Если завтра война, если завтра поход, — будь сегодня к походу готов»... — И крикнул часовому: — Вот я и готов.

Майор Люсь любил своего неунывающего адъютанта. Неунывающего адъютанта все любили в полку. Неунывающих всегда любят. Каждая шутка, каждая выходка Шеффера, а они не всегда бывали удачными, встречали одобрительные улыбки, поощрительные взгляды. «Вот бобик», — говорил начальник штаба. «Вот друг», — говорил комиссар полка. Майор Люсь называл Шеффера «пистолетом». В это утро Люся не забавляли выходки своего спутника. Какие ни строил лейтенант уморительные гримасы, как ни пытался почуднее перепрыгнуть придорожный кювет или подбить пружиной раннюю

весеннюю муху, Люсь не обращал на него внимания.

По лесной тропинке они вышли на прошлогоднее картофельное поле. Заржавелые снарядные осколки сплошь усеивали его. Конических алюминиевых дистанционных трубок, помнятых стабилизаторов от мин, картожек из-под ракет, — всех этих отбросов войны было больше, чем обыкновенных камешков или полевых личинок. То-и-дело попадались розовые от молодой ржавчины, с двойными медными поисками двухсотсорок миллиметровые «поросята», как называли на фронте неразорвавшиеся немецкие снаряды. Они лежали в мелких лунках, залитых талой водой. Некоторые из них были выгашены на поверхность и, поставленные на-попа, торчали, как веши, вдоль тропинки.

У двух старых ветел, которые росли на окраине сожженной деревни Кузино, на берегу широкого пруда, покрытого зеленым льдом (весенняя вода уже залила его поверхность), они встретили Андрея Моликова. Разведчик стоял, чуть согнувшись, и внимательно разглядывал какую-то бумажку.

— Моликов, вот кстати, — проговорил майор. — Мне передали, что вы сегодня ночью ходили в тыл врага и обнаружили неработающую безеэр?

— Так точно, — ответил Моликов. — Фриц всех звукоушек погнал в контратаку, и батарея теперь не работает.

— Как же они тогда засекают наши огневые? У них работает где-нибудь другая безеэр?

— Может быть, так, а может быть, и по-другому, товарищ майор, — сказал Моликов. — Вот, смотрите, это что такое? Я грамоты ихней не знаю.

Он протянул Люсю бумажку, которую разглядывал перед тем.

Лейтенант Шеффер заглянул через плечо.

— Это обертка от сухого элемента, — сказал майор.

— Точно, — сказал Шеффер. — От батареек для карманного фонаря.

— Что ж из этого? — спросил майор. — Мало ли всякой дряни они нам оставили?

— Это верно, товарищ майор, все дело в том, что бумажка-то совершенно свеженькая. Ее самое позднее вчера ночью обронили. Вечером позавчера был дождь. А она даже под дождем ни разу не была, не то что под снегом. Ни под дождем, ни под снегом, ни под солнцем. Совершенно свежая бумага. Даже клей еще сохранился на обороте. Видите?

Люсь снова взял обертку из рук Моликова.

— Действительно, — сказал он. — Что же ты думаешь?

Моликов не ответил. Командир внимательно посмотрел на него и пошел вперед.

— Можно следовать за вами? — спросил Моликов.

— Иди спать, — сказал Люсь. — Ты спал сегодня?

— Спать-то не пришлось, — Моликов улыбнулся, — было еще одно дельце. На энпе пойдете, товарищ майор? — Пойду.

— И я с вами, разрешите?

И он пошел за командиром, не дожидаясь ответа.

Все поля вокруг роши, где находились исходные позиции кочующей батареи, были избиты тяжелыми снарядами. Везде чернели воронки. Черные хлопья земли, засохшие клочья дерна, ржавые осколки покрывали местность вокруг роши.

Люди шли молча. Потом Моликов сказал:

— Одного не могу понять, почему фриц ни разу не попробовал нащупать исходные позиции? По огневым он бьет почем зря, а исходные ни разу не прощупал?

— Огневые он засекает по звуку, а как он исходные засечет? — спросил лейтенант Шеффер в свою очередь.

— Это я понимаю, — сказал Моликов. — Предположим, засекает по звуку, но мог он или нет пощупать, что в этой роше у нас делается?

— Ты хочешь сказать другое, — заметил Люсь. — С твоим предположением не вяжется то, что он бьет только по огневым, в то время как ему

должно быть известно, где находятся наши исходные. Не так ли?

— Совершенно верно, товарищ майор, — обрадованно сказал Моликов, — только это и не укладывается.

— А все остальное уложилось?

— Да как будто бы.

— И ты даже, может быть, подозреваешь кого-нибудь?

— Да, как вам сказать, когда есть предположение, есть и подозрение.

— Послушайте, товарищи, вы о чем говорите? — спросил Шеффер. — Ни черта не понимаю.

— Поймешь, не суйся поперек бабки в пекло.

— Да, но я догадливый. Я всю жизнь был догадливым, а тут ни черта не понимаю.

— Догадаешься в свое время, не торопись, — и Люсь обратился к Моликову: — Видишь ли, исходные они потому, может быть, не трогают, чтобы не спугнуть. В этом районе у них есть пристреленные пункты, и им удобнее ловить кочующую, а если мы передислоцируемся, у него будет белое пятно.

— Верно, — сказал Моликов, — точно.

Он был очень доволен.

Они подошли к роще.

— Смирно-о-о! — раздался зычный голос дежурного. Быстрым шагом, огибая кусты, он подошел к командиру и отдал рапорт. Люсь скомандовал: «Вольно. Терентьева ко мне».

Обдергивая гимнастерку, проверяя ладонью португезу и пистолет, выскочил из землянки заспанный лейтенант. Опрометью он бросился к майору.

— Лейтенант Терентьев явился по вашему приказанию, — отчеканил он, застывая перед Люсем в скошенном от бега положении.

— Получила батарея новый район для кочевья? Получила или нет? Почему снова подобрались так близко к командному пункту? Безобразия! Вы уйдете, а капэ останется. Хотите, чтобы он нас накрыл?

— Товарищ командир полка, топографы не успели привязать мне новый район.

— Ну, так взгрейте ваших топографов. Подъехали прямо к самому капэ и дупят почему свет стоит. Менять мне из-за вас расположение командного пункта? — Терентьев молчал. Люсь смягчил голос. — Ну, как у вас дела?

— Сегодня чуть не вяпались в историю, — смущенно сказал лейтенант и стал рассказывать майору о том, как на огневых соскочила станина с передка.

— Так, так, — сказал Люсь, — очень жаль, не помяли они вам ребра; были бы осторожнее в следующий раз. Вы что, не могли веток положить под колеса? — спросил он, снова повышая голос. Терентьев не ответил. Могли, конечно, подложить, но не подложили. Теперь нечего было отвечать. — Ну, а как новичок? — спросил Люсь.

— Серьезный парень. Будет артиллеристом, — вместо Терентьева ответил Клейменов. — Товарищ Кадушкин, подойдите сюда.

Кадушкин обернул руки ветошкой и шагнул вперед.

— Ближе, ближе, не бойтесь, — сказал Клейменов.

— Как настроение? — спросил Люсь.

— Ничего, товарищ майор. Крышу у меня вот только пробило, — сказал Кадушкин.

Чепель сплюнул от возмущения. Далась человеку эта крыша. Пусть бога поблагодарит, что остался живой, а он крыша, крыша...

Но парень все-таки нравился Чепелю. Он сам был спокойным, невозмутимым человеком, и ему пришлось по душе, что Кадушкин не испугался обстрела. Первый обстрел всегда страшен человеку. А заботливостью Кадушкина о тракторе был бы удовлетворен и сам Соловьев. И Чепель сказал с досадою:

— Он мне, товарищ майор, житья не дает с этой крышей. Прямо надоел.

— Вы бы акт составили, он бы и успокоился.

— Придется, — ответил Чепель.

— А о чем хлопотал Хахалин сегодня ночью? — спросил Люсь Терентьева. — Поддерживал каких-то разведчиков. Что за разведчики?

— А вот Моликов сам там был, — ответил Терентьев.

Люсь повернулся к Моликову. Разведчик смутился.

— Да, знаете, товарищ майор... Очень уж за сердце взяло, — начал он неуверенно. — Земля наша, а знамя нужно уносить. Вот мы и придумали...

— Какое знамя? — спросил Люсь удивленно.

— Урчевского сельсовета. За рощей начинаются его владения...

— Докладывать по порядку совесть не позволяет? — спросил Люсь, догадываясь, что ночью на наблюдательном пункте произошло что-то, непредусмотренное уставом.

Моликов пожал плечами, ухмыльнулся и стал рассказывать о ночном деле.

— Посмотрели бы, товарищ майор, как фриц разозлился. А у нас убитков — Афонина слегка подшибло, только и всего, — закончил он.

— Что? — спросил Люсь, и лицо его задержалось.

Моликов испугался.

— Самую малость. Мякоть только и задело, — робко сказал он и, приподняв ногу, показал, куда ранило Афонина.

— Вот как? — убийственным голосом произнес Люсь. — Вы, что же, там игрушками занимаетесь, а у вас людей уродуют? Марш за мной, я вам задам жару. Чорт знает, что такое! Попробуйка отлучиться тут из полка.

Он круто повернулся и зашагал в сторону наблюдательного пункта. Ища сочувствия, Моликов поглядел на Шеффера, но адъютант командира не обратил внимания на его просящий взгляд.

Кадушкин поглядел, как они идут по дороге, которая тянулась на запад, пока не потерялась в широком поле, и сказал:

— Читал я книжку про барона Мюнхгаузена. Он на пушечном ядре летал. Вот бы слетать, да посмотреть, чего наковыряли у фрица наши гостинцы. Ихние мы видим, вот они. А как наши?

— Да-а, посмотреть-то интересно, да не слетаешь. Начальная скорость у наших слишком большая, — совершенно

серьезно, как всегда, ответил Клейменов.

8. ТОЛЬКО ОТОМСТИТЬ!

Майор Люсь сердито шагал по пересохшей тропинке. «Дети какие-то, — думал он. — Нашли старика, хранящего советские знамена, и обрадовались, что можно немцев подразнить. Ведь подразнить и только. Хороша забава. А если бы пуля попала Афонину не в мякоть, а в затылок? Эти тоже хороши, выезжают на сырое поле и не могут подложить что-нибудь под колеса, чтобы пушка не вязла. Впрочем, чего ждать от командира батареи, когда командир дивизиона находит для себя забавы, вроде подъема флага на ничейной земле». Раздражение все сильнее охватывало майора. Он шел и думал о том, что нельзя ему уезжать в отпуск. Если при нем творятся в полку такие вещи, что же будет, когда он уедет?

— Вот я покажу Хахалину, где раки зимуют, — буркнул он, ни к кому не обращаясь. — Попляшет он у меня.

Шеффер, шагающий позади, искоса взглянул на Моликова. Разведчик удрученно покачал головой. Он был виноват в ночной затее, а достанется за нее старшему лейтенанту. Поганю получилось, вот беда.

— Товарищ лейтенант, — прошептал он Шефферу. — Я во всем виноват. Старший лейтенант Хахалин тут не при чем.

Шеффер развел руками и покачал головой.

Места, по которым проходили артиллеристы, становились все пустынее. Колесные колеи вошли в проселок. Луга и прошлогодние пашни по обе стороны дорог оставались нетронутыми. Неезженные пути. Сюда не добрались колеса транспортов, здесь ходили пешком. Даже верховой лошадию пользовались здесь редко. Люсь, Шеффер и Моликов приближались к краю земли. Снег, сохранившийся кое-где в низинах, лежал не смятый. Со всех сторон сбегались на тонкие колья телефонные провода. Широкие поляны были завалены деревьями, чтобы помешать посадке десантных самолетов. Поваленные

деревья, телефонные провода да воронки от снарядов, да пожелтевшие листовки на немецком языке, сброшенные еще зимой, только и напоминали о том, что это фронт.

У деревни Мякишево послышался характерный визг мины. Шестиствольный миномет противника приветствовал приближение артиллеристов. Майор Люсь опустился на корточки, за ним последовали его спутники.

— Где-то здесь фриц просматривает дорогу, — сказал Шеффер.

— Из Суконников, — убежденно ответил Моликов.

— Так надо установить точно и дать ему жизни. Эта дорога нам нужна, — сказал Люсь сердито. — Все у вас приблизительно. Где-то просматривает. Очевидно, действует безеэр... Точности я не вижу. Артиллеристы вы или обозники? До сих пор не выяснили: кто засекает кочевую.

Он был очень сердит. Все усложнялось тем еще, что он должен был уехать.

— Товарищ майор, завтра доложу точно, кто засекает кочевую. Даю слово, — сказал Моликов.

— Посмотрим, — сказал Люсь.

Они переждали, пока не прекратился обстрел, и пошли дальше.

Вот оно место, где стояло когда-то богатое село Подбельки. Перекаренные посиневшие остовы кроватей, черепки горшков, колодезные ямы и эти страшные сизовато-черные прямоугольники пепелищ...

На одном пожарище они увидели старуху. Она собирала в кучу все, что сохранило вид вещи после огня: памятный умывальник, памятое ведро, синеватый обломок продольной пилы, колесо от телеги с поломанными спицами, две бутылки, чайник с надбитым носиком. Убогая, убогая нищета.

— Собираетесь переезжать? — спросил Люсь старуху.

— Куда переедешь-то? Шалашик хотим построить. Нам переезжать некуда. Тут, чай, своя земля, — ответила женщина.

— Отгоним немца подальше, отстронитесь, — сказал Шеффер.

— Мы-то отстроимся. Вот вы его гоните поскорей. Ох, ироды, никогда не забуду. Приходит один такой беленький, шупленький, весь дамским платком обмотанный. «Мы вашу деревню-фу!», говорит. «А-то русский солдат греться в ней будет. Пусть русскому солдату будет — ой — на морозе». Бутылку в солому, и поджег. Как все было в избе, так все и осталось. А хлеба были в прошлый год, страшно сказать. Он возил, возил, половины не вывез...

Люсь стоял и слушал. Слушал адъютант. Слушал Моликов. Иногда не так страшна звериная жестокость врага, как его методическое наглое и самодовольное чувство превосходства. Его методическая, наглая управа. Немецкие зверства — акт слабости, а не силы. И методическое надменное хозяйничанье — акт тупости, а не силы. Но с тупостью трудно бороться. Тупость, как скала, загораживающая дорогу. Идея, логика, здравый смысл бессильны против каменной тупости. Тут нужен порох, динамит. Тут нужны стойкость и терпение.

А старуха продолжала говорить.

— А чего они с народом поделали, и не расскажешь, товарищ командир, — оглянувшись, она приблизилась к Люсю и зашептала: — Девушку одну захватили. Она учительницей была в Урчеве. Слабенькая девушка, худенькая. Голой ее гнали семь километров по морозу, потом шомполами, шомполами, и в сарае, на прошлогодней соломе, четыре солдата и ихний офицер... Ее потом мы из петли сняли, чуть жива была...

Старуха всхлипнула и вытерла глаза углом передника.

Они стояли и слушали старуху, и в это время из погребной ямы поднялась голова девушки. Косынка в синий горошек сбилась на ее лбу. Лицо девушки было измазано в саже и в земле.

— Здравствуйте, товарищ майор, — сказала она и выпрыгнула из ямы.

— Здравствуйте, — сказал Люсь, — что-то не узнаю...

Он смотрел на девушку. Зеленая вязаная кофточка была также испачкана

в сажу и в земле. Что-то знакомое показалось Люсю в ее лице, может быть, во взгляде. Но он не мог вспомнить, где ее встречал.

— Не узнаете? А помните, вы мне браунинг подарили.

И тут Люсь узнал девушку.

— А-а... — сказал он. — Это вы там скандалили в Урчеве прошлой осенью? Припоминаю, как же... Как вы здесь очутились?

— Длинная история, — ответила девушка и улыбнулась. Улыбка получилась горькой и жалостной. Старуха стояла, подперев щеку ладонью, и мелкие слезы катились по ее пергаментным щекам.

Девушка сказала:

— А вы все воюете? А где теперь старший лейтенант Хахалин? Жив, здоров?

— До того жив и здоров, что сегодня я собираюсь отправить его на гауптвахту.

— А у вас в полку есть гауптвахта?

— Найдется. Для него гауптвахта найдется. Ну, а вы-то как? Рассказывайте.

— Да что рассказывать. Была у немцев. Сбежала.

— Как же вам это удалось?

— Добрые люди помогли. Попались мы под Вертушинкой. Человек пятнадцать они уложили тут же, у нас на глазах. Меня и еще нескольких женщин забрали. Да что об этом говорить... Просилась в партизанский отряд, знала я там людей, не взяли. Говорят, без оружия в отряд не берем. Но я знаю, это была одна отговорка. Я тогда была сама не своя. Совсем сумасшедшая. Поэтому и не взяли. Помогли мне перебраться через фронт, пришла сюда, — тут в погребу у этой вот бабки я ваш браунинг закопала. У немцев-то не пришлось воспользоваться. Вот теперь нашла...

Она вытащила из-за выреза кофты браунинг, который в далекую осеннюю ночь подарил ей майор Люсь.

— Что же вы собираетесь делать теперь с этим браунингом? — спросил Люсь.

— Да, так, — сказала Лена Сокол-

кова, — на всякий случай. Теперь я ученая, не буду далеко прятать.

Она улыбнулась, слегка запрокинув голову. На шее у нее был виден широкий бурый рубец. Кожа посредине его уже потемнела. И вдруг слезы брызнули у нее из глаз. Она прикрыла лицо рукой и пошла прочь, не спросив даже, где можно увидеться с Хахалиным.

— Что скажешь? — спросил Люсь своего адъютанта, когда они вышли из Мякишева.

Лейтенант Шеффер промолчал.

— Все можно отстроить, многое можно восстановить. Но как ты это восстановишь? — спросил Люсь.

— За это, товарищ майор, можно отомстить, — ответил Моликов.

— Да, отомстить. Пожалуй, только отомстить. И наш долг это сделать, — сказал Люсь.

Подходя к наблюдательному пункту, Люсь предупредил товарищей, чтобы о встрече с Соколковой старшему лейтенанту ни слова не говорить. Он знал, что неизвестность для Хахалина лучше, чем такая новость о судьбе девушки. А чтобы старший лейтенант не встретил ее случайно, он решил заставить его еще отдежурить на энпе.

9. ФРИЦЫ СЕРЧАЮТ

У землянки наблюдательного пункта росла толстая, ветвистая береза. Ствол ее был подсечен ударом клинка, и белый сок, застывая ледяными сосульками по краям надреза, стекал по белой железке из-под обоймы в цинковый патронный ящик. В этот час на переднем крае установилась такая тишина, что слышно было, как белый березовый сок капает в цинковый ящик. Часовой покойно стоял у землянки. На деревянном плоту, который точно зацепился в кронах трех деревьев, чернела фигура дежурного наблюдателя. Хахалин спал после ночного дела. Афонина давно отвезли в санитарную часть.

Впереди, скрытое кустарником и деревьями, попрежнему развевалось над подбитым советским танком красное

знамя. Не добившись результата, противник прекратил обстрел. Пробитое пулями, изодранное осколками мин, красное полотнище развевалось по ветру, и наблюдателю на вышке казалось, что он слышит его тихий плеск.

— Где Хахалин? — спросил Люсь часового. — Быстро старшего лейтенанта сюда, ко мне.

Хахалин вышел из землянки, не торопясь. Вины за собой он не чувствовал.

— Забавляетесь по ночам? Скучно стало? — спросил Люсь, но строгости не было в его голосе.

Хахалин стоял перед командиром навытяжку, смотрел в лицо и молчал. Так же молча Люсь оглядел его фигуру и направился к наблюдательной вышке.

С мальчишеской ловкостью полез он по ветвям старой ели. Хахалин последовал за ним. Шеффер последил за их подъемом, потом повернулся к помощнику Хахалина, который вышел из землянки вслед за своим командиром, и сказал:

— Угостили б из своих подвалов, раз начальство пришло.

— Чем прикажете, товарищ командующий не всеми вооруженными силами? — спросил помощник Хахалина, прикладывая руку к виску.

— Вольно, — небрежно сказал Шеффер. — Прикажете подать рябчиков в сметане и бутылочку шампанского demi-сек. Повару велите не усердствовать с пряностями. Мой организм их плохо переносит. Сервировка походная. Трюфеля и спаржу можно не подавать.

— Слушаю-сь, генерал-подполковник. Сей минут будет исполнено.

И помощник Хахалина повернулся кругом, щелкнув каблучками.

— Послушай, Степа, кроме шуток, водчонки граммов сто я у вас не наскребу? — просительно произнес Шеффер. — Промерз я очень. Честное слово. Утро свежее, как бы не захворать. С февраля месяца во рту ни грамма не было.

— Кроме чистого, натурального березового сока, из питья ничего, Вася, предложить не могу.

— Эх ты, царь Додон, — вздыхая сказал Шеффер. — Давай, что ли, березового.

И когда помощник Хахалина отошел за цинковкой с соком, Шеффер спросил Моликова:

— А что, Моликов, у тебя воображение богатое? Можешь вообразить что в березовом соке сорок градусов?

— Могу, — сказал Моликов.

— А я нет, — грустно проговорил Шеффер.

Люсь, между тем, добрался до наблюдательной площадки. Дежурный встал у футляра от стереотрубы и козырнул майору. Не прибегая к прибору, Люсь оглядел местность.

— Ну, гуси, — сказал он и прильнул к стереотрубе. Хахалин терпеливо ждал, что дальше скажет командир. — И здорово фрицы серчали? — спросил вдруг Люсь.

— Здорово, — ответил Хахалин, — посмотрите только, как они все поле переворостили вокруг танка.

— Это я вижу.

— Ведь мы это за агитмельницу. Они затеяли подлость, а мы — без обману: советский флаг на советском танке.

— Хороши, — сказал майор.

Он снова посмотрел в стереотрубу. В это время немцы начали новый обстрел красного знамени. Затем через глинистый вал переднего края вывалились серые фигурки солдат. Их было до взвода. Пригибаясь к земле, падая и вновь поднимаясь, побежали они к подбитому танку.

— Батарее приготовиться к ведению огня, — негромко сказал Люсь.

Телефонист внизу повторил его приказание.

— Дайте огонь по немецкой пехоте, — сказал майор старшему лейтенанту.

Хахалин с готовностью занял его место возле стереотрубы.

После ответного огня навстречу немецким солдатам выбежали советские пехотинцы. Захлебываясь, застучали автоматы немецких стрелков. Они точно гвозди заколачивали — там, на своей стороне. Не успели советские бойцы

сблизиться с немцами, как отдельные солдаты стали отбегать назад, а затем назад побежал весь взвод.

Немецкий снаряд угодил в башню танка. Когда рассеялся дым разрыва, красного знамени на танке не оказалось. Ничейная земля снова приобрела свой прежний ничейный вид.

— Все, — сказал Люсь, — представление окончено. — Он помолчал. — А знаете что, Хахалин, не поднять ли ночью снова над танком красный флаг?

— Как прикажете, товарищ майор, — сверкая глазами, ответил Хахалин.

— Поднимите снова, если сможете. Здорово фриц сердчает.

Хахалин улыбнулся.

— За мельницу крепко меня досада вязала.

— За мельницу или за что-нибудь более серьезное, это не важно, — задумчиво сказал Люсь. — Важно то, чтобы фрицу тошно стало жить на нашей земле. Вот что важно. Но чтобы был порядок. Понятно? На рожон не лезть. Чтобы ни одного раненого, ни в кость, ни в мякоть. Кстати, Хахалин, придется вам отдежурить на энпе и эту недельку. Командиры батарей прохоят сбор по обучению стрельбе с воздушным корректировщиком, никого взамен вас на энпе дать я не могу. Не возражаете?

— Есть, отдежурить, товарищ майор. Тем более, имеется работенка. Каждую ночь мы будем поднимать знамя.

— Валяйте, — сказал Люсь и вздохнул.

В эту минуту майор пожалел, что никогда уж не придется ему командовать дивизионом.

10. ПОДНОСЧИК ПИЩИ

Вернувшись на командный пункт, Люсь сказал военкому:

— Знаешь, Андрей Петрович, поеду я в штаб завтра. Что-то не лежит у меня душа двигаться сегодня.

— Вот тебе, бабушка, и день первого мая, — сказал военком. — Ты так, Иван Иванович, никогда и не выберешься.

Но спорить с майором было бесполезно, если он принял какое-нибудь решение.

К вечеру похолодало, начался снегопад. Снова земля стала белой.

Вечером к расположению штабной батареи подошел незнакомый человек.

— Кто идет? — спросил часовой.

— Какой ты страшный, — в ответ из темноты послышался ленивый голос.

Затрещали ветви кустарника. Человек шел к часовому.

— Кто идет? — еще раз крикнул часовой. В голосе его послышалось раздражение. Звякнул металл: часовой взял наизготовку.

— Свои, эй! Смотри, застрелишь, — закричал человек из темноты. — Я подносчик из семнадцатой дивизии. На старом месте никого нет. Куда они подевались? Заплутал я совсем.

— Не знаю, — ответил часовой. — Обходи сторонкой.

— Зачем сторонкой, когда я к вам иду. Не жрал я второй день. Может, ваши ребята хлебцем не осудят.

Часовой не ответил и отвернулся.

Подносчик пищи, которого Моликов называл Макаром, прошел вперед, к тому месту, где возле хвойного шатра горел костер и сидели люди из штабной батареи.

— Товарищи, не разживусь у вас кусочком хлеба? — спросил он.

— А-а, Макар! — узнал его Моликов. — Все бродишь, Макар? Давненько не виделись. Дайте, ребята, местечко Макара. Замерз Макар.

Моликов суетился, расталкивал бойцов, нежно заглядывая в красные, точно заплаканные, глаза подносчика. На этот раз подносчик не возражал, что Моликов называет его Макаром. Не снимая цинкового термоса со спины, он осторожно опустился на корточки возле костра.

— Всех-то ты знаешь, Моликов, — заметил Житихин.

— Такая должность, — ответил Моликов и спросил подносчика, — а в дивизии тебя не кормят?

— Не нашел кухни. Передвижка, чорт бы ее драл. Пока я топал на передовую, их, как ветром, выдуло.

— Да, все куда-то уходят, одни мы остаемся. Двинет фриц ненароком, а прикрытия — с птичкин нос. Отбивайся двадцатидвухмиллиметровыми огурчиками. Повертывайся, успевай, — сказал шофер штабного автобуса.

— Ладно, отобьемся, — сказал Моликов. — У тебя язык длинный. Ты и языком управляйся.

— Чего взъелся? — спросил шофер.

— Болтаешь много, вот чего.

— Не двинет, ничего. Попробуй-ка двинуть по такой грязи, — сказал телефонист, пришедший ужинать.

— Что же вас оставляют совсем без прикрытия? — спросил подносчик. — Дело рискованное.

— Ладно, поговорили, — сказал Моликов. — Думаешь, на переднем крае мало людей? Найдется прикрытия, не сомневайся. Вырастет из-под земли.

— Как в сказке, верно? — сказал подносчик.

— А тебе бы только слушать, да? — спросил Моликов.

— Чего пристал к человеку? Пусть он сперва поест, — сказал Житихин и обратился к подносчику, — давай котелок, налью супу.

Котелка у подносчика не оказалось. Все котелки у тех, кто сидел у костра, были заняты.

— А ты ему в термос налей, — сказал Моликов.

Подносчик спросил:

— Как же я буду хлебать из термоса?

— Если голодный, похлебаешь и из термоса. Ресторанной утвари у нас еще не завелось. Житихин свою в Рязани оставил.

Подносчик не двигался.

— Давай, что ли. Не хочешь? — сказал Житихин.

Моликов вскочил на ноги и ухватился за термос.

— Давай подсоблю, — сказал он, — ложка у тебя есть? Будешь хлебать из термоса.

Подносчик расстегнул ремни. Моликов помог снять термос.

— Ну и тяжелый он у тебя. Может, ты кирпичи в нем носишь вместо обеда?

Пока подносчик собрался с ответом, Моликов откинул крышку и заглянул внутрь, точно в самом деле ожидал увидеть в термосе кирпичи. Подносчик рассердился.

— Ты что, в самом деле, стыдишь меня перед людьми? Документ хочешь взглянуть, так и скажи.

— На хрен мне твой документ, — сказал Моликов, — садись, ешь.

Повар налил в термос супу, и подносчик стал есть.

— Послушай, Макар, а как фамилия командира вашей дивизии? — спросил Моликов.

— Домрачев, — ответил подносчик.

— А командира полка?

— Моего? Сперанский.

— А командира роты?

— Допрос, видал? — сказал подносчик, кивая в сторону Житихина. — Строгий ты парень, ой-ой! Рыбаков, командир роты.

— Так-так, — сказал Моликов, — валяй, кушай. — И, перестав интересоваться подносчиком, поспивывая, ушел в темноту.

Раздался оглушительный орудийный выстрел. Подносчик вздрогнул. Люди у костра рассмеялись.

— Вот, бас, верно? У вас во всей дивизии такого, пожалуй, не сыщешь, — сказал шофер штабного автобуса.

Один за другим прогремело десять выстрелов кодовой батареи.

— Сейчас жди ответа, — сказал Житихин. — Фриц отвечает, как барышня в телефон.

Но ответа не последовало.

Немного погодя в штабную землянку заглянул забрызганный грязью полковник Домрачев, командир семнадцатой стрелковой дивизии. Месяцев пять назад артиллерийский полк Люся поддерживал дивизию Домрачева, когда штурмовали Старую Рузу. За полковником следовал молчаливый адъютант.

— Разрешите? — придерживая плащпалатку, у входа спросил Домрачев.

— О-о, полковник! Заходите. Живем по соседству, а видимся раз в год, — сказал военком. — Хорошие мы друзья, а?

— По такой дорожке в гости друг к другу не походишь, — ответил полковник.

— В какие края, товарищ полковник? — спросил капитан Денисов.

— В штаб армии. Трактор мой у моста застрял. Хочу от вас связаться с полком и попросить подмогу.

— Вызывайте через «Атаку», — сказал военком.

Пока полковник говорил по телефону, Житихин приготовил стол к ужину. Пришел майор Люсь, — он занимался с начальником оперативного отдела. Подоспел к ужину помощник командира по строевой части.

Комиссар разлил водку по стаканам. Шеффер сказал:

— Поллитра на восемь человек да еще дворнику стакан дали.

— Тебе бы только выпить, пистолет, — сказал майор и протянул стакан Житихину. — Ну, Житихин, будем здоровы.

— Я не хочу, товарищ майор. У меня от ей голова болит.

— Огонь! Огонь! — закричал майор.

Житихин сморщился, быстро проговорил свое обязательное «будем здоровы» и выпил, не закусывая. Люсь обратился к полковнику Домрачеву:

— Что же вы, товарищ полковник, плохо кормите своих подносчиков пищи? Вот уж который раз один из них приходит к нам на огонек.

— Ни разу мне об этом не докладывали.

— Как же, и сегодня приходил, пролил есть, говорит, передвижка, никого не нашел на старом месте.

— Передвинулись мы вчера. Как он мог не знать? Прикажу расследовать это дело.

На ступеньках послышались шаги, хлопнула доска у входа, и голос начальника оперативного отдела произнес:

— Разрешите войти?

— Попробуйте, — ответил военком.

Начальник оперативного отдела вошел в землянку. За ним в дверях показался Моликов. Правая рука его была перевязана свежим бинтом.

— Разрешите обратиться к полков-

нику, — сказал начальник оперативного отдела.

Люсь разрешил.

Начальник оперативного отдела спросил полковника, есть ли в семнадцатой дивизии командир полка Сперанский.

— Есть, а в чем дело?

— А командир роты Рыбаков?

— Рыбаков? В полку Сперанского? Никогда не слышал. Есть у Сперанского командир роты Рыбаков? — спросил полковник своего сурового, молчаливого адъютанта.

— Ни разу не слышал, — ответил адъютант.

— Разрешите доложить, товарищ майор. Задержан подносчик пищи из семнадцатой эсде. В термосе у него обнаружена радия, — сказал начальник оперативного отдела таким тоном, каким он докладывал об обстановке.

Когда подносчик пищи дохлебал щи из своего термоса и двинулся в путь, Моликов осторожно последовал за ним. Всем было известно, что Моликов отличается крайней подозрительностью. А этот подносчик, который неоднократно появлялся в расположении командного пункта и любил поговорить с людьми о делах, его не касающихся, давно вызвал подозрение у Моликова. Почему это фриц не ответил сейчас, когда стреляла кочующая батарея? Не потому ли, что этот подносчик был занят едой?

Ночь была светлая, над лесом в облаках медленно плыла полная луна. Погода была свежая. Ночью следовало ждать мороза.

Подносчик пищи шагал, не выбирая дороги, шлепая по лужам, проваливаясь в прязь, и глухо матерился. Моликов следовал за ним осторожно, поминутно останавливаясь, чтобы не выдать себя.

Внезапно подносчик остановился и затем двинулся дальше, но теперь он шагал потихоньку, выбирая дорогу, и молчал. Вскоре он снова остановился, оглянулся, Моликов застыл у обочины дороги.

Макар легко перескочил придорожный ковет, полный жидкой грязи, и, раздвигая ветви, направился в лес.

Моликов следовал за ним. Временами темный силуэт подносчика терялся среди темных кустов и темных стволов деревьев. Тогда Моликов приостанавливался, прислушивался, приседал и, различив между деревьев фигуру, находил своего зверя.

Вскоре человек остановился. Моликов услышал его сопение. Подносчик стоял под деревом и возился с ремнями термоса. Негромко звякнули пряжки ремней, подносчик скинул термос под дерево и присел возле него. Моликов подкрался ближе. Еще раз что-то звякнуло в руках человека, и затем Моликову показалось, что он начинает различать руки его в слабом свете. Моликов постоял несколько минут, не двигаясь, затем несколькими прыжками подскочил к подносчику и, прежде чем тот успел выпрямиться, опрокинул его навзничь.

Макар выругался, изогнулся и выхватил из-за воротника финский нож. Он ткнул Моликова в руку, разведчик инстинктивно отнял ее. Но не успел Макар подняться, как Моликов сильным ударом окровавленного кулака оглушил его. Зажимая рану левой рукой, он нагнулся и поглядел на термос. Нижняя часть боковинки обыкновенного оцинкованного термоса для подноски пищи была открыта, и внутри ее сиял слабый свет.

— Давайте этого типа сюда, — сказал майор Люсь, выслушав сообщение начальника оперативного отдела.

Моликов с готовностью выбежал наружу, и через минуту в землянке стоял подносчик без шапки, вымазанный в грязи, растерянный и угрюмый. Следом за ним боец из штабной батареи внес термос.

— Вы кто такой? — спросил Люсь. Человек промолчал.

— Я спрашиваю, откуда вы?

— Из семнадцатой дивизии, — негромко сказал подносчик.

— Полк, рота? — закричал полковник Домрачев.

Человек назвал.

— Команди роты кто?

— Коровин, — ответил подносчик.

— Раньше говорили — Рыбаков?

Человек промолчал.

— Вот что, вываливайте все по порядку, — приказал майор Люсь.

Человек молчал.

Начальник оперативного отдела поставил на стол термос, нажал две заклепки, и боковинка открылась. Под фальшивым дном в термосе была смонтирована портативная радия.

— Попросите уполномоченного особого отдела, — сказал Люсь Моликову.

Подносчик повалился на колени и заговорил срывающимся голосом:

— Меня взяли под Оршей... Пистолет к виску... Не было выбора. Жена, дети. Пощадите...

— Что ж ты думаешь, сукин сын, жене и детям ты такой нужен? Предатель ты, собака, вот ты кто. Предатель, понятно? Шпион ты, вот кто, — взревел полковник Домрачев и шлепнул подносчика по шее.

11. В НОЧНОЙ ЧАС

Ночью ударил мороз. В полчаса землю накрепко сковало. Окаменели глубокие колеи. Лужи покрыло льдом. Опущенные ветви елей вмерзли в лесные тропинки. Под ногами часового захрустели, как оловянные, прошлогодние листья, щепки и сучки.

Люди артиллерийского полка спали. Изредка ночную тишину нарушала пулеметная очередь.

Ночь была тиха, спокойна, но где-то в оперативных штабах противника дорабатывались последние детали наступления, где-то в базах сосредоточения немецкие солдаты готовились к бою.

В предутренней тишине прозвучали негромкие немецкие команды, две красных ракеты взлетели в ночной темноте, саперы пошли вперед резать проволоку.

В пятом часу зарычали моторы танков, и по всему участку фронта начался минометно-артиллерийский огонь.

Атака! Маленький пехотинец в шинели с неаккуратно поднятым воротничком вскинул на бруствер окопа свою винтовку. Его сосед ту же затянул пояс и придвинул к себе сумку с гранатами и две бутылки с горячей жидкостью. Телефонист в короткой бязевой курточке

согнулся над ящиком полевого телефона. Вглядываясь в темноту, он быстрым шопотом стал докладывать своему командиру обстановку.

Над ничейной землей вспыхнула осветительная ракета. Она повисла в воздухе, брызгая искрами и заливая мертвую землю мертвым белым огнем. В знакомой картине ничейной земли что-то изменилось. Маленький пехотинец не узнавал ее. Может быть, в этом был повинен мертвый белый свет ракеты? Но ведь не первый раз освещали они угрюмое пространство ничейной земли. Гнетущее чувство ожидания охватило его. Еще одна ракета поднялась в небо. На этот раз он понял, что произошло. В нескольких местах исчезла проволока на белых немецких крестовинах, исчезли и самые крестовины. В некоторых местах исчез глинистый вал.

— Гляди-ка! — крикнул он и тронул дрожащей рукой своего соседа.

По ничейной земле ползли черные человеческие фигуры. В их руках при свете ракеты блестели ножницы на длинных рукоятках.

Атака! Тщедушный пехотинец приложился к винтовке и выстрелил. Выстрелил также его сосед. Где-то поблизости застрочил станковый пулемет. И сразу стало легче ждать вражеской атаки. И сразу не такой страшной показалась ему угрюмая ничейная земля.

И когда началась артиллерийская подготовка, и тяжелые немецкие снаряды с нарастающим воем понеслись из глубины вражеского расположения и стали рваться в наших окопах, и совсем близко разорвался один из них, и пехотинец обдало волной жаркого воздуха, запахом серы, и по каске застучали комки земли, ему уже не было страшно. В темноте он услышал стоны и крики, и ругательства раненых, и он побежал туда, по ходу сообщения, чтобы оказать помощь, и он ничего не боялся теперь.

Хахалин выбежал из своей землянки, как только послышались первые выстрелы немецкой артиллерии.

— Дежурный, что там такое? — закричал он наблюдателю на вышке.

— Фриц проделал проходы в проволоке и бьет по переднему краю, — от-

ветил дежурный, склоняя голову над краем площадки.

Хахалин приказал батарее приготовиться к ведению огня.

Затем вызвал по телефону командира стрелковой части и узнал, как обстоят дела. Дела у пехоты обстояли неважно. Сил на переднем крае было недостаточно. Подразделения передвигались в тыл, смена прибывала постепенно. Хахалин побежал вперед к наблюдательному пункту стрелкового подразделения. Два связиста потянули за ним телефонный провод.

На командном пункте полка проснулись командиры. Несколько секунд они лежали молча и прислушивались к шуму фронта, скудно проникающему под четыре наката.

— Бросает, собака, — сказал наконец начальник штаба.

И в эту минуту, еще приглушенным ночным голосом, заговорил телефонист.

— «Земля» слушает, — проговорил он в трубку. — Есть, позвать соря два. — И, повернув лицо к лежанке, он обратился к начальнику штаба: — Товарищ капитан, тридцать шесть просит к телефону.

Денисов взял трубку из рук телефониста. «Сорок два слушает. Вон как? Значит, не по вкусу ему пришлось красное знамя. Да, не любит он красный цвет. Ладно, сейчас будет говорить сорок». И прежде чем передать трубку майору, он громко проговорил: «Пехота отходит на вторую линию. Очень сильный огонь. Слышны танки».

Люсь взял трубку.

— Ну, Хахалин, что можешь сообщить? Не хорошо. Так, так. Выходит, ждать нечего. Забирай свое хозяйство и отходи на соединение к нам. Да, это все.

Он отдал трубку телефонисту и повернулся к военкому.

— Противник прорвал передний край правее нашего наблюдательного пункта. Положение серьезное. У пехоты сил недостаточно. Они сматывают свои усы.

А «усами» в те дни на артиллерийском жаргоне обозначалась проволочная связь. И то, что пехота ее сматывала, говорило о том, что несколько человек на артиллерийском наблюда-

тельном пункте с плотом из березовых кольев и землянкой остаются одни без всякого прикрытия.

Начальник штаба и военком натягивали сапоги. Лейтенант Шеффер продолжал спать, подложив ладонь под пухлую щеку; он сладко посапывал во сне. Что ему снилось? Мать, невеста? Может быть, окончание войны где-нибудь на незнакомой речной преграде? Он лежал, повернувшись лицом к земляной стене и выпятив зад в синих бриджах.

— Посмотрите на одуванчика, — проговорил капитан Денисов, — спит!

Он шлепнул адъютанта по заду и засмеялся. Шеффер сел на своей лежанке и протер глаза.

— Никак, приехали? — спросил он.

— Вставай, адъютант. Война началась. Идем немцев бить.

— Немцев? Это можно, — с добродушной миной согласился Шеффер и неторопливо потянулся за сапогами.

Без кителя, в одной коричневой фуфайке майор Люсь направился к выходу. За ним, на ходу застегивая ремни, пошли начальник штаба и комиссар полка.

— Стали баловаться по ночам. Хулиганство, — одеваясь, говорил Шеффер телефонисту. Он схватил пояс с пистолетом и китель подполковника и побежал за командирами, напевая во весь голос: «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром»...

Из землянок вылезали люди. Командир штабной батареи лейтенант Кулаков отдавал какие-то распоряжения. Шофер штабного автобуса катил по тропинке трофейный пулемет. Лейтенант Шеффер подбежал к Люсю, накинул на его плечи китель, заставил вдеть в рукава и подал пояс с пистолетом. Затем он побежал к кухне, за Житихинным.

Повар спал в еловом шалаше, накрытый закопченным тулупом. Шеффер живо растолкал повара и проговорил:

— Дай на дорогу чего-нибудь пожевать. Не люблю воевать натощак. И смотри, Житихин, не опаздывай с обедом. Великий аппетит вызывает современная война.

Бойцы занимали круговую оборону. Характер местности для этого был удобен. Командный пункт располагался в смешанной роще на обратном скате небольшой высоты, над песчаным речным берегом. Правее штабных землянок, через холм пролетала замороженная внезапно похолоданием, покрытая рыбинами проселочная дорога. С гребня холма открывался широкий обзор в сторону переднего края. Сейчас, в предрассветный час, пестрые поля прошлогодних пашей, темнозеленые вершины елей и начинающие зеленеть верхушки берез сливались в одно сплошное море мрака. Все чаще в нем, как светляки, вспыхивали одиночные выстрелы.

Когда небо над деревьями заметно посветлело, немецкие снаряды начали ложиться в роще, в расположении командного пункта. С шипеньем подходящего паровоза, с воем они падали на деревья, и тогда раздавался страшный треск, а затем разрыв, и жаркое дыхание взрывной волны опаляло человеческие лица. Люди укрылись в землянках и блиндажах.

Майор Люсь послал связного к лейтенанту Терентьеву с приказанием сниматься с исходного положения и занимать огневые позиции на дороге — в расположении штаба полка. Вторая батарея, которая находилась глубже в тылу, уже вела ответный огонь со своих постоянных позиций.

— Во-оздух! — разнесся по роще протяжный крик наблюдателей.

Люсь схватил автомат своего адъютанта и выбежал из землянки под огонь артиллерии. За ним, не отступая ни на шаг, последовал Шеффер. В руках он держал трофейный австрийский карабин.

— Всем выходить для отражения воздушной атаки, — негромко сказал майор командиру штабной батареи. И Кулаков своим зычным голосом повторил приказ.

Прижимаясь к земле, к толстым стволам деревьев, лица укрытий в складки местности, люди повыводили из спасительных блиндажей. Каждый боец знал эту тактику противника: вслед за авиацией в атаку выползали танки и автоматчики.

С диким завыванием обрушились на командный пункт вражеские пикировщики. Там, в воздухе, над лесом было уже светло, и на черных телах фашистских самолетов были ясно видны белые кресты и свастика.

— Огонь! Огонь! — закричал Люсь.

Он опустил на колено возле старого березового пня и стал стрелять по ближайшему самолету.

И вот отделились черные бомбы и с металлическим визгом полетели вниз. К пеньку, у которого стоял на коленях Люсь, подбежал телефонист. С разбега он припал на колено и выстрелил из автомата. С ужасающим грохотом ударили бомбовые разрывы. Взрывной волной Шеффера бросило на землю. Майора приподняло, перевернуло через голову и брякнуло о березовый пень. Тотчас же Люсь вскочил, встряхивая головой и растирая ушибленную ногу. Его автомат, расщепленный осколком, валялся на склоне холма, диск, выбитый из автомата, катился к берегу реки, подпрыгивая и звеня, когда ударялся о корни деревьев. У пня, запрокинув голову и подогнув под себя ноги, лежал убитый телефонист. Кровь под ним расплывалась в темное пятно. Пар поднимался над кровавой лужей.

Люсь припал на колено возле убитого телефониста, поднял оброненный им автомат и с тем, внезапно наступившим спокойствием, которое приходит к мужественному человеку в решающий момент, короткой очередью ударил по вражескому самолету, с запозданием выходящему из пике.

Тонкая струйка дыма вырвалась из моторной части самолета, сбегала по фюзеляжу к хвостовому оперению, и самолет, который только-что вздымался вверх, вдруг застыл в воздухе, клюнул носом, нелепо скользнул на крыло, перекувырнулся и, кувыркаясь все быстрее и быстрее, полетел вниз. Над деревьями за рекой яркое пламя окрасило его черные крылья, последний раз мелькнул жирный белый крест. Черные ключья дыма, отрываясь от горячей машины, вознеслись вверх, и самолет провалился среди деревьев. Раздался взрыв, вслед за тем над деревьями под-

нялся белый дымок; повинувшись воле предутреннего ветра, он неторопливо пополз в сторону, и все стихло.

В наступившей тишине стал слышен рокот танковых моторов. Артиллерийская и авиационная подготовка кончилась. В бой двинулись машины. Они шли где-то там, по ту сторону холма, лязгая гусеницами, ломая деревья, и стреляли из своих пушек на ходу. Ревтяжелых орудий Хахалина то-и-дело прерывал приближающийся грохот и лязг вражеских машин. Обе его батареи вели ураганный огонь по наступающему противнику.

Припадая на ушибленную ногу, с автоматом телефониста в руке, майор Люсь побегал к тому месту, где встала на огневую позицию пушка Терентьева.

На бегу он увидел комиссара. Кутовой стоял на порожке окопа, который занимал расчет противотанкового ружья. Он брал из рук бойца, скрытого в окопе, бутылки с зажигательной жидкостью и передавал другому, засевшему в кустах.

— Андрей Петрович, — заорал Люсь, — одного фрица ухлопал. Собственноручно. Ка-ак звезданул в моторную группу, так и пошел он в лес по-грибы...

— Поздравляю, Иван Иванович, — не прерывая своего дела, ответил комиссар. Орудие Терентьева стояло на дороге. Немецкие подразделения, прорвавшие передний край, двигались по лесу, вдоль дороги, в обход высоты, на которой был расположен командный пункт Люся. Они не могли миновать позицию, выбранную Терентьевым.

Лейтенант стоял возле орудия и, как при обычной стрельбе на новой огневой позиции, покрикивал на бойцов:

— Быстрее, товарищи, быстрее!

Люди его работали быстро и уверенно. Замковый Воропаев то-и-дело захопывал затвор, дергал боевой шнур, и пушка с диким ревом в пламени и дыме выплевывала снаряд.

В кустах на опушке рощи стояли тракторы. Водители расцепили их на некотором расстоянии один от другого, чтобы противник не мог вывести их сразу из строя одним попаданием.

Люсь остановился на склоне и поднес бинокль к глазам.

Немецкие танки шли в завывании моторов, в лязге гусениц, в вспышках оружейных выстрелов, в свисте пулеметных пуль. Отсюда, с высоты, было заметно их движение по верхушкам деревьев. Верхушки качались из стороны в сторону, точно кто-то там, внизу, тряс их, деревья рушились вниз, но треска ломаемых стволов не было слышно. При свете наступающего утра можно было различить перебегающих через полянки и просеки красноармейцев. Они отходили с боем, сдерживая натиск врага.

Сколько было танков? Люсь попробовал сосчитать. Два, три... Вероятно, еще два идут там, правее... Он увидел, как на поляну с несжатой прошлогодней рожью выбежали советские бойцы. Прямо на них, брызгая огненными вспышками, вздрагивая при каждом выстреле, оседа на своих гусеницах, выполз вражеский танк. Тщедушный пехотинец в шинели с неаккуратно поднятым воротником вдруг присел, метнулся в сторону, быстро побежал к машине и, разогнувшись, швырнул гранату. У гусеницы танка взвилось дымное облако разрыва. Но танк продолжал двигаться. Люсь увидел, как из-за него выскочил немецкий солдат. Он держал у живота автомат и, как из брандспойта, полил им пространство перед собой. Маленький пехотинец упал. Длинная шинель с неаккуратно поднятым воротником встала горбом на его спине. Он сразу превратился в серый неподвижный комок, похожий на серую подшибленную птичку. И уже новый танк с потрясающей невозмутимостью выползал на поляну. За ним с автоматами бежали немцы, и звуки выстрелов стали громче, и деревья стали рушиться у подножия холма, обозначая путь танков.

— Прямой наводкой по переднему танку, фугасным, огонь! — закричал лейтенант Терентьев.

Снаряд дослан в канал ствола, затвор захлопнут, и замковый Воропаев пригнулся, чтобы дернуть боевой шнур. И вместо того, чтобы сделать это, он взмахнул свободной рукой, прижал ее к животу и повалился на бок. К нему

бросились поднощик и досыльный, но он сам приподнялся на локте и дернул шнур.

Раскroенный прямым попаданием тяжелого снаряда, танк застонал, вздрогнул и грузно осел, вздыбившись на недоломанной березе. Другой танк пошел левее. Третий продолжал лезть вперед по дороге, прямо на пушку Терентьева. А в стороне, стремясь выйти в тыл обороняющимся, попрежнему ломались через кустарник два легких танка. Теперь майор ясно видел, как колышались верхушки мелких деревьев, как поднимаются над ветвями пороховые дымки. Временами среди деревьев проглядывали оливковые спины танков.

— Шеффер, за мной! — крикнул майор, опустив бинокль, и побежал наперерез ползущим танкам. По дороге он собирал отдельных бойцов. Он встретил начальника оперативного отдела и приказал следовать за собой, попался шофер штабного автобуса, и он также пошел за командиром полка.

Кадушкин не видел ни Люся, ни того, как ранили Воропаева. В перерыве между оружейным грохотом он услышал ружейные выстрелы позади себя. Он выскочил из трактора и заорал:

— Чепель, окружают!

Ему стало страшно. Он не знал, что делать теперь.

— Брось паниковать. Это разрывные, не бойся, — сказал Чепель.

Услышав слово «разрывные», Кадушкин бросился к лесу.

— Стой! — заорал Чепель. Дрожащей рукой он поднял винтовку. Кадушкин оглянулся.

— Что ты делаешь, Сашка? — потерянным голосом спросил он и упал на колени.

Чепель опустил винтовку.

— Дурак, — сказал он, — дурак чортов. Иди на место.

Вздрагивая и озираясь, Кадушкин пошел назад. Он не решался взглянуть на Чепеля.

— Эх, ты, вояка, — сказал Чепель, — у автоматчиков всегда простые перемешаны в магазинах с разрывными. А разрывной только коснуться листика, она и хлопает позади тебя. «Окружают!»

А если даже и так, куда бежать, дурак чортов? Все равно подаваться некуда. Материальную часть не вытянешь, и никто из ребят от нее не уйдет.

Кадушкин сел на землю возле тракторной гусеницы. Теперь ему стало все равно. Он сидел, не двигаясь. Бессмысленно что-нибудь делать, все равно конец. Чепель с жалостью и досадой поглядел на товарища.

Бой разгорался на всех направлениях. Стало совсем светло. Далеко-далеко в тылу взошло солнце, и его настильные лучи ударили по атакующему противнику.

Из орудийного расчета Терентьева выбыло уже трое. Раскинув ноги, лицом вниз лежал на дороге командир орудия Клейменов. Замковый Воропаев, раненный вторично, сидел подле орудия на пустом ящике из-под снарядов и продолжал работать. Теперь ему приходилось управляться не только со своим прямым делом, но и заменять убитого досыльного. Снарядный также заменил товарища, потому что и подносчик снарядов был убит. Ему помогал комиссар батареи. Он положил на землю пачку книг и журналов, с которыми никогда не расставался. Пули посвистывали своими птичьими голосами, и страницы журнала «Пропагандист» делались сквозными под их незримыми ударами.

Лейтенант Терентьев стоял возле своей пушки и руководил огнем. Прорезиненный плащ его развевался. Воздух вокруг лейтенанта звенел от пуль. Терентьев стоял возле пушки на промерзшей земле, и казалось, никакая сила не сдвинет его с места. Немецкий танк двигался на него. Уже можно было разглядеть смотровые щели. Терентьеву казалось, что за толстыми «триплексами» он видит фашистские глаза. Трупы советских бойцов лежали перед танком. Он двигался по трупам, мям мертвые тела плоскими, холодными гусеницами и двигался вперед на Терентьева, на его пушку.

В яростном ожесточении Терентьев крикнул:

— Огонь! Огонь! — Он выхватил свой пистолет и стал стрелять по тол-

стой, непроницаемой для пистолетных пуль броне немецкого танка.

Покачнулся зарядный на своем ящике, но пушка была уже заряжена. Привстав, с последним дыханием, он дернул боевой шнур и повалился замертво, не выпуская шнура из кулака.

Последний снаряд «старушки» угодил в лоб немецкому танку. Броня его не выдержала и раздалась многолучевой неровной звездой. Ствол танковой пушки диковинно изогнулся, гусеницы слетели, мотор всхлипнул и замолк.

И в это время лейтенант Терентьев вскрикнул, закружился на одном месте, взмахнул руками и рухнул на дорогу, уткнувшись лицом к мерзлую землю.

Когда Терентьев упал, Кадушкин увидел, что средний танк, тот, что пошел левее, движется в обход их огневой позиции. Он должен был пройти вблизи окопа, в котором сидел расчет противотанкового ружья. Но люди в окопе не подавали признаков жизни. Танк взял еще левее, и Кадушкин видел, как гусеницы прошли прямо через окоп. «Что же они не стреляют?» — с тоской подумал тракторист про броневой бойцы. Ему казалось, что воздуха не хватает для дыхания. Танк двигался теперь к тому месту, где находились с тракторами он и Чепель. Броневой бойцы не стреляли. Кадушкин вскочил.

— Чепель! — закричал он.

И в это время из окопа показался длинный, как пика, ствол противотанкового ружья. Из окопа выскочил комиссар полка и, падая на руку, с силой швырнул гранату. Она взорвалась у танковой гусеницы одновременно с выстрелом из ружья. Танк остановился. Из десантного люка вывалился немецкий танкист, за ним другой, третий... Комиссар полка, лежа на земле перед окопом, стал стрелять из пистолета. Один немец упал, двое других продолжали бежать к лесу.

Чепель подхватил винтовку и бросился наперерез.

— Куда ты, Чепель? — заорал Кадушкин.

На всем ходу Чепель повалился на землю и выстрелами из винтовки перебил танкистов, одного за другим.

Не зная, что делать, Кадушкин оглянулся. На берегу реки он увидел два легких танка, которые обходили обороняющихся справа. Подминая под себя прибрежный кустарник, танки скатились к самой реке и пошли по ровному прибрежному песку, покрытому кое-где смерзшимся снегом. В том направлении, в каком они двигались, на склоне холма находились землянки командного пункта. И там не было ни одного человека, который мог бы их задержать.

Не думая о том, что он делает, Кадушкин вскочил на трактор, развернул на месте машину, дал полный газ и на всей скорости рванул к реке, к вражеским танкам.

Один из легких танков заметил его движение. Но он не успел даже башню свою повернуть. Не сбавляя хода, Кадушкин ринулся на тракторе вниз с холма и всей его шестидесятисильной тяжестью ударил в бок вражескую машину.

Когда Кадушкин открыл глаза, второй танк удирал по склону холма, беспрепятственно стреляя из своей пушки. Тот, которого он ударил трактором, бешено вертелся на одной гусенице у самой воды. Бок его был промят, вторая гусеница, извиваясь, крушила прибрежный лед. Совершенно обессиленный, Кадушкин сидел на своем безжизненном тракторе и двигал рычаги управления, не замечая, что машина, о которой так заботился ее бывший водитель Соловьев, никогда больше не сможет двигаться.

А командир полка, перебежав между тем картофельное поле, изрытое нозыми воронками, услышал у двух старых ветел яростный крик Хахалина:

— Второй взвод, слева, вперед!

И почти тотчас Люсь увидел старшего лейтенанта, его помощника и двух или трех бойцов. Больше никого с ними не было. Но нет, вот показались еще двое; быстро работая саперными лопатками, они окапывались за остатками обгоревшего сруба.

Лежа со своими бойцами у подножия старых ветел, Хахалин что-то показывал своему помощнику и затем вскочил и перебежал вперед к куче битого кирпича на берегу пруда.

И Люсь увидел, что два легких танка, к которым он бежал с собранными по дороге девятью бойцами, — а бойцами были теперь и Шеффер, и начальник оперативного отдела, и шофер штабного автобуса, — уже прорвались к берегу реки. И другое увидел он: на жалкую горсть бойцов Хахалина наступало из леса человек тридцать немецких автоматчиков.

Впервые за всю войну майору пришлось видеть так близко немецких солдат. Не пленных и не мертвых, а таких, которые держат в руках оружие и которые убьют тебя, если ты не убьешь их раньше.

— Первый взвод, гранаты... Огонь! — снова заорал Хахалин и бросил гранату в автоматчиков.

Бросил гранату его помощник, бросил гранату один из тех бойцов, которые окапывались возле сожженного сруба. Остальные люди Хахалина, которых не хватило бы даже на одно отделение, рвали подле себя прошлогодний дерн и бросали в немцев с криками восторга и отчаяния. Гранаты у них все вышли.

Люди, приведенные Люсем, попадали где кто стоял и открыли стрельбу по автоматчикам. Выстрелом из трофейного карабина Шеффер уложил ближайшего солдата. И вдруг какой-то пехотинец, которого майор подобрал по дороге, закричал:

— Братцы, погибаем.

Он вскочил во весь рост и поднял руки.

— Сдаюсь! — прохрипел он. Он не успел повторить этого слова. Не меняя положения, лейтенант Шеффер вытащил из кобуры пистолет и выстрелил пехотинцу в затылок.

Немцы не выдержали огня. Сперва один приостановился и присел, затем другой, третий, и вот вся группа повернула назад и гораздо быстрее и расторопнее покатилась обратно, к лесу.

Люсь оглянулся, чтобы посмотреть, куда прорвались легкие танки. Он увидел трактор Кадушкина, несущийся танкам наперерез, увидел, как он ударил в бок немца и как второй танк начал удирать.

— Ну, и тракторист! — бормотнул он и перебежал к Хахалину. Лежа рядом с ним, он спросил:

— Удержимся, Сережа?

— Не знаю, Иван Иванович, людей мало, — ответил Хахалин, забыв величать Люся по уставу.

— Надо держаться. Вся матчасть позади, — сказал Люсь.

В это время значительно левее того места, куда отошли автоматчики, слышались голоса, и на опушке леса замелькали фигуры в красноармейской форме.

— Наши, — сказал Люсь.

И сейчас же послышался звонкий голос:

— Эй, там, не стреляйте, свои!

Хахалин глянул на майора и поднялся во весь рост. Мгновение он разглядывал тех, кто двигался за кустами, на опушке. Затем он крикнул:

— Все стой! Один ко мне!

В ответ послышалась лающая команда: «Laufen!», и люди в красноармейской форме открыли стрельбу.

Хахалин припал к земле, его помощник взялся за последнюю гранату. Люди Люся открыли огонь. Упало три или четыре переодетых гитлеровца, но и среди обороняющихся затихли двое. Немцы подходили все ближе, все ближе. Кончился диск в автомате командира полка. Он отбросил его и вытащил пистолет. Замолк помощник Хахалина. Тонкий, дымящийся ручеек крови потек из-под его тела. Острая боль обожгла майора. Он тронул рукой плечо и почувствовал кровь на ладони. Вслед за тем что-то лопнуло перед глазами Люся, что-то ударило его по голове, и последнее, что он увидел в это утро, была зеленая кофта и платок в синий горошек, и перекошенное от ярости лицо Лены Соколкивой, и вздрагивающий черный браунинг в ее руке, когда она стреляла в потное лицо немца, и Хахалин, который, приподнявшись на локте, спокойно целился из пистолета...

Люсь потерял сознание под грохот гранатных разрывов.

12. ПОЧТЫ СЕГОДНЯ НЕТ

Когда Люсь открыл глаза, солнце ярко светило в рваные дыры, пробитые осколками в брезентовой стене санитарной палатки. Он лежал на койке с забинтованной головой. Сильно пахло иодоформом и свежей хвоей, потому что хвоей был устлан в палатке пол. На соседней койке, закрытый одеялом с головой, лежал какой-то человек. Люсь смотрел на него некоторое время, стараясь угадать, кто бы это мог быть. Потом с трудом он повернул голову. Она точно налита была свинцом.

Посредине палатки стоял военком. Рядом с ним майор увидел Шеффера. «Значит, не они», — подумал он о том, кто лежал на соседней койке.

— Ну, как, Иван Иванович? — спросил Кутовой.

— Ему нельзя волноваться, — сказал начальник санчасти, подходя из глубины палатки. Но так всегда говорят врачи, и Люсь ответил:

— Кругом марш! — и, ответив, он понял, что голос у него не такой, каким можно отдавать приказания. И он произнес просительно: — Хахалин где?

Кутовой взглядом показал на соседнюю койку.

— Ранен? Тяжело?

— Нет, не сильно... — прошептал Кутовой. — При нем наповал уложило девушку. Если бы не она, тебе не сдобровать...

Люсь замолчал. Лена Соколкива спасла ему жизнь, а он этого даже не видел. Жаль Хахалина. Бедняга. Может, лучше было бы сразу ему рассказать, что они с Шеффером встретили Соколкуву.

— Но, а все-таки, как же все это раскрутилось? — спросил Люсь снова.

Врач пожал плечами и отошел.

— Произошло то, что сперва на подмогу прибыл Моликов. Он собрал на камне кого только мог: писарей, обозников, даже Житихина...

— Без обеда мы сегодня из-за него, — сказал Шеффер.

— Да, обед Житихин пригостовить не успел. Ну, а с другой стороны, откуда ни возьмись, выскочила эта девуш-

ка, — Кutowой перешел на шопот и кивнул в сторону Хахалина. — Фрицы, в общем, не выдержали и откатились. А тут и мы с начштабом подоспели... А теперь дело решенное. Подошла смена семнадцатой эсде, и Фрица так толкнули, что, кажется, уже Урчеево в наших руках. У него, я слышал по телефону, был бетон даже на переднем крае. Вышибли. А наши дела теперь тихие. Командование приказало очиститься, оправляться, ждать пополнения и окончания ремонта во втором дивизионе. А вот в отпуск тебе так и не пришлось съездить.

— И правильно. И не смел я думать об отпуске. Разве, что в бессрочный, к предкам...

— Да, пожалуй...

— Никто из нас не смеет думать об отпуске, пока не покончим с врагом. Пусть хоть война десять лет длится, — снова сказал Люсь.

— Отпуска нет на войне, — сказал Шеффер. — Пыль, пыль, пыль от шагающих сапог, и отпуска нет на войне. Редьярд Киплинг.

— Товарищ майор, а чем вам госпиталь не отпуск? — отозвался начальник санчасти, сидя за своим столом.

— А куда я ранен? — спросил Люсь.

— Да, пустяки, — сказал Кutowой и вдруг заторопился. — Мне еще надо на вторую батарею сходить. Она ведь и сейчас работает. Слышишь? Ну, пока.

Шеффер пошел вслед за военкомом, а Люсь лежал, прислушивался к артиллерийскому гулу и думал о том, что еще ему предстоит узнать.

Наступил вечер. Хахалин давно проснулся, но ни о чем не говорил. Молча он поел, когда Житихин принес в палатку какой-то еды. Люсю есть не хотелось, да ему и не предлагали еды.

— Осипцов еще не приходил? — шопотом спросил Люсь Житихина. Хахалину он не хотел напоминать, что в мире еще существуют близкие, существует почта, которую принесет Осипцов.

И Житихин ответил, ему так, точно командир полка уже несколько раз спрашивал, нет ли Осипцова с почтой.

И Люсь собрался с мыслями и вспомнил, что он, действительно, уже несколько раз спрашивал об Осипцове. Что-то такое странное происходило у него с головой.

А на дороге, по которой должен был подъехать Осипцов, стоял лейтенант Шеффер и поджидал экспедитора.

Когда он в обычный свой час показался на дороге, Шеффер схватил под уздцы его потную лошадь и сказал:

— Сегодня, Осипцов, почта запоздала. Ты еще не приехал. Иди потихоньку ужинать и ложись спать.

Харитон Осипцов сидел в седле и непонимающими глазами смотрел на лейтенанта.

— Ну, чего смотришь? Иди, кушай и ложись спать. Ведь майору сегодня писем нету?

— Нету, — сказал Осипцов.

— Ну, а он ждет, а ему нельзя ждать. И мы ему сказали, что почты сегодня не будет. А завтра начштаба привезет и даст для майора письмо. Письмо от ребенка не трудно изготовить. У них почерк еще не выработался.

— Да что у вас здесь произошло?

— Была война, братец. Майора тяжело ранило. Он еще и не знает об этом. Трепанацию черепа ему производили. Терентьеву письма есть?

— Есть.

— Убит Терентьев. Воропаеву есть? И Воропаев убит. И Клейменов убит. Иди, брат, кушай и ложись спать.

— Вот так дела! — сказал Осипцов. — Как же так это все случилось?

— Так и случилось. Иди-ка пока что кушать и ложись спать. Нельзя сегодня раздавать почту.

— Вот так дела, — повторил Осипцов и взглянул на лейтенанта. — А вам, товарищ адъютант, отдать письмо?

— Мне? — вскрикнул лейтенант Шеффер. Он протянул руку за письмом и отдернул ее. — Нет, Осипцов, мне тоже отдашь завтра. Иди, кушай и ложись спать.

Он пошел в штабную землянку, думая о том, от кого письмо? От матери из города Аральское море или от невесты из Куйбышева?

Флотоводец Макаров

К. ОСИПОВ

★

В МОРСКОМ УЧИЛИЩЕ

Недалеко от Черного моря, при слиянии рек Ингула и Буга, среди просторных степей раскинулся город Николаев. Князь Потемкин в бытность свою правителем Новороссии основал его 6-го декабря, в день святого Николая, и отсюда произошло название города.

Все в этом городе говорило о его назначении служить опорным военным пунктом для создающегося Черноморского флота. Город был заранее распланирован; он не выросал постепенно, вбирая в себя окраины, а сразу принял определенную форму и размеры. Все улицы пересекались под прямым углом, тротуары и мостовые были широкие, перед домами были высажены чинными рядами акации и липы, через определенные интервалы устроены были юбширные квадратные площади. Улицы назывались: Потемкинская, Фалеевская, Глазенаповская — в честь морских адмиралов — и, конечно, непременно Соборная. На центральной площади, перед большим бульваром, на котором летом всегда играл духовой оркестр из матросов, стоял памятник адмиралу Грейгу. Тут же помещалась гопштвахта, а неподалеку — Морское собрание. За рекой виднелись большие доки, где строились военные корабли.

Это был город военных моряков, город, в котором были сильны традиции флота, который как бы специально был предназначен к тому, чтобы из него

вышел знаменитый адмирал или мореплаватель.

Здесь, в Николаеве, родился в 1848 году один из замечательнейших моряков нового времени Степан Макаров.

Отец его, Осип Федорович Макаров, имел в то время чин прапорщика. Семья была большая: три сына и две дочери. Жили в небольшом собственном домике, безбедно, но чрезвычайно скромно. Каждый рубль был на счету. Эти первые детские впечатления уже не изгладились: будучи адмиралом, Степан Осипович всегда оставался скромным и бережливым и к мотовству морской аристократии относился с явным неодобрением.

Когда Степану было девять лет, его постигла тяжкая потеря: умерла его мать. Через год отец его женился вторично — на вдове одного артиллерийского поручика. А еще годом позже в судьбе маленького Степана произошла другая важная перемена: все семейство переехало из Николаева на Дальний Восток.

Осип Федорович Макаров получил должность адъютанта флотского экипажа в Николаевске-на-Амуре.

По пути в новое место жительства он заезжал в Петербург — ходатайствовать о принятии его трех сыновей на казенный счет в морские учебные заведения. Его просьбу уважили. Один сын был зачислен в училище в Петербург, два других в Николаевск-на-Амуре.

Степана определили в только-что открытое там морское училище, прирав-

ненное в правах к Кронштадтскому корпусу флотских штурманов.

В сентябре 1858 года десятилетний Макаров выдержал вступительный экзамен и поступил на низшее отделение училища.

Спустя пять лет после поступления в училище Макаров был назначен в тихоокеанскую эскадру. Повидимому, он обратил на себя внимание адмирала Казакевича, потому что тот назначил его флагманским кадетом, с тем, чтобы по прибытии в столицу определить его в Морской корпус.

Летом 1863 года юный Макаров ступил на борт корвета «Богатырь», где ему предстояло нести свою первую службу. Командующий эскадрой, Андрей Александрович Попов, один из образованнейших людей в тогдашнем русском флоте, прекрасно отнесся к новому кадету. Под влиянием Попова и старшего офицера на корвете, Тыртова, в юноше вспыхнуло горячее чувство, говорившее ему, что морская стихия есть истинное призвание его, что на службу ей можно отдать все силы и все стремления.

Много лет спустя корвет «Богатырь» оставался еще для Макарова образцом военного корабля. В свою очередь, и Макаров располагал тут всех к себе. Сам он скромно приписывает это своему возрасту. «На «Богатыре», — записывал он в дневнике, — я также встретил радужный прием; между большими одному маленькому всегда хорошо, меня баловали, как ребенка».

Когда в 1864 году прибыл приказ списать Макарова с «Богатыря» и отправить его обратно в Николаевск, командир эскадры сказал ему:

— Все время вы вели себя хорошо; это доказывается уже тем, что вас все любили.

Адмирал и кадет поцеловались. «Я пошел прощаться в кают-компанию, — записал в дневник Макаров, — грустно мне было, слезы не переставали литься ручьем, я даже не мог сказать прощайте и только жал им руку».

Тотчас после отплытия «Богатыря» Макаров, осушив слезы, занялся, в ожидании нужного ему парохода, изу-

чением нравов туземного населения, описанием входов на рейд и собиранием материалов об экономическом состоянии края.

И в дальнейшем юноша не перестает зорко наблюдать за всем, что встречается на его пути. В Канайских угольных копях он поражается и негодует по поводу каторжных условий труда рудокопов и нищенского заработка их, на Кадьяке он задумывается над судьбой алеутов, занимающихся с риском для жизни охотой на морского зверя ради жалких грошей, выплачиваемых им Российско-Американской компанией.

В октябре Степан Макаров вернулся в Николаевск. Поступить в Петербургский корпус не удалось, и он снова оказался в стенах Николаевского морского училища. Но положение его теперь изменилось: ему поручили заниматься воспитанниками младших отделений, а вскоре назначили фельдфебелем всего училища. Эта должность давала ее обладателю большую дисциплинарную власть и в то же время неизбежно доставляла массу неприятностей: приходилось либо потакать училищным сорванцам, либо снискать в их глазах плохую славу. Макарова не смущали раздраженные упреки воспитанников. Всегдашняя любовь к порядку и дисциплине побуждала его к решительной борьбе с дебошами.

Сам он в этот период много и напряженно учился. Большую помощь оказывал ему преподаватель истории и географии К. Якимов: он давал ему бесплатно частные уроки, снабжал в неограниченном количестве книгами из офицерской библиотеки, которой он завладевал, вообще был внимательным наставником и добрым другом.

Как все твердые и принципиальные люди, Макаров, если он был убежден в своей правоте, следовал только велениям собственной совести и разума, не считаясь с молвой. В зрелом возрасте он часто становился в оппозицию высшему начальству, заслужив у них репутацию демократа и вольнодумца. В юности он был для наиболее бесшабашных кадетов чересчур ревностным и примерным учеником. В обоих слу-

чаях он шел своей дорогой, пренебрегая распространяемыми о нем слухами.

В эти месяцы Макаров окончательно превратился в моряка, убедившись во всепоглощающей силе склонности к морскому делу. Многообразные впечатления дальнего плавания отслаивались теперь в его сознании. В перспективе все становилось яснее. Он понял, что не может уже жить без моря. Самые трудности морской службы казались ему заманчивыми.

И вот, наконец, закончилась учеба в Николаевском морском училище. В апреле 1865 года состоялись выпускные экзамены. Макарова экзаменовали основательно: по астрономии, например, его спрашивали почти полтора часа. Он окончил с наилучшими из всего выпуска отметками.

Макаров был представлен к производству не в кондукторы флотских штурманов, а сразу в корабельные гардемарины.

Началась морская служба.

Молодой Макаров попрежнему был ревностен в работе и попрежнему олицетворял собой дисциплину и уважение к начальству. Случилось как-то, что его посадили на салинг, за то, что во время его дежурства в качестве старшего на фор-марсе у марсового матроса случилось упущение; он нашел наказание вполне обоснованным и одобрил начальника за строгость.

В ноябре того же года Макаров был назначен на флагманский корвет. Его усердие к службе обеспечивало ему симпатии командиров, во всяком случае, наиболее передовых из них. Командир корвета Лунд предложил ему столотаться у него. Любопытно, что Макаров, чуждый чувства зависти и очень хорошо отзывавшийся о всех тех, кто заслуживал этого в его глазах, посвятил в дневнике запись Лунду. Эта запись свидетельствует, что он уже в молодые свои годы умел критически разбираться в характерах и взаимоотношениях людей, а также — что мнение его о людях отнюдь не определялось их отношением к нему. «Несмотря на мое уважение к нему (Лунду—К. О.), как к человеку, я не люблю

его как капитана, вернее сказать, мне жаль его... Он о команде заботится, а та его не любит, и он понемногу ее ненавидит».

Макаров рано начал задумываться над психологической основой искусства управления людьми, столь важного для командира.

В обращении с товарищами он был неизменно корректен и ровен, не переносил фамильярностей, и к тому же был очень обидчив — черта, мало способствовавшая его дружбе с развязными младшими офицерами.

Однако в нем, в этом образцовом, всегда подтянутом моряке билось горячее сердце и бродили юношеские чувства. «Фантазия у меня всегда была игривая, — записывает он в дневнике, — еще маленький я всегда любил сидеть где-нибудь в углу не примеченный и возводить умом разные хрустальные замки, воображая себя сильным и ловким, преодолевающим разные трудности».

Но смутная тоска не мешает ему упорно работать, напротив, энергичной деятельностью он хочет заглушить внутреннюю неудовлетворенность. Главный вопрос для него теперь — пройдет ли его производство в гардемарины. Надо отдать должное начальникам Макарова: они сделали все, что могли.

Морское министерство затребовало справку о дворянском происхождении Степана Макарова, без чего, по существовавшим законам, невозможно было производство в гардемарины. К счастью, оказалось, что отец Степана получил офицерский чин и оязанное с этим дворянство за год до его рождения.

В конце концов кадета Макарова произвели в гардемарины.

Теперь новая тревога: назначат ли его в дальнее плавание, или придется корпеть на берегу? Без протекции трудно попасть в плавание, и Макаров страшно волнуется. Но и здесь все улаживается: его назначили на фрегат «Дмитрий Донской». Он совершил на нем два плавания по Атлантическому океану, блестяще сдал поверочные ис-

пытания, и в мае 1869 года был произведен в мичманы.

Начиналась самостоятельная, «настоящая» служба.

МИННЫЕ АТАКИ

Мичман Макаров был назначен на двухбашенную броненосную лодку «Русалка». В скором времени корабль, на котором плавал Макаров, потерпел аварию. Молодой мичман тщательно ознакомился со всеми обстоятельствами аварии — и здесь впервые сказалось его умение сопоставлять факты, систематизировать их и делать обобщенные выводы. Он пришел к заключению, что пробойна в подводной части судна не будет иметь особенно тяжелых последствий, если будут соблюдены такие условия:

а) каждый междудонный отсек должен находиться в таком положении, чтобы его можно было быстро и притом герметически отделить от остальных частей корабля;

б) должна быть устроена система труб, с помощью которых можно выкачивать воду машинными помпами из каждого отделения;

в) всегда должен иметься под рукой пластырь для заделки пробоины;

г) нужно иметь возможность немедленно после получения судном пробоины узнать, в каком отделении образовалась течь и до какой высоты поднялась вода.

Наиболее интересным в этих условиях является третий пункт. Макаров предложил видоизменить пластырь, которым обычно пользовались при заделке пробоины. Для этой цели пользовались парусом. Но при подведении паруса к поврежденному днищу острые края пробоины рвали парусину. Приходилось шпиговать парус, — а на это уходило много времени. Макаров выдвинул очень простое предложение: надо заблаговременно приготовить пластырь, просмолить парусину и держать пластырь про запас в готовом виде.

Со всегдашней обстоятельностью и деловитостью Макаров развил это свое предложение: он составил подробное на-

ставление, как пользоваться пластырем, целую инструкцию, подобно инструкциям на случай пожара. Им были предложены также некоторые улучшения в системе водоотливных труб.

Полтора года прослужил мичман Макаров на «Русалке». 1 января 1871 года его произвели за отличие в лейтенанты. Столь быстрое производство являлось редчайшим случаем в морской практике.

Макаров был переведен на винтовую шхуну «Тунгуз». Он совершил на ней плавание из Кронштадта на Дальний Восток, выполняя обязанности старшего офицера. Вскоре пришла телеграмма из Петербурга: Макарова вызывали туда с предписанием поступить в распоряжение адмирала Попова.

А. А. Попов конструировал особые круглые суда, прозванные «поповками», и вытребовал Макарова для работы над вопросами, связанными с непотопляемостью судов. Четыре года прослужил Макаров под начальством Попова. Груды бумаг с выкладками, чертежами и сложными расчетами, сохранившиеся от этого времени в архиве Макарова, наглядно свидетельствуют о громадной работе, проведенной им. К тому же приходилось часто восставать против обычной косности и бюрократической рутинной царских канцелярий, вступать в конфликты, наживать врагов, вести чернильную войну, которой так не терпел Макаров.

«Я горжусь тем, что не получил никогда ни одной благодарности даже на словах,—писал Макаров в 1886 году,— а продолжаю настойчиво заниматься им (то-есть, вопросом о непотопляемости) 15 лет».

Четыре года работы у требовательного адмирала принесли ту пользу Макарову, что он изучил во всех тонкостях судостроительное и механическое дело. Эти знания вскоре очень пригодились Макарову.

С конца 1876 года сделалась очевидной неизбежность войны с Турцией.

Турки имели в это время один броненосец водоизмещением в 9 000 тонн, четыре броненосца по шесть тысяч тонн, один броненосец в четыре тысячи тонн, семь броненосцев по две тысячи, семь

бронированных канонерок и два монитора. Всему этому флоту Россия могла противопоставить в Черном море только «поповки» — пловучие батареи в 3 000 тонн водоизмещением да несколько тихоходных деревянных корветов и паровых пассажирских судов, могущих быть приспособленными к крейсерской службе.

Макаров выдвинул смелый и оригинальный проект. Исходя из невозможности добиться в короткий срок уравнения русского флота с турецким, он предложил парализовать турецкие броненосцы угрозой минных нападений. Для этой цели он предложил использовать пароходы Русского Общества Пароходства и Торговли, обладавшие сравнительной быстротходностью. Но эти пароходы вовсе не были предназначены для таких функций; перестройка их отняла бы очень много времени. Макаров нашел выход в следующем: надо установить на пароходах минные паровые катера, поднимаемые и опускаемые на боканцах: пароходы подходят незаметно к вражеской эскадре и спускают катера; совершив в темноте ночи атаку, катера немедленно возвращаются к пароходу и тот, подняв катера, уходит в ближайший порт.

Эта идея многим показалась неосуществимой. Однако поддержка адмирала Аркаса, а главное, полная бесперспективность морской войны для России побудили правительство одобрить проект молодого лейтенанта.

Макаров был назначен командиром парохода «Великий князь Константин», и ему были предоставлены полномочия осуществить свой замысел.

С обычной энергией Макаров принялся за переоборудование мирного парохода в грозную боевую единицу.

Главную трудность представлял вопрос о минах. Самодвижущиеся мины Уайтхеда были еще новинкой. Макарову удалось получить несколько таких мин лишь в июне 1877 года.

Весь план атаки турецкого флота был построен им на основе применения буксирных и шестовых мин. Первые буксировались на длинном канате за катером; катер, подойдя к неприятельскому кораблю, должен был резать ему

корму и затем идти в обратном направлении так, чтобы влекомая канатом мина ударилась о борт корабля. Шестовые мины укреплялись на специальных, опущенных в воду длинных шестах; проходя почти вплотную от атакуемого корабля, катер подводил эту мину и взрывал корабль.

Вся операция была крайне рискованной; катера каждую минуту могли взорваться, любое случайное обстоятельство, вроде неожиданно набежавшей волны, срывало успешность атаки. Но трудности не смущали и не обескураживали Макарова. Он сконструировал особую мину, содержащую полный боевой заряд пироксилина, весившую только 3,5 пуда и легко маневрируемую с катера. Вслед за тем он приступил к практическому обучению комплектуемой им боевой команды.

Деятельность Макарова в качестве командира парохода «Константин» продолжалась четыре месяца, когда последовало уже давно ожидавшееся объявление войны.

Пришел час испытания, час проверки смелых замыслов. Макаров не сомневался в успехе.

В последних числах апреля, две недели спустя после начала войны, «Константин» вышел в крейсерство. Макарову стало известно, что турецкий флот бомбардирует Потю. Не колеблясь, Макаров взял курс на Потю.

Открылся рейд. Марсовый сообщил, что видит четыре судна, но вскоре выяснилось, что это только береговые кусты. Рейд был пуст. Макаров заключил, что турецкая эскадра стоит в Батуме.

Вечером подошли к Батуму. Остановив пароход в семи милях от города, Макаров распорядился спустить катера для минной атаки. Он сам сел на катер «Минер»; катером «Чесма» командовал лейтенант Зацаренный, катером «Синоп» — лейтенант Писаревский и катером «Наварин» — мичман Подъяпольский.

Около 10 часов вечера катера тронулись к Батумской гавани. Внезапно из сумрака выдвинулись очертания шедше-

го навстречу турецкого сторожевого парохода. Не желая обнаруживать сразу все свои силы, Макаров приказал повести атаку одному лейтенанту Зацаренному.

Катер «Чесма», таща на буксире пироксилиновую мину, понесся к пароходу. Оттуда открыли сильный ружейный и картечный огонь. Экипажи остальных катеров, таясь во мгле, с волнением ждали взрыва. Но его не было. Через несколько минут стал виден катер, возвращавшийся с предельной быстротой обратно. За ним, идя полным задним ходом, гнался турецкий пароход, продолжая бешеную стрельбу.

Когда «Чесма» пробегала за кормою катера, на котором находился Макаров, Зацаренный крикнул ему:

— Мину подвел хорошо, но она не взорвалась!

Между тем турецкий пароход заметил остальные катера и принялся ожесточенно обстреливать их. Макаров дал полный ход вперед, приказав, одновременно готовить килевую мину для атаки.

Но команда замешкалась. «Не могу не сказать, что под выстрелами люди, никогда не слышавшие свиста пули, немало смешались», — юткровенно сообщал Макаров в своем рапорте. Изготовление мины отняло целых пять минут; момент для атаки был упущен. Турки, не пытаясь уничтожить дерзкие катера, повернули и ушли к Батуму.

В гавани взвились ракеты, огонь на маяке погас. Пора было думать об отступлении, поскольку нападение на стоявшие в гавани суда теперь уже было явно безрассудным.

Итак, смелый рейд «Константина», хотя и наделавший много переполоха в стане противника и обошедшийся без потерь, все же не достиг цели. Это обстоятельство имело тяжкое последствие для Макарова. Бюрократическая машина морского ведомства пришла в движение. Никто не хотел взять во внимание, что осечка подведенной Зацаренным мины произошла, повидимому, от неисправности присланного из

Кронштадта запала*. Говорили только о том, что при встрече с турецким броненосцем «Константин» будет немедленно расстрелян, что затея Макарова не может увенчаться успехом, что она противоречит инструкциям и т. д.

Но Макаров был упорен. Он делает новую попытку — на этот раз против турецкой эскадры, действовавшей на Дунае, имевшей стоянку у Сулина. Его минная флотилия была усилена двумя крупными катерами, одним из которых командовал лейтенант Рождественский, другим — лейтенант Пушкин.

Подойдя на пять миль к Сулинской гавани, Макаров остановил свой пароход и отправил все катера. Сам он остался на борту «Константина». Было 12 часов ночи.

Незамеченные противником катера пробрались в самую глубь Сулинского рейда. На якорях стояли турецкие броненосцы. Часовые перекликались друг с другом.

Зацаренный первый бросился в атаку. «Но несчастье повидимому преследует этого храброго офицера», — писал Макаров в рапорте. Второпях Зацаренный «утопил» мину, проводник запутался в винт, и взрыва не получилось.

Следом за «Чесмой» пошел катер № 2 во главе с Рождественским. Спустив шест с миной, он быстро приближался к одному из броненосцев. До борта оставалось всего десяток саженей, когда послышался оклик часового и тотчас вслед за ним загрели ружейные выстрелы. Катер, прибавив ход и не таясь более, устремился вперед. «У самого борта броненосца, почти в упор, но все-таки по моему расчету несколько рано, произошел автоматический взрыв мины», — сообщал в рапорте лейтенант Рождественский.

Как выяснилось впоследствии, подорван был турецкий броненосец «Иллади»; повреждения были так значитель-

* Макаров давно указывал на плохое качество запалов. Вероятно, такие негодные запалы и попали, по воле случая, в подведенную под турецкий корабль мину.

ны, что этот корабль уже не принимал участия в военных действиях.

Флотилия Макарова также не обошлась без потерь. Минный катер № 1 под командой Пуштина получил повреждения, не мог своевременно ретироваться, и под огнем неприятеля был затоплен собственной командой. Сам Пущин и четыре матроса были взяты в плен.

Успешный результат Сулинской экспедиции упрочил положение Макарова в сферах морского министерства.

В начале августа начальник одного из сухопутных отрядов, полковник Шелковников, телеграфировал в Севастополь, что он не может проникнуть в Абхазию, так как турецкий броненосец держит под обстрелом проход в Гаграх. Для того, чтобы способствовать экспедиции Шелковникова, командующий флотом поручил Макарову итти на своем пароходе в Гагры и потопить броненосец, либо хотя бы отвлечь его от берега.

Четвертого августа «Константин» вышел в море. Спустя двое суток, на рассвете произошла встреча с броненосцем. Турецкий корабль устремился на дерзкое судно; Макаров пошел в открытое море, уводя турок от берега. Его пароход шел со скоростью 12 узлов, в то время как броненосец мог развить скорость лишь 11½ узлов. Как замечает Макаров в своем рапорте, «я приказал уменьшить ход, чтобы представить ему интерес погони».

Налетевший шквал разъединил корабли. На другой день Макаров снова приблизился к Гаграм, но турок нигде не было видно.

Шелковников так отзывался об этом смелом маневре. «Колонну князя Аргутинского рассвет застал в сфере действительного огня (со стороны броненосца). Она была спасена от страшных потерь пароходом «В. Кн. Константин». По заявлению Шелковникова, Макаров оказал его отряду «бесценную услугу».

Через два дня после Гагринского эпизода Макаров предпринял атаку турецких судов в Сухуме.

Это — кульминационный пункт борьбы коммерческого парохода-одиночки против многочисленной эскадры броненосцев,

кульминационный пункт минной войны Макарова.

Для нападения на стоявшую в Сухуме турецкую эскадру Макаров решил воспользоваться лунным затмением. Тактика была все та же: пароход остановился на расстоянии 6 миль от берега, и катера, подобно призракному «летучему голландцу», почти невидные во мраке ночи, двинулись к порту. В атаку было послано четыре катера.

На рейде стоял турецкий броненосец «Шевкет». Командовавший операцией лейтенант Зацаренный велел всем вести атаку на правый борт броненосца. Неприятель заметил, наконец, суденышки и открыл сильнейший огонь. Катера под страшным обстрелом приблизились к кораблю и подвели мины, вызвавшие несколько взрывов. Один из катеров столкнулся со стоявшим у борта турецким гребным судном. Произошла короткая, но ожесточенная рукопашная схватка. Командиру катера проломили веслом голову и чуть-было не стащили его крюком в воду, но матросы отбили своего начальника. Все катера благополучно вернулись на пароход.

В это время неподалеку показался другой неприятельский броненосец. В течение семи минут все катера были подняты. «Константин» дал полный ход и вскоре ушел от преследования.

За эту успешную операцию Макаров и другие участники получили награды.

Макаров предпринял еще несколько операций. Но вскоре было заключено перемирие; война окончилась.

Макаров был к этому времени уже капитаном 2-го ранга, имел ордена и отличия. Его смелый план, казавшийся многим безрассудным, увенчался блестящим успехом. В статье «Дедушка минного флота» В. И. Семенов справедливо указывал:

«Факт тот, что неприятельский флот, начавший войну блокадой наших портов, попрятался по своим портам, да и там не чувствовал себя в безопасности»

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ—ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

Осенью 1879 года Макаров женился на К. Н. Якимовской.

Брак мало отразился на его образе жизни: попрежнему он считал, что для моряка дом — это море. Он имел к этому времени установившуюся боевую репутацию и очень недурное положение (был произведен во флигель-адъютанты), особенно, если учесть его возраст. Жена его полагала, что дальнейшая карьера обеспечена, теперь можно не рисковать собой.

Ей пришлось разочароваться: через несколько месяцев после свадьбы Степан Осипович был уже снова на борту военного корабля.

В это время царское правительство организовало экспедицию против туркменского племени ахал-теке, обитавшего поблизости от Каспийского моря. Начальник этой экспедиции М. Д. Скобелев, познакомившийся с Макаровым во время русско-турецкой войны и высоко оценивший его, предложил ему пост командующего морской флотилией.

«Участвуя во всех крупных делах экспедиции, морская батарея показала себя на высоте доблестных преданий нашего флота и кровью закрепила за собой свою заслуженную славу», — писал в приказе по войскам генерал Скобелев. Прощаясь с Макаровым, он обменялся с ним георгиевским крестом.

Отгремел гром орудий. Снова вступала в права мирная жизнь. Макаров получил назначение в Константинополь, в распоряжение русского посла. Он принял команду над «стационаром» — пароходом «Тамань», находившимся в распоряжении посольства. Вероятно, русское правительство имело свои цели, посылая в турецкую столицу человека, вчера еще наводившего страх на весь турецкий флот. Макаров начал интенсивно работать в новой области.

«Особенно ценны в его трудах новые мысли, инициатива и разносторонность предпринимаемых задач, настойчивость в доведении исследования до конца, — писал о Макарове академик Рыкачев. — Это был высоко-талантливый исследователь»*.

Живя в Константинополе, Макаров

услышал как-то от местных жителей, будто наряду с сильным течением в проливе Босфор из Черного моря в бассейн Средиземного моря, которое он лично мог обнаружить, часто плавая в Босфоре, наряду с этим имеется «подводное» течение: на некоторой глубине вода устремляется в обратную сторону, из Мраморного моря в Черное.

Приступив к изучению заинтересовавшего его вопроса, Макаров установил, что компетентный исследователь, английский капитан Спратт, решительно отвергает наличие нижнего течения. Но первые же изыскания самого Макарова убедили его в обратном.

Началась напряженная работа. Недавний боевой капитан с головой погрузился в гидрологические исследования. У него не было никаких приборов, не было знающих помощников. Он сам, собственным трудолюбием и талантом возмещал все это.

«Как при выборе инструментов, так и при исследовании их и при обработке материала, Степан Осипович не довольствуется употреблявшимися до него способами или обычной проверкой инструмента в компетентном учреждении. Он самостоятельно рассматривает, насколько удовлетворительны и точны общепринятые способы. Не найдя, например, удовлетворительного барометра, он вводит в нем усовершенствования и строит свой», — отмечал академик Рыкачев.

В марте 1885 года Макаров сделал обширный доклад в Географическом обществе, а в том же году этот доклад был опубликован в «Записках Императорской Академии Наук» (в приложении к пятьдесят первому тому).

Авторитетнейшие специалисты очень высоко оценили труд Макарова. Конкретным выражением такой оценки явилось присуждение ему так называемой Макарьевской премии* Академии Наук за 1887 год.

Работа над этим капитальным трудом не помешала Степану Осиповичу серьезно интересоваться еще целым рядом вопросов. Безде он умел сказать новое слово, наметить новые пути. Он причи-

* См. «Известия Академии Наук», 1904 г., т. XX, некролог о С. О. Макарове.

* По имени митрополита Макария.

мает деятельное участие в разработке системы знаков для обозначения фарватеров; занимается вопросом о способе быстрейшего разведения паров; обстоятельно разрабатывает проект устройства судоходства на Аральском море и на Аму-Дарье; осуществляет одну из первых в русском флоте крупную учебную десантную операцию, перевезя целую дивизию в составе трех родов оружия на большое расстояние (усовершенствовал при этом множество десантных приемов, связанных с подъемом лошадей, буксировкой лодок и пр.).

Попутно он представил проект реконструкции Кронштадтского порта, занимался вопросом о преобразовании корпуса инженер-механиков, изобрел новый способ электрической сигнализации.

В марте 1885 года Макаров был назначен командиром броненосца фрегата «Князь Пожарский», а в сентябре того же года — командиром готовившегося к кругосветному плаванию корвета «Витязь». Макаров с живейшим удовольствием готовил свой корабль к ответственному плаванию (что не помешало ему прочесть ряд докладов на различные темы, например, «О скорости течения Невы под Литейным мостом на различных глубинах, по наблюдениям, произведенным в течение настоящей зимы»).

В августе 1886 года «Витязь» вышел из Кронштадта. Пройдя свыше 22 тысяч миль (из них почти 15 тысяч миль под парусами), корвет приплыл в Японию и оттуда — в июне 1887 года — во Владивосток. Вслед за тем Макаров посетил на своем корабле тридцать малоизведанных портов, представив обо всех них обстоятельные сведения. Совершив еще несколько трудных рейсов, «Витязь» двинулся в обратный путь и в мае 1889 года вернулся в Кронштадт.

Нечего и говорить, как много дало это трехлетнее путешествие любознательному и пытливому Макарову. Он представил по начальству объемистый отчет, в котором сделал ряд важных замечаний — о работе машин, о постановке мин, об устройстве боевых угольных ям и т. д.

Первого января 1890 года капитан 1-го ранга Макаров был произведен в контр-адмиралы.

К этому времени Макаров был в расцвете своих способностей; больше чем когда-либо он был полон самых различных планов, бурливой обычной была в нем неисчерпаемая энергия. И взгляды его, всегда отличавшиеся устойчивостью и самостоятельностью, приобрели теперь особенную твердость.

С этой точки зрения характерно, между прочим, суждение Макарова, высказанное им при обсуждении проекта об установлении морских призов для военных моряков. Макаров категорически высказался против проекта.

«Определение морскими призовыми правилами денежного вознаграждения военных чинов за совершаемые ими военные подвиги не подходит к духу русского воинства, — писал он, — призовое право занесено к нам с запада, но корень его не соответствует почве».

«Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну, как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбою, и не ждет денежных наград за свою службу. Отучать его от этих правил значит подкапывать тот принцип, на котором зиждится вся доблесть русского воина».

В мае 1892 года он передал в Академию Наук свой новый труд «Витязь и Тихий океан».

Академик Рыкачев писал об этой книге: «Со времени Крузенштерна и Литке в русской литературе не появлялось столь крупного и важного труда по гидрологии».

В декабре 1892 года рукопись была сдана в печать, а в следующем году Академия Наук вторично присудила автору Макарьевскую (на этот раз полную) премию.

Исследование С. О. Макарова нашло себе высокую оценку и за пределами России. Известный океанограф Крюгель отозвался о нем, что оно станет основным сочинением по физической географии северной части Тихого океана. На мраморном фронтоне международного океанографического музея, среди на-

званий кораблей, на которых плавали знаменитые исследователи, имеется также имя «Витязя»: военный корабль, совершавший ординарное тренировочное плавание, стал в один ряд со специально снаряженными для научных изысканий судами.

В момент, когда Макаров приступил к работе над этой книгой, он получил ответственное служебное назначение: его назначили главным инспектором морской артиллерии.

На этой должности он состоял в продолжении трех лет, вплоть до осени 1894 года. Он отлично ознакомился с состоянием артиллерийского дела в России, а в 1893 году специально ездил за границу для осмотра предприятий, изготовляющих орудия и броню.

В декабре 1894 года Макаров был назначен командующим русской эскадры в Средиземном море.

Близ Мальты он простудился, стоя долго на палубе во время свежего ветра; началась воспалительный процесс в колене, пришлось лечь в постель, а затем передвигаться некоторое время на костылях.

Тем не менее Макаров ни на минуту не ослаблял живейшего наблюдения за своей эскадрой. Согласно полученному приказанию, он повел корабли через Суэц в Тихий океан. В это время между Россией и Японией существовали обостренные отношения: Россия, Франция и Германия предъявили японскому правительству совместное требование отказаться от присоединения Квантунского полуострова, захваченного Японией у Китая. Для подкрепления этого требования в Дальневосточные воды были посланы эскадры трех названных стран.

В мае 1895 года в одном из тихоокеанских портов состоялось совещание высшего командного состава русского флота. Обсуждался чрезвычайно важный вопрос: какой флот должна иметь Россия на Дальнем Востоке? Строить ли преимущественно крупные броненосные суда, или отдать предпочтение менее защищенным кораблям, получив в этом случае возможность значительно увеличить количество боевых единиц?

Большинство присутствующих, во главе с адмиралами Рожественским и Чухниным, высказалось за первый вариант. На ту же позицию встал заместитель на Дальнем Востоке генерал-адмирал Алексеев.

Однако Макаров решительно высказался за то, чтоб строить суда меньшего водоизмещения и, следовательно, с меньшей броней, но зато получить преимущество в числе судов и в быстроте хода. К тому же, указывал он, чем меньше корабль, тем труднее попасть в него неприятелю.

Точка зрения Макарова означала выбор наступательной тактики, обеспечение инициативы, возможность самому определить место, время и характер морского сражения.

Еще свыше полугода провел Макаров на Дальнем Востоке, ни один день не пропадал у него даром. Он производил морские промеры, подготовил карту западного берега Японского моря, сделал доклад в Гонг-Конге о предотвращении гибельных последствий столкновения судов во время тумана (Макаров предложил приделывать к форштевню корабля особые «намордники»).

1 января 1896 года последовал приказ о назначении Макарова начальником 1-й флотской дивизии, расположенной в Кронштадте.

Сдав дела, Макаров выехал в Петербург. Но поехал он не через Сибирь, а через Америку: в мыслях у него зародилось уже новое грандиозное предприятие. Он побывал в Америке на Великих Озерах, детально ознакомился с тем, что его интересовало, — и в марте 1896 года прибыл в Кронштадт, всецело поглощенный своим новым планом.

ЛЕДОКОЛ «ЕРМАК»

Идея, завладевшая всеми помыслами Макарова, состояла в том, чтобы построить мощный ледокол, проложить на нем путь в полярных льдах и, в случае удачи, достичь Северного полюса.

«Мысль о возможности исследования Ледовитого океана при посредстве ледоколов зародилась во мне еще в 1892 г. перед отправлением Нансена в Ледови-

тый океан», — отмечал Макаров в одной записке. Раз зародившись, эта мысль уже не давала ему покоя. Однажды, возвращаясь с заседания Географического общества, он вдруг остановился посреди улицы и сказал своему собеседнику:

— Я знаю, как можно достигнуть Северного полюса, но прошу вас об этом пока никому не говорить: надо построить ледокол такой силы, чтобы он мог ломать полярные льды. В восточной части Ледовитого океана нет льдов ледникового происхождения, а, следовательно, ломать такой лед можно, нужно только построить ледокол достаточной силы.

Однако, когда он впервые высказал свою затаенную мысль, — на заседании отделения физической географии, — она была принята очень холодно. В корректных выражениях Макарову заявили, что его план недостаточно обоснован и нереален.

Тогда Степан Осипович решил обратиться к широким общественным слоям, более склонным увлечься новой идеей, чем осторожные специалисты, опасющиеся уронить свой авторитет. В марте 1897 года состоялось экстренное заседание Географического общества, на котором он сделал обстоятельный доклад о развитии и состоянии ледокольного дела и о перспективах применения ледоколов для научных и практических целей.

Цель этого совещания, на которое единомышленникам Макарова удалось привлечь некоторых высокопоставленных лиц, заключалась в том, чтобы проектом заинтересовались в правящих сферах. Эта цель была достигнута: о новой «затее» неупоможенного адмирала было доложено Николаю II, и тот поручил министру финансов, С. Ю. Витте, ознакомиться с существом дела.

Витте обратился за консультацией к известному ученому Д. И. Менделееву. Тот с горячностью одобрил планы Макарова. Тогда Витте вызвал Макарова для личной беседы, после чего объявил о своем принципиальном согласии ассигновать средства на постройку ледокола. Он пожелал при

этом, чтобы Макаров лично отправился в Карское море и ознакомился на месте с условиями навигации по рекам Западной Сибири.

Обойдя порты Мурманского побережья, Макаров отправился на Югорский шар и далее в Карское море, затем поднялся по Енисею, сделал ряд докладов в Красноярске, Томске и других сибирских городах и вернулся в Петербург.

Отчет Макарова о результатах поездки убедил Витте в том, что расходы на постройку ледокола быстро окупятся коммерческими выгодами. Дело сразу сдвинулось с мертвой точки. Фирме Армстронг был дан заказ на постройку ледокола.

В конце октября 1898 года новый ледокол, названный «Ермак», был спущен на воду в Ньюкастле. Через несколько месяцев корабль вышел в море для заводской пробы, а пятого марта 1899 года ледокол, ведомый своим строителем и первым капитаном, вышел в свое первое плавание, держа курс на Кронштадт.

Когда ледокол вошел в сплошной лед Финского залива, «толпы рыбаков бежали рядом, чтобы подивиться шедевальному делу. Многие без устали кричали «ура»... несмотря на то, что «Ермак» не приносил им никакой пользы, а скорее вред».

В Петербурге ледоколу была устроена торжественная встреча. Сперва приблизилась на лыжах рота солдат, принятая на борт корабля. Затем к «Ермаку» подошла громадная толпа народа, причем некоторые были в санях и даже на велосипедах. Когда ледокол пришвартовался, все помещения его быстро заполнились любопытными, или, как пишет Макаров, «желавшими повидать чудовище, которое может справляться с льдами и прокладывать себе путь в таких условиях, в которых прежде никто не отваживался ходить».

Вся столица только и говорила, что о замечательном корабле. И это были не просто праздные разговоры. Как писала морская газета «Котлин», в каждом из присутствовавших при входе ледокола в порт «неволью поднималось чувство гордости за нас, русских, что из

нашей среды нашлись люди, не только способные делать теоретические выводы, но на деле доказать и подтвердить идеи, открывающие новые горизонты».

Не прошло и двух недель со дня прибытия «Ермака», как представился случай испробовать его на деле: в Ревеле было затерто льдом 11 пароходов, и возникла опасность гибели всего каравана. Макаров тотчас двинулся в Ревель.

«Затертые у Суоропа пароходы, — пишет он в своем сочинении «Ермак во льдах», — находились недалеко от края льда; поэтому я решил взломать весь лед, который отделял их от свободной воды. С этой целью я сделал три круга, взламывая каждый раз огромные глыбы льда. В четвертый раз я пошел вокруг всех пароходов, после чего они совершенно освободились. Это была очень красивая картина, и вся операция продолжалась полчаса».

Превзошедший все первоначальные ожидания успех «Ермака» привел к другой крайности: посылались проекты немедленно отправить ледокол через Берингов пролив во Владивосток, послать его на Северный полюс и т. д. К чести Макарова надо сказать, что он сохранил обычную презвую рассудительность. Он предложил ограничиться на первый раз походом через Карское море на Енисей, и это предложение было принято.

Началась организация экспедиции.

В мае 1899 года «Ермак» отправился в пробное плавание.

Макаров отмечал, что в Балтике лед крошится, а в полярном море он ломается на большие глыбы; это не задерживает движения корабля в такой степени, как облепляющее его крошево, но зато создает сильные толчки.

Непрерывность толчков об лед побудила серьезно взвесить вопрос о прочности корпуса: приспособлен ли он к столь тяжкому испытанию? Вывод был сделан отрицательный. Решено было не рисковать судном и экипажем, а вернуться в Ньюкэстль и там, на верфях Армстронга, укрепить корпус.

Так и сделали. Фирма сразу согласилась поставить без добавочной оплаты

дополнительные крепления, и 26 июля «Ермак» вновь взял курс на север.

Сперва все шло благополучно, но 6 августа ледокол ударился о массивный ледяной торос. В трюме образовалась пробоина. Ее удалось заделать, и корабль еще в продолжении трех недель совершал плавание, причем научные наблюдения велись в широких размерах. В конце августа ледокол вернулся в Ньюкэстль.

Теперь для Макарова настали черные дни. Весть о вторичном возвращении «Ермака», да еще с пробоиной в носовой части, была подхвачена многочисленными недругами адмирала. Многие, не стесняясь, выражали свое злодство. Была тотчас же снаряжена комиссия для расследования причин повреждения судна, и Макарову телеграфно предложили дожидаться в Ньюкэстле ее прибытия.

Макаров был ошеломлен.

«Надеюсь», писал он Витте, что комиссия эта состоит из техников, что она соберется под моим председательством и поможет мне выяснить вопрос, как наилучшим образом побороть выяснившиеся технические трудности. Надеюсь, что комиссия назначена не для того, чтобы раскрыть фактическую сторону дела, ибо таковую я не скрываю, и разъясню ее лучше, чем кто-либо. Если я сделал ошибку, то я откровенно в ней признаюсь и кроме того покажу, как ее исправить.

Я действительно сделал ошибку, но ошибка эта заключается главным образом в том, что я недостаточно подготовил Ваше Высокопревосходительство к возможности неудачи в первое время».

Надежды Макарова не сбылись. Комиссия была составлена из людей, заведомо отрицательно относившихся к проекту Макарова совершать дальние полярные плавания на ледоколе. Легко понять, как нервничал Макаров, предвидя неблагоприятные для него выводы комиссии.

Худшие опасения его подтвердились. Комиссия, под председательством контр-адмирала Бирилева, заявила, что «Ермак» непригоден для борьбы с полярными льдами и лучше всего использовать его в качестве транспортного

судна, обслуживающего северные порты, или в качестве спасательного судна.

Макаров решительно восстал против такого сужения деятельности ледокола. И его настоятельные представления вывели успех: было решено внести некоторые конструктивные изменения, укрепить корпус корабля и послать его затем снова в Ледовитый океан для проводки торговых судов к устьям сибирских рек.

Но до тех пор «Ермак» не раз выходил из Кронштадтского порта для помощи кораблям, застревавшим во льду Балтики. Наиболее крупную операцию этого рода представляет экспедиция для оказания помощи броненосцу «Генерал-адмирал Апраксин».

Этот корабль во время снежной бури выскочил на берег подле острова Гогланд. «Ермак» обеспечил спасательные работы: подвозил якоря, канаты, водолазов, снабжал провизией и углем. Многие полагали, что спасти броненосец не удастся, что весной, когда лед двинется, он понесет вмерзший корабль и сделает его игрушкой стихии.

Однако энергия спасательных партий принесла свои плоды: в апреле (1900 года) броненосец был стянут ледоколом в свободную воду и отбуксирован в один из ближайших портов.

В мае ледокол вышел в плавание в Северный Ледовитый океан. Чем ближе подходили к Новой Земле, тем толще и массивнее делался лед. Атмосферные условия были также неблагоприятны. «Ермак» с трудом пробивал себе дорогу. В один из дней Макаров сделал такую запись: «С утра пасмурная погода и тот же ЮЗ ветер*. Попытки двинуться с места дали довольно плохие результаты, ввиду чего всем служащим на судне было предложено проколоть лед с правого борта и с левой стороны носа. Пущены были в ход все средства для разрушения льда, начиная с пещень и кончая паровым буром и целыми потоками воды, лившейся из носовой части по желобам».

После 28-дневного стояния во льдах, когда, несмотря на все усилия, не удавалось пробить плотную ледяную кору, «Ермак», наконец, выбрался на чистую воду и быстро пошел своим курсом.

* Юго-Западный ветер, уплотнявший лед.

Все были очень веселы, особенно сам капитан ледокола. Он шутил, сыпал остротами и вообще, по выражению одного из участников похода, «он нас всех воодушевлял».

Но вскоре произошла новая задержка, и на этот раз не было никакой надежды встретить разводье. Плотные массы льда окружали ледокол. Пришлось повернуть обратно. В сентябре «Ермак» вошел в Кронштадтский порт. Бирилев телеграфировал Витте: «Льды остались непроходимыми, а «Ермак» негодным судном как по замыслу, так и по исполнению, чтобы совершать полярные плавания и открыть полюс».

Макаров стойко боролся, но силы были неравны. Происки его недругов вывели свое действие. Николай II, по докладу Витте, велел «ограничить деятельность ледокола «Ермак» проводкою судов в портах Балтийского моря».

Корабль передавался в ведение Отдела Торгового Мореплавания.

Макаров освобождался от обязанности по отношению к опытным плаваниям во льдах.

Уже осенью 1901 года ледокол провез из Ревельского порта сквозь льды 89 пароходов. В Министерстве финансов были очень довольны. Там ничего не имели против хорошего битюга. Враги Макарова злорадовались: не зажгла синица моря...

Макаров угрюмо и гордо сносил насмешки. Он видел, что тяжелое колесо бюрократической машины раздавило его смелый замысел. Приходилось, скрепя сердце, примириться.

КОМАНДИР КРОНШТАДТСКОГО ПОРТА

В декабре 1899 года Макаров получил назначение: ему дали пост главного командира Кронштадтского порта. Это была ответственная и почетная должность, но Степан Осипович не был рад ей: он не любил административной работы, он хотел заняться техническим состоянием флота, или, того еще больше, возглавить эскадру на Дальнем Востоке, где назревали большие события*.

* Зная нерасположение к нему некоторых высоких лиц, Макаров однажды грустно заметил, что его пошлют на Дальний Восток, когда дела будут совсем плохи. Он оказался прав.

Ежедневно Макаров выезжал в порт, в экипажи, в специальные классы; он присутствовал при всех испытаниях новых судов, особенно при испытаниях на водонепроницаемость. Он посещал также доклады и лекции, активно участвуя в обсуждении.

В бытность его командиром порта, были предприняты широкие мероприятия по улучшению бытовых и материальных условий для членов портовых команд и для портовых рабочих. Были сделаны также некоторые улучшения в коммунальном хозяйстве города Кронштадта.

Но, пожалуй, главный интерес для самого Макарова представляла в это время (если не считать «Ермака») работа над вопросами морской тактики.

Еще в 1894 году он опубликовал содержательную и оригинальную брошюру: «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов».

В ней Макаров выдвинул положение: ни одно наступательное или оборонительное средство корабля не может быть усилено иначе, как за счет другого. Таким образом, утолщение брони неизбежно приводит к уменьшению хода, увеличение быстроты хода невыгодно отражается на поворотливости и т. п.

Следовательно, нужно найти некий оптимум, то-есть наиболее выгодную комбинацию из всех возможных свойств корабля.

Тут Макаров снова отстаивает свой исконный взгляд на преимущество флотилии быстрых, легких минных кораблей перед броненосцем.

Он приводит доводы в пользу того, что несколько малых боевых кораблей гораздо сильнее одного гиганта. Во-первых, чем больше корабль, тем сложнее управление им и тем больше вреда приносит всякое повреждение; во-вторых, на большом корабле командир, не видя всего экипажа, не может оказывать на него личного ободряющего влияния; в-третьих, на небольшом корабле боевые запасы расположены ближе к своим орудиям, и, вместе с тем, каждое орудие поставлено в отношении угла обстрела в более выгодные условия, чем на большом судне.

Свои мысли о тактике морского боя Макаров непрерывно углублял и развивал. В 1896 году он прочитал цикл лекций на эту тему в Кронштадте, а в 1897 году издал капитальное сочинение: «Рассуждения по вопросам морской тактики».

Любопытна судьба этой работы. Переведенная на многие иностранные языки, она внимательно изучалась не только в Европе, но и в Японии, и в Америке. Когда в 1902 году в Петербург пришло аргентинское учебное судно, первый вопрос гардемариннов был: «Можем ли мы повидать Макарова, по классической книге которого мы изучаем тактику?» Петербургские власти постарались скрыть тот конфузный факт, что в России работа Макарова не вызвала никакого интереса в руководящих сферах, и поэтому была очень мало известна.

В этой своей книге С. О. Макаров так определяет предмет морской тактики: это — наука о морском бое; она исследует элементы, составляющие боевую силу судов и способы их наимыгоднейшего употребления в различных случаях на войне.

Разумеется, подчеркивает Макаров, одного знания правил боя недостаточно. «Между знанием и умением существует разница. Есть люди, знающие очень много, но в деле крайне неумелые, и наоборот...»

Отмечая первенствующее значение умения применять теоретические правила, Макаров подчеркивал и важность самой теории. Она поможет усвоить ряд практических приемов и даст основание для того, чтобы перед боем и в бою яснее представить положение дела и выбрать наимыгоднейший образ действий.

Макаров подробно останавливается в своем сочинении на методах обучения личного состава, на использовании в бою артиллерии и мин на таране. Особенно ценны те места, где он настойчиво и убедительно говорит о роли в бою нравственной силы.

Наполеон определял соотношение морального духа войск к материальной, физической силе, как 3:1.

Макаров во главу угла также ставит моральное состояние, или, как он выражается, нравственную упругость войск.

Под нравственной упругостью он понимает: 1) находчивость, доведенную до того, что человек не теряется ни от какой неожиданности, 2) решимость и упорство, 3) способность обсудить hladнокровно свое положение в самые критические минуты.

Он всячески подчеркивает необходимость твердости и решимости. Он восторгается поведением Нельсона перед Трафальгарским боем: несмотря на малую численность своих сил, английский адмирал не отказался от задуманного смелого плана. «Я пришел сюда не для того, чтобы находить затруднения, а чтобы преодолеть их», — писал Нельсон, и эти слова Макаров рекомендовал избрать девизом всем командирам.

Прошло немного лет, и Макарову пришлось на деле, личным и боевым примером доказывать справедливость своих принципов.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Центральное место в подготовке Японии к войне занимал флот. Морское поражение означало бы для Японии невозможность перебрасывать войска на материк, питать их боеприпасами, словом, означало бы проиграть кампанию. Поэтому созданию сильного флота было уделено особое внимание.

В начале последнего десятилетия XIX века Япония имела лишь один броненосец (взятый у китайцев броненосец «Чин-Иен-го»). Россия в это время имела в составе своего флота 16 эскадренных броненосцев; в Дальневосточных водах находилась, конечно, только часть того количества.

В 1897 году Япония приобрела в Англии два эскадренных броненосца («Ядзима» и «Фуджи») по 12 300 тонн водоизмещением и заказала там же еще четыре. Она получила их в 1903 году: три броненосца по 15 000 тонн и один водоизмещением в 15 200 тонн.

В 1897 году Япония заказала — и получила в период 1901—1903 гг. — 6 броненосных крейсеров I ранга, 9 защитных крейсеров I ранга, 5 быстроходных защитных крейсеров II ранга, 2 минных крейсера, 34 мореходных миноносца, 66 береговых миноносцев, 1 минный транспорт.

Такова была морская программа Японии. Военная мощь Японии на море росла чрезвычайно быстро.

В момент, когда разразилась русско-японская война, Страна Восходящего Солнца имела уже под своим флагом 5 броненосцев, водоизмещением от 7 300 до 15 000 тонн и со скоростью 18—19 узлов; 8 крейсеров I ранга по 7 700 — 9 900 тонн со скоростью 22 узла, 17 крейсеров II ранга по 2 500 — 5 000 тонн, 84 миноносца, 16 канонерок и 9 судов береговой обороны. Тоннаж транспортного флота составлял около одного миллиона тонн.

Что могло противопоставить этому русское правительство? В его распоряжении имелось 8 броненосцев, водоизмещением 10 900—12 900 тонн со скоростью 16—18 узлов; 5 крейсеров I ранга по 6 200—11 900 тонн со скоростью 16,5—20 узлов; 9 крейсеров II ранга по 3 300—6 700 тонн со скоростью до 25 узлов. Из этого числа 12 больших судов находились в Порт-Артуре, 5 — во Владивостоке, 1 — в Чемульпо и 4 — по пути на Дальний Восток. Из 62 миноносцев в Дальневосточных водах имелось тридцать.

Водоизмещение броненосцев составляло в японском флоте 159 тысяч тонн, а в русском — только 132 тысячи тонн. Половина русских миноносцев была устаревшего типа, с машинами, постоянно подвергавшимися порче.

Японские корабли, в большинстве, представляли собою последнее слово техники. По сравнению с русскими, они имели преимущество в артиллерии и в скорости. Японские крейсера I ранга были бронированными, а русские — нет.

И все-таки материальное превосходство японского флота само по себе далеко не обеспечивало ему господства на море. Чрезвычайно многое зависело от качества боевого руководства. Но тут

особенно ярко сказались недостатки романовской монархии. Техническая подготовка командного состава была очень слабая.

Весьма отрицательно сказалось то обстоятельство, что русский флот был расредоточен. 4 крейсера находились во Владивостоке, 1 крейсер и 1 канонерская лодка в Чемульпо, 1 канонерская лодка в Шанхае. Если бы все эти корабли стояли в Порт-Артуре, вместе с основными силами, то японцы не смогли бы напасть по частям на русские корабли.

Очень большое преимущество давало японцам наличие у них ряда отличных портов, в то время как Россия имела только два порта: Порт-Артур и Владивосток, удаленные один от другого, причем Владивостокский порт на 4 месяца в году замерзал.

Вследствие плохого оборудования Владивостокского порта, русские суда часто зимовали в японском порту Нагасаки.

У японцев крупнейшими портами-арсеналами были: Сасабо, Майдзуру, Йокоска и др. У них было 26 доков, причем 10 могли принимать крупнейшие броненосцы. Россия же имела только один сухой док в Порт-Артуре.

Таким образом, соотношение сил на море было явно в пользу Японии. Правда, Россия обладала еще сильным флотом, стоявшим в Кронштадте, но вопрос был в том, успеют ли перевести его своевременно в воды Тихого океана (как показали события, морские власти не справились с этой задачей).

Особое значение приобретал вопрос о боевой готовности крепости Порт-Артур. Взятая японцами штурмом во время японо-китайской войны 1894 года, эта крепость была в 1898 году «сдана в аренду» России.

На 1 января 1904 года население Порт-Артура состояло из 35 тысяч китайцев, 15 тысяч русских (кроме войск), 600 европейцев других национальностей и 700 японцев.

Порт-Артур расположен на берегу Желтого моря, на самом южном разветвлении Ляодунского полуострова, образующего маленький полуостров, получив-

ший название Квантунский (по-китайски — Гуан-Дун).

Свое название Порт-Артур получил по имени командира первого европейского (английского) корабля, посетившего эти воды.

Самая бухта, прозванная китайцами Лу-шань-коу, находится на восточном берегу Квантунского полуострова. Бухта эта мелководна; китайцы, а впоследствии русские производили в ней земляные работы, стремясь углубить ее посредством искусственных бассейнов. При китайцах там имелся восточный бассейн глубиной от пяти (при отливе) до восьми (во время прилива) метров; вхл в бассейн имел около 80 метров в ширину.

Получив в аренду Порт-Артур, русские приступили к сооружению более объемистого западного бассейна. Оба бассейна — восточный и западный — соединялись узким проходом с обширным внешним рейдом.

В Порт-Артуре имелся один сухой док, второй док строился, и к моменту начала войны с Японией он не был закончен. Порт располагал также сухим доком для военных кораблей малого водоизмещения (для миноносцев), арсеналом, портовыми мастерскими и торпедным заводом.

Поскольку русское правительство придавало столь большое значение Порт-Артуру, естественно было полагать, что оно постарается основательно укрепить его, превратить его в первоклассную крепость, могущую служить надежным опорным пунктом на Тихом океане. В действительности, однако, этого не произошло. Тому воспрепятствовала типичная для правления Николая II гнилая атмосфера взяточничества, интригантства, беспечности.

Эта беспечность продолжала существовать буквально до последнего дня. Уже когда определился крах дипломатических переговоров, когда японцы поголовно покидали пределы России, и пресса обеих стран вопила, что завязавшийся спор можно решить только с помощью железа, огня и крови, — словом, когда налицо были все симптомы неминуемой войны, миноносцам тихоокеан-

ской эскадры было предложено по-прежнему крейсировать с открытыми отличительными огнями, и не готовить, без особого на то приказа, боевого вооружения.

В такой обстановке грянул внезапный удар грома: в ночь на 9 февраля 1904 года японцы совершили нападение на корабли русского Тихоокеанского флота; только через два дня был обнародован указ микадо о войне с Россией.

Незадолго до начала русско-японской войны Макаров писал в морское министерство: «Из разговора с людьми, вернувшимися недавно с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагают держать не во внутреннем бассейне Порт-Артура, а на наружном рейде... Пребывание судов на открытом рейде даст неприятелю возможность производить ночные атаки... Японцы не пропустят такого бесподобного случая нанести нам вред... Как бы ни было тесно в Порт-Артуре, все же корабли можно швартовать и затем, путем практических упражнений, приучиться к скорому выходу... Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флот, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив дорого за ошибку».

Предупреждение дальновидного флотоводца осталось безрезультатным. Мотивируя трудностью размещения эскадры в узком внутреннем бассейне Порт-Артура, и тем, что в случае вражеского нападения эскадра не сможет достаточно быстро выйти в открытое море, власти держали ее по ночам на внешнем рейде. Там она была подвержена атакам быстроходных минных кораблей, и японцы не преминули воспользоваться этим.

Русское правительство полагало, что в случае открытия военных действий японцы предварительно сделают об этом формальное заявление, как было принято всегда в цивилизованных государствах. Однако японцы, игнорируя всякие правовые нормы, решили напасть без предупреждения на русскую эскадру и сразу обезвредить ее.

Японское командование прибегло к хитрости. Вечером 8 февраля япон-

ский консул в Порт-Артуре посетил наместника генерал-адмирала Алексева. В то время, как длился раут, японский офицер, приехавший с консулом под видом его слуги, пробрался на лодке на внешний рейд и тщательно разведка расположение русских кораблей. Вслед за тем он уехал с консулом, а когда через несколько часов началась атака, он был одним из руководителей ее.

Предназначенные для коварного нападения на русскую эскадру японские корабли были сконцентрированы еще 7 февраля в порту Мокпо. Русская разведка собрала кое-какие сведения об этом, и командующий эскадрой адмирал Старк доложил наместнику о необходимости спускать на ночь предохранительные (от мин) сети. Однако Алексеев запретил это делать, положив резолюцию, что такая мера является «несвоевременной и неполитичной».

Многие корабли стояли без паров, так что не могли маневрировать в момент атаки. В то время, как броненосцы стояли на внешнем рейде, миноносцы были введены во внутренний бассейн и поэтому не могли принять участие в отражении неприятельского нападения.

Японцам были известны все эти обстоятельства. Известно им было и то, что на 9 февраля назначены маневры порт-артурской эскадры и, в частности, опытная минная атака. Они решили использовать это исключительно благоприятное для них стечение обстоятельств.

В ночь на 9 февраля 18 японских миноносцев приблизились к Порт-Артуру. Они зажгли красный и белый огни — сигнал русских кораблей, желающих войти в порт. Дежурные русские легкие корабли не заметили ничего подозрительного. Миновав эти корабли, японские суда пробрались мимо крейсеров к броненосцам. При этом они спрашивали (посредством световых сигналов, подаваемых фонарями), свободен ли проход, и, получив утвердительный ответ, продолжали свой путь.

Приблизившись вплотную к броненосцам, то-есть к цели атаки, команду-

ющий японской флотилией Макихара приказал произвести несколько вспышек по русскому алфавиту. Флагманский броненосец «Петропавловск» и дежурное судно крейсер «Паллада» дали ответные световые сигналы, тем самым ясно обнаружив себя. Вероятно, на этих кораблях полагали, что плывут русские миноносцы, готовящиеся к предстоящим маневрам.

Тогда японцы начали минную атаку. Восемнадцать мин Уайтхеда было выпущено по русским судам. Эскадра стояла в три линии; ближе всего к берегу стояли броненосцы. Их было семь: «Петропавловск», «Победа», «Ретвизан», «Пересвет», «Цесаревич», «Полтава», «Севастополь».

Выпущенные с близкого расстояния мины взорвались у трех кораблей: у «Ретвизана», «Цесаревича» и у крейсера первого класса «Паллада» (японцы метили в «Петропавловск»). Поврежденные суда снялись с якоря и поспешно направились в гавань.

Хотя атака была совершенно неожиданна, очень скоро была приведена в действие скорострельная артиллерия кораблей. Крепостные форты не открывали огня, так как в темноте было невозможно разобрать, где свои, где неприятельские суда.

Японские миноносцы, не довольствуясь минной атакой, открыли интенсивный артиллерийский огонь по всем русским кораблям и причинили большой урон крейсерам «Аскольд», «Новик» и «Диана». Принимая во внимание, что почти 20 японских кораблей находились в самом центре русской эскадры, надо признать причиненный ими вред не столь большим. Это всецело объясняется героическим поведением личного состава кораблей. Матросы и офицеры соблюдали полное хладнокровие. По выражению одного очевидца (П. Ларенко), «приуший русскому добродушный юмор не покидал работающих посреди этого ада, дыма, грохота орудий, свиста и треска снарядов; встречали японские снаряды и провожали свои, посылаемые в ответ, веселыми крибауточками, как будто на маневрах».

На крейсере «Паллада» трюмный машинист Петров, несмотря на страшные ожоги, продолжал выполнять свои обязанности, пока не потерял сознания от нестерпимой боли.

Дружный отпор — стреляли даже с поврежденных судов — помешал японцам предпринять более решительные шаги, чтобы использовать выгоды своего предательского нападения. Только утром следующего дня японский флот приблизился к Порт-Артуру и подверг его обстрелу из тяжелых 12-дюймовых орудий; существенного вреда этот обстрел не причинил. Русские батареи энергично отвечали, а быстроходные крейсера предприняли удачную атаку.

Одновременно с атакой порт-артурской эскадры, японцы совершили нападение на два русских военных корабля, стоявших в корейском порту Чемульпо. Там находился крейсер I ранга «Варяг» и устаревшая канонерская лодка «Кореец». Оба корабля находились в распоряжении русского посланника при корейском императоре.

Несмотря на то, что Чемульпо являлся нейтральным портом, японцы 8 февраля объявили командиру «Варяга», что намерены атаковать его в этом порту, и «во избежание ненужных жертв» предлагают ему выйти в море. Хотя японская эскадра состояла из шести тяжелых и пяти легких крейсеров, не считая миноносцев, русские моряки приняли вызов. Взорвать суда без боя, чтобы спасти свои жизни, они не захотели и покинули порт, идя навстречу крейсерованшей перед выходом вражеской эскадры.

Начался неравный бой. Меткими выстрелами с «Варяга» вскоре были выведены из строя крейсера «Нийтаку» и «Чиода», а вслед за тем и флагманский корабль японского адмирала Урдо медленно вышел из боя, весь схваченный пламенем.

Однако равенство сил все же складывалось. Прорваться к Порт-Артуру «Варягу» не удалось, и он повернул обратно в порт, неизменно прикрывая канонерку. В Чемульпо «Варяг» был

затоплен, а «Корейца» взорвали. У японцев, как оказалось, были потоплены один крейсер и один миноносец; кроме того, один крейсер был выведен из строя.

Так началась война на Тихом океане. Несмотря на героическое поведение экипажей, особенно «Варяга», и на то, что японцы не решились полностью использовать огромные возможности, открывавшиеся перед ними, все же русский флот понес тяжелые потери. Список этих потерь пополнился мизерным транспортом «Енисей», наскочившим 11 февраля на собственную мину, и крейсером «Боярин», также получившим повреждение на mine и носившимся три дня по морю, пока японцы не расстреляли его.

Тем не менее, порт-артурская эскадра еще представляла собою грозную силу, и японцы не были спокойны за проводимые ими операции по переброске войск в Корею. Пытаясь обезвредить эту эскадру, японцы решили применить средство, с успехом примененное американцами во время войны на Кубе (у Сант-Яго): запереть выход из гавани и, таким образом, обречь на бездействие стоящие внутри корабли.

В ночь на двадцать четвертое февраля пять японских пароходов, груженных камнем и углем, устремились под прикрытием миноносцев ко входу в гавань; там их должны были взорвать.

Эта попытка могла удасться только при условии растерянности русских. Но японцы уже убедились, что при всех недостатках руководства Порт-Артур является сильной крепостью; меткость стрельбы русских артиллеристов была им также известна, и поэтому они сами, в большинстве, не верили в успех задуманной операции. Японский офицер Нирутака, например, записал в своем дневнике: «Я находил всю эту затею невыполнимой и нелепой... Необходимы какие-либо действия на театре войны, чтобы было о чем доносить».

Так или иначе, атака брандеров была все же предпринята. Крепостные форты и стоявший на мели, после повреждения его торпедой, броненосец «Ретвизан» открыли интенсивный огонь

по приближающимся судам противника, в результате которого все пять брандеров были потоплены, не выполнив задачи.

На следующий день шесть броненосцев и десять крейсеров приблизились к Порт-Артуру и, как бы возмещая неудачную атаку, подвергли город обстрелу. Крепостные орудия не доставали до неприятельских судов, японские же снаряды ложились в черте города. Правда, ущерб от них был незначителен, так как осколки не пробивали кирпичных стен зданий.

В этот раз русская эскадра не бездействовала. Пять броненосцев и пять крейсеров, сопровождаемые отрядом миноносцев, двинулись навстречу японским судам, обстреливая их на быстром ходу. Три поврежденных корабля стреляли с места. Особенно смело действовал быстроходный крейсер «Новик» под командой Николая Эссена.

Атмосфера в Порт-Артуре становилась все более напряженной. Показателем этой напряженности был отъезд наместника: 21 февраля генерал-адмирал Алексеев со штабом перебрался в Мукден. Полновластным хозяином Порт-Артура остался генерал Стессель.

В тот же день в крепости получили известия о назначении командующим Тихоокеанским флотом вице-адмирала Макарова.

МАКАРОВ В ПОРТ-АРТУРЕ

Было два человека, кандидатуры которых выдвигались на пост руководителя морских сил на Дальнем Востоке: вице-адмирал Макаров и вице-адмирал Рожественский. Этот последний имел репутацию бравого командира и лихого моряка. Правда, злые языки утверждали, что Рожественский сделал карьеру посредством тонкого хода во время морских маневров в Ревеле. Когда присутствовавший на маневрах Вильгельм II потребовал вести учебную стрельбу на дальние дистанции, корабли Рожественского чуть ли не с первого залпа накрыли цель, вызвав восхищение августейшего гостя; кое-кто, однако, говорил втихомолку, что предусмотрительный адми-

рал заранее распорядился заложить фугасы под щитами, и в момент запы оставалось только включить ток, чтобы щиты взлетели на воздух. Во всяком случае, придворным кругам Рождественский импонировал гораздо больше, чем Макаров. Но именно потому его, в конце концов, и не послали в Порт-Артур: уж очень нерадостна была перспектива принять командование над блокированной эскадрой, лучшие корабли которой были выведены из строя.

Исполнилось предсказание Макарова, отлично знавшего отношение к нему морского министерства, что его пошлют на Дальний Восток лишь в минуту крайней необходимости и опасности. Но это не смутило его. Как все по-настоящему крупные люди, он смотрел в глаза фактам и не опускал рук перед трудностями, сколь велики они ни были. Сборы были не долги. Восьмого марта новый командующий флотом прибыл в Порт-Артур. Вместе с ним приехали члены его штаба: капитаны II ранга Васильев и Шульц, корабельный инженер Вешкурцев, главный инженер Кронштадтского порта Линдебек и другие. Макаров привез с собою также большую группу мастеровых Обуховского сталелитейного завода.

Макарова ждали с нетерпением. Встреча носила торжественный характер. Подполковник Вершинин приветствовал Макарова краткой речью, из которой вытекало, что все надежды города возлагаются на адмирала, и без него порт-артурцы «готовы впасть в отчаяние».

Макаров держался по-обычному прямолинейно и резковато, и это охладило и даже заставило встревожиться многих из числа встречавших.

Возбуждение, вызванное прибытием Макарова, еще более возросло, когда стало известно, что в этот же день удалось снять с мели броненосец «Ретвиан». Работы по снятию поврежденного торпедой броненосца были бы давно закончены, если бы не то обстоятельство, что ему пришлось участвовать в отражении еще трех атак, и во время стрельбы из крупных орудий все подведенные под пробойину временные запла-

ты от сотрясения отрывались, и работу всякий раз возобновляли сначала.

С первого же дня адмирал начал обстоятельно знакомиться с состоянием эскадры, гавани и оборонительных сооружений. Вместе с тем он тщательно разузнавал, что происходит в японском флоте.

Несмотря на все выгоды, вытекавшие от коварного внезапного нападения, японцы понесли за месяц войны довольно большие потери. Тяжкие повреждения получил броненосец «Яшима», на броненосце «Фуджи» были сбиты все трубы, на броненосце «Шикишима» повреждена машина и сбиты трубы; получили также те или другие повреждения еще два броненосца, пять бронированных крейсеров I ранга (из шести, имевшихся в японском флоте), два крейсера II ранга; один крейсер II ранга затонул.

Тот факт, что даже будучи захваченным врасплох русский флот нанес противнику столь значительные потери, давал все основания ожидать еще больших результатов при улучшении руководства флотом. А то, что стиль руководства с приходом Макарова в корне меняется, было очевидно. Ярким доказательством этого явился один эпизод, происшедший через два дня после приезда Макарова.

Шесть русских миноносцев, вышедших вечером на разведку в море, были отрезаны японской флотилией от своих сил и подверглись нападению двенадцати миноносцев и пяти крейсеров. Был потоплен один японский миноносец, но два русских корабля оказались в трудном положении. Миноносцу «Решительный» удалось прорваться сквозь вражеское кольцо, но второй корабль «Степегуций» не мог пробить себе дорогу.

Узнав о завязавшемся бою, Макаров послал на помощь окруженным миноносцам крейсера. Гром восторженных кликов прокатился по гавани, когда на самом быстром маленьком крейсере «Новик», стремглав помчавшемся на выручку товарищей, разглядели адмиральский штандарт. Макаров там! Он не прячется за броней. Он несет в гущу боя, подавая пример бесстрашия.

К сожалению, смелая вылазка Макарова осталась безрезультатной. Помочь «Стерегущему» было уже нельзя. Он получил пробоину, машины на нем перестали действовать. Японские корабли приблизились вплотную и взяли израильтинский миноносец на буксир.

В героическом, непередаваемом бою, выдержанном миноносцем, была перебита вся команда «Стерегущего». Оставшиеся в живых два матроса заперлись в трюме и, не отзываясь на требования японцев сдаться, открыли кингстоны, чтобы не оставлять в руках неприятеля свой корабль.

Русские моряки навсегда сохранили память о героическом экипаже «Стерегущего». И с нею неразрывно связана память о командующем флотом, подобно мичману, устремившемуся на помощь гибнущему судну.

Своим поведением при попытке выручить окруженный миноносец Макаров окончательно завоевал симпатии офицеров и матросов.

С каждым днем эти симпатии возрастали. «Все храбрецы находят в нем отца-покровителя и сочувствующего друга, — писал один очевидец. — Предложения некоторых он отклоняет, не находя соответствующим или самый проект, или самого исполнителя, но направляет в то же время молодую энергию в ту сторону деятельности, которую он находит более подходящей для данного офицера».

Опираясь на доверие и уважение подчиненных, Степан Осипович развернул обширную деятельность. Напряженные учебные занятия, ремонт поврежденных судов, расширение дока, система оборонительных мероприятий, обновление командного состава, организация вопросов боепитания... Для обороны входа в гавань Макаров велел затопить с внешней стороны входа два коммерческих парохода. Кроме того, на ночь он оставил позади минных заграждений один крейсер с несколькими миноносцами: в случае внезапного нападения неприятеля, они должны были тотчас атаковать прорвавшиеся в гавань корабли. Сам Макаров проводил все ночи на дежурном крейсере, часто появляясь на па-

лубе и зорко всматриваясь в ночную мглу.

Двадцать второго марта сильная японская эскадра приблизилась к Порт-Артуру и обстреляла город и Ляотеманский маяк. Стрельба велась из 12-дюймовых орудий. Зная, что крепостная артиллерия недостаточно дальнобойна, японцы рассчитывали на безнаказанность своих операций. Но в этот раз их ждал неприятный сюрприз. Макаров организовал стрельбу перекидным огнем, то есть, аналогично японцам, и эта стрельба, в осуществимости которой с русской стороны многие сомневались, дала прекрасные результаты. Не видя цели, но руководимая наблюдателями, судовая артиллерия стреляла очень точно.* Японский броненосец «Фуджи» получил сильное повреждение, после чего вся неприятельская эскадра отошла. Одновременно Макаров вывел из гавани крупные корабли: пять броненосцев и шесть крейсеров, как бы предлагая бой, в случае желания противника вновь приблизиться к рейду. Японцы не решились атаковать русские суда, находившиеся под защитой крепостных фортов, и удалились.

Двадцать седьмого марта японцы повторили попытку заградить брандерами выход из гавани. Было послано четыре парохода, под прикрытием шести миноносцев. Тут сказалась макаровская система обороны. Неприятельские суда были своевременно обнаружены. Канонерки «Отважный» и «Бобр», миноносец «Сильный» и крепостные форты открыли энергичный огонь.

Брандеры имели на вооружении скорострельные пушки и пулеметы. Сторожевые русские корабли были засыпаны снарядами. Миноносец «Сильный» был атакован пятью японскими миноносцами. Хотя около 20 человек из его экипажа получили ранения, миноносец не ослабил огня. Умело пущенной миной он взорвал передний брандер. Затем «Сильный» дал свисток, что означало, согласно коду сигналов: «поворачиваю

* Перекидная стрельба производилась по квадратам, то есть заблаговременно велась пристрелка.

влево». Полагая, что это свистит передний брандер, остальные японские корабли также повернули влево — и вместо прохода в гавань оказались на мели. Минноносец «Сильный», получивший серьезные повреждения, также был принужден выброситься на берег.

Однако атака еще не совсем была отбита. Одному брандеру все же удалось прорваться на рейд и, став поперек, сесть на мель. Макаров, лично руководивший отражением атаки, немедленно послал волонтеров-офицеров, чтобы обрезать провода к минам, находящимся в трюме брандеров, и затушить пожар на последнем брандере, дабы пламя не служило ориентиром для врага.

Команды брандеров пытались спастись на шлюпках, но были выслежены прожекторами и потоплены меткими выстрелами.

Таким образом, вторая атака брандеров закончилась, подобно первой, совершенным провалом. Правда, часть прохода была заграждена, но это не имело существенных последствий и даже позволило сторожевым судам впоследствии укрываться за лежащим брандером от мины.

Спустя два дня Порт-Артур торжественно коронил погибших во время ночного боя: инженер-механика Зверева и семь матросов. «День выдался чудный, солнечный. Гробы, покрытые Андреевским флагом, провожала масса народу. Похоронная музыка и пение хора уже не подавляли грустью, как это было при похоронах первых жертв войны. Угнетенное состояние населения, гарнизона и флота заменилось спокойной уверенностью и озарялось надеждою, что мы отстоим нашу крепость, что все отчаянные попытки неприятеля останутся без успеха», — писал очевидец.

Днем позже были похоронены также японцы, чьи трупы волны выбросили на берег. Их хоронили с воинскими почестями, при хоре музыки, в сопровождении почетного военного эскорта.

При погребении русских моряков присутствовал только что прибывший из Петербурга знаменитый художник-баталист В. В. Верещагин, — две недели

спустя погибший в водах Японского моря.

Изю дня в день крепло боевое настроение порт-артурцев. Они уже не помышляли только об обороне, все чаще и упорнее стали говорить об активных действиях флота, о том, чтобы дезорганизовать морские пути сообщения противника. У всех на устах была крылатая фраза Макарова:

«Такая дичь, как оправдание тактики во время первого боя (то-есть, инертность флота. — К. О.) необходимостью сохранить этот флот, могла выпорхнуть только из Порт-Артура».

Макаров не уставал твердить, что военные корабли стоят не для того, чтобы их сохранять, а для того, чтобы они охраняли интересы государства.

Постепенно даже самые закоренелые малOVERы проникались идеями Макарова. В настроении флота произошла резкая перемена, и ее чувствовали даже во вражеском стане. Недаром один японский офицер записал в своем дневнике: «С приездом адмирала Макарова в русской эскадре началось небывалое до сих пор оживление, особенно заметное в обороне гавани».

Макаров внушал мысль, что, несмотря на техническое превосходство неприятельского флота, сильная духом порт-артурская эскадра в состоянии разбить его. Каждая неудачная атака японцев подрывает их дух и поднимает дух у русских моряков. Радавая боевые отличия, он давал понять, что ждет от награжденных еще больших подвигов. И каждый мечтал удостоиться той же чести: получить награду из рук адмирала, которого любили и в которого верили все матросы.

ГИБЕЛЬ «ПЕТРОПАВЛОВСКА»

Путем настойчивого обучения экипажей кораблей Макаров добился исключительно быстрого выхода всей эскадры из гавани в открытое море. Теперь при каждом приближении неприятельского флота он мог предпринимать встречный маневр. Это было очень важно, так как японцы стремились высадить под Порт-Артуром десант, чтобы окружить его

с суши. Активность русской эскадры не позволяла осуществить этот замысел.

Конечно, становясь на такой путь, Макаров был готов к тому, что японцы решат уничтожить в открытом бою порт-артурскую эскадру — и попытаются сделать это возможно скорее, до прихода сильных морских подкреплений из Балтики. Перспектива боя не смущала Макарова. Ему не впервые было сражаться против превосходящих сил противника. Смелость сочеталась в нем с расчетом. Он решил вынудить японцев сражаться в невыгодных для них условиях: в зоне огня крепостных фортов или тогда, когда все их силы смогут принять участие в бою.

В предвидении возможного — точнее сказать, почти неизбежного сражения, Макаров поднял свой адмиральский штандарт на одном из крупнейших броненосцев: «Петропавловске».

Построенный в Петербурге в 1894 году, «Петропавловск» имел 375 футов в длину и 70 футов в ширину; водоизмещение его составляло 11 354 тонны, скорость — 17 узлов в час. Он был вооружен 60 орудиями; экипаж состоял из 616 матросов и 26 офицеров. Командиром броненосца был даровитый моряк, высоко ценимый Макаровым, капитан Яковлев.

Силою обстоятельств, этот корабль стал могилкой доблестного адмирала и почти всего экипажа.

Тринадцатого апреля отряд миноносцев отправился в ночную разведку на острова Эллист, где предполагалась японская морская база. На обратном пути миноносцы были перехвачены сильной японской эскадрой. Почти всем кораблям удалось проскочить в гавань, но миноносец «Страшный» был отрезан. В темноте он принял японскую эскадру за свои корабли и примкнул к ней. Повторилась история со «Стереющим». Односудный миноносец героически защищался, повредил японский крейсер, но тем не менее положение его было очень тяжелое. Из Порт-Артура уже мчался на помощь дежурный крейсер «Баян» с пятью миноносцами. Может быть, «Страшный» был бы спасен, но тут японский снаряд угодила прямо в ми-

ный аппарат, из которого готовились выстрелить по неприятельскому кораблю. Мина взорвалась и причинила огромные разрушения. «Страшный» начал погружаться на дно.

Подоспевший «Баян», отгоняя японских миноносцев, стал подбирать тонущих, но удалось спасти только пять человек, еще державшихся на поверхности.

В это время к месту боя подошли крупные неприятельские суда: два броненосца и несколько крейсеров, и с хода открыли ураганный огонь по «Баяну». Теперь уже положение «Баяна» стало угрожающим. Но в этот момент на фланге у японцев появились русские корабли.

Едва получилась весть об окружении «Страшного», Макаров отдал приказ всей эскадре выходить в море. Когда завязался бой с «Баяном», еще не все суда вышли из гавани, но Макаров, не дожидаясь отсталых, двинул основные свои силы туда, где премели орудия.

Сам Макаров находился на своем флагманском корабле «Петропавловске».

При появлении русской эскадры, японцы прекратили обстрел «Баяна» и стали оттягиваться, ведя перестрелку с дальней дистанции. Это отступление преследовало цель увлечь за собою русские корабли и, пользуясь туманом, неожиданно поставить их лицом к лицу со всем флотом адмирала Того, извещенного по беспроволочному телеграфу о начавшемся бое. Когда, энергично преследуя японцев, эскадра Макарова отдалась от берега, на горизонте обнаружилось быстро приближавшиеся японские корабли. Туман разошелся, и замысел Того сорвался. Насчитав 23 вымпела и справедливо рассудив, что неравенство сил чересчур велико, Макаров решил отойти под прикрытые береговых батарей.

Он приказал эскадре отходить на рейд и там построиться в боевую колонну, чтобы принять атаку японцев. Эскадра отходила в таком порядке: впереди крейсера «Аскольд», «Баян» и «Диана», затем броненосцы «Петропавловск», «Пересвет», «Победа» и крейсер «Новик».

Макаров был весь этот день в плоднотом настроении. Когда выходили из Порт-Артура, он в страшном нетерпении торопил механиков. На их заявления, что котлы старой системы и потому их трудно наладить, да к тому же низкая вода затрудняет выход, он отвечал все одной и той же фразой:

— Поймите, что у меня корабль гибнет.

Теперь, когда приблизился момент большого сражения, которого он давно ждал и к которому был готов, он обрел обычную уверенность и хладнокровие.

Стоя на резком ветру, чуть жмурясь от ослепительного солнца, он спокойно отдавал приказания. Он распорядился, чтобы миноносцы шли в гавань. На мачтах флагманского корабля взвились разноцветные флаги.

Это был последний сигнал, поднятый на «Петропавловске». В следующую минуту раздался промовой удар, и над броненосцем взметнулось пламя.

Командир «Петропавловска» Яковлев предлагал Макарову изменить курс, чтобы избегнуть места, на котором накануне шныряли японские миноносцы. Но адмирал счел опасным терять время на обход подозрительного участка и распорядился не менять курса. Обычно броненосец, выходя в море, опускал тралы для противодействия минам; в этот раз, дорожа каждой минутой, чтобы успеть на выручку «Баяна», Макаров пренебрег обычной мерой предосторожности.

Таковы были обстоятельства, приведшие к гибели «Петропавловск». Идя полным ходом, броненосец наткнулся на мины, в изобилии расставленные накануне японцами. Это была так называемая «банка» — связка мин, соединенных между собой цепями.

Последовал страшный взрыв. Несмотря на причиненные им опустошения, броненосец, вероятно, добрался бы до гавани, но злополучное сплетение обстоятельств продолжало преследовать корабль. На «Петропавловске» имелось пятьдесят мин*. От происшедшей при

взрыве детонации они стали взрываться. Легко понять, какое разрушительное действие оказал взрыв такого количества мин внутри корабля. Взрывались также снаряды и пороховые погреба. Это был конец. Взорвались все тридцать судовых котлов. Сперва произошел разрушительный взрыв в подводной части, затем в носовой части корабля, затем еще два взрыва.

Последовательная серия ужасных взрывов буквально искромсала броненосец. Броневая палуба раскрылась. Люди бежали наверх по уцелевшему каким-то чудом трапу.

Корабль повалился набок.

Правое крыло капитанского мостика погрузилось в воду, левое взнеслось высоко вверх. В воздухе со свистом пролетали железные и деревянные предметы. Сорвавшаяся на палубу шлюп-балка ударяла, подобно тарану, пробегавших людей, сбивая их в воду.

«Башня, мачты, трубы — все это как бы повисло в облаках темнозеленого дыма, который пронизывало темно-красное зарево, — вспоминал очевидец, флаг-офицер Макарова. — Часть команды двинулась на корму и бросалась в воду, попадая на лопасти винта, работавшие сильнее обыкновенного в воздухе».

Группа матросов и вместе с ними художник Верецагин собирались прыгнуть в море. Корабль быстро кренился на нос. Вся середина корабля взнеслась почти вертикально. В воздухе грозно гудел винт. Правая башня 6-дюймовых орудий слетела в море. Огромная стальная стрела на спардеке для подъема шлюпок метнулась от взрыва за корму и снесла всю группу.

Даже в этот страшный миг русские моряки сохранили дисциплину. Один из спасшихся офицеров передавал, что, пробираясь на палубу, он заметил часового, неподвижно стоявшего подле дежжного ящика.

— Что ты стоишь? — крикнул офицер. — Беги, спасайся!

— Никак нет, не брошу поста, — ответил матрос.

Взрыв произошел в 9 часов 38 минут утра. Через 2 минуты на воде плавали

* Макаров хотел во время боя использовать, кроме артиллерии, минные аппараты.

только обломки. Морская практика знает очень немного случаев столь молниеносной гибели большого военного корабля.

Зрелище катастрофы ужаснуло всю русскую эскадру. А тут раздался новый взрыв: «Победа» также нагнулась на мину*. Люди оцепенели. Еще минута — и разразилась бы паника. Если бы японцы воспользовались понятным замешательством и атаковали русские корабли, им удалось бы, вероятно, нанести полное поражение. Но Того упустил момент, а спустя несколько минут уже было поздно. Контр-адмирал Ухтомский поднял на «Пересвете» сигнал, приказывавший идти за ним. Эскадра в полном порядке последовала за новым командующим.

Со всех сторон мчались шлюпки, чтобы подобрать команду «Петропавловска». Увы! Многие погибли от взрывов, другие же не сумели продержаться в бурном море. Из шестисот человек удалось спасти только девяносто.

Капитана броненосца Яковлева, получившего тяжкие раны, поддерживал на воде один матрос. Его вытащили полумертвого, с трудом довели температуру его тела до 34°; ему удалось сохранить жизнь.

Верещагин погиб, как погиб и талантливый моряк Васильев, полковник Агапеев, лейтенант Дужельский и многие «сикаровцы».

Но все мысли были сосредоточены на одном: где он? Где адмирал? Неужто погиб Макаров?

Об этом думали на судах и в городе, откуда была видна вся катастрофа.

Роились самые разнообразные слухи. Иные говорили, что видели адмирала в одной из спасательных шлюпок. Но вытщенный из воды сигнальщик Бочков со слезами рассказал, что, бросаясь в море, он заметил Макарова, лежавшего на мостике в бессознательном состоянии, в луже крови.

Это было единственное показание об адмирале. Трагедия совершилась так быстро, что никто не успел принять ме-

* Последствия этого взрыва были в непродолжительном времени исправлены, и броненосец вновь занял свое место.

ры к спасению Макарова. Повидимому, он был убит или ранен при взрыве и пошел ко дну вместе с броненосцем.

Громадная толпа, собравшаяся в гавани, куда доставили спасенных, в страстной надежде ждала, что вот появится знакомая борода «дедушки». Но прибыл последний катер... Адмирала нет, нашли только его шинель. Суровые моряки, не стеснясь, плакали. Впрочем, не только они. Порт-Артур от мала до велика горевал о безвременной смерти своего защитника, и скорбь эта нашла себе отклик во всей России.

Впоследствии в газетах появлялись предположения, что «Петропавловск» наскочил на русскую мину. Вряд ли такое мнение выдерживает критику. Русские корабли не разбрасывали пловучих самовзрывающихся мин на собственном пути, перед входом в гавань (взрыв произошел на расстоянии всего немногим более версты от берега). Правда, рейд заграждался минами, взрывающимися электрическим током, но днем ток выключался, да и ставились такие мины уже в позднейший период.

Причиной гибели послужили японские мины. Между прочим, спустя месяц после трагедии с «Петропавловском» японский броненосец «Хатсузе» также наскочил на пловучую мину и затонул в несколько минут.

Кроме «Хатсузе» японский флот потерял к этому времени, то-есть к маю месяцу, еще 23 военных корабля, часть из которых затонула, часть получила сильные повреждения. У русских затонуло 5 крупных кораблей и 4 миноносца; повреждения получили 6 броненосцев, 3 крейсера и несколько миноносцев. Иными словами, потери воюющих сторон почти сравнялись — несмотря на колоссальный урон, понесенный русскими в первые дни войны.

Макаров с уверенностью смотрел в будущее.

Он не был намерен погибать, этот человек с львиным сердцем, этот спокойный, неутомимый боец. И он делал все для того, чтобы обеспечить победу. Только пять недель довелось ему провести в Порт-Артура, но и за этот корот-

кий срок он успел сделать очень многое. Он обучил эскадру, усилил укрепления, поднял моральный дух. С его приходом (и с появлением привезенных им опытных мастеровых) значительно ускорился ремонт поврежденных кораблей. Были отбиты три японских атаки. Введенная им перекидная стрельба ликвидировала безнаказанный обстрел японцами города.

Он упрочил свою репутацию крупнейшего флотоводца своего времени. И даже враги не могли не почтить павшего врага. Японский адмирал Огасавара объявил от имени морского штаба, что смерть Макарова — это потеря для всех флотов мира.

Его оплакивала вся Россия, и прежде всего — осиротевшая семья моряков. В одном стихотворении, написанном в ту пору, хорошо отразились эти чувства:

Спи, северный витязь! Спи, честный боец.
Безвременно взятый кончиной.
Не лавры победы — терновый венец
Ты принял с бесстрашной дружиной.
Твой гроб — броненосец! Могила твоя —
Холодная глубь океана.
И верных матросов родная семья —
Твоя вековая охрана.
Делившие лавры, отныне с тобой
Они разделяют и вечный покой.

В Макарове поражает прежде всего неустанная жажда деятельности. Его мозг не знал усталости, в нем вечно рождались смелые проекты, и жизнь только тогда казалась Макарову жизнью, когда он творил, горел в работе, в труде, в борьбе, делал то, что не под силу было бы и десятерым. Уже будучи в высоких чинах, плывя куда-нибудь на корабле, он вдруг становился на место капитана и принимался командовать: уж очень невтерпеж оказывалась для него вынужденная бездеятельность даже в течение нескольких часов.

Всю жизнь Макаров был поборником «святого беспокойства», разрушающего рутину, провозглашающего новые взгляды.

Другая характерная черта С. О. Макарова — это беспредельная преданность морскому делу. Он был подобен в этом отношении Нахимову, не создавшему семьи, не имевшему никакой личной

жизни, кроме морской службы. Личная жизнь Макарова сложилась неудачно. Жена не понимала фанатической приверженности Степана Осиповича морскому делу, чертежам, книгам, кораблям.

При этом, он не был угрюмым анахоретом. Он любил «пропустить по рюмочке», любил шумную беседу, смех, шутки. Но все это — между делом.

В «высших сферах» его недолюбливали и за то, что он был простого происхождения. Он знал об этом и демонстративно подчеркивал иногда свою «невоспитанность».

В нем была суворовская неспособность к компромиссам.

— Меня землю бородой мести не заставишь, — говорил он с гордостью и некоторой заносчивостью.

В Порт-Артуре, давая интервью корреспонденту, он выразил категорическое желание, чтобы лично о нем писали как можно реже в газетах и телеграммах.

Макаров был по-хорошему честолюбив, никогда он не согласился бы пожертвовать интересом дела ради личной выгоды. Он совершенно не был тщеславен, но был очень самолюбив и обидчив. При его прямолинейности, эти качества легко порождали врагов. Он сам как-то удачно выразился о себе:

— Один из главных недостатков моих — что я не могу смолчать на глупость или не посмеяться в лицо над глупостью.

Глупость, легкомыслие, недостаточная серьезность, если они были как-нибудь связаны с делом, особенно с морским делом, вызывали в нем ярость.

Особенно не терпел он безразличного, тупого исполнения приказаний. Он часто говорил, что пассивное повиновение — это почти то же, что пассивное сопротивление.

Он требовал, чтобы делу отдавались всей душой, вкладывали в него все способности, весь ум и волю.

«Не только за страх, но за совесть» — эта фраза из присяги олицетворяла для него сущность дисциплины.

Требовательный к себе, он был требователен и к другим. Он никогда не потворствовал подчиненным, если их

проступки происходили из нерадения или непослушания.

«Мне кажется, — писал он еще в юные годы, — в строгой дисциплине, где благо-разумный начальник есть душа и вся сила подчиненных, гораздо более поэзии, чем в поддельном ухарстве...»

Ему подчинялись охотно, потому что глубоко уважали за его храбрость, признавали его авторитет, ценили его безграничное трудолюбие и самоотверженную преданность любимому делу.

Русские моряки всегда были бесстрашными, дисциплинированными воинами. Немало славных страниц вписали они в свою историю. Поколение за поколением продолжали героические традиции отцов и дедов. Из их рядов вышли безвестные герои Гангута, Синопа и Наварина, доблестные участники Севастопольской обороны — соратники ле-

гендарного Кошки; из их рядов были сформированы команды «Варяга» и «Стерегущего»; на фронтах гражданской войны гремела их слава, и недаром навеки осталась в народной памяти песня о Железняке.

В годину отечественной войны с фашистскими ордами моряки стальной стеной преграждают путь врагу. Они нанесли ему сокрушительные удары на море и в воздухе, они встречали своей грудью танки под Ленинградом и под Одессой, они удивили весь мир девяти-месячной эпопеей Севастополя.

В боевых традициях флота и всего русского народа бережно сохранены имена вождей, водивших к победам моряков в прежние годы: Ушакова, Лазарева, Нахимова, Корнилова. И среди этих имен ярко горит имя Степана Осиповича Макарова.

Великое двадцатипятилетие

Проф. Б. ВОЛИН

✳

I

На всей восточной половине Европы и северной трети Азии раскинулась наша родина, занимая одну шестую мира. Огромные русские просторы зарисованы нашими художниками, изучены нашими учеными, описаны нашими писателями, воспеты нашими поэтами.

Под большим шатром
Голубых небес
Вижу, — даль степей
Зеленеется,
И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.
По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Веками трудились деды и прадеды, чтобы сделать нашу Родину могучей, свободной и счастливой. Они вырубали леса и прокладывали дороги, возделывали земли и строили города. Создавалась промышленность, развивались ремесла, разведывались богатые недра земли.

Из века в век развивал русский народ свою культуру, свое искусство. Среди великих светочей мировой науки и культуры сияют имена таких гениальных сынов русского народа, как писатели Ломоносов, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Толстой, Чехов и Горький, как замеча-

тельные революционеры-демократы Белинский, Чернышевский, Добролюбов и Герцен, как корифеи науки Сеченов, Менделеев, Мечников, Павлов, Тимирязев и Мичурин, как полководцы Суворов и Кутузов, как художники Репин и Суриков, как музыканты Глинка и Чайковский, как величайший гений нашего народа и всего прогрессивного человечества Ленин.

Богат и звучен русский язык. О нем Пушкин говорил, как о сокровищнице гармонии, к нему Тургенев обращался: «О, великий, могучий, правдивый, свободный русский язык!», о нем Энгельс отзывался, как о самом сильном и самом богатом из всех живых языков.

На протяжении своей славной истории наш народ выработал в себе замечательные качества мужественного борца за свободу и независимость, за прогресс.

Над просторами нашей Родины, над ее городами и селами, над ее становищами и аулами четверть века тому назад, в октябре 1917 года, взвилось красное знамя советской власти. Впервые в истории человечества люди труда — рабочие, крестьяне, интеллигенция — стали полноправными хозяевами в своей чудесной стране.

Испытывая нужду и лишения, преодолевая препятствия, чинимые врагами трудящихся масс, свободолюбивые народы нашей Родины во главе с великим русским народом отстаивали свое

гчество в гражданской войне, против помещиков и капиталистов, сокрушили всех иностранных интервентов и наиболее хищнических из них — немцев. Одолев многочисленных врагов, советский народ приступил к восстановлению разрушенного хозяйства, к мирному строительству своей жизни, к построению бесклассового общества.

Все годы советской власти свободные люди нашей страны под руководством Ленина и Сталина работали над развитием и укреплением своей любимой Родины. 16 союзных республик вошли в состав Советского Союза. Около 200 миллионов человек объединились под красным знаменем Советов, под сенью Сталинской Конституции. Крепло морально-политическое единство народов советского общества.

Планомерно и бурными темпами шло социалистическое строительство. Росли и оснащались передовой техникой наша промышленность и сельское хозяйство. Страна богатела. Дружными усилиями народы Советского Союза осуществляли Третью Сталинскую пятилетку.

В самый разгар гигантского строительства на нашу миролюбивую и цветущую Родину вероломно напали немецкие изверги, обрушились на нас всеми кровавыми ужасами своей тотальной войны.

Советское правительство, большевистская партия мобилизовали все силы народа в направлении мирного строительства, организации крепкого тыла для фронта, проведения оборонительных и наступательных операций Красной Армии.

В трудовые колонны в тылу, в боевые ряды на фронте строится наш народ, неустанным трудом и героическими подвигами демонстрирует свой патриотизм, свою безграничную преданность советскому строю, свою сыновнюю любовь к товарищу Сталину, свою всеуничтожающую ненависть к подлому врагу.

Враг хочет уничтожить наше государство, выгравить самую память о России, истребить русских людей и другие народы СССР, а оставшихся в

живых ввергнуть в вечное рабство, растоптать бронированным сапогом тысячелетнюю передовую культуру, перечеркнуть кровью наше двадцатипятилетнее советское бытие.

Не бывать этому! Для того и была осуществлена под водительством Ленина и Сталина Октябрьская социалистическая революция, чтобы наша великая страна, став мощной советской державой, могла противостоять любому военному натиску.

История советской власти — это четверть века небывалой в истории человечества борьбы миллионов народных масс за новый, советский, социалистический путь развития, за ликвидацию всех пережитков прошлого, за решительную переделку на самой передовой основе всей промышленности и сельского хозяйства, за подъем благосостояния и культуры. Это все и должно было привести, и привело к созданию военной, оборонной мощи нашей советской державы.

С глубоким чувством удовлетворения за победоносно пройденный путь отмечаем мы в ожесточенном огне войны двадцатипятилетие существования советской власти, приведшей наш народ к способности противостоять удару коварного, вооруженного до зубов врага.

Неповторима славная история двадцатипятилетия советской власти!

II.

Грозы и бури гражданской войны, интервенции и блокад прошли. Небо над советской землей все более и более прояснялось. Страна стала ликвидировать разрушения, причиненные войной империалистической и войной гражданской. Восстанавливалось запущенное и разбитое хозяйство.

Народные массы строили свое собственное государство.

Первый декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный Лениным, гласил: «Вся власть отныне принадлежит Советам». И советы на протяжении всех истекших двадцати пяти слав-

ных лет всю мощь своей власти, всю силу своего авторитета, обусловленного крепкой связью своею с массами, употребили на благо трудящихся, на рост их благосостояния, на подъем их культуры, на обеспечение мира, на укрепление престижа советского народа среди всех народов мира.

Как торжественная победная песнь свободы, прозвучала на весь мир «Декларация прав народов России», составленная соратником Ленина, товарищем Сталиным.

«Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена... Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков».

Народы Советской республики, рабочие и трудящиеся крестьяне «стали сами строить новое, пролетарское государство, стали в пылу бешеной борьбы, в огне гражданской войны намечать основные положения о государстве без эксплуататоров»*.

В труде, в беспощадной борьбе с врагами народа крепла Советская Россия. От конституции (Основного закона) РСФСР, принятой в 1918 году, до Сталинской Конституции (Основного закона) СССР, принятой в 1936 году, и дальше тянется большой, длинный путь, пройденный советским народом под знаменем Ленина—Сталина. Это — путь полного преобразования нашей Родины, превращения ее из убогой и слабой России в мощную и великую советскую державу.

Подъем по этому пути был крут и труден, но каждый поворот на этом подъеме открывал горизонт все шире и шире, советские люди на этом пути мужали, росли, союз рабочих и крестьян становился все более крепким, дружба народов все более нерушимой, успехи социализма в промышленности и сельском хозяйстве, в городе и деревне — все более решающими, оборо-

носпособность страны — все более надежной.

За прошедшее двадцатипятилетие человек из бесправного «подданного его величества» превратился в гордого гражданина Союза Советских Социалистических Республик, где

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...

Двадцать лет советский человек с достоинством носит гордое звание гражданина Союза Советских Социалистических Республик. Двадцать лет тому назад, через пять лет после создания в 1917 году советской власти, в декабре 1922 года был образован Советский Союз. Настало время для более тесного объединения этих советских республик в едином государственном союзе.

Чем это было вызвано?

Годы первой мировой войны, а затем и войны гражданской бесследно не прошли. Разоренные поля, многочисленные остановившиеся заводы, истощенное и разрушенное народное хозяйство требовали объединенных братских усилий всех народов нашей страны. Нельзя было восстановить разрушенное народное хозяйство, а тем более построить новое, социалистическое хозяйство при раздельном существовании советских республик. Была и еще одна, не менее важная причина, настойчиво требовавшая объединения в союз всех национальных республик. Это — необходимость создания сильной, обороноспособной страны, могущей противостоять всем попыткам новых нападений врагов советской власти на советскую землю. Опасность эта постоянно висела над нашей страной.

На скорейшее и более тесное объединение толкали также братские чувства всех народов, населявших Россию, боровшихся плечо к плечу совместно с русским народом и во главе с ним против общего врага — царского самодержавия — скрепивших свой союз в огне гражданской войны и отстаивших свою Родину от всех попыток захвата со стороны иностранных интервентов.

* Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 371.

Для объединения народов были все условия, ибо, как говорилось в Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик, только в Стране Советов оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

В декабре 1922 года состоялся I Всесоюзный съезд Советов, подтвердивший образование Союза Советских Социалистических Республик.

Ленин был тогда уже сильно болен. Руководитель съезда товарищ Сталин в своем докладе отметил, что день создания Союза является в истории Советского государства переломным, что новый период кладет конец отдельному существованию советских республик, что единое союзное государство должно будет думать также и о том, чтобы развиться в серьезную международную силу. Это указание товарища Сталина имело глубочайший смысл. Смысл сталинских слов заключался в необходимости создания хозяйственно мощной, а следовательно, и обороноспособной союзной державы.

Не будь создан по инициативе Ленина и Сталина Советский Союз, не прояви товарищ Сталин столько отцовской заботы о развитии и укреплении Союза, наши республики — каждая в отдельности — никогда с этой исторической задачей не справились бы, и наши народы стали бы добычей капиталистических держав, более мощных в хозяйственном и военном отношениях.

Но этого, к счастью, не случилось. Союз республик был создан. На страже интересов советского государства стояла созданная народом Красная Армия.

С первых же дней завоевания политической власти рабочий класс стал планомерно строить свою настоящую, централизованную армию.

Красная Армия была создана Лениным и Сталиным на основах сознательной дисциплины и уверенности в правоте дела, на защите которого она стояла. Это помогло ей одержать победу над численно

превосходящим и материально блестяще вооруженным врагом. Красная Армия росла вместе с ростом хозяйственной и политической мощи страны. Большевицкая партия и лично товарищ Сталин напряженно работали над созданием вполне современной армии, над снаряжением и снабжением ее самой передовой техникой и вооружением.

Среди армий крупнейших стран мира наша армия является самой молодой. Но, несмотря на это, наша Красная Армия наносит удары фашистской армии и сдерживает натиск бронированной машины гитлеровской Германии и других армий стран Европы.

Своей выдержкой, своим сопротивлением задержав молниеносный натиск врага, изматывая и уничтожая живую силу и технику фашистской армии, наша армия показала образец того, как надо драться, чтобы отстоять свою Родину.

Высоко над миром вьется красное знамя Советов, далеко перед всем человечеством светит неиссякаемым светом Основной закон СССР, Сталинская Конституция. Сбылось то, о чем в своей повести «Мать» утверждал устами одного из рабочих Максим Горький: «Россия будет самой яркой демократией земли».

В Сталинской Конституции записаны и обеспечены невиданные в истории величайшие права и свободы советских людей, в ней провозглашены их священные обязанности, среди которых самая священная — защищать социалистическое отечество. «Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР», — гласит Основной закон советской Родины.

Великий русский патриот, ученый, писатель, революционный демократ Николай Гаврилович Чернышевский в своем знаменитом романе «Что делать?», написанном в мрачных казематах Петропавловской крепости, выражал горячую веру в прекрасное будущее России. С этой верой он обращался через голову своего поколения ко всем нам — потомкам его поколения. Он верил, что в России будет «для всех вечная весна и лето, вечная радость».

О вечной радости светлого и прекрасного будущего человечества мечтали великие социалисты-утописты прошлых веков. Англичанин Томас Мор в начале XVI века в своей книге «Утопия», генуэзец Томазо Кампанелла в начале XVIII века в своей книге «Город Солнца», в XVIII веке выдающиеся французские утописты-социалисты Мабли в его книге «Кодекс природы» и Морелли в книге «Принципы законодательства», а в прошлом, XIX веке три великих социалиста-утописта — французы Анри Симон и Шарль Фурье, англичанин Роберт Оуэн и многие другие.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин всю силу своего гения посвятили борьбе за создание нового, коммунистического общества, исходя из основ научного социализма.

Советские люди справедливо гордятся тем, что в результате напряженного труда и беззаветной борьбы в Сталинской Конституции стало непреложным законом то, о чем мечтали на протяжении веков самые светлые головы, самые благородные сердца, самые передовые умы человечества, рисовавшие в своем воображении яркие картины счастливой жизни.

Вот на эти завоевания, записанные в Конституции, на самую жизнь народа, на его государство посягает гитлеровская армия. Их она топчет и уничтожает на занятых ею временно территориях Советского Союза, неся рабство и смерть для живущих там народов.

До последней капли крови мы должны защищать нашу великую Родину!

III.

Много веков русский народ плечо к плечу с другими народами творил историю России. Русские люди вместе с трудящимися других национальностей восставали против царей, против помещиков и капиталистов. И только при советской власти народы стали по-настоящему узнавать друг друга, зажили дружной, братской трудовой семьей.

Народы Родины моей живут, как дружная семья,
Десятки братских языков журчат ручьями
на свободе...

Еще не отзвучали раскаты оружейных выстрелов «Авроры», как Ленин в первом же обращении II Всероссийского съезда Советов «К рабочим, солдатам и крестьянам о победе Октябрьской революции и ближайших задачах» торжественно заявил, что новая, советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»*.

И впервые в истории замученных и обездоленных народов зазвучал со стороны правительства голос подлинной дружбы и товарищества. Вожди народов — Ленин и Сталин в «Декларации прав народов России», в обращении «ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (оба эти исторических документа написаны товарищем Сталиным) провозгласили, что отныне и навсегда политикой Советского правительства стала открытая и честная политика, ведущая к полному взаимному доверию народов Советской России!

Велика и нерушима дружба и настоящее братское сотрудничество народов! В огне отечественной войны великая дружба народов выдержала суровые испытания. Все советские народы понимают, что только совместными напряженными усилиями, взаимной поддержкой можно поразить насмерть кровавого зверя, задушившего национальную свободу в захваченных им районах и готового обрушиться огнем и мечом на другие народы, уже двадцать пять лет пользующиеся всеми благами национальной независимости и советской демократии.

Дружба народов нашей великой страны есть выражение их несокрушимого морального и политического единства.

«Мы — русские и узбеки, украинцы и грузины, белоруссы и таджики, — говорил узбекский поэт Хамид Алимджан на общегородском собрании интеллигенции города Ташкента, — готовы умереть за нашу священную человеческую дружбу. Мы не мыслим своей жизни без этой дружбы. Мы делим свою судьбу, как хорошая семья ме-

* Ленин. Соч., т. XXII, стр. 11.

жду собой делит хлеб, добытый честным трудом... Что объединяет нас? Что делает нашу дружбу неизменной? Это свобода, которую мы приобрели благодаря нашей дружбе и которую мы никому отдать не хотим. Это счастье, которого мы добились нашим долготным трудом и которое потерять не хотим. Это школы, где мы познали мир, где учатся наши дети. Это — наше стремление строить новый мир, никем не виданный и никем не изведанный. Это — наша преданность партии большевиков».

«Мир держится верностью друзей», — гласит древняя мудрость горцев Кавказа. Большой советский мир в годину небывалых испытаний особенно крепко нерушимой братской верностью всех народов нашей страны. Все национальные республики, области и районы и среди них в первых рядах Российская федерация работают без устали для фронта, для победы. А на фронте плечом к плечу бьются с остервенелым ненавистным врагом войны всех наций и народов великой советской державы. Русский знаменитый летчик Виктор Талалихин, пулеметчик Федор Чистяков, калмык минометчик Николай Анжинов, помощник командира азербайджанец Мамедов, украинец сержант Григорий Коваленко, узбек кавалерист Ахмед Далиев, еврей боец Илья Шнейер, армянин заместитель политрука Аграм Петросьян, белорусс пулеметчик Иосиф Кутас, все они и вместе с ними миллионы других воинов всех национальностей рука об руку самоотверженно дерутся, проливают свою кровь, отдают свою жизнь за общую мать-Родину — советскую землю, за единую советскую семью — Союз Советских Социалистических Республик.

Красная Армия — есть армия братства и дружбы всех народов Советской страны.

В своем докладе о проекте Конституции товарищ Сталин говорил, что «многонациональное государство, возникшее на базе социализма, должно выдерживать все и всякие испытания»^{*}.

* Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 513.

Народы Советской страны во главе с русским народом доказали, что наше многонациональное социалистическое государство способно выдержать любые испытания. Жестокая борьба с гитлеровскими извергами еще более укрепила ленинско-сталинскую дружбу народов, показала, что великая семья народов СССР составляет единый нерушимый лагерь, самоотверженно поддерживающий свою Красную Армию в ее напряженной борьбе против немецких извергов.

IV.

«Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка-Русь...» Об этих стихах Некрасова часто вспоминали Ленин и Сталин, когда они говорили о том, чем была наша страна в прошлом и чем она должна стать при советской власти.

Старая Россия была обильна просторами, но убога дорогами, обильна рабочими руками и сырьем, но убога фабриками, обильна талантами, но бедна прамотными людьми.

По величине природных богатств наша Родина — самая богатая, самая обильная страна в мире. Но, несмотря на эти несметные природные богатства, Россия при царях, капиталистах и помещиках занимала только четвертое место в Европе и только пятое место в мире по объему валовой продукции всей промышленности. Царская Россия почти целиком зависела от ввоза из-за границы станков, турбин, прессов и других видов оборудования. Природные богатства России лежали в значительной степени неразведанными. Такие обширные и богатые всякими рудами области России, как Сибирь, Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, не имели сколько-нибудь серьезной промышленности или вовсе были ее лишены. Вот почему Россию величали «ситцевой», «избяной», «лапотной» матушкой Русью, в то время как, если бы она использовала свои природные богатства, она могла быть действительно могучей страной. Россия была преиму-

щественно аграрной, сельскохозяйственной отсталой страной.

Советская власть с первых же дней своего существования мобилизовала все силы народа для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для создания ее военной мощи, для развития всех ее производственных сил.

Это была нелегкая задача. Ибо русская промышленность, и без того мало развитая и отсталая, к концу гражданской войны дошла до последнего предела упадка: она давала в 1920 году меньше одной шестой от довоенной продукции. Посевная площадь была равна всего только трем пятым посевов до войны.

Четыре года империалистической войны достаточно разорили и обездолили Россию. Кроме того, ее разорили три года гражданской войны. Всюду царил голод и холод. Тяжелое продовольственное положение усугубляло трудности работы по подъему и развитию производительных сил страны. В наследство нам досталась страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными островками промышленности, среди безбрежного моря мелких и мельчайших крестьянских хозяйств.

Положение не допускало никаких отсрочек. Надо было действовать решительно и быстро. Основная задача, поставленная перед страной, состояла в том, чтобы

«страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства».

Чтобы двинуть вперед восстановление нашего хозяйства, надо было начинать с восстановления сельского хозяйства. Почему именно с крестьянства, а не с рабочих надо было начинать дело?

«Потому, — отвечал Ленин, — что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас «задержка» самая большая — с точки зрения всего государственного хозяй-

ства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы»*. Вот почему начать надо было с крестьянства.

Все это нужно было, чтобы получить возможность построить в Советской стране основу, фундамент социализма. А построить эту основу — значило создать свою тяжелую промышленность, развернуть индустрию, которая в свою очередь затем способна была бы дать все необходимые технические средства для реорганизации земледелия. Развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство. Крестьяне, вынужденные в период гражданской войны отдавать свои излишки государству, в порядке продовольственной разверстки, не были заинтересованы в расширении сельскохозяйственного производства.

По гениальному плану Ленин, партия большевиков и советская власть с 1921 года стали осуществлять в стране новую экономическую политику. Замена продовольственной разверстки продовольственным налогом и уменьшение размеров налога дали возможность крестьянам использовать по своему усмотрению все остающиеся после уплаты налога излишки. Была разрешена торговля хлебом.

Это была мудрая, дальновидная ленинская политика. Дело шло больше всего и прежде всего об установлении правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, о помощи рабочего класса крестьянству. Эта мудрая политика помогла развить сельское хозяйство, расширить производство зерна и сырья, нужного для промышленности, и тем самым оживить товарооборот между городом и деревней, создать новую хозяйственную основу союза рабочих и крестьян. Подъем крестьянского хозяйства должен был содействовать усилению рабочего класса, созданию мощной социалистической индустрии.

* Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 331.

Благотворные результаты этой политики стали быстро сказываться. Прежде всего окреп союз рабочих и крестьян, а в этом союзе руководящую, направляющую роль играл рабочий класс. Пролетарский, рабочий город оказывал помощь советской деревне.

Прошло всего четыре года, и страна стала преобразаться, вылезать из тех бед, которые ей были причинены войной империалистической и войной гражданской. Сельское хозяйство к концу 1925 года достигло уже свыше 70 проц. довоенного уровня. Промышленность после столь низкого ее падения поднялась также до 70 проц., а в следующем году — даже до 95 проц. довоенного уровня. Значительно увеличилось материальное благосостояние рабочего класса сравнительно с тяжелыми днями гражданской войны.

Советская Россия подходила к довоенному хозяйственному уровню царской России. Ясно было, что движение не остановится на довоенном нищенском, ограниченном, отсталом уровне, а пойдет дальше по пути, который должен превратить отсталую Россию в Россию социалистическую.

В 1924 году умер создатель большевистской партии, организатор Советского государства, наш отец и учитель Ленин. Ленин неустанно указывал партии, народу тот путь, по которому надо было идти:

«не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической»*.

Идя по пути, указанному Лениным, надо было прежде всего построить тя-

желую промышленность — металлургическую, угольную, нефтяную, машиностроительную. В подъеме тяжелой промышленности заключалась единственная возможность создания обороноспособной, хорошо вооруженной, независимой Советской России.

Как Ленин в 1921 году на X съезде партии развернул конкретный план осуществления новой экономической политики, так товарищ Сталин в декабре 1925 года на XIV съезде партии большевиков перед партией и перед всем советским народом изложил глубоко, на основе ленинских положений, продуманный план социалистической индустриализации советской страны.

Нельзя было дальше продолжать строительство социализма, нельзя было двинуть вперед советское хозяйство в целом, нельзя было обеспечить военную мощь советской Державы, не сосредоточив внимания народа именно на индустрии. Да и само сельское хозяйство достигло такого уровня, что дальше оно не могло двигаться, расти и преуспевать без внедрения сельскохозяйственных машин, тракторов.

И ровно через два года после XIV съезда, в декабре 1927 года на XV съезде партии большевиков товарищ Сталин, на основе ленинского плана кооперирования крестьянских хозяйств, наметил конкретный путь подъема сельского хозяйства в соответствии с подъемом социалистической промышленности.

Путь, указанный товарищем Сталиным, заключался в том, что эти мелкие и мельчайшие хозяйства постепенно, но неуклонно, в добровольном порядке объединяются в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли и ведения всего сельского хозяйства. Эти хозяйства применяют сельскохозяйственные машины, тракторы, комбайны и научные приемы повышения урожайности земли. Одновременно должно было происходить дальнейшее наступление на кулачество.

Таков был сталинский путь социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Это был правильный путь, несший нам обороноспособность, экономическую

* Ленин. Соч., т. XXII, стр. 376—377.

независимость от капиталистических стран, победу социализма. Он стал генеральной линией деятельности партии Ленина—Сталина, советского правительства, всего советского народа.

Враги народа, всякие троцкисты, зинovieвцы, бухаринцы, рыковцы — вся эта «пятая колонна», были против этой подлинно народной, патриотической, сталинской политики. Они были против индустриализации вообще, против развития тяжелой промышленности, за превращение Советской страны в аграрный земледельческий придаток капиталистического мира. Они были против коллективизации сельского хозяйства, против ликвидации кулачества. А это значило оставить Советский Союз, советский народ безоружным перед вооруженными до зубов врагами. Накануне принятия Первой Сталинской пятилетки, тов. Ворошилов говорил так о нашей военной промышленности: «Военная промышленность до последнего года представляла, пожалуй, самое больное место во всем нашем хозяйстве и во всяком случае самое слабое в нашей индустрии».

Теперь, когда на наш народ неожиданно и вероломно напали кровавые немецкие злодеи, становится особенно ясным, какая страшная, неизбежная гибель ожидала нашу страну, наш народ, если бы со всей сталинской настойчивостью мы не осуществляли нашей генеральной линии, если бы врагам народа удалось тем или иным способом сорвать социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию крестьянских хозяйств — экономические основы военной мощи Советского государства.

Сталину, большевикам русский народ, советские люди обязаны тем, что наша Родина способна оказывать столь героическое сопротивление захватчикам, что провалился гитлеровский людоедский план тотальной молниеносной войны. Сталинской политике, социалистической индустриализации и коллективизации, сталинским пятилеткам обязан наш народ своей жизнью, существованием своим.

Мудрая программа сталинского преобразования Советской России исходила из того, что надо быстрыми темпами развить те отрасли промышленности, которые помогли бы СССР стать в военном отношении мощной страной.

Крайняя нужда была у нас во всем. У нас не было черной металлургии (чугуно-литейной, стальной, железоделательной), не было тракторной, автомобильной и авиационной промышленности, не было станкостроения, не было современной химической промышленности, не было действительной промышленности по производству сельскохозяйственных машин.

Новые задачи требовали громадных человеческих усилий, материальных затрат.

Все это звало к напряженному, самоотверженному труду.

Работы был непочатый край. Надо было переоборудовать старые фабрики и заводы с их отсталой техникой на основе техники современной. Необходимо было впервые в истории России построить мощные машиностроительные, станкостроительные, автомобильные, химические и металлургические заводы, надо было наладить собственное производство двигателей и оборудования для электростанций, требовалось увеличить добычу металла и угля. Особо спешной и важнейшей из всех задач было создание новой оборонной промышленности: необходимо было построить новые артиллерийские, снарядные, авиационные, танковые, пулеметные, минометные, ружейные заводы. Чтобы миллионы мелких крестьянских хозяйств могли перейти на крупное колхозное производство, чтобы повысить продукцию всего сельского хозяйства страны, требовалось построить тракторные заводы, заводы комбайнов и современных многообразных сельскохозяйственных машин.

Одновременно с этой задачей вставали и многие другие важные задачи.

Надо было провести громадное жилищное строительство прежде всего в тех местах, где строились новые заводы. Надо было прокладывать дороги

и железнодорожные пути, надо было строить школы, больницы, клубы, столовые, надо было создать новую пищевую промышленность, надо было засветить «лампочку Ильича», к которой так тянулись народные массы.

Такова была величественная задача построения социализма, поставленная партией большевиков и правительством перед всем советским народом.

Но что раньше построить, где раньше построить, как сочетать постройку электростанций с постройкой того или иного завода? Все эти вопросы можно было разрешить, только разработав во всех деталях план строительства. И впервые в мире был научно разработан и утвержден правительством в апреле 1929 года первый пятилетний план развития народного хозяйства (первая пятилетка), получивший по имени его творца название Сталинской пятилетки.

Невиданный в мире трудовой подъем миллионов рабочих сократил все намеченные сроки, и первая пятилетка была закончена не в 1933, а в 1932 году, т.-е. она была закончена в четыре года.

Чего добилась партия большевиков и советское правительство, чего добился народ, руководимый вождем своим товарищем Сталиным за эти четыре года?

В Советском Союзе появилась черная металлургия. Возникла тракторная и автомобильная промышленность. Появилось станкостроение. Заработала химическая промышленность, промышленность искусственного каучука и волокна. Была создана промышленность сельскохозяйственных машин, тракторов, комбайнов. Загудели и поднялись ввысь впервые построенные на наших заводах самолеты. На Востоке выросла новая угольно-металлургическая база. Появились две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири. Заложены были основы новой нефтяной базы — «Второго Баку» в Уральской области, Башкирии и Казахстане. Трикотажная промышленность, швейная, обувная, мясная, консервная, бумажная были реконструированы (переоборудованы) на основе самой передовой техники. Были

построены многие сотни новых передовых предприятий.

Возникли новые города. Среди них — столицы национальных республик и районные города: Элиста — у калмыков, у которых никогда не было городов, Сталинабад — у таджиков, Микоян-Шахар — у карачаевцев. У подножья Магнитной горы, на южном Урале возник индустриальный город-гигант — Магнитогорск. На Дальнем Востоке, на реке Амуре, вырос в кратчайший срок громадный судостроительный и металлургический центр, созданный энтузиазмом молодежи — город Комсомольск. На дальнем севере, за полярным кругом, у устья Енисея, вырос один из крупнейших центров сибирской лесной промышленности — новый город Игарка. Еще дальше на северо-восток создан на северном берегу Охотского моря большой новый город Магадан. На севере Кольского полуострова у подножья апатитовых гор построен новый город Кировск. А в глубине Казахстана возник мощный промышленный центр — новый город Караганда.

За короткий, четырехлетний срок «из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне»*.

Но первая пятилетка была не только пятилетней индустриализации, пятилетней оборонной мощи Советского Союза, она была и пятилетней развития сельского хозяйства.

За этот исключительно короткий срок было создано более 200 тысяч колхозов, организовано около 5 тысяч советских хозяйств (совхозов) — зерновых и животноводческих. Посевная площадь была увеличена на 21 миллион гектаров. Раньше распыленное, единоличное мелкое крестьян-

* Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е издание, стр. 375.

ское хозяйство давало 500—600 миллионов пудов товарного хлеба, а по окончании первой пятилетки создавалась возможность заготавливать уже 1200—1400 миллионов пудов зерна ежегодно. Кулачество как класс было разгромлено, а трудовое крестьянство было освобождено от кулацкой кабалы. Общий итог был тот, что к концу первой пятилетки Советский Союз из страны с мелким крестьянским хозяйством был преобразован в страну самого крупного сельского хозяйства в мире.

Светские люди чувствовали, что вместе с победами в строительстве, в промышленности, в сельском хозяйстве происходит и коренное улучшение материального положения народа.

В январе 1934 года на XVII съезде партии большевиков был принят второй пятилетний план развития народного хозяйства. Вторая пятилетка оказалась еще более грандиозной. Глубокое чувство патриотизма, любви к народу руководило большевиками, когда они разрабатывали, а затем утверждали вторую пятилетку.

Когда мы приступили к выполнению первой пятилетки, наша страна едва-едва подползала к довоенному убогому уровню. К концу второй пятилетки, т. е. к 1937 году, было намечено увеличение всей промышленной продукции примерно в 8 раз, а расходы на новое строительство — в сумме 133 миллиардов рублей. Сумма превышала более чем в два раза цифры строительства в первую пятилетку. Это должно было обеспечить полную техническую реконструкцию всех отраслей народного хозяйства, завершение в основном механизации сельского хозяйства. Предусмотрено было дальнейшее повышение материального и культурного уровня рабочих, крестьян и интеллигенции. А главное, что имелось в виду партией большевиков и советским правительством при создании второй пятилетки — это дальнейшее укрепление экономической мощи и обороноспособности страны.

Неотложное дело усиления обороны нашей Родины требовало особенно настойчивых усилий в отношении разви-

тия черной и цветной металлургии, химической и легкой промышленности.

В течение второй пятилетки были созданы такие промышленные гиганты, как Уральский завод тяжелого машиностроения, Краматорский завод, Уральский завод химической аппаратуры, Орский паровозо- и электровозостроительный завод, Уральский вагоностроительный завод, Кузнецкий и Иркутский вагоностроительные заводы, моторный завод в Уфе, как вторая очередь Горьковского и Московского автомобильных заводов и многие, многие другие.

В области электрификации следовало построить вновь или завершить строительство 79 районных электростанций, в каменноугольной промышленности — постройку и ввод в эксплуатацию новых 178 шахт в 143 миллиона тонн угледобычи, в нефтяной промышленности — строительство новой значительной группы нефтеобрабатывающих заводов.

В черной металлургии — завершены строительства Магнитогорского, Кузнецкого, Запорожского, Нижнетагильского, Азовского, Тульского и многих других подобных заводов-гигантов.

Грандиозна была программа Второй Сталинской пятилетки в городском строительстве: домов, трамваев, автобусов, троллейбусов, водопроводов, канализации, мощения улиц, бань, прачечных, парков культуры, стадионов, театров, кино, школ, клубов, первого в Советском Союзе Московского метро. Начата была стройка величественного памятника Ленину — Дворца Советов.

Советское государство никогда не забывало о вполне реальной опасности нападения на нашу страну. Надо было передвинуть нашу промышленность далеко на Восток и там развернуть стройку. На XVII съезде партии товарищ Сталин, развернув грандиозную программу промышленного строительства второй пятилетки, поставил задачу превратить Кузбасс во второй Донбасс. Донбасс был основой нашей индустриализации. Донбасс давал металл и уголь, необходимые для нашей страны. Но именно Кузбасс (Кузнецкий бассейн в Запад-

ной Сибири) является самым богатым и лучшим угольным бассейном во всей Европе. Угольные запасы Германии составляют 264 миллиарда тонн, Англии — 189 миллиардов, Франции — 34 миллиарда, нашего Донбасса — 65 миллиардов тонн, а один Кузбасс имеет запас в 450 миллиардов тонн. С превращением Кузбасса во второй Донбасс обороноспособность Советского Союза значительно укрепилась. Кузбасс составляет органическую часть Урало-Кузнецкого комбината, на строительство которого во вторую пятилетку было израсходовано около четверти всех огромных капиталовложений в народное хозяйство и более одной трети всех затрат на тяжелую промышленность. Урало-Кузнецкий комбинат дал к концу второй пятилетки треть продукции всей черной металлургии, больше четверти общей угледобычи страны, одну шестую производства электроэнергии районными станциями и около одной десятой продукции машиностроения.

Наряду с Кузбассом выросли новые угольные районы — Караганда на Востоке, угольные районы Урала, Кавказа, Средней Азии, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера.

В связи с этим сильно изменилась вся география советской промышленности.

Эта Сталинская пятилетка не только предусмотрела задолго до разразившейся над нашей Родиной военной опасности создание мощных районов промышленности, далеких от возможных фронтов войны, но и одновременный подъем таких, прежде отсталых в промышленном отношении районов, как Средняя Волга, Татария, Северный Кавказ, Мурманский край, Дальний Восток.

Вторая Сталинская пятилетка, как и первая пятилетка, была выполнена в четыре года.

Она сыграла решающую роль в подготовке обороноспособности советской страны, в обеспечении военной мощи нашей державы, в создании экономической, хозяйственной самостоятельности нашей Родины.

Такая грандиозная программа хозяйственного строительства требовала затраты наших золотых фондов для за-

купок в развитых капиталистических странах всего необходимого для индустриализации страны. Ни одна страна в мире никогда столько не ввозила из-за границы машин, сколько пришлось ввезти нашей стране.

Враги народа пытались опорочить эту мудрую сталинскую политику заграничных закупок для оборудования нашей промышленности. Они добивались прекращения промышленного импорта, чтобы задержать темпы нашего развития. Эти враги пытались играть на некоторых слабых струнках менее устойчивых советских людей, обычно утверждая, что было бы лучше истраченное золото употребить на покупку предметов первой необходимости или на развитие в нашей стране в первую очередь таких отраслей легкой промышленности, как текстильная, обувная, швейная и пр.

Подводя блестящие итоги первой пятилетки, товарищ Сталин разъяснил смысл и значение нашего импорта:

«Нам говорят, что все это хорошо, построено много новых заводов, заложены основы индустриализации. Но было бы гораздо лучше отказаться от политики индустриализации, от политики расширения производства средств производства, или по крайней мере отложить это дело на задний план с тем, чтобы производить больше ситца, обуви, одежды и прочих предметов широкого потребления. Предметов широкого потребления произведено меньше, чем нужно, а это создает известные затруднения.

Но тогда надо знать и надо отдать себе отчет, к чему привела бы нас подобная политика отодвигания на задний план задач индустриализации. Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей валюты, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлур-

гии, не было бы металла для производства машин, — и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения. Мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами, — стало быть мы сидели бы без хлеба. Мы лишили бы себя возможности одержать победу над капиталистическими элементами в стране, — стало быть мы неимоверно повысили бы шансы на реставрацию капитализма. Мы не имели бы тогда всех тех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов...

Одним словом мы имели бы в таком случае военную интервенцию, не пакты о ненападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

Ясно, что уважающая себя государственная власть, уважающая себя партия не могла стать на такую гибельную точку зрения.

И именно потому, что партия отвергла такую антиреволюционную установку, — именно поэтому она добилась решающей победы в деле выполнения пятилетнего плана в области промышленности»*.

Благодаря сталинской политике мы перестали быть страной, импортирующей основное стратегическое сырье. Вот 26 главных видов сырья, которые потребны в современной передовой промышленности, а следовательно и в нашей, без которых не может быть обеспечена ни обороноспособность Родины, ни благосостояние ее народа: железо, медь, свинец, цинк, олово, бокситы, марганец, никель, вольфрам, хром, магнит, ртуть, уголь, нефть, асбест, гранит,

фосфаты, поташ, платина, каучук, хлопок, шерсть, шелк, лен, лесоматериалы, растительные масла. Наш народ с гордостью и полным удовлетворением мог после второй пятилетки сказать, что он полностью или почти полностью не зависит от ввоза ни одного из этих видов сырья. Это была подлинная, решающая победа.

Что произошло за это время, т.е. в течение Второй Сталинской пятилетки, в деревне, в сельском хозяйстве?

Развитие сельского хозяйства в нашей стране шло так же, как и развитие промышленности: оно шло по линии подъема.

Вторая Сталинская пятилетка явилась пятилеткой коренного подъема жизненного уровня советских людей — рабочих, колхозников, интеллигенции. Этот подъем выразился в высоком росте потребления трудящихся.

Увеличение потребления хлеба, мяса, масла, сыра, сахара, консервов, кондитерских изделий, хлопчатобумажных, льняных, шерстяных тканей требовало огромного количества сельскохозяйственного сырья. А это поставило серьезные задачи перед сельским хозяйством. И сельское хозяйство с этой задачей справилось так же, как справилась со своими задачами промышленность. Продукция зерна и продукция хлопка, например, оказалась выше, чем это было намечено второй пятилеткой.

Посевные площади всех культур к концу второй пятилетки значительно превысили посевы царской России.

Наше преобразованное на основе коллективизации и механизации сельское хозяйство, как и наша промышленность, стало неисчерпаемым источником подъема благосостояния, довольства, богатства советских людей, и, что особенно знаменательно, оно обеспечило новый, неизмеримо более устойчивый, чем раньше, фундамент оборонной мощи нашей Родины. Россия неповская, как предсказывал Ленин, стала Россией социалистической.

Под руководством Сталина новая Россия, советская держава, сделала прыжок и очутилась на первом месте в Европе, и на втором месте в мире по

* Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 375—376

валовой продукции промышленности; на первом месте в Европе и на втором месте в мире по машиностроению; на первом месте в Европе и также на первом месте в мире по сельскохозяйственному машиностроению; на первом месте в Европе и на втором месте в мире по тракторам; на первом месте в Европе и на втором месте в мире по добыче железной руды; на втором месте в Европе и на третьем месте в мире по стали; на третьем месте в Европе и на четвертом месте в мире по добыче каменного угля. Этот грандиозный подъем предвещал дальнейшие победы Советского государства.

Весною 1939 года XVIII съезд большевистской партии утвердил «третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942)» — Третью Сталинскую пятилетку. Хотя план был утвержден в 1939 году, напряженная, творческая работа советского народа после досрочного выполнения второй пятилетки в 1938 году не прерывалась ни на один миг. На полную мощность работали предприятия как в городе, так и в деревне, доканчивалось начатое строительство, пускалось в ход законченное, начиналось новое.

Третья пятилетка, начатая в 1938 году, должна была закончиться в нынешнем, 1942 году, в год славного двадцатипятилетия Великой Октябрьской социалистической революции существования Советского государства. Мирное выполнение третьей пятилетки было прервано вероломным нападением со стороны гитлеровской Германии.

Третий пятилетний план явился продолжением второй и первой пятилеток. Победы советского народа в первой и второй пятилетках явились мощным фундаментом, на прочной основе которого намечено было воздвигнуть третью пятилетку — это дальнейшее развитие генеральной большевистской линии.

После того, как основная историческая задача второй пятилетки — полностью ликвидировать все эксплуататорские классы, навсегда уничтожить причины, порождающие разделение общества на эксплуататоров и эксплуати-

руемых — была народом разрешена, встали еще более величественные, хотя и все более сложные и трудные задачи.

Во весь рост была поставлена задача — догнать и перегнать также и в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Задание было такое: решить эту задачу окончательно в течение ближайшего периода времени — в 10—15 лет.

Мы перегнали за короткое время главные капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности. По ряду производств мы выдвинулись в ряд самых передовых стран.

Но ведь страна наша обильна не только природными богатствами, но богата также и населением. А цель советской власти, большевиков была в том, чтобы на душу населения у нас приходилось всех необходимых продуктов и товаров больше, чем в других странах. В этом мы, несмотря на громадные победы обеих пятилеток, еще не достигли решающих успехов.

Советское правительство никогда не забывало, а в период подготовки третьей пятилетки особенно учитывало возможность нападения фашистов на нашу страну, и поэтому, обеспечивая громадный подъем всех отраслей народного хозяйства, оно исключительное внимание, как всегда, уделило тяжелой и оборонной промышленности. Кроме того, товарищ Сталин, учитывая международную обстановку, полную военных опасностей, предусмотрел в плане третьей пятилетки создание необходимых хозяйственных запасов — государственных резервов топлива, промышленных товаров, продовольствия. Это вызывалось священной обязанностью большевистской партии и советского правительства перед народом обеспечить на случай войны неотложные нужды обороны Советского государства.

Третья Сталинская пятилетка еще больше, чем предыдущие две, обеспечивала дальнейшее повышение обороноспособности Советского Союза.

Эта грандиозная программа дальней-

шего преобразования нашей Родины должна была быть в 1942 году выполнена, но и на этом не остановилась творческая активность партии и правительства, всего советского народа. По заданию Центрального Комитета партии большевиков и Совета Народных Комиссаров было приступлено к разработке дальнейшего пятнадцатилетнего плана развития народного хозяйства. Выполнение этого плана к 1957 году должно было сделать нашу Родину самой передовой, самой богатой в экономическом отношении страной.

Но не все то, что было намечено, удалось выполнить в Третью Сталинскую пятилетку. Первые три года шло выполнение и перевыполнение плана. Но летом 1941 года, как чума, ворвались в наши родные пределы гитлеровцы, неся с собою смерть и разрушение.

Вся страна превратилась в единый военный лагерь, в кузницу победы, в арсенал освободительной войны против фашистских злодеев. Значительная часть промышленных предприятий, имеющих важное оборонное значение, была своевременно эвакуирована в дальние восточные районы и там, на базе местной промышленности или на новых местах в кратчайшие сроки восстановлена.

Мудрая сталинская политика пятилеток, политика развертывания нового строительства в восточных районах, политика создания резервов сыграла решающую роль в развитии и укреплении нашей Красной Армии, в возможности быстрого развертывания эвакуированных из западных и южных областей предприятий. Политика индустриализации спасла нашу Родину. Прав оказался товарищ Сталин, трижды прав, когда, разоблачая врагов народа, разъяснял нашей партии, всему советскому народу, что

«невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности».

Три сталинские пятилетки создали такую базу обороны нашей страны. Это должен был признать враг, с горечью заявивший в своем военном органе «Милитерише корреспонденту аус Дейчланд»: «И друзья, и враги СССР недооценили советскую промышленность».

Враг думал увидеть перед собой на поле битвы недостаточно обороноспособную страну, а столкнулся с созданной гением Ленина и Сталина и волею советских людей мощной, обороноспособной Великой Советской Державой.

За 25 лет советской власти наш народ создал могучую социалистическую державу. Будем всеми силами защищать плоды нашего многолетнего плодотворного труда!

V.

Изменялась за двадцать пять лет наша страна, изменялись вместе с ней и ее люди. Кругозор советских людей становился все шире, их стремления к знаниям делались все настойчивее, благородные чувства, рождающие товарищество, взаимопомощь, социалистическое соревнование, охватывали все более широкие круги советского народа.

Богатейшая сокровищница русской культуры и культуры других народов приумножена и еще более обогащена за четверть века существования Советского государства. Советская культура — новая культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию, есть продолжение и развитие той культуры, которую выработал народ на всем протяжении своей истории.

Великий гений русского народа, мировой гигант Лев Николаевич Толстой, гордясь и восхищаясь прошлым своего народа, отмечал, что вся материальная и духовная культура — дело рук народа. Он в одной из записей дневника глубоко возмущался теми, кто подменял историю русского народа только историей князей и царей. «А кто, — спрашивал Толстой, — кормил хлебом народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто строил

дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную... Народ живет...»

Народ бессмертен, — говорит товарищ Сталин. Бессмертна история русского народа, бессмертно его дело, бессмертна его культура. Лучшие традиции русской культуры сохранены, восприняты и всесторонне развиты народами Советского Союза. Особенный подъем и всесторонний расцвет культуры нашего народа стал возможен с тех пор, как народ стал творцом своей собственной жизни, ее активным преобразователем.

Подлинный расцвет культуры стал возможен только на основе всеобщей грамотности. По грамотности население старой России стояло в Европе на одном из самых последних мест. Всероссийская перепись населения, произведенная в 1897 году, обнаружила, что на тысячу населения насчитывалось всего 223 грамотных, при этом на тысячу мужчин было 318 грамотных, а на тысячу женщин — всего только 131 грамотная. Только 24 проц. грамотных было в царской России, остальные 76 проц., подавляющая масса русского народа, были неграмотны.

И когда, уже при советской власти, в 1920 году была произведена перепись населения, то обнаружилось, что грамотных на тысячу человек насчитывалось 319. Процент грамотности сравнительно с царской Россией поднялся с 24 до 32. Но от всеобщей грамотности, как оказалось, мы тогда отставали еще чрезвычайно сильно.

На это и обратил внимание партии и советского правительства Владимир Ильич Ленин в своей статье «Страничка из дневника», которую он, уже будучи тяжело больным, продиктовал 2 января 1923 года.

Ленин указывал, что этот, еще крайне низкий процент грамотности служит грозным предостережением, ибо мы еще не выбрались из полуазиатской бескультурности.

В своей работе Ленин написал знаменитые исторические слова о том, что «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе»*.

Большевистская партия и советская власть взялись за выполнение этого завещания Ленина.

В результате всего развития советского общества на основе исторических побед первых двух сталинских пятилеток в стране совершилась культурная революция.

Общая картина культурного подъема народа выразилась прежде всего во внедрении в жизнь всеобщего обязательного первоначального образования на языках народов СССР, при этом по плану Третьей Сталинской пятилетки должно быть осуществлено всеобщее среднее, десятилетнее образование в городе, и завершено в деревне и во всех национальных республиках всеобщее среднее, семилетнее образование. Общая картина культурного подъема народа выразилась затем в росте числа школ и учащихся всех ступеней, в росте числа выпускаемых высшими школами специалистов, в создании и укреплении новой, советской интеллигенции.

Грандиозны цифры и факты, свидетельствующие об этом культурном подъеме страны.

В царской России по переписи 1897 года было 24 проц. грамотных, а к 1939 году грамотность населения Советского Союза поднялась свыше 81 проц.

Прошлая отсталость нашей страны в области народного образования осталась далеко позади. Советский Союз бесспорно занял первое место среди всех других стран в деле народного просвещения.

Эта историческая победа явилась не только победой культуры, но сыграла громадную роль в обороне нашего государства в борьбе против гитлеровских орд. Один из виднейших политических

* Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 389.

деятелей Соединенных Штатов Америки, вице-президент Уоллес, в своем обращении к советской молодежи в связи с празднованием Международного юношеского дня так оценил эту победу советского народа: «Четверть века тому назад Россия начала осуществлять одну из великих задач, которые были неосуществимы при царской власти, — обучение грамоте всей молодежи и подготовку из нее квалифицированных людей как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Это массовое обучение физическому и умственному труду, производившееся с таким энтузиазмом, явилось спасением для России и для всей цивилизации в 1942 году».

Решающие перемены произошли в Советском Союзе и в области высшего образования. В то время как в царской России насчитывалось всего 91 высшее учебное заведение, в нашей стране к началу войны было свыше 750 высших учебных заведений. В них обучалось свыше 600 тысяч студентов и студенток, в шесть раз больше, чем в университетах и институтах царской России.

Исключительным оказался рост высшего образования в национальных областях. На Украине до революции было всего 19 высших учебных заведений, а к началу войны там было свыше 145. В Белоруссии не было ни одного вуза, а к 1941 году там уже было 22 высших учебных заведения. В Грузии, где был до революции всего только один вуз, через двадцать лет ее свободной советской жизни, ко второй пятилетке, имелся 21 вуз разных специальностей.

Состояние культуры народа характеризуется также ростом печати, сетью библиотек в стране. К 1940 году в стране было до 91 тысячи массовых библиотек со 179 миллионами книг в них, в то время как до Октябрьской революции в России было всего 12 тысяч библиотек, а книг в них было всего-навсего 9 миллионов. Библиотек стало больше почти в 8 раз, а книг в них — в 14 раз больше, чем до революции.

Мощное оружие культурной революции — кино — стало широко популярным и любимым массами. Если до пер-

вой империалистической войны в царской России было всего-навсего 1412 киноустановок, то в начале третьей пятилетки число их возросло до 25 тысяч.

Громадные успехи советского народа и в области театра.

Ленин отмечал, что советская власть освободила

«науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грозного капиталистического корыстолюбия»*.

Расцвет хозяйства и культуры Советского Союза сказался и на исключительно быстром росте научно-исследовательских учреждений в стране. В 1913 году в России было всего только 211 научно-исследовательских институтов, а в 1939 году число научно-исследовательских институтов достигло грандиозной цифры — 1700. Великий ученый нашей страны, всемирно известный физиолог академик Павлов с гордостью говорил: «Науку щедро вводят в жизнь в нашей стране. До последней степени щедро». И, обращаясь к участникам международного конгресса физиологов в Москве, он как русский патриот говорил: «Вы слышали и видели, какое исключительно благоприятное положение занимает в моем отечестве наука!»

«В результате всей этой громадной культурной работы, — говорил товарищ Сталин на XVIII съезде партии, — народилась и сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой»**.

Нарождение этой, новой, народной, советской интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране.

* Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 41.

** Сталиц. Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 589.

Что дала советскому народу, мировой культуре эта интеллигенция в области науки, литературы, изобразительного искусства, музыки, кино?

Наш народ всегда был богат умными, способными людьми, мастерами своего дела, — их называли «самородками». Советский строй уничтожил все преграды, мешавшие проявлению народных талантов, затруднявшие проявление гения. Не отдельные золотые «самородки», а целые богатейшие россыпи талантливых людей, даровитейших деятелей науки и искусства выдвинул из своей среды наш народ, его интеллигенция.

Неиссякаем творческий гений нашего народа в области науки. Советская интеллигенция, ее деятели науки продолжают самые блестящие, благородные традиции русской науки. Знамя советской науки — Ломоносов, самоотверженный, непримиримый борец за национальную самостоятельность русской науки, за ее достоинство. Наша наука идет по следам и продолжает дело таких мировых корифеев науки, как гениальный русский химик Менделеев, как создатель физиологической школы Сеченов, как выдающийся русский биолог Мечников, как «патриарх русской агрономии», революционер-естествоиспытатель Тимирязев, как всемирно известный русский физиолог, гигант мысли и труда Павлов, как великий русский ботаник Мичурин и многие другие.

Особым постановлением советского правительства в ознаменование шестидесятилетия со дня рождения товарища Сталина учреждены Сталинские премии, присуждаемые ежегодно деятелям науки и искусства за их выдающиеся работы.

В этом постановлении советского правительства сказалось то глубокое уважение, которым в нашей стране окружены деятели, новаторы, революционеры, мастера науки, техники, литературы и искусства. Присуждение сталинских премий — это смотр советской культуры, когда народ венчает лаврами, торжественно прославляет лучших своих людей за то, что они свои глубокие знания, свою научную творческую мысль,

свое большое искусство отдали своей Родине для ее блага, в интересах ее процветания.

Кто эти прославленные советские ученые, новаторы науки и техники, исследователи и изобретатели, чьи имена являются гордостью советской науки, чей научный патриотический подвиг послужил и продолжает служить прославлению и укреплению России?

Президент Академии наук СССР, крупнейший русский ученый Комаров отмечен дважды Сталинской премией: за научную работу «О растениях» и за коллективную работу, имеющую громадное хозяйственное и военное значение, «О развитии народного хозяйства страны в условиях войны». Академик Капица, виднейший физик, изобрел аппарат, позволяющий получить дешевый кислород в больших количествах. Академик Бах, крупнейший химик и биолог, один из старейших ученых нашей страны (ему свыше 80 лет), проложил новые пути в биохимии, что имеет громадное значение для хлебопечения, виноделия, чайного производства, зерноосушения, для создания устойчивых культур к засухе и морозу сельскохозяйственных культур. Академик Орбели успешно разрабатывает и развивает дальше научное наследие великого Павлова, особенно в области физиологии нервной системы. Академик Лысенко, замечательный ученый, президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Академик Бурденко разработал способы операций в области центральной и периферической нервной системы, что имеет громадное значение в обстановке войны. Академик Иоффе, снискавший мировую известность своими работами в области полупроводников в физике и технике. Профессор Граев, дивинженер, артиллерист, сделавший много открытий в области военного инженерного искусства. Академик Соболев — один из наиболее молодых ученых — работает над применением сейсмических методов разведки полезных ископаемых. В этом перечне славных имен могут быть названы еще многие имена талантливых и заслуженных ученых разных областей науки.

Советская передовая наука за весь период своего существования сочетала интересы общечеловеческого прогресса с насущными нуждами народного хозяйства и обороноспособности Родины. Труд советских ученых, военных инженеров, изобретателей, конструкторов — это великий подвиг во имя победы советского оружия.

Ильюшин известен как автор новой конструкции самолета, Костиков известен как изобретатель новой военной, сильно разящей врага машины, Микулин и Шевцев — как авторы новых конструкций авиационного мотора, Шпитальный — как изобретатель нового типа вооружения, Яковлев — как конструктор разных типов огнестрельного оружия — пулеметов, противотанкового оружия. Правительство также отметило научные подвиги таких военных изобретателей, как Морозов, конструктор среднего танка, Шавлетин, Шириянин и Ягунов, прославившиеся конструкциями советских минометов.

Наряду с замечательными советскими людьми науки, изобретательской мысли народ знает и ценит таких людей труда, которые своими делами ломают установившиеся косные правила, умножают результаты труда и двигают науку вперед. Именно таких людей имел в виду товарищ Сталин, когда отмечал, что

«Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела»*.

Такими людьми, отмеченными правительством и народом, явились известные стахановцы мирного времени, папанинцы и самый молодой среди них — Федоров, избранный членом-корреспондентом Академии наук. Во время войны выдвинулись стахановцы военного времени Дмитрий Босый, прославившийся высокопроизводительным методом обработки металла, Николай Лунин, коренным

образом усовершенствовавший методы эксплуатации паровоза, что значительно увеличило суточный пробег и срок службы паровоза, Алексей Семиволос и Илларион Янкин, разработавшие и внедрившие в горнорудной промышленности новые методы, дающие большое повышение производительности труда и обеспечивающие значительное повышение добычи руды.

Из пламени битв небывалых вставая,
Растет наша дружба, сильна, горяча,
Увенчана наша семья боевая
Союзом науки, труда и меча.

«Радостно, до безумной гордости волнуется, — писал Горький, — не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их... мы имеем право гордиться разнообразием фактически прекрасного гения русской души».

Большую гордость испытывает советский народ за науку, по праву он может гордиться и своей литературой. За советское двадцатипятилетие значительны достижения нашей советской литературы.

Наша советская литература — законная наследница всего великого прошлого русской литературы — является самой идейной, самой передовой литературой. Советская литература продолжает лучшие традиции русской литературы, традиции Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Чернышевского, Некрасова и Щедрина, Тургенева и Толстого, Чехова и Горького.

В развитии русской советской литературы и создании национальной литературы народов СССР огромную роль сыграл великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький. Горький прошел с русским народом весь трудный путь борьбы до создания Советского государства. Он прошел с советским народом целое двадцатипятилетие, воспитав поколение новых, молодых, советских писателей. Его четырехтомный роман «Жизнь Клима Самгина» создан в советское время, как и пьеса «Егор Булычев», и другие многочисленные литературные, критические и публицистические работы. Лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи Владимир Маяковский горячо служил своей Ро-

* Сталин. Речь на приеме в Кремле работников Высшей школы 17/V—38 г.

дине, разя ее врагов своим острым пером. Народные певцы Джамбул, Сулейман Стадский, Марфа Крюкова свидетельствуют своими песнями о глубоких народных истоках советской литературы.

Во всех областях литературы выдвинулись за двадцатипятилетие талантливые писатели, поэты, драматурги. Советскому народу дорого творчество Алексея Толстого («Петр I»), Михаила Шолохова («Тихий Дон»), произведения Серафимовича («Железный поток»), Николая Островского («Как закалялась сталь»), Фурманова («Чапаев»), Гладкова («Цемент»), Фадеева («Разгром»), Новикова-Прибоя («Цусима»), Сергеева-Ценского («Севастопольская страда»), Антоновской («Великий Моурави»), Яна («Чингис-хан» и «Батый»), С. Бородина («Дмитрий Донской»). Нам дорого творчество Н. Тихонова, Ильи Эренбурга («Падение Парижа»), К. Симонова, А. Корнейчука, А. Твардовского, Янки Купала, Павло Тычины, В. Василевской и многих других писателей и поэтов. Все свое мастерство и талант наша литература отдает на службу Родине, делу разгрома врага в отечественной войне. Наша культура обогатилась ценным собранием многонационального фольклора.

О расцвете творчества советского народа свидетельствует молодое советское кинематографическое искусство. За двадцать пять лет созданы замечательные образцы, получившие признание нашего народа и ставшие известными далеко за пределами Советского Союза.

Одним из первых крупных кинопроизведений, положивших начало подлинному советскому киноискусству и принесших ему мировую славу, явился фильм «Броненосец Потемкин». В том же 1926 году взволновал сердца зрителей другой замечательный фильм — «Мать», вошедший в историю советской кинематографии как одно из высших ее достижений.

Восемь лет тому назад, в 1934 году, перед советским народом предстал до сих пор не превзойденный «Чапаев». Товарищ Сталин, приветствуя советскую

кинематографию в день ее пятнадцатилетия, писал:

«Советская власть ждет от вас новых успехов — новых фильмов, прославляющих подобно «Чапаеву» величие исторических дел борьбы за власть рабочих и крестьян Советского Союза, мобилизующих на выполнение новых задач и напоминающих как о достижениях, так и о трудностях социалистической стройки».

Особенный взлет наша советская кинематография сделала за последнее пятилетие. В короткий срок появилось много высокоталантливых фильмов. Среди них почетное место занимают: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», — первая смелая, в высшей степени удачная попытка показа образа великого Ленина в киноискусстве; «Великое зарево» — крупное произведение грузинской кинематографии, в котором выведены образы Ленина и Сталина; «Александр Невский» — монументальный исторический фильм, посвященный героической борьбе русского народа против тевтонских псов-рыцарей, предков гитлеровских немецких извергов; «Петр Первый» — грандиозное историческое кинополотно, посвященное гениальному царю-реформатору; «Минин и Пожарский» — исторический фильм, прославляющий мужество и патриотизм русских людей в их борьбе за свою национальную независимость и свободу; «Великий гражданин» — двухсерийный фильм, посвященный пламенному трибуну революции, ближайшему соратнику и другу Сталина Сергею Мироновичу Кирову; «Юность Максима»; «Возвращение Максима»; «Выборгская сторона» — одно из самых крупных и наиболее популярных произведений киноискусства, которое посвящено большевистской партии и в котором выведен любимый народом замечательный образ рядового пролетария большевика Максима; трилогия о Максиме Горьком — «Детство», «В людях» и «Мои университеты»; «Суворов» — прекрасная киноповесть о блистательном военном гении русского народа, о полководце, ненавидевшем пруссаков, не знавшем поражений, о неустрашимых русских солдатах. Герои-

ческая борьба Красной Армии против германских захватчиков показана в таких документальных фильмах, как «Разгром немецких войск под Москвой», «Ленинград в борьбе», «Черноморцы», «День войны».

Богато и разнообразно музыкальное дарование русского народного гения. Бессмертны имена великих творцов русской музыкальной культуры — Глинки, Чайковского, Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, Даргомыжского, Глазунова. За исторически короткий двадцатипятилетний срок, создано много замечательных новых музыкальных произведений. Всенародно признаны такие крупнейшие музыкальные произведения, как патриотическая симфония — кантата «На поле Куликовом» Шапорина, как прославленная на весь мир героическая 7-я симфония Шостаковича, «Гимн партии большевиков» и красноармейские песни Александрова. Продолжают лучшие традиции русской музыки такие композиторы, как Хачатурян, Прокофьев, Глиэр, Держинский, Мурадели, Гаджибеков и ряд других композиторов. Они создали произведения, отражающие величие нашей эпохи и ее героики. Наши юные музыкальные силы одерживали за последние годы одну победу за другой на арене международных музыкальных состязаний. С новой силой зазвучали в исполнении советских мастеров гениальные музыкальные произведения русских и европейских классиков.

Самой передовой, наиболее реалистической всегда являлась русская живопись. Имена таких крупных художников, как Перов, Крамской, Репин, Суриков, Серов, Левитан, Шишкин, Айвазовский, Верещагин, Васнецов, Нестеров, как скульптор Антокольский, наполняют великой национальной гордостью сердца русских людей, всего советского народа. Эти художники никогда не замыкались в изображении только русской жизни. Дух национальной ограниченности чужд нашей живописи так же, как и нашей литературе и нашей музыке, нашему театру.

Двадцатипятилетний период жизни Советского государства вдохновил и

старшее, и молодое поколение советских художников на создание ряда выдающихся полотен и скульптур. Наиболее популярны в народе такие имена, получившие известность за последние годы, как Герасимов, Ефанов, Самокиш, Сарьян, Грабарь, Юон, Бродский, Греков, Кончаловский и другие художники. Мировую известность заслужила скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница», фигурировавшая на Парижской выставке. Заслуженной популярностью пользуются работы скульптора Меркуроза.

Русский народ создал театр, какого, без преувеличения можно сказать, нет нигде в мире. Блестящая плеяда русских актеров и актрис подняла и довела до степени совершенства русскую театральную культуру. Русский театр выдвинулся на самое первое место в мировом театральном искусстве. Основоположник русского театра Волков и знаменитая крепостная актриса Семенова, русские актеры и актрисы Федотова, Стрепетова, Мочалов, Каратыгин, Щепкин, Ленский, Ермолова, Шаляпин, Собинов, Комиссаржевская, Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин, Остужев, Яблочкина и многие последователи их искусства всегда являлись славой и гордостью русского народа. Советское государство окружило вниманием старшее поколение и взрастило много новых славных деятелей советского театра — Михайлова, Хмелева, Щукина, Черкасова, Хораву, Михоэлса, Тарасову, Байсаитову, Симонова, Козловского, Насырову, Барсову, Тамару Ханум, Гната Юру, Марецкую, Паторжинского, Охлопкова и многих других прекрасных деятелей советской сцены.

Советский балет продолжал в течение советского двадцатипятилетия лучшие традиции непревзойденного русского классического балета.

Бурное советское строительство с исключительной силой развернуло и подняло на значительную высоту наше строительное искусство — архитектуру.

Под животворящим солнцем великой Родины расцвели многочисленные таланты, развернулась многообразная советская культура. В сокровищнице ми-

ровой культуры она занимает одно из самых почетных мест.

Нет такой отрасли культуры, где бы за истекшее двадцатипятилетие наш народ не проявил себя во всей своей зрелой мощи, где бы он не показал замечательных достижений, достойных великой советской державы.

Наше советское искусство, руководимое и направляемое партией большевиков, продолжая лучшие традиции прошлого русского искусства, создавая высокие образцы, достойные нашего народа, всегда помогало и помогает советским гражданам познавать мир и строить свое новое общество. Сейчас, в период, когда решаются судьбы Родины, наше искусство мобилизует советских людей на героические подвиги, на патриотические дела во имя победы над гитлеровской Германией.

VI.

Советский народ в течение неслыханно короткого исторического срока во главе с Лениным и Сталиным создал сплоченное в политическом, мощное в хозяйственном, обороноспособное в военном и авторитетное в международном отношениях Советское социалистическое государство.

На двадцать четвертом году нашей советской жизни немцы напали на Советский Союз неожиданно, вероломно нарушив советско-германский договор о ненападении. Над страной, над народом нависла смертельная опасность.

Готовя своих стервятников к захвату наших земель, к ограблению нашего добра, к насилиям над советскими людьми, Гитлер в своей гнусной книжонке «Моя борьба» писал: «Территорию России населяет низкоквалифицированная раса славян, неспособных создать собственную государственность, собственную культуру и нуждающихся в руководстве народа с благородной кровью, которая течет в жилах немцев». А военный журнал гитлеровской Германии рисовал перед немецкой военщиной такие «заманчивые» последствия разгрома нашего народа: «Оставшийся в живых деморализованный сброд челове-

ских существ, лишенных руководителей, будет так сильно раздавлен и сломлен несказанными ужасами, страданиями и террором, что он будет стоять беззащитным и лишенным воли перед лицом своего победителя и будет представлять собой глину в руках горшечника-победителя». Вооруженные до зубов, механизированные и моторизованные немецкие армии набросились на искони русские земли, чтобы все, созданное прилежным трудом в течение полутора тысяч лет, захватить и уничтожить.

«Дело идет, таким образом,—предупреждал товарищ Сталин советский народ в своей исторической речи 3 июля 1941 года,—о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение»*.

По зову своего вождя и полководца товарища Сталина весь советский народ как на фронте, так и в тылу собрался под боевые знамена.

Гитлер рассчитывал на успех так называемой «молниеносной» войны, хвастаясь, что в три недели он займет Москву. Но благодаря отпору Красной Армии война превратилась в длительную, изнуряющую врага войну. Руководимые нашим вождем и полководцем товарищем Сталиным советские люди не только не растерялись, а в ходе жестокой войны крепили и мужали.

Наш великий поэт Пушкин писал по поводу войн, которые пришлось вести русским:

Претерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Так и в нынешней войне наша страна, наша Красная Армия еще сильнее закалились в огне освободительной войны, накапливая силы для ответного сокрушительного и решающего удара по гитлеровской Германии.

Немцы рассчитывали, что после внезапного удара наша страна развалится, что начнутся разногласия между рабочими и крестьянами, что один народ

* Сталин. О Великой Отечественной войне советского народа.

восстанет против другого народа, что начнется распад колхозного строя, что рабочие и крестьяне поднимутся против своего же правительства. Немцы хотели внести расстройство в наш тыл и тем самым сломить сопротивление нашей страны. Но гитлеровцы жестоко просчитались. Советский народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция — оказался еще более единым, сплоченным, чем когда-либо раньше. Великая семья советских народов превратилась в нерушимый боевой лагерь, самоотверженно поддерживающий фронт.

«Расчеты немецких империалистов на распад советского государства провалились полностью. Социалистическая промышленность, колхозный строй, дружба народов нашей страны, Советское государство — показали свою прочность и несокрушимость. Рабочие и крестьяне, вся интеллигенция нашей страны, весь наш тыл честно и самоотверженно работают на удовлетворение нужд нашего фронта» (Сталин).

Наши бойцы на фронте, советские люди в тылу проявляют спокойное бесстрашие к немцам, безмерную к ним ненависть.

Писатель Федор Михайлович Достоевский, большой знаток души человеческой, писал: «Страх к врагу уничтожает и злобу к нему». Это глубоко верные слова. Тот, кто боится врага, избегает встречи с ним, чтобы разделиться с ним, в том гаснет и ненависть к врагу. И наоборот, тот, кто не боится врага, кто ищет боя с ним, в том злоба к врагу разжигается неутомимой жадной мести, жадной гибели врага, его уничтожения навсегда.

Наши воины не боятся немцев, — они их ненавидят, они их истребляют. Наши советские люди в тылу не боятся врага, — они его ненавидят, они без усталости дают танки, самолеты, орудия, минометы, боеприпасы фронту. Убитый немецкий унтер-офицер Леопольд Фогель писал своей жене: «Русские становятся все злее и яростнее. Ты знаешь, я не из робких, но поверь, что один только вид русских в бою внушает страх. И в их глазах столько ненависти

и решимости! Такие не покоряются и не сдаются!»

Да, ненависть и решимость горят в сердцах наших воинов, месть и гибель несет врагу советское оружие.

В Великой Отечественной войне против германских захватчиков наш народ показал себя достойным и храбрым воином, народом-героем. Его сыны и дочери высоко над человечеством взяли знамя героического патриотизма.

Патриоты — это те, чьи глубокие помыслы и горячие чувства, чьи достойные поступки и дела направлены на благо своей Родины. Герой романа «Великий Моурави» грузинский полководец Георгий Саакадзе говорит своей сестре: «Большое желание презирает слабость, оно требует больших жертв, последней капли крови. Это желание счастья своей стране. Есть ли более высокие чувства? Любовь к женщине, к сыну, к матери не может остановить человека, вместившего в своем сердце любовь к родине...»

Советский патриотизм питается славным прошлым нашей страны и беспредельной преданностью к завоеваниям Великой Октябрьской социалистической Революции.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!..

Подвиги советских патриотов превзошли самые замечательные подвиги древних. Среди патриотов древности есть два имени, которые со старых времен известны народам. Это герои древнего мира — римлянин юноша Муций Сцевола и спартанский царь Леонид.

Этрусский царь Парсена осадил Рим (507 год до н. э.). Муций Сцевола, тяжело скорбевший о невзгодах осажденного родного города, отправился в лагерь врага, чтобы убить Парсену. Но он был схвачен и приведен к царю. На допросе он заявил, что не он, а Парсена должен бояться смерти, ибо кроме него 300 римских юношей поклялись

убить ненавистного тирана. В доказательство своей неустранимости и ненависти к врагу он положил правую руку на огонь жертвенника и не снял ее, пока она не сгорела. Такова легенда, о которой с восхищением рассказывают все книги по древней истории.

Но героизм нашей Красной Армии, героизм защитников Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда, показавших образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать, превосходит все, что известно человечеству о величайших чувствах патриотизма, о непревзойденных проявлениях героизма.

А разве наш бессмертный Гастелло, капитан авиации, не совершил подвиг превосходящий подвиг легендарного Муция Сцеволы? Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Гастелло мог бы выброситься на парашюте в тылу врага. Но бесстрашный командир, в сердце которого клокотало пламя ненависти к врагу, направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя. А разве советский танкист Григоренко не совершил подвиг, превышающий подвиг древнего римского юноши? Его танк попал в кольцо четырех — двух средних и двух тяжелых — вражеских танков. Григоренко мог отойти, не принять неравного боя. Но это значило выдать пехоту, сорвать атаку, оставить деревню в руках врага, нарушить приказ. И Григоренко вступил в неравный бой. Две машины поджег он. Но третья вражеская машина снарядом подожгла танк Григоренко. Пламя охватило машины, оно добралось до бензиновых баков. Но советский танкист не думал о смерти. Нет смерти у храбрых! Объятый пламенем и дымом, танк бросился на вражеский танк, опрокинул его и двинулся на четвертый, последний немецкий танк. Немцы не выдержали и оставили поле боя за советским танкистом. Великая Отечественная война дала советской Родине, всему прогрессивно-

му человечеству много бессмертных храбрецов-героев, подобных Гастелло, Григоренко, летчику Талалихину, протаранившему на громадной высоте своим самолетом машину врага, гвардейцу Болото, который вчетвером с товарищами, имея два противотанковых ружья и две винтовки, подбили 15 вражеских танков.

На Грецию обрушились персы во главе с царем Ксерксом (480 год до н. э.). В армии Ксеркса были, кроме персов, ассириане, арабы, инды, фракийцы и много других народов. Они подошли к Фермопильскому ущелью, которое вело в среднюю Грецию. Эти «ворота» защищала горсть храбрецов во главе со спартанским царем Леонидом. Греческая легенда повествует, что персы, превосходившие во много раз спартанцев (их было десять тысяч, а спартанцев были сотни), послали к Леониду посла с требованием сдачи оружия. «Пусть Ксеркс придет и возьмет», — сказал послу Леонид. «Но персидские стрелы и копья затмят солнце», — пригрозил посол. «Тем лучше», — ответил один из спартанцев, — мы будем сражаться в тени». Три дня сдерживала горсть спартанских храбрецов полчища персов, для которых ущелье оказалось непроходимым. Только благодаря одному изменнику-греку персы пробрались другим путем и вышли от важным спартанцам в тыл. Никто из дружины Леонида не отступил, не покинул поля боя. И все пали смертью храбрых за родину. В Фермопилах был поставлен памятник в виде каменного льва и на нем надпись: «Странник, возвести всем гражданам Лакедемона: чество исполнив закон, здесь мы в могиле лежим». Это — подлинно славный не только в веках, но и в тысячелетиях человеческой истории патриотический подвиг!

А разве наши героические советские воины-панфиловцы своей стойкостью и храбростью не превзошли спартанцев Леонида? Разве их подвиг на подступах к Москве не выше подвига героических лакедемонян у Фермопильского ущелья? Когда на бессмертных гвардейцев двинулись вооруженные до зу-

бов фашисты, прикрывшиеся непроницаемой броней стальных чудовищ, панфиловцы сдержали вражеский натиск и легли все, как один, защищая сердце своей Родины — Москву. Ибо, как воскликнул один из них — Диев-Клочков Василий Георгиевич: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» Великая Отечественная война против ненавистных германских злодеев богата панфиловцами, патриотами своей Родины.

Бессмертен подвиг шестнадцати гвардейцев под Сталинградом! В четыре раза превосходящие силы итальянцев бросились на горстку советских храбрцов, занявших высоту. Но шестнадцать храбрцов отбили эту атаку, и итальянцы, оставив 80 трупов, откатились. Тогда вместо них двинулись немецкие автоматчики. От меткого гвардейского огня поредели ряды фашистов и тоже откатились назад. Настала ночь, а на рассвете против кучки советских храбрцов двинулись с лязгом и грохотом двенадцать вражеских танков. И гвардейцы совершили патриотический подвиг, который превыше подвига легендарного Муция Sceвола, превыше подвига легендарных трехсот спартанцев во главе с их царем Леонидом. «Мы все комсомольцы! Не посрамям нашего гвардейского знамени. Отобьем фашистскую атаку», — сказал командир. И один из гвардейцев, обвязав себя гранатами, бросился под гусеницы первого танка. Воспламенился танк и, объятый пламенем, остановился. Вслед за первым патриотом со связками гранат бросились к танкам и остальные. Запылали еще три вражеские машины. Шесть танков не выдержали боя и скрылись. Остались два фашистских танка, которые обрушились на оставшихся четырех советских героев. Можно было укрыться в окопы или спрятаться в глубоком овраге, но не таковы советские патриоты. И с возгласами «Да здравствует наша Родина!» последние трое, укрыв умирающего от ран командира, со связками гранат бросились под танки. Возорвались и эти фашистские танки. Русские патриоты отдали свою жизнь за священную советскую землю.

Имена этих защитников Родины будут вечно жить в сердцах нашего народа, в сердцах всего передового человечества.

Наша молодежь проявляет лучшие качества, свойственные нашему народу. Любимый писатель советской молодежи, автор книги «Как закалялась сталь» Николай Островский говорил: «Когда придет время испытаний, молодежь Советской страны покажет, что она достойна великого имени Ленина». Молодежь своими делами свидетельствует в эту годину великих испытаний, что сталь закалилась, что сталь эта способна сокрушить гнусных гитлеровских вояк. Народ, взрастивший таких девушек-героинь, как партизанка Зоя Космодемьянская, как снайпер Людмила Павличенко, не обратит в рабство, не победит!..

Лучшие люди всего мира недаром величают советский народ знаменосцем в борьбе против гитлеризма. Советский народ, мужественная Красная Армия показали всему человечеству поучительный пример того, как надо беззаветно защищать свою Родину.

Товарищ Сталин в своем историческом докладе 6 ноября 1942 года показал, что если итало-германской коалиции удалось одержать летом 1942 года ряд серьезных тактических успехов на нашем фронте, то это объясняется тем, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес сил.

Ни в какое сравнение не идут те военные трудности, с которыми русская армия сталкивалась при нашествии Наполеона в 1812 году или при наступлении немцев в первую мировую войну, с серьезностью и необычностью трудностей, стоящих перед Красной Армией. Товарищ Сталин отметил величие того героизма, который проявляет Красная Армия в ее освободительной войне против немецко-фашистских захватчиков.

«Я думаю, — сказал товарищ Сталин, — что никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы

выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна, и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. И не только выдержать, но и преодолеть его».

Сумасшедшие людоеды, составляющие итало-германскую коалицию, возомнившие себя господами мира, потерпят такой крах, который будет вполне соответствовать их кровавым преступлениям.

Пророческим по отношению к гитлеровской Германии и ее соучастникам будет напоминание, сделанное великим русским человеком Николаем Гавриловичем Чернышевским: «Совершенно ошибочен был расчет наций, думавших извлечь себе пользу из нанесения вреда человечеству. Завоевательные народы всегда кончали тем, что истреблялись и поработались сами. Монголы Чингисхана..., наделавшие столько вреда другим для своего обогащения, подверглись судьбе более плачевной, чем даже та жалкая жизнь, которую продолжали вести их соотечественники, оставшиеся в своих родных степях. Мы знаем, чем кончили татары Золотой Орды: конечно, целая половина их погибла при завоевании России, остальная половина, сначала награбившая себе много добычи, скоро была истреблена оправившимися русскими... Пришельцы-завоеватели все были истреблены ожесточением поработенных. Германцы при Таците жили немногим лучше монголов до Чингисхана, но и они мало выиграли от завоеваний Римской империи. Остготы, лангобарды, герулы, вандалы — все погибли до последнего человека. От вестготов осталось имя, но только имя. Испанцы, опустошив Европу при Карле V и Филиппе II, сами разорились, впали в рабство и наполовину вымерли от голода. Французы, опустошив Европу при Наполеоне I, сами подверглись завоеванию и разорению».

Поражение гитлеровской Германии неизбежно. Четверть века нашего советского государства тому порукой! Победа будет на нашей стороне. «И на нашей улице будет праздник!» Но это вовсе не значит, что можно, сложа руки, ждать ее, что победа свалится сама собою на наши головы. Нет! Победу надо организовать. Не жалея ни сил, ни самой жизни своей.

Высоки, благородны и обязательны задачи в нашей великой освободительной войне, определенные товарищем Сталиным: уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей — уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей — разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей. «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти» (Сталин). Разгром немецко-фашистских злодеев, очищение советской земли от гитлеровских мерзавцев зависит от наших людей, от Красной Армии и партизан, от их упорства и стойкости, от воинского умения и готовности выполнить свой долг перед Родиной. От этого зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины.

Будем неустанно держать в своей памяти, в своем сердце слова товарища Сталина, сказанные им по радио 3 июля 1941 года:

«Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины».

Эти великолепные качества присущи патриотам нашей Родины как на фронте, так и в тылу!

Враги советского народа будут уничтожены.

Вечно будет здравствовать наша Великая Советская держава!

Зрелость

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

*

Кажется, за всю жизнь я столько не передумал, как за несколько ночей в этом блиндаже, — сказал мне один лейтенант. Соседство со смертью, преодоление страха, чувство исторической ответственности делают из человека, неуверенного в себе, — героя, из подростка — зрелого мужа. Среди музыки боя не всегда услышишь биение сердца, которое меняет свой счет. События часто заслоняют людей. Однако можно назвать самым крупным событием истекшего года рост человека на войне, обогащение его новыми чувствами и новым сознанием.

Большая и плодотворная ненависть к врагу пахнет не типографской краской, но кровью. Ее рождение было мучительным. Говорят, что гнев ослепляет. Наша ненависть, напротив, может быть названа прозрением.

Для немца ненависть к другим народам — естественное состояние. Немец возвращен на глубочайшей неприязни ко всему, что происходит за пределами Германии. Его воспитывали, как цепную собаку, — науськивая и наказывая плеткой, моря голодом и суля трофейные кости. Традиции германской империи требовали ненависти к человеку иного строя, иной речи. Гитлер — не первый черновик, это — массовое издание германского человеконенавистничества.

Иначе рос наш народ. Человеческая широта старой русской интеллигенции, ее связь с Западом, ее совестливость исключали шовинизм. Русская интеллигенция прошлого века противопоставила жестокости Ницше и бездушной силе

Вагнера — гуманизм, совесть, муки Гаршина, жалость Достоевского, «Не могу молчать» Толстого. Советская республика родилась, как разлив чувств, не знающий берегов, рубежей, границ. С сочувствием следили мы в начале двадцатых годов за драмой Германии. Мы делились в те дни хлебом с голодными немцами. У нас было много иллюзий. Мы возвышали наших соседей. Многие из нас недооценивали исторические особенности, традиции, психику Германии.

Когда Германия предательски напала на нас, наш народ был далек от ненависти к немцам. Многие еще пытались найти в Содоме праведников: вглядываясь в лица серо-зеленых убийц, они старались прочитать раскаяние. «Закуривай», — говорили добродушно наши бойцы пленному эсэсовцу. Русские искали обманутых, — они увидели обманщиков, которые, ограбив колхозниц и расстреляв в бою все патроны, гиусаво лопотали: «Мы не при чем, нас послали...» Мы как бы боялись обобщать. Мы принимали лицо убийцы за маску, искали под маской другое лицо. Мы не сразу созрели до настоящей ненависти. Многие из нас ждали, что немцы опомнятся, устыдятся, прозреют, восстанут. А немцы тем временем вели отнюдь не академические споры о том, какое сало вкуснее — сербское или украинское. Наши бойцы быстро увидели, что перед ними не люди, и тогда изменился характер войны. Ненависть способна быть вином, которое мутит разум, которое пригибает человека

к земле. Наша ненависть — студеной вода среди нестерпимого зноя, она принесла нам мудрость, она приподняла нашу армию.

Так мы перестали заменять слово «немец» словом «фашист»: мы поняли, что это синонимы. Так наша война стала действительно народной. Только подлинная, всепоглощающая ненависть может оправдать войну, и мы твердо знаем, что война без ненависти безнравственна, как сожительство без любви.

Наша ненависть направлена не против абстрактного понятия расы, не против условной Германии или некоего персонажа, именуемого немецким народом, но против грубой силы, против зверства, против паучьей морали и волчьих повадок поработителей Европы, против педантичной жестокости, против аккуратного разбоя, против заносчивости невежи и невежды, против всего того, что составляет природу современного нам немца. Мы ненавидим немцев. Это чувство позволяет нам еще глубже и вернее оценить качества других народов. Наша борьба приобрела универсальное, всечеловеческое значение. Ненависть к немцам не только не сделала нас обособленными себялюбцами, она разожгла в нас чувство братства. Читая о драме Тулона, о пепле Лидице, о мужестве сербских пастухов, наш боец ощущает глубокое родство с другими народами. А восхищенные взгляды Европы и Америки, обращенные к Красной Армии, по-новому освещают отвагу уральца или сибиряка: наш народ, сурово и скромно защищающий свой дом, становится народом-освободителем.

«Не хочу стрелять из немецкого автомата... Я из немецкой фляжки не стану пить — противно...» — это говорил мне сержант Даниил Прытков, убивший около семидесяти немцев. В его словах звучала ненависть к немцам, ненависть и презрение. Кличка «фриц» привилась: ею наши бойцы разжаловали немцев. «Фриц» — это, прежде всего, не человек. Фрицев бьют, как зверя, и один снайпер в своей книжечке, записывая,

сколько он подстрелил немцев, сокращенно ставит «Фр».

Презрение к немцам далось нам не сразу, как и ненависть. Силен был фетишизм перед материальной культурой Германии. Наши бойцы никак не могли себе вначале представить, что колыбель книгопечатания, страна образцовой индустрии, опрятная Германия может быть питомником двуногих зверей. Грамотность, количество мыла на душу населения, сеть дорог, жужжание станков — мы привыкли этим определять культурность народа. Мы увидели на фрицах, что дикари могут обладать университетскими дипломами. «Опрятный» немец гадил в наших избах, «честный» раздевал женщин и детей, «образованный» сек девушек и вешал старух. Наш народ увидел изумительный эрзац культуры. «Изучив быт обезьян, я начал по-настоящему уважать человека», — сказал один французский зоолог. Ознакомившись с фрицами, мы стали особенно ценить подлинную человеческую культуру. Мы многое пересмотрели в наших оценках. Блиндажи, окопы, тесные избы Смоленщины кажутся мне теми скитами, где зреет мысль мудрецов.

На фронте видишь большую человеческую усталость, глаза, давно не знавшие спокойного сна. Эта усталость стала источником силы: она перешла в ожесточение. Опостытели, осточертели немцы. Их бьют теперь за семнадцать месяцев разлуки с семьей, за усталость, за тревогу, за разоренную жизнь. «Сил моих нет, пойду бить немца», — сказал мне немолодой рабочий, и немцам придется вскоре ознакомиться с его силой. Когда у нас пели «Если завтра война», когда глядели в кино «Границу на замке», была в этом некая доля самообольщения. Теперь наш народ нашел силу. Многие потеряв, он многое приобрел. Немцы еще на Тереке, но немцы сейчас страшатся нас куда больше, чем в те дни, когда мы стояли на Сане.

Нет иной возможности проверить силу любви, чем испытание. Когда-то поэты описывали героизм влюбленных, которых девушки посылали на подвиг. Это — внешняя, эффектная про-

верка. На самом деле в любую эпоху любящее сердце всегда находило сотни малоприметных возможностей, чтобы проверить любовь и верность другого сердца. Мы не искали испытаний. Не искала их и наша родина. Испытания пришли по воле недруга. Они показали привязанность наших людей к родине, к Советскому Союзу, к России.

Привязанность немца к Германии поκειται на грубом и, скажем сразу, глупом убеждении в своем превосходстве. В одном дневнике румынского офицера я нашел назидательную сценку. Румыны повесили двух партизан. К виселице подошел немецкий фельдфебель и стал ругаться: «Разве так вешают? Кукурузники! Когда же немцы сделают из вас настоящих людей?..» Вот проявление немецкого «патриотизма».

Я знаю, что в сознании того или иного русского могут быть случайные, даже неправильные доводы для самouverждения. Но и у них прозвучит основное: мы любим Россию не потому, что другие земли хуже, но потому, что Россия — наша земля. Любишь не за то или за это, но, любя, открываешь красоту в скромном полевом цветке и мудрость в простой колыбельной песне.

Подростки — и те увидали на себе взгляд истории, поняли ответственность за дело поколений. Так обогатился душевный мир каждого комсомольца. Учебник истории или отечественной литературы превратился для него в живую память, как будто он, восемнадцатилетний юноша, жил во времена Петра, сражался при Бородине и своими ушами слышал, как вдохновенный Пушкин нараспев читал «Полтаву». Вместить в свое сознание века и века — это значит неизмеримо вырасти. После того как немцы сожгли в Истре чудесный монастырь, у многих из наших людей открылись глаза на красоту древнего зодчества. После того как немцы провозгласили «Остланд» своей колонией, многие из нас по-новому поняли историческую миссию России.

Патриотизм советского воина стал живым, телесным, крепким. Мы видим его истоки — от родного дома, от скамьи под тенистым деревом, от маленького переулка. Трудно любить

большое, не полюбив малого, частного. Не поверишь, что человек, равнодушный к своей матери и к своим детям, может стать подлинным человеколюбцем. Когда в блиндаже украинец, вспомнив свой прекрасный край, затаит песню о Днепре, сосредоточенно молчат туляки, ленинградцы, волжане. Им снятся иной край, иная река, иные сады. В разлуке каждый заново влюбился в свою жену, заново разглядел своих детей, заново привязался к крохотному отрезку земли, где он рос, играл, учился. Отечественная война — это второе рождение человека, заново прожитая молодость.

На фронте восторжествовала дружба народов нашей страны. О ней прежде говорили в связи с новыми дорогами или каналами, в связи с декадами национального искусства. Теперь о ней и не говорят: ее чувствуют. В одной роте сыновья десяти народов живут, как родные братья, как давние друзья. Узбек защищает Ленинград, и помор дерется за аулы Кавказа. Напрасно пытались немцы восстановить украинцев против русских: никогда прежде Киев не был такой святыней для всех наших народов. Напрасно немцы науськивали наши народы на евреев. В каждом полку есть бойцы — евреи, которые вместе с другими отважно защищают общую родину, а там, где пролита кровь, бес-силны чернила клеветы.

Беспримерная оборона Сталинграда была живым примером мощи народного духа, ответственностью каждого солдата за судьбы России. Наше наступление в степях Дона и Калмыкии показало не только силу русского оружия, но и зрелость нашей военной мысли. Когда мы видим, как наши дивизии наступают на восток, окружая противника, когда мы считаем пленных десятками тысяч, мы начинаем понимать, насколько окрепла наша армия и насколько выросли наши люди.

Этот рост сознания бойца и командира — порука нашей победы. Армия на войне учится воевать. Она учится не только воевать, но и жить. Когда мы перебежим захватчиков, когда очистим землю от этих эрзац-людей, нам придется залечивать раны. Велики разру-

шения. В скольких семьях зияют раны! Много мы потеряли, очень много. Но люди, которые вернутся с войны, будут другими людьми — мудрыми, сильными, зрелыми. Они не только быстро восстановят разрушенные города, они заполнят их новой, лучшей, еще более одухотворенной жизнью.

Двадцать пять лет тому назад люди умирали за высокие идеи, за торжество самого принципа. Теперь, в огне и крови отечественной войны, люди учатся

еще лучше превращать принципы в жизнь. Немцы ведут эту войну, чтобы уничтожить советское государство. Они погибнут, как племя дикарей, как гунны, с запозданием выбежавшие на арену истории. А советское общество в борьбе за свою жизнь приобретет еще большую зрелость, ответственность каждого гражданина, телесность, конкретность, чистоту духа, внутреннюю свободу, культуру — и оно восторжествует.

Четверть века советской литературы*

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

★

Двадцатипятилетие советской литературы лежит между двумя мировыми войнами.

В нынешней войне, особенной и необычайной, человечество потрясено в основах бытия, и народные массы призваны к повышенному волевому и моральному состоянию. Нынешняя война — война моторов, — война моторов и силы преодоления страданий, нравственной силы.

В этой войне не счастье, не случай и не только талант полководца принесут победу; победит та сторона, у которой больше моторов и тверже нравственный дух народа.

Нравственные категории приобретают решающую роль в этой войне. Глагол уже не только уголь пылающий в сердце человека, глагол идет в атаку миллионами штыков, глагол приобретает мощь артиллерийского залпа.

Вот почему особенно уместно в наши дни говорить о литературе, о каменщиках крепости невидимой, крепости души народной.

Воловий бич фашизма гонит немецкий народ назад — через века культуры — в пещеры питекантропа. И немцы с вожделеющим ревом без протеста устремляются в эту туманную пропасть, на дно истории, на обглоданные кости.

В чем причина падения германского народа? Почему гитлеровская Германия стала социально опасной?

Ее тяжелая промышленность, — этот подлинный властелин страны, — учитывая неудачу кампании 1914—1918 годов, на этот раз, для своей новой во-

енной экспансии, задуманной гораздо грандиознее, чем при Вильгельме II, провела террористическими методами длительную и глубокую подготовку во всем германском народе; фашизм, помимо других задач, поставил задачу насильственного психологического перевоспитания немца; фашизм использовал все те немецкие качества, которые были особенно присущими этому народу, пышно взрастил в нем все семена зла, быть может в другие эпохи лишь дремавшие в нем; это — прежде всего — мещанство мелкого немецкого буржуа, мещанство, противопоставляющее себя гуманитарной культуре и тупо и злобно ненавидящее ее; десятипфениговое мещанство, от которого только один шаг к пещерному состоянию двуногого зверя; мещанство, веками благословляемое золотым петушком с кровли унылой кирпичной кирки, мещанство, нашедшее себе земной рай в социал-демократических стойлах Каутского и, наконец, с волчьим яростным воем отозвавшееся на призыв к мировому грабежу.

Иная картина раскрывается перед нами, когда мы перелистываем историю русскую, историю советского народа. Здесь на первом плане — мечта о высшей справедливости, борьба за справедливость, построение справедливых форм общественной жизни. Нравственный свет никогда, даже в самые трудные и тяжкие времена, не угасал в русском народе. То он дивно светил в устном творчестве, в сказках и песнях, то теплился огоньком копеечной свечи в келье летописца, то жег и звал на продвиги совести в творениях неистового Аввакума. Все разгораясь, он осветил мир неугасимым пламенем русской литературы, — от Ломоносова до наших дней.

По силе идейного огня и нравственной глубины образов, богатству и пластич-

* Трудami Института мировой литературы имени Горького был подготовлен за время войны II том русской литературы — том советской литературы. В основу моего доклада, прочитанного на сессии Академии Наук СССР в ноябре текущего года, положена работа над этим томом. — А. Т.

ности языка — наша литература — явление удивительное, единственное в мировой литературе, вызывающее преклонение всякого, кто мыслит. Мы несем миру тот образ человеческий, с которым только и могут жить люди и побеждать во имя движения к совершенному.

Октябрь был рубежом, когда завершился огромный период русской литературы — критического реализма. Нынешняя отечественная война завершила два десятилетия советской литературы — период поисков позитивного социалистического реализма, в основе которого лежало отражение всех общественных процессов борьбы и строительства нового справедливого мира и напряженного строительства обороны перед надвигающейся мировой войной. В эту войну советская литература начинает свой новый период — она пошла в окопы и на заводы, и она становится живым и непосредственным голосом воюющего народа, почти народным творчеством.

С позиций сегодняшнего дня мы окладываем путь, пройденный классической и советской литературой.

Достоевский говорил о русских писателях, что «все миг вышли из гоголевской «Шинели». Но так ли это? Наряду с галереей «униженных и оскорбленных», наряду со сладкой российской бездельной тоской, с монстрами города Глухова, — проходят образы простых, отважных, честных русских патриотов, — Гринева, Тушины, Денисовы, герои «Севастопольских рассказов», «Войны и мира». Эта линия русской литературы протягивается прямо к Сталинграду, к тем героям Красной Армии, которым изумляется мир.

Слишком много было отдано в истории литературы и в преподавании ее — «лишним людям», чеховским людям, — так много, что немцы широко использовали для пропаганды против нас этот мотив, стремясь представить русского человека, как лишнего человека.

Правда, сила классической русской литературы XIX века состояла как раз в том, что, изображая униженного и оскорбленного, она внушала читателю необходимость революционного выхода.

Говорила ему: «человек создан для счастья, как птица для полета», и, наконец: «человек, это звучит гордо!»

На гребне классической литературы стоит огромная фигура Льва Толстого. Он весь — из противоречий, потому что он всей обнаженной совестью дышит противоречиями своего времени. Он готов сам пожирать самого себя. Его мощь, как у Аинтея — земля, народ, неугасаемая нравственная сила народа. После Льва Толстого литература переваливает через хребет и клонится к упадку. Лев Толстой пишет Н. Страхову: «После Пушкина, Лермонтова, Гоголя одна линия нашей литературы пришла совсем в упадок, другая пошла в народ, ушла под землю и выплывет, бог даст... Счастливы те, кто будет участвовать в выплывании».

Лев Толстой ушел под землю, как Вий, опустив сердитые веки. С ироническим вздохом ушел Чехов. В тоске ожидания грозного возмездия томился Александр Блок, чтобы спеть «Скифы» и «Двенадцать», и уйти раньше времени. Классический период критического реализма завершился. Оставалась одна фигура Горького, и он шагнул в будущее, чтобы начать собою новый период советской литературы.

Горький — на рубеже двух эпох. Он — живой мост между нашим классическим наследием и нами. Горький пришел в литературу, как посланец революции, пришел, чтобы «не соглашаться со свинцовыми мерзостями жизни» и победить их. Опираясь на марксизм, на беседы с Лениным, на знание народной жизни, на свой жизненный опыт, создал поэзию воинствующего гуманизма. И этот гуманизм стал знаменем советской литературы.

В классический русский реализм Горький внес те новые революционно-романтические элементы, которые в советской литературе развились в целое направление социалистического реализма.

На съезде писателей в 1934 году Горький сказал: «Мы накануне катастрофы, фашизм готовит новую всемирную бойню»... И далее, как бы предвидя наши дни: «Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма, и мы

должны готовиться, учиться преобразовать этот трагизм в тех совершенных формах, как умели изображать его древние трагики... История призвала вас на беспощадную борьбу со старым миром.»

И как бы в ответ на эти слова, было убийство Горького, продиктованное фашистами их прямым агентам.

Горький выступал, а затем и повел советскую литературу по пути раскрытия общечеловеческого смысла тех глубоких общественных и экономических процессов, которые начинались в бывшей российской империи—всерьез и надолго.

Именно это: общечеловеческий нравственный и исторический смысл всего советского строительства, — как единственного пути развития общества,— было той новизной и тем преимуществом, которые внесла советская литература в сокровищницу мировой литературы. То, что удалось советским людям завоевать и построить, те человеческие качества, которые советские люди при этом обнаруживали, те идеи, которые их вдохновляли в упорстве построения нового общества, все это послужило советским писателям материалом, сюжетом, идеей их произведений.

Пусть иные из них были слишком прямолинейны, схематичны, иные вместо пера вооружены дубиной, другие не выдержали критики времени,—во всех них отражено бытие неповторимых эпох: гражданской войны, строительства пятилеток, борьбы за бесклассовое общество, эпох, которые поучительны для человечества.

Советская литература не только ставит вопросы о судьбах и путях человека, «что делать?» и «кто виноват?», как это ставила литература классическая, но отвечает на эти вопросы, отвечает с тем мужеством, какое она подслушала в грохоте народного строительства. Она охотно показывает моменты нравственного перерождения человека при соприкосновении его с обществом, строящим справедливость.

Типичский герой советской литературы, это человек и идеи и действия, раскрывающий себя через историческое дело своего народа. Дело так велико, что нередко герой по-

вестования скрывается за очертаниями строительства, и истинным героем становится завод, город, плотина, рудник..

У героя советской литературы, не в пример классическим героям, мало рефлексии, самоанализа,—это пионер новой земли, у него засучены рукава, у него грубый голос, он немногословен, он знает, куда ему идти и что делать. Его портрет часто написан поверхностно и не углубленно. До глубокого человеческого портрета советская литература дейдет только в дни этой войны, пораженная и переволнованная высотой нравственного духа 28 гвардейцев, комсомолки Зои и десятков и сотен тысяч подобных им героев, сынов народа.

Русская литература человека, как никакая другая из литератур. Но гуманизм классической литературы принципиально отличен от гуманизма советской. Там — жалость, боль за человека, сострадание к нему. Тут — реальная действительная борьба за построение условий человеческого счастья. Там — человечность психологическая. Тут — человечность историческая, определяемая самим содержанием народных идеалов и устремлений. Там — человек — предмет психологической вивисекции, здесь — исторический человек.

И недаром в советской литературе так широко развивается исторический роман, чего нет в литературе классической. Там говорили о мессианстве русского народа и часто скрашивали эти туманные идеи дебелим крепостничеством и черносотенством. Тут, в живой действительности, советский писатель увидел исторически обусловленный, подлинный народный русский характер, в наши дни развертывающийся в небывалых самоотверженных подвигах строительства и кровавой борьбы с фашизмом. И впервые, как колокол града Китежа, зазвучало в советской литературе слова: святая Родина.

Весь опыт литературы прошлого века не дал нам художественного опыта, традиций и стиля для изображения оптимистической, жизнеутверждающей силы, вошедшей в жизнь, чтобы преобразить ее.

Не имея предшествующего опыта, советская литература ищет форм и стиля жизнеутверждающего реализма. В ней еще много ненайденного и незрелого. Стиль и формы особенно благоприятно развиваются в периоды затишья, некоей стабилизации, в отстое жизни. У нас нет затишья. Наше двадцатипятилетие — это стремительное движение вперед, в упорной борьбе, в вечном преодолении. Отсюда — еще незрелый почерк многих наших писателей, их прямолинейность, часто в ущерб многосторонности и роскоши.

Социалистическая идейность — первое принципиальное и главное завоевание нашей литературы. Второе ее завоевание — народность. Советская литература, как целое, не сразу овладела этой величайшей для каждого писателя возможностью — говорить с народом и быть понятным народу. С этой стороны поучительны некоторые моменты истории литературы истекшего двадцатипятилетия. Ее развитие, в основном, прошло два этапа, соответствующих двум большим этапам в развитии нашей страны. Первый этап: от Октября до того года, который был назван Сталиным «годом великого перелома». Второй — от начала 30-х годов до Отечественной войны. В наши дни, как я уже сказал, начинается новый этап советской литературы.

От Октября до года великого перелома в стране еще не был решен вопрос «кто кого», внутри общества шла борьба социалистических и капиталистических элементов, борьба за направление, за содержание революционного процесса. Все это отражалось на идеях, темах, сюжетах и стиле литературы.

С 30-х годов начинает определяться новое бесклассовое общество. Страна — в напряжении строительства пятилеток. Литература стремится отразить эти новые общественные процессы. Борьба кружков и направлений, характерных для предшествующего периода, кончается, уступая место идейному сплочению, которое иногда принимает нежелательный характер общей нивелировки. Выбор тем, манера изложения, отношение

к предмету и человек, — все, что мы называем стилем, — подчиняется целеустремленности строительства, происходящего в стране. Литература окрашивается патетикой времени и стремится к познанию и отражению действительности. Расцветает очерк, и нередко реализм подходит к опасной грани натурализма.

Внутри первого этапа, или периода, можно выделить некоторые литературные циклы. Это, прежде всего, годы гражданской войны, затем — нэпа.

Октябрь застал русскую литературу в лице эпигонов великого века в упадке и разложении. За небольшими исключениями, за исключением Горького, она была далекой от народа и чуждой ему. Были порваны последние нити, связывающие ее с освободительными традициями XIX века. Война 1914 года беспощадно продемонстрировала это падение, когда какой-нибудь эстет, поэт Игорь Северянин выстреливал в пустоту фразой: «И если в грозный час таинственный падет последний исполин, тогда ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин». — Самой низкопробной халтурой, вроде: «С крестом в груди, с железом в сердце» — Муйжеля и сотен других сочинителей наполнены были страницы журналов и газет. Чтобы стать понятной воюющему народу, литература первой мировой войны спустилась со своей башни и, торопливо загримировавшись под патриота, загаерничала, засюсюкала, запричитала на все фальшивые голоса. Народ не принял и злобно оттолкнул от себя эту шутиху — барскую барыню.

Сравните ее с литературой второй мировой войны, наших дней, когда все устремление советской литературы — подняться до уровня моральной высоты и героических дел русского воюющего народа. Литература наших дней — по-прежнему народное и нужное всему народу высокое гуманитарное искусство. Она круто идет на подъем. Это стихи Твардовского, Симонова, Исаковского, Сельвинского, Суркова, последние стихи Анны Ахматовой, сатиры Маршака, ленинградские рассказы Николая Тихонова, рассказы Соболева, Паустовского,

очерки Бориса Горбатого, повести и очерки Василия Гроссмана, покойного Полякова, военные рассказы непрофессиональных писателей, подписанные майорами или полковниками, «Радуга» Ванды Василевской и многое другое.

Перед огненным лицом Октября растерялись значительные слои интеллигенции, не в силах понять, что же именно новое несет в жизнь рабочий класс, и отшатнулись от революции. Однако все лучшее, что было в нашей интеллигенции, — в литературе в частности, — пошло с революцией. Хорошо тогда (в январе 18 года) сказал Александр Блок: «дело художника, обязанность художника видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит разорванный ветром воздух».

А было задумано:

«Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

Это настроение всеочищающей революционной метели, ворвавшейся в лживую и угрюмую жизнь, и вложил Блок в поэму «Двенадцать». В ней, однако, больше — от поэтического устремления, чем от исторического понимания.

Вместе с метелью ворвался в литературу образ народа. Он пришел, как нечто слитное, массово целое, в котором неразличимы личности. Личность тогда казалась неотделимой от буржуазного индивидуализма и отрицалась вместе с ним. Таков этот человек-масса в «150.000.000» Маяковского, в повести «Падение Дайра» Малышкина и отчасти в «Железном потоке» Серафимовича.

Момент отрицания всего прошлого литературного наследия, заклеивания его дворянским и буржуазным индивидуализмом и классово враждебной литературой, принимал в те ранние годы уродливые формы. В литературу Октября пришли люди из буржуазной среды, и разночинная интеллигенция, и молодежь прямо с полей гражданской войны, с фабрик и заводов, селькоры, сельские учителя, и другие. Была и зна-

чительная группа людей, которые противоречиво совмещали с публицистической революционной страстностью враждебные революции настроения.

Это отрицание литературного наследия сильнее всего выявилося в Пролеткульте, а затем в Раппе. Проявилось стремление противопоставлять пролетарскую культуру всей культуре человечества, и отсюда — тенденция — вбивать осиновые колы и жечь музеи. Это была цеховщина и махаевщина, немало надевшая бед в нашей литературе, немало искривившая писательских биографий.

Все премудрости пролеткультовских и рапповских «теоретиков» не шли дальше сортировки произведений и самих писателей на черных и белых, на буржуазных, которых надо изничтожать всеми способами, и на пролетарских, которых нужно прославлять. Много тут было от невежества, от старого русского нигилизма, но была тут и прямая работа фашистских агентов, пролезших в литературу. Они подменяли пафос революционной переделки мира крикливой и угрожающей демагогией.

Но сила литературного движения революции была в том, что оно жило одним биением сердца с народными массами, и в том, что в своих основных линиях оно направлялось партией и лично Лениным и Сталиным. Советская литература от человека-массы пришла через четверть века к индивидуальному человеку, представителю воюющего народа; от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма — пришла к Родине, как к одной из самых глубоких и поэтических своих тем.

В центре литературной жизни двадцатых годов стоит Маяковский. Он вошел в литературу после 1912 года на гребне подъема рабочего движения в России и отразил в своем творчестве именно это нарастание революции. В начале его революционный протест ограничивался рамками эстетической борьбы кружка футуристов. Октябрь дал подлинный размах его творчеству. Именно в борьбе за социализм он вырос в народного поэта-трибуна, которому «улицы — наши кисти, площади —

наши палитры». То, чего не дано было сказать рванувшемуся к революции Блоку — сказал Маяковский: мощными ударами переделать, перестроить живой, обезображенный мир. Никто, как Маяковский, так не выразил душу революции.

Байрон наполнил начало XIX века образами мятежного протеста: богоборца, одинокого свергателя злых демонов мира, — в начале XX века с иной, но не меньшей силой, зазвучал голос поэта пролетарской революции. «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм». Маяковский создал новый грандиозный стиль революционной поэзии, — огромные полотна, написанные размахистой и разгневанной кистью. Это была поэзия восстания, где звучал шаг наступающего пролетариата: «Левой, левой, левой»... Это была поэзия вытянутой вперед, указывающей руки, как ответа на вопрос — что делать человеку сегодня, сейчас, немедленно, если он — с пролетарской революцией. Вот откуда то огромное впечатление, которое произвел он на революционную и передовую поэзию во всем мире, и глубокое влияние его на поэтов всех литератур в Советском Союзе. Вот почему Сталин назвал Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи».

О Маяковском можно сказать то же, что Герцен сказал о Белинском: «Это был «человек экстремы», человек крайностей, именно, по-русски: самых левых, самых крайних крайностей. Советская культура строится на известном равновесии новаторского и приемственного, на критическом пересмотре истории с тем, чтобы новое росло на здоровых глубоких корнях. В максимализме Маяковского — трубит фанфарой чисто русская тема становления превьше всего общенародного размаха в будущее, без сожаления о прошлом: «Славлю отечество, которое есть, но трижды, которое будет».

Маяковский неотвратимо заполняет наше воображение, когда он в творческом порыве стремится «переделать все», и он меньше говорит нашему равному сердцу, когда оно в дни войны

болеет болью о России и — в этой боли находит гнев и самоотвержение, и богатырскую силу.

Советская художественная проза и в значительной мере — драматургия вышли из темы гражданской войны. Первое поколение советских писателей, например, «Серапионовы братья», пришло в литературу, в непосредственную школу Максима Горького, прямо с фронта. Они принесли с собой, как простреленные их шинели на плечах, романтику гражданской войны, героику народа, с отчаянной отвагой разметавшего белые армии.

Лучшие произведения того первого этапа советской литературы напоены поэзией героики пролетарской войны: «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Виринея» Сейфулиной, обаятельная поэма Багрицкого «Дума про Опанаса», «Партизанские повести» и «Бронепоезд» Всеволода Иванова, «Города и годы» Федина, «Любовь Яровая» Тренева, «Разгром» Фадеева, «Первая конная» Вишневского, «Удальцаевщина» Сельвинского и многое другое. «Педагогическую поэму» Макаренки — поэму о героическом перевоспитании человека — тоже можно отнести к романтике этих лет.

Существенно отметить, что позже, в тридцатых годах, героическая тема гражданской войны послужила многим советским писателям, чтобы выразить, но уже в новом идейном повороте, тот патристический подъем, который вырастал в нашей стране, в связи с построением обороны, в предвидении второй мировой войны. Таков, например, роман «Над Кубанью» Первенцева, «Пархоменко» Вс. Иванова, «Одиночество» Вирты, «Я сын трудового народа» Катаева, пьесы Погодина «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты».

Другое замечательное явление нашей литературы — Михаил Шолохов. Он целиком рожден Октябрем и создан советской эпохой. Он пришел в литературу с темой рождения нового общества в муках и трагедиях социальной борьбы. В «Тихом Доне» он развернул эпическое, насыщенное запахами земли, живописное полотно из жизни донского ка-

зачества. Но это не ограничивает большую тему романа: «Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности — произведение общерусское, национальное, народное. В наши дни, когда русский народ ведет титаническую борьбу и в центре нашего внимания не жертва исторического процесса, каким является герой «Тихого Дона» Мелехов, а народный герой — русский богатырь, мы видим и недостатки этого романа: от Мелехова до воина Красной Армии, бросающегося со связкой гранат под вражеский танк, чтобы подорвать его своим телом, — не протянуть генетической линии. Мелехов — только жертва, погибшая в противоречиях исторического процесса. Но донское казачество перешагнуло через противоречия, и пламенную любовь его к советской родине — древнюю удадь и отточенные клинки испытывают на своих шеях солдаты Гитлера.

Много было литературных споров о правильном или неправильном пути казака Мелехова по страницам шолоховского превосходного романа, — сама жизнь разрешила эти споры.

Вместе с эпосом в литературу двадцатых годов вошло много противоречивых мотивов. Можно, в известной мере, говорить о эпосовском литературном цикле. Это, главным образом, относится к сатирической струе в прозе и драматургии. В атмосфере противоречий родилась лукавая, умная, прелестная проза Зощенко, с его иронически припущенным героем-обывателем, которого он и высмеивает, и жалует. Эпосский красный кулеп — это смешная и жалкая карикатура на европейского буржуа, это — жуликоватый, увертливый приспосабливец, — маркитант, раскинувший свою жалкую палатку среди лагеря суровых солдат, отдыхающих между двумя боями.

Еще вчера мы видели и на кухне, и в трамвае зощенковского героя. Сегодня его уже нет. История идет стремительными шагами, и сейчас жало сатиры должно быть устремлено на иные явления нашей жизни. Мы ждем новой сатиры, она нам необходима в созидатель-

ной работе, — об этом свидетельствует например, то благотворное впечатление, которое произвел «Фронт» Корнейчука, хотя в нем только элементы сатиры.

Сила сатирического оружия ярко иллюстрируется современными газетными статьями Ильи Эренбурга. В двадцатых годах он писал сатирические романы (лучший из них «Хулио Хуренито»), направленные против «жирных» с их гнусностью и прязью. Эти романы послужили ему хорошей школой. Его пневная, кипящая ненавистью сатира на фрицев — не осиное жало, но смертельная пулеметная очередь. Его маленькие статьи, вырезанные из газет, можно найти приколотыми спичкой к стенке блиндажа, на переднем крае.

Призрачная легковесность эпэпа сказалась на самом характере сатиры того времени. Так, в романах Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» люди и факты, подлежащие осмеянию, переведены в низший — иронический план, — их не бичуют гневно; Остап Бендер не вызывает у читателя желчи, читатель только посмеивается — этого врага можно сшибить с жизни щелчком. «Глупая закуска жизни» — по выражению Салтыкова, в условиях эпэпа превратилась лишь в грязную пену и вызывала скорее ироническое презрение, чем приступ справедливого гнева...

Критический сектор социалистического реализма имеет все предпосылки для своего развития. Но, тем не менее, он еще не развит. Мы надеемся на пришествие нового Белинского, его еще нет. И это одно из наиболее слабых и уязвимых мест нашей литературы.

Критика не может быть малограмотна и не эрудитна; идейность должна быть подкована культурой, которую нужно знать и любить; для беседы с читателем нельзя уже больше оперировать сотней одних и тех же выражений и слов, стершихся от постоянного употребления и потому не задерживающихся в сознании читателя, — нужно вспомнить о сорока тысячах слов великого русского языка.

Перед нашей критикой непечатаемая це-лина. Приведу хотя бы один пример. До сих пор не разрушено мнение об односторонности влияния западно-европейской литературы на русскую. Лермонтов учился у Байрона, Лев Толстой — у Стендаля, и так далее... Где исследования о влиянии русской литературы на западно-европейскую и американскую? О влиянии Тургенева, Достоевского, Льва Толстого и, в особенности, Чехова — на английскую и американскую литературу? Мы восхищаемся Хэмингуэем, но он был бы невозможен, если бы Чехов не открыл ему глаза на мир и не научил в мелочи видеть большое и трагическое.

Значительны успехи советского литературоведения. Благодаря трудам ряда исследователей, мы неизмеримо больше знаем теперь о жизни и творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Добролюбова и многих классиков Запада, чем знали о них в дореволюционную пору. Тогда нельзя было и мечтать о таком капитальном, строго-научном издании, как, например, 92-томное издание сочинений Толстого. Мы не только благоговейно храним наследие наших предшественников, мы изучаем его с новых методологических позиций, о чем свидетельствуют хотя бы десятки томов капитальных изданий Академии Наук.

В литературе двадцатых годов было много такого, чем ей пришлось переболеть, и иным писателям не легко далось то, что называлось «перестройкой», то-есть идейным переходом в период великого перелома. Была групповщина, идейная слепота, неумение, а порой и высокомерное нежелание видеть и изображать существенное, исторически обусловленное. Был формализм — бесплодная, а потому и вредная игра в сюжетный и словесный орнамент, подменяющий идейную сущность литературы, ее глубокие, всегда трудные творческие процессы, внешними анекдотами и сюжетными фокусами. Было ухарское отношение к революции с изображением традиционных «братишек». Было ин-

теллигентское нытье, раздувание обид «маленького человека», за которым гонится Октябрь, как Медный Всадник за Евгением. Все это не выходило за стены кружков и редакций. Холодный стон этого фейерверка блистал или чадил без присутствия широкой публики. Участие советского народа в литературе было еще впереди. Тиражи книг ограничивались пятью и десятью тысячами экземпляров. Через десять лет такая книга, как «Тихий Дон», уже будет издана в 2.500.000 экземпляров.

В начале тридцатых годов в рядах писательской интеллигенции под влиянием решающих побед социализма происходит глубокий идейный переворот. Литература стягивается к основным, жизненно необходимым стране, целям и установкам партии и советской власти. Это стягивание нашло отражение в известном постановлении ЦК от 23-го апреля 1932 года, о ликвидации раппа и перестройке литературно-художественных организаций.

Литература второго периода характеризуется, прежде всего, единством идейных устремлений. И это было шагом на пути народности нашей литературы. В эти годы навстречу литературе поднимается многомиллионный читатель, — народ-строитель, приведенный в движение культурной революцией. Все это, вместе взятое, придает новый характер нашей литературной жизни и углубляет сознание ответственности литературы перед народом, его великим делом.

Эта нарастающая встреча литературы и читателя обобщается углублением хозяйственно-политических и культурных связей русского народа с братскими народами Советского Союза. Процесс слияния литературы с широким читателем активизируется народным трудом на фронтах пятилеток. День и ночь по всей стране скрежещут зубы экскаваторов, трещат пневматические молотки, растут стены заводов и городов. В деревнях планируется переход от индивидуальной чересполосицы к огромным массивам коллективного хозяйства.

Все это тянет и увлекает за собой литературу, которая охотно становится художественным летописцем экономического переворота или, словами Герцена: «шагает по следам великой армии исторического движения».

Так возникают индустриальные и колхозные романы, повести и пьесы, — о социалистическом строительстве и его людях. Среди множества произведений этих лет многие приобретают принципиальное, показательное значение в смысле введения в литературу нового, никогда еще ею не освещаемого материала. Таковы, например, — роман «Цемент» Гладкова, «День второй» Эренбурга, «Соть» Леонова, «Время, вперед» Катаева, «Большой конвейер» Ильина, «Поднятая целина» Шолохова, «Бруски» Панферова, «Гидроцентральный» Шагинян, «Страна Муравия» — замечательная поэма Твардовского, «Танкер «Дербент» Крымова и многое другое. В то же время в литературе крепнет новое поколение писателей таких, как Соболев, Корнейчук, Павленко, Симонов и другие.

От романтического восприятия истории недавнего прошлого литература переходит к исторической конкретности. На ее глазах народ строит свое историческое настоящее и будущее. Появляется новый литературный герой, — это уже не человек-масса и не поверхностно обобщенный романтический персонаж гражданской войны, это — человек сегодняшнего дня, строитель, но он пока еще больше обобщен, чем типизирован, он больше живописуется внешними признаками, чем внутренней характеристикой, он больше представитель своей профессии, чем живая личность; у него опасная тенденция к мельканию по страницам повести, к условному персонажу, к «кожаной куртке», к штампу.

Последние годы перед войной отмечены литературной борьбой за изживание условного человека. Литература борется за восстановление генетических линий и связывает нити, тянущиеся от современного человека к историческому прошлому, — на первом

этапе эти нити были оборваны и порой обрывались умышленно, как, например, деятельностью раппа. В поисках великого исторического наследия литература обращается к историческому роману. В последние годы перед войной он преобладает над другими жанрами. Это романы: «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Дмитрий Донской» Бородина; «Чингис-хан» и «Батый» Яна, «Великий Моурави» Антоновской, «Возмутитель спокойствия» Леонида Соловьева и предшествующие им: «Разин Степан» Чапыгина, «Болотников» и «Труды и дни Ломоносова» Георгия Шторма; «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова; «Цусима» Новикова-Прибоя, «Одетые камнем» Ольги Форш и ее трилогия из времен Екатерины II, и многое другое.

Гуманизм советского строя сказался во всенародной заботе о детях. Начатая в двадцатых годах советская детская литература завоевала всемирное признание. На английский, испанский, польский, болгарский, японский и другие языки, а также на языки всех народов Советского Союза переведены книги Чуковского, Маршак, Ильина, Михалкова, Бориса Житкова, Барто и других поэтов и прозаиков.

Война завершает два десятилетия советской литературы, богатой и своеобразной, со всеми достоинствами и недостатками молодости. Прежде всего, это литература десятков миллионов читателей. В ее развитии есть особенная черта, которую история литературы не знала: это идейно вдохновляющая помощь партии и правительства и лично — Сталина.

Война открыла новый этап, новый ее период. Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывая ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, — все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская ли-

тература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа. Она находит слова правды, высоко художественные формы и ту божественную меру, которая свойственна народному искусству. Пусть это только начало. Но это начало великого.

Таковы три этапа, три периода, три ступени, по которым поднимается советская литература. В ее развитии можно подметить одну закономерность: удача писателя, движение литературы вперед всегда шло от нового содержания социальной жизни. Содержание часто опережало форму. И часто — сочувствие к содержанию и воображение читателя дополняли то, что в книге было указано пунктиром, или в виде схемы, то, на что у писателя еще не хватало сил и опыта для изображения. Можно назвать произведения, широко популярные среди читателей и любимые ими, как например, «Как закалялась сталь» Островского, которые в художественном отношении и в отношении пластичности языка не могут полностью ответить возросшим эстетическим требованиям нашего современного читателя.

Мы не гурманы и не эстеты. Но, ставя общие задачи нашей литературы, выдвигая прежде всего — жизненную правдивость, политическую актуальность, мастерство пластики, живописности, композиции, богатство и свежесть языка, мы неустанно должны подтягивать форму к содержанию, требовать от литературы таких же смелых дерзаний, какие совершает наш народ, требовать такой же нравственной высоты, на которую поднялся наш народ, требовать от искусства чуда, ибо наш народ перед лицом всего мира совершает чудо в своей борьбе за родину.

Третий краеугольный камень нашей литературы, заложенный Октябрем, это многонациональный характер советского литературного движения.

Никогда история мировой литературы не знала такого согласного многоголосого и взаимно оплодотворяющего литературного хора, как в Советском

Союзе. Тарас Шевченко с горькой иронией в своей поэме «Кавказ» говорит, что в царской России все народы «от молдаванина до финна, на всех языках, все молчат». Слишком хорошо известна насильственная руссификация, проводившаяся в Российской империи, — подавление царской цензурой национального развития народов, как будто можно было заставить народы забыть свой родной язык, свое историческое прошлое, подавить в них священное стремление к независимости!.. Если бы не Октябрьская революция с ее прямолинейной и честной национальной сталинской политикой, — Россию, вне сомнения, постигла бы участь всякого лоскутного государства. Так навсегда распалась Австрия — священная Римская империя, так неминуемо распадется Третья империя, наспех окровавленными нитками насильственно сшитая фашизмом из государств Европы.

Было бы несправедливо утверждать, что русская интеллигенция участвовала в позорном и, прежде всего, не умном и не дальновидном процессе царской руссификации. Передовая русская интеллигенция всегда стояла на иной точке зрения — на той, которая была осуществлена Октябрем. Русская литература оказывала прогрессивное влияние на формирование общественного самосознания у национальных интеллигенций народов царской России. Если обратиться к биографиям виднейших национальных деятелей середины и конца прошлого века, станет очевидно, что передовые идеи, понимание жизни и истории они черпали в нашей классической литературе у Пушкина, Тургенева, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Л. Толстого, Щедрина, Островского, Горького. Эти имена мы найдем в записных книжках, письмах, в признаниях друзьям, наконец, в самих произведениях писателей: в Грузии — у Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, в Азербайджане — у Мирзы Фетхали Ахундова, в Армении — у Налбандяна, Сундукяна, Ованеса Туманяна, на Украине — у Лесю Украинки, Коцюбинского и, конечно,

Шевченко, в Белоруссии — у Купалы и Коласа, у казанских татар — у Шарифа Камала, у осетин — у Коста Хетагурова, у евреев — у Переца, Шолом-Алейхема и так далее.

Передовая русская литература никогда не знала высокомерного отношения к населявшим Россию народам. В ней никогда не было колониальной струи, колониальных мотивов, столь характерных для литератур некоторых европейских народов. Расцвет сталинской дружбы народов в советской литературе возник не на голом месте. Эта дружба уходит корнями в прошлое — в прогрессивную миссию русской литературы, в прогрессивную роль русского народа и его культуры.

Там, где на карте Российской империи были белые пятна молчания и неграмотности — на карте СССР расцветают и растут национальные литературы. Октябрь и сталинская национальная политика призвали к культурной жизни все, даже, казалось бы, забытые истории, «малоизвестные и неизвестные народы». Сталин говорит в своей книге «Марксизм и национально-колониальный вопрос», что свойство революции не уменьшать, а увеличивать количество языков, а следовательно и литератур. За четверть века десятки народов в Советском Союзе впервые в своей истории создали свою письменность. Накануне Отечественной войны у нас издавались книги на 90 языках, причем среди них были языки ранее почти не известные: саамский, маньсийский, абазинский, вепский и другие.

Но, разумеется, не у всех народов и племен успела уже сложиться своя художественная литература. Советская литература не только многонациональна и многоязычна, но и многостадийна, — в ней соседствуют все стадии, или ступени развития, от бесхитростной песенки ашуга, или первого рифмованного опыта на языке только-что созданной письменности, — до повести, романа, поэмы и драмы, которые переводятся на все языки мира.

Можно считать, что у нас, кроме русской — 35—36 оформившихся лите-

ратур, а если прибавить к этому литературы прибалтийских народов, то число их вырастет до сорока.

У нас есть литературы народов, прошедших путь промышленного капитализма и имеющих свои развитые литературные традиции, это литературы украинская, белорусская, еврейская и народов Прибалтики. К ним близки литературы закавказских народов, с их тысячелетней культурой: грузинская, армянская, азербайджанская. Древни и глубоко литературные традиции у народов Средней Азии. Это в особенности относится к Узбекистану. Однако условия феодальных отношений и колониального гнета были здесь особенно тяжелыми, — за исключением изустной народной песни, литература со всеми признаками эпитонста служила почти исключительно феодальной верхушке. Народ был сплошь неграмотен. Поэтому советское литературное движение было для народов Средней Азии ренессансом, возрождением национальных культур, после веков почти что молчания. Литературы узбекская и казахская за последние годы перед войной обогащаются, кроме присущего им поэтического жанра, — повестью, романом и драмой. То же можно сказать про литературу таджиков, туркмен, киргизов, кара-калпаков и народностей Дагестана.

Литературы «малых народов», исчисляющие свой возраст двумя, тремя десятилетиями, целиком созданы Октябрем, это литературы — Башкирии, Чувашии, Коми, Мари, Якутии, Мордовии, Кабардино-Балкарии, Черкессии, Ингушетии, Абхазии, Адыгеи, Ойротии, бурятов, калмыков, лезгин, аварцев, удмуртов, чеченцев и других народностей и племен.

В развитии наших национальных литератур нужно выделить два момента. Во-первых, возрождение и необычайный расцвет устного народного творчества, и, во-вторых, как уже упомянуто, развитие новых, до того мало им известных или совсем неизвестных форм, — романа, повести, драмы, киносценария. В развитии этих форм огромную роль сыграл русский язык, ставший вторым

родным языком для литературной интеллигенции народов Советского Союза.

Расцвет устного народного творчества — принципиальная черта нашего литературного движения. Богатства фольклора необозримы. Например, в Казахстане записывают одного акына, поющего эпическую поэму «Сорок богатырей» приблизительно в триста тысяч строк. Киргизский эпос «Манас» — еще больше, — несколько лет тому назад он был записан полностью. Устная народная поэзия в Средней Азии была, по преимуществу, оппозиционной, — жало народной сатиры направлялось против баев и мулл. Она преследовалась. Революционно настроенные акыны подвергались каре, как например, киргизский акын Токтогул. Целые сокровища народной поэзии погибли для литературы и науки, потому что не были записаны. Великий казахский акын Джамбул принужден был замолчать. Двадцать пять лет тому назад он уже был дряхлым стариком, который не мог сесть на коня.

Сегодня знаменитый аксакал советской поэзии, девяностопятилетний Джамбул снова, как в молодые годы, на коне, бодр и свеж и поет во весь голос о героях Отечественной войны. Это возрождение Джамбула — образ возрождения устной народной поэзии.

На Кавказе живет маленькое племя — кюринцы, их всего три десятка тысяч, — народ этот стал знаменит через своего народного поэта Сулеймана Стальского. Переводы на русский язык стихов Стальского, равно как и Джамбула, Ислам Шаира, Дурды Клыча, Феклы Беззубовой, Фарраха, Гамзата Падасса, азербайджанских ашугов, армянских гусанов, якутских олонгохутов, киргизских и казахских акынов — смыкают два вида творчества — народную устную и письменную литературу.

Громадное значение для развития национальных литератур имело утверждение в них преемственности национальной культуры, популяризации изданий на национальных языках и в переводах на русский классиков и эпосов: «Низами», «Навои», «Витязь в тигровой

шкуре», «Давид Сасунский», «Джангар» и «Манас».

Роман, повесть, драма, киносценарий развивались и возникали в национальных культурах вместе с ростом и углублением культуры, как новые, помимо поэзии, методы художественного восприятия и отражения действительности, а также как пересмотр с новых революционных позиций своей истории.

В национальных литературах есть писатели — прозаики, поэты и драматурги, — которые в известной мере двигают развитие всей советской литературы. В Украине это: Тычина, Рыльский, Корнейчук, Яновский, Палич, Первомайский; в Белоруссии — недавно умерший Янка Купала, Якуб Колас, Бровка, Крапива, Лыньков; в Грузии: Табидзе, Гамсахурдия, Чиковани, Леонидзе, Киацели, Лордкипанидзе, Шалва Дадияни; в Азербайджане: Самед Вургун, Расул Рза, Ордубады; в Узбекистане: Гафур Гулям, Айбек, Алимджан, Яшен, Абдулла Кахар; в Казахстане: Сабит Муканов, Мухтар Ауэзов, Мусрепов, Тажибаев; в Армении: Аветик Исаакян, Дереник Демирчян, Наир Зарьян, Степан Зорян; в Таджикистане: Лахути и Садреддин Айни, пишущий на таджикском и на узбекском языках; в Киргизии — Алы Токомбаев и Маликов; в Туркмении — Берды Кербабаяев. Советская еврейская литература выдвинула такие имена, как Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Квитко, Галкин.

Творцы советской литературы молоды свежестью и непосредственностью восприятия нашей эпохи. Советскую литературу можно критиковать формально, и мы всегда благодарим за это критику, ибо самоуспокоение и самолюбование — верная гибель для искусства. Молодость советской литературы в том, что она целиком литература народная. точнее — все ее основное движение — к народу, к вечному источнику творчества. Народ строит и борется во имя реальных задач. Они сформулированы товарищем Сталиным в его кристально ясной, уверенной речи 6 ноября. Свершение этих трех задач — отправная

точка для дальнейшего — столь же реального пути советского народа в отчетливо разворачивающуюся перспективу будущего, в царство Человека с большой буквы. Советская литература молода, — в ней, как в народе, живет и крепнет нравственная сила.

Английский критик Ральф Фокс, погибший в Испании, говорит в своей книге «Роман и народ», что многие английские и французские писатели сворачивают с пути гуманизма, уходят от великих западных традиций. Это так, ибо фашизм, прежде чем ворваться в Европу с танками и бомбардировщиками, привел ее в состояние морального паралича работой «пярых колонн». И вот вам — роман «Путешествие на край ночи», точнее его нужно было бы назвать: «Путешествие Франции на край ночи, от Робеспьера к Лавалю».

Нет, путь советской литературы — гуманизм. «Пролетарское по своему содержанию, национальное по форме, —

такое общечеловеческое искусство, к которому идет социализм», — сказал Сталин. Бесклассовое общество, которое мы строим, есть необходимая предпосылка для торжества гуманизма. Человек — цель всех наших усилий. Фашизм есть падение человека. Гитлеровские армии — это армии мертвецов, штурмующих живое человечество. Красные щиты преградили им путь с той великой нравственной силой, которую не пройти.

Девятьсот советских писателей — романистов, драматургов, поэтов, очеркистов, журналистов — находятся в рядах действующей армии, среди воюющего советского народа. Помимо непосредственных задач борьбы — они проходят ту суровую школу художественного опыта, которая, при наличии трех основных слагаемых нашей литературы — социалистической идейности, народности и многонациональности, обуславливает ей мировое будущее.

Возрожденные Октябрем

ПЕТР СКОСЫРЕВ

(О развитии советской литературы у «прежде забытых народов и народностей»)

*

1.

На протяжении всего своего исторического существования вплоть до Октября народы, населяющие советскую страну, находились в состоянии искусственного отгораживания один от другого. В царской России условия для активного взаимодействия национальных литератур и культур отсутствовали. Из всех языков, на каких говорило и писало население страны, признавался официально лишь один язык — русский, и считалось законным лишь одно национальное влияние — русское. И тем не менее культурное взаимодействие российских народов существовало. Отгораживаемые насильственно один от другого, они находили все же способы и пути для культурной взаимосвязи. Это относится прежде всего к тем народам, какие издавна были связаны единством исторического прошлого или большей или меньшей родственностью языковых групп.

Так влияние русской литературы было всегда значительно на Украине, и обратно — украинский фольклор и украинская культура оказали немалое влияние не только на устную русскую поэзию, но и на творчество целого ряда писателей России, из которых первым должен быть назван Гоголь.

То же надо сказать и относительно белорусской культуры.

Значительным было влияние татарской поэзии на поэтическую культуру туркмен и узбеков. Таджикская литера-

тура оказала свое воздействие на развитие литературы туркменской, узбекской, отчасти азербайджанской и даже грузинской (через культуру Ирана) и т.д.

Фольклорные мотивы и образы бродили от народа к народу, порождая произведения, сходные не только по сюжету или фабуле, но и по единой идейной направленности и эмоциональной окрашенности. Так образ Хаджи Насреддина, зародившийся у тюркоязычных народов Кавказа, проник в фольклор Узбекистана под именем Апанди, к туркменам как Алдар Косе и отчасти Кеминэ, к крымским татарам под именем Ахмет-Ахая Озенбашского.

Русская литература не могла не испытывать известного влияния культур народов Российского государства; однако эти влияния занимали до революции слишком незаметное место, по сравнению с творческими богатствами, созданными этими народами.

Из попыток приобщить широко русского читателя к культуре народов царской России должны быть отмечены прежде всего попытки В. Я. Брюсова и А. М. Горького, положивших немалый труд на организацию художественных переводов армянской, латышской, финской, белорусской и других литератур на русский язык. Выпущенные ими сборники национальных литератур были крупными событиями в русской поэзии 20 века, но они остались лишь единичными явлениями.

Страстной мечте А. Пушкина о том, что его назовет в России «всяк сущий

в ней язык», суждено было оставаться мечтой вплоть до Великого Октября.

2.

С установлением советской власти положение коренным образом изменилось. Равноправие наций и языков стало одним из основных лозунгов молодого советского государства.

Многоязычный, многонациональный характер новой советской культуры ярко обозначился уже в первые годы революции. Это произошло потому, что, как говорил товарищ Сталин,

«...социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 национальностей и этнографических групп? Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие... И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей»*.

С того времени, как были произнесены эти слова (в 1925 г.), выявились и осознали себя как самостоятельные народности еще около 50 новых племен и этнографических групп. За годы сталинских пятилеток они сумели достичь такого культурного уровня, что создали свою письменность и печать, выдвинули кадры национальной интеллигенции и создали свою художественную литературу. На первом Съезде писателей СССР (1934 г.) из общего количества 600 делегатов добрая половина писателей принадлежала к нерусским национальностям и писала более, чем на 50 языках народов СССР.

Самые численно небольшие племена

* И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 158, 1937 г.

выдвинули за годы революции великих мастеров художественного слова. Так кюринцы (лезгинское племя), на языке которых говорит не больше двух-трех десятков тысяч человек, дали миру Сулеймана Стальского, этого «Гомера XX столетия». Горький говорил об искусстве малочисленных племен: «Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством». Горький же первый и указал русским читателям на лезгинского ашуга, поэмы которого изучаются теперь во всех советских школах на всех языках СССР.

А. М. Горький говорил на съезде писателей: «...советская литература не является только литературой русского языка, — это всесоюзная литература... Не следует забывать, что на всем пространстве Союза Социалистических Республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа к жизни честной — человеческой, к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры».

К концу первой пятилетки книги художественной литературы выходили уже на 110 советских языках.

Ни в какое сравнение с дореволюционными условиями не могут быть поставлены производственные возможности, открывшиеся перед национальностями писателями после Октября. Если, например, на белорусском языке в 1913 г. было издано всего 3 книги, то в 1936 г. белорусских книг вышло 693 — тиражом свыше 8 миллионов экз. На казахском языке художественной литературы за последние 15 лет вышло больше, чем за предыдущие 600 лет. Такие же разительные соотношения имеют место и в других литературах, даже в тех, какие ранее находились в гораздо более благоприятных условиях, нежели казахская, например в украинской, грузинской, татарской.

Таким образом, в настоящее время советская литература представляет мощное многонациональное явление, в котором бок-о-бок с русскими писателями творчески работают на благо родины писатели всех без исключения народов СССР.

Понятно, нельзя игнорировать различия, существующие между отдельными национальными литературами. Революция застала народности и племена России на весьма различных уровнях и стадиях политического, культурного и хозяйственного формирования. Большое количество народностей не имело до Октября не только своей литературы, но не имело даже письменности. К таким народам должны быть отнесены башкиры, мордва, коми, буряты, ойроты, адыгейцы, лезгины, аварцы, хакасы, шорцы, эвенки, мансийцы и многие другие.

У других народов существовала и письменность, и богатая классическая литература; однако социально-экономический, культурно-бытовой и политический уровень жизни их был таков, что литература являлась достоянием лишь крайне узкого круга духовенства и аристократических верхушек общества. Подавляющая масса населения оставалась неграмотной и — подобно бесписьменным народам — знала один вид поэтического творчества — фольклор. К этой группе народов могут быть причислены таджики, узбеки, туркмены, казахи, киргизы, каракалпаки и отдельные народы Северного Кавказа и Поволжья.

И, наконец, третью группу составляли народы с богатой и древней письменной культурой: грузины, армяне, украинцы, азербайджанцы, литовцы, эстонцы, латыши и некоторые другие. «Советская литература на всех фазах своего развития была не только многонациональна, но и многостадийна. Соотношение устного народного творчества и литературы; степень развитости литературного языка; культурный уровень писательских кадров и читательских масс; большее или меньшее влияние русской литературы и русского языка; степень зависимости поэтической культуры от традиции классиков и т. д. — все это в различных советских литературах представляло — особенно в первые годы их существования — весьма пеструю картину. Однако победное движение революции постепенно стирает и уничтожает культурное неравенство советских народов и тем самым подтягивает отста-

лые прежде литературы к уровню крупнейших литератур — русской, грузинской, армянской, украинской и других» (К. Зелинский).

3.

Новая жизнь, принесенная революцией «прежде забытым народам и народностям», сказалась в поэзии этих народностей уже в самые первые годы советской власти.

Еще до того, как советская власть, разбив врагов, принялась за планомерное строительство новой культуры; до того, как стали возникать первые национальные издательства и журналы, — следовательно, еще до того, как стали создаваться условия, необходимые для возникновения профессиональной художественной литературы на языках «забытых народностей», — революция уже стала находить поэтический отклик в творчестве народных певцов — ашугов, акынов, лирников, шахиров и бахши.

О том, какую роль в жизни и культуре бесписьменных народов играли народные певцы, можно судить по рассказу известного туркменского историка Г. Карпова о месте бахши в жизни аула: «Хранителями богатств народной культуры, проводниками ее влияния в массы, распространителями ее лучших образцов в течение всей дореволюционной истории туркменского народа — а отчасти и теперь еще — являются бахши.

Без бахши невозможно представить себе жизнь аула. Не могло быть сколько-нибудь заметного события в ауле — праздника, свадьбы, похорон, конских состязаний или состязаний в стрельбе, а после революции — праздника урожая, Первомайских или Октябрьских торжеств, чтобы на них центральной и непрременной фигурой не был бахши — один или несколько.

С дугарой, спрятанной под халат, бахши приходит в аул. В кругу дайхан он поет, аккомпанируя сам себе на дугаре. Он поет те песни, что сложил сам или заучил от других бахши.

Если песня понравилась, его заставят спеть ее еще раз. И еще. Ее заучат наизусть, и вот песня, которая не записана никем, становится достоянием

каждого. И если она затронула чем-то слушателя, когда в аул придет новый бахши, то его попросят спеть именно эту песню. И если окажется, что он ее не знает, то его научат ей. Так песня распространяется из аула в аул со скоростью, пожалуй, не уступающей скорости продвижения книги.

Репертуар бахши, вкусы бахши, память бахши заменяли для туркменского аула до революции такие институты городской культуры, как библиотека, как нотохранилища, как музыкальные и певческие школы, как литературно-художественные журналы даже, пожалуй, как своего рода университеты, так как именно из песен и рассказов бахши слушатели узнавали о прошлом своего народа и о великих делах и людях Азии.

Бахши, исконные носители фольклора, являлись в то же время и популяризаторами классических туркменских произведений, частью записанных при своем создании, частью же никогда не запечатленных на бумаге. Сложенные устно, эти последние через устное же исполнение перешли в память бахши и только потому и сохранились до нашего времени».

Сказанное о туркменских бахши, целиком может быть отнесено и к ашугам Кавказа, и к акынам Киргизии, и ко многим другим представителям как устного народного творчества, так и народной музыкальной культуры.

Именно эти народные певцы и шахиры и явились для большинства бесписьменных народов СССР подлинными родоначальниками советской литературы. А это определило одну из характернейших особенностей ее развития — постепенное исчезновение грани между литературой и фольклором; в нашей литературе фольклор перестает быть безымянным. Творцы фольклора входят в семью литераторов непосредственными учителями молодых советских поэтов (С. Стальский, Джамбул).

По условиям своего политического и культурного развития носители фольклора в первые годы революции не были в состоянии отразить всю грандиозность событий, свидетелями которых были. Но они хорошо знали и помнили зло и мрак прошлого; они своими гла-

зами видели, как революция нанесла этому злу сокрушительный удар; они могли наблюдать, как силы реакции мобилизовались для сопротивления новой жизни, — и они в большинстве случаев сумели найти обобщающие и волнующие образы и слова, чтобы заклеить проклятое прошлое и воспеть открывшийся перед их народами простор свободы.

К певцам, встретившим революцию безоговорочным сочувствием и ставшим благодаря этому в ряды первых советских поэтов, должны быть причислены и Сулейман Стальский, и Джамбул Джабаев, и Токтогул Сатылганов, и Дурды Клыч, и Цуг Теучеж, и Фаррах, и Фекла Беззубова, и Шелиби, и многие другие.

Творчество и жизнь Стальского и Джамбула известны широко; имена Дурды Клыча, Шелиби или Фарраха еще не стали достоянием широких масс. Имеет смысл познакомиться хотя бы с одним из этих носителей народной культуры.

Туркменский шахир Дурды Клыч родился в Хивинском ханстве в семье батрака, работавшего на байских полях. Неграмотный, слепой, с малых лет он полюбил песни бахши и заучил наизусть не одну тысячу строк, какие распевались заходими певцами по аулам и кишлакам. В скором времени он и сам стал складывать песни и еще юношей приобрел известность как искусный певец и поэт. На гулянках, на тоях песни Клыча пользовались таким же успехом, как и песни, сложенные давно умершими великими поэтами — Кеминэ, Махтум-Кули или Молла-Непесом. В своих выступлениях молодой шахир свято соблюдал традиции устной поэзии Востока, — песням он предпосылал короткие прозаические рассказы, сатирические новеллы или метко схваченные жанровые сценки, какие являлись как бы интродукциями к песням.

В аулах до сих пор помнят «Чай», «Шубу», «Чигирь», «Чатму» и некоторые другие ранние произведения Дурды Клыча. В популярной песне «Чатма» поэт с грустной иронией воспевал жилище бездомного бедняка*.

* Чатмой называется шалаш, построенный из саксаула и сухой травы.

С Ташаузом пришлось проститься нам,
 Пристанищем осталась мне чатма
 (Не рыскать же, как зверю, по пескам),
 Ты душу истерзала мне, чатма.

Могилою покажется чатма,
 Коль издали взглянуть... тоска и тьма.
 Не нужно ветра, упадет сама
 Мне душу истерзавшая чатма.

А внутрь заглянешь, — и шагнешь назад:
 Темно и смрадно. Это сущий ад.
 Но ведь бедняк и аду будет рад,
 Коль негде жить. О тесная чатма!

Из веток стены, и сучки торчат.
 Войти захочешь — изорвешь халат.
 Захочешь вон — и вновь порвешь халат.
 Ты сердце рвешь мне, грязная чатма.

Начнется дождь, — залезешь в уголок.
 — Откуда льет? Ведь сверху потолок.
 Зашел бы ты зимой ко мне, дружок,
 Узнал бы, что за крепкий дом, чатма.

Чуть ветерок — дом ходит взад-вперед.
 Сдержаться попробуй — руки издерет.
 — Сиди, — велит. Подняться не дает
 Драчунья неприютная чатма.

Она велит мне хмуриться всегда,
 На щеки слезы гонит. Ой, беда,
 Бурана свист. Где ж лягу я, когда
 Повалятся в колдобину чатма?

Популярность Дурды Клыча была тем больше, что в стихах и песнях о темных сторонах аульного быта он никогда не впадал в пессимизм. Ирония, шутка, подспудная жизнерадостность, столь характерная для Сулеймана Стальского или для Фарраха, отмечает и большинство песен туркменского поэта.

Кроме произведений жанрово-бытовых, Дурды Клыч складывал и лирические стихотворения, используя для них формы и образы, присущие туркменским и отчасти таджикским классикам — Молла-Непесу, Кеминэ, Мушфаха.

И в этом творчество Дурды Клыча может быть сопоставлено с работой великого лезгинского ашуга. Лирика Сулеймана Стальского, подсказанная традицией классиков Востока, пользовалась в Дагестане популярностью не меньшей, чем его сатирические или бытовые песни.

Революция застала Дурды Клыча в Хорезме. Певец обездоленных, он без колебаний встал на сторону народа и

смело поднял голос в защиту революции.

Басмаческий вождь Джунаид-хан решил переманить к себе популярного шахира. Он сулил ему подарки, грозил местью, — все напрасно. Тогда он послал отряд разбойников, и Дурды Клыч был схвачен.

— Будешь складывать песни против большевиков и советской власти? — спросил Джунаид.

Дурды Клыч молчал.

Его соблазнили дарами, его били, — он продолжал молчать.

Его бросили в темницу. 52 дня томился поэт в яме, каждый день ожидая казни. Но воля к свободе оказалась сильнее стен тюрьмы. Слепой певец бежал и, явившись в красноармейскую часть, заявил, что отныне его голос принадлежит армии большевиков; он пойдет с ней туда, куда велит революция. Вместе с отрядами Красной Армии Дурды Клыч побывал и в Ташкенте, и в Пишпеке, и в Казахстане. Всюду он был пламенным агитатором за революцию, за борьбу против басмачей и баев.

После гражданской войны Дурды Клыч вернулся в родной аул и стал складывать песни о новой жизни, вовсе и не предполагая того, что бесхитростные песни о пережитом и переживаемом, подсказанные любовью к народу и ненавистью к врагам, и являются самой подлинной советской поэзией, являются новым словом в истории мировой культуры.

Стихи, прославляющие революцию, перемежаются в творчестве Дурды Клыча со стихами — проклятиями прошлому.

Сопоставление прошлого и настоящего, сравнение ушедшего зла с наступившим «добром и светом», на долгие годы становятся основным мотивом творчества Дурды Клыча, а также и целого ряда других советских народных поэтов:

В пыли, в грязи, в ногах судьбы
 Веками жили бедняки.
 Тиранам надобны рабы.
 Рабы у баев бедняки.

Он вырос в волка, байский класс,
 А стать овцой заставила нас.

Но вождь наш Сталин в добрый час
Нас вывел к свету, бедняки.

С тех пор отрадней — что ни год.
Без баев лучше рис растет.
В пустыне выстроен завод.
А кто хозяин? Бедняки.

Перебирай, что хочешь, ты,
Дутара струны, книг листы,
Ты не найдешь другой мечты,
Какой бы ждали бедняки.

О, я живу в такой стране,
Что думаю — не снится ль мне.
Тут самый бедный — на коне.
В машинах ездят бедняки.

Я, Дурды Клыч, сложил дестан
Про величайшую из стран,
Где каждый светом осиян,
Где всем владеют бедняки...

О том же пел в те годы и киргизский
акын Токтогул:

В семнадцатом царский трон
Рухнул, сгинула кабала...
Ленин создал советы для нас —
Крепость прочную, как скала.

Нету баев, манапов нет —
Смыты горести с бедняка, —
Заметались, почуяв конец,
Те, что нас угнетали века.

Для манапов, для баев злых
Жвачкой был ты в прошлом, бедняк.
Ты захлебывался в крови,
Погружен в беспросветный мрак.

Тебе и не снилось вовек,
Что жизнь обернется так, —
Счастливым стал ты, весел и юн, —
Резвись, как могучий скакун!.

В песнях Стальского, Джамбула, Беззубовой, Фарраха возникает образ великой заступницы угнетенных — советской власти и, как высшее выражение этой власти, возникают образы Ленина и Сталина.

Говоря о развитии советской поэзии, нельзя забывать, что лучшие попытки запечатлеть в стихах гигантские образы Ленина и Сталина сделаны именно народными певцами. Коренная связь их творчества с фольклором, нерушимая близость к народу облегчили Джамбулу и Стальскому, Беззубовой и Дурды Клычу эту великой трудности задачу.

Вспомним вдохновенные строфы
Джамбула:

Я ходил по степям, я бродил между скал —
Загорелый, обветренный и седой —
Девяносто лет я солнца искал,
И солнце предстало передо мной.

Я стоял перед ним, лучами палим,
Обогрет, обласкан и освещен.
Я стоял перед ним, перед солнцем моим,
Словно видел волшебный солнечный соев.

Сталин! Солнце весеннее — ты!
Ты посмотришь, и, словно от теплых лучей,
Колосятся поля, расцветают цветы,
Сердце бьется сильнее и кровь горячей...

Дважды юности в теле цвести не дано.
Я — старик, у меня серебро в бороде,
Но увидеть тебя я мечтал так давно,
Что, увидев, я сразу помолодел.

Снова юность, как чудом, Джамбулу дана,
Будто кровь, как кумыс, забурлила, звеня,
Будто снова моя разогнулась спина,
Будто белые зубы растут у меня...

Творчество народных поэтов, положившее начало советской поэзии у многих народов СССР, положило начало и тому мощному выражению патриотизма, какое стало определяющим для всей советской литературы.

В лице Дурды Клыча, как и многих других народных поэтов, устная поэзия подала руку молодой советской книжной поэзии, родившейся в результате пробуждения к новой жизни целого ряда национальностей, «ранее неизвестных или малоизвестных».

4.

На процесс формирования художественной литературы у народов, считавшихся прежде бесписьменными, решающее влияние — наряду с творчеством акынов и ашугов — оказало развитие национальной прессы.

До революции ни газет, ни журналов на большинстве языков народов царской России не существовало. Не мог считаться завершенным и процесс формирования языков у этих народов. Разбитые на бесчисленные племена и роды, лишенные каких-либо объединяющих культурных центров, они зачастую говорили на десятках различных наречий, являвшихся диалектами единого неоформленного языка.

Иные из этих диалектов подвергались влиянию чужих языков, не сходных с материнским, — и представители одного рода порой не понимали своего соплеменника, принадлежащего к другому

роду. Цементирующим началом диалектов и наречий мог бы считаться язык древних преданий и старых классиков; но обычно древний язык был полон архаизмами, и понимать его могли полностью лишь отдельные образованные старики. К тому же язык преданий не был приспособлен для передачи понятий современности.

Вопрос о создании современного литературного языка для целого ряда народов стал остро с первых же лет возникновения советской национальной культуры.

Успешно решить его и тем самым способствовать рождению письменной поэзии у народов, знавших до революции лишь фольклор, помогло широкое развитие сети народных школ и национальной прессы.

Газеты и школы стали тем цементирующим началом, какое помогало наречиям и диалектам сплотиться в язык, общий для всех племен и родов единого народа.

Советская поэзия вышла со страниц газет. Она находила свой первый приют в сатирическом листке между фельетоном и хроникой. На пестрых полосах школьных, аульных и фабрично-заводских газет она поднимала свой еще неуверенный голос для воспевания вещей, о которых никогда прежде не могли и мечтать дехкане или батраки. Советская поэзия зрела в сердцах юношей, которым революция дала все — возможность учиться, работать, помогать своему народу и своей семье, вырванной из прошлого, как из тюрьмы. Для каждого из этих юношей, будущих поэтов, каждый день советской действительности был готовой увлекательной темой. Первое мая, Октябрьская годовщина, выборы в совет, пуск первого завода, прилет самолетов, все, чем жила советская страна и что было для вчерашнего полураба осуществлением самых, казалось, неосуществимых и фантастических мечтаний, все вставало перед молодыми поэтами, как готовый объект для приложения творческих сил: воспеть этот день, рассказать о нем в рифмованных строчках, рассказать не образами старых сказок, а новыми сло-

«Новый мир» № 11 — 12.

вами, сравнить настоящее с прошлым и пропеть хвалу революции и хулу прошедшему — есть ли задача почетнее и полезнее?

Если мы познакомимся с первыми произведениями большинства советских поэтов народов, впервые призванных революцией к активной политической жизни, мы у каждого обнаружим именно эти черты газетной злободневности, зачастую прораставшей в их творчестве в ущерб лирике и образности.

Мечами Октября
Разбиты рабства цепи.
Народы всей страны, —
Как братская семья,
Цветут твои сады,
Твои поля и степи.
О родина моя,
Мордовия моя! —

пишет мордовский поэт Алексей Лукьянов, не заботясь о национальной традиционной форме, увлекаемый лишь прямолинейным стремлением зафиксировать, назвать все признаки нового, что принесла советская власть забитому мордовскому народу.

Ты движешься вперед,
Идешь ты
К жизни лучшей —
Лучину не зажжешь,
Глаза свои слепя,
Ее печальный свет
Тебя довольно мучил,
И в вечной тьме тебя
Держал он, как в цепях.

Наш трактор,
Верный друг,
Ты гордость коллектива!
Ты славный командир
Колхозных трудовых.
Но и тобою мы
Командуем на-диво.
Тебя моя сестра
Ведет среди полей.

И у якутских, и у бурятских, и у киргизских, и у узбекских, и у марийских, и у других молодых поэтов мы встретим в первые годы их работы и эту прямолинейность поэтического задания, и эту оголенность, и поэтическую обедненность злободневных стихов. Но мы жестоко ошибемся, если примем эти качества за признаки художественной регрессии национальной формы или поэтической нищеты. В газетных стихах моло-

дые поэты проходили школу политического мышления, без которого невозможен рост литературы. В «отказе» от образности, свойственной фольклору, молодая советская поэзия давала бой косяной традиции прошлого, давала бой тем ретроградным или прямо враждебным элементам, какие хотели бы оторвать поэзию от политики, направить ее по руслу «чистого искусства».

Не следует также забывать, что многие советские слова-понятия или слова-термины, такие, как ударник, соревнование, значкист, колхозник и др., будучи словами газеты, в то же время для огромного большинства национальных поэтов, вчерашних неграмотных аульных или кишлачных жителей, являлись в те годы не менее богатыми по своему внутреннему смыслу, чем слова-образы. Они не только обозначали предмет или явление советской действительности; они вызывали у читателей целый комплекс богатых разнородных ассоциаций, эмоционально связанных с этим предметом или явлением. Слово же, вызывающее эмоцию, — всегда и несомненно подлинный материал для работы поэта.

Источником эмоциональности так называемой газетной лирики подавляющего большинства молодых поэтов народов СССР была их беззаветная революционность, продиктованная любовью к родному народу и пониманием того, что лишь советская власть принесла их родине освобождение, культуру и силу.

Разрыв между революционным содержанием и национальной формой, какой наблюдался на первом этапе развития советской поэзии, был явлением переходящим. Он объяснялся борьбой, какую пришлось вести представителям революционной поэзии против враждебных элементов.

Буржуазные националисты охотно объявляли себя монополистами национальной формы. Разбитые в открытом бою, они хотели именно на вопросе формирования литературного языка взять реванш. Они пытались воскресить давно отжившие формы средневековых наречий; фальсифицировали словарь; стремились подменить живой язык, создание

и орудие народной культуры искусственными диалектами, порой никогда не существовавшими, как самостоятельный живой язык (чагатайским в Узбекистане и Туркмении, колонизированным галицийским на Украине и т. п.).

Естественной реакцией на их шумную провокационную политику в вопросах культуры и явилась нарочитая оголенность газетной лирики тех лет.

Националисты Средней Азии писали на «чагатайском» языке и призывали к тому же молодых узбекских поэтов, а революционный поэт Узбекистана Гайрати, как бы в ответ на их реакционный призыв, создавал свой «Сигнал бригады», свободный от всех признаков традиционной узбекской поэзии.

Звенящее в утро —
 Дам!! Дам!!
 Рассыпалось по садам.
 Скинув груз
 Одевая и сна,
 В сумку — хлеб
 И в мускулы — бодрость.
 Свежесть утра
 Спешу узнать,
 Бодр и весел
 Спешу на работу.
 Рабочий
 Завода ударного я;
 В этом
 И жизнь, и честь.
 В цехе ударном
 Марка моя
 2886.
 Эй,
 Тверже мускулы напрягай!
 Нам ли слабость,
 И нам ли сдавать?
 Нас обоих сюда привел
 Ленинский комсомол.
 Гудит гудок.
 Все по местам.
 Прогулов, простоев
 Нет.
 Мы добиваемся 100
 Дать стране...

Нужно ли говорить, что подобная «свобода» от национальной формы была явлением временным. У тех же самых поэтов, какие в определенный период своего развития как бы щеголяли отказом от традиционных приемов национальной поэтики, позднее появились произведения, лишенные каких-либо признаков нарочитой оголенности.

«Нигилистическое» отношение к национальной форме было изжито более

или менее быстро, и молодая советская поэзия приступила к овладению революционным содержанием путем использования всех средств, какие предоставляла в ее распоряжение национальная поэтическая традиция, обогащенная художественными достижениями других советских народов.

5.

Третьим каналом, по которому устремились творческие силы советских писателей в первые годы революции, явилась сцена — профессиональная или самодеятельная.

Драматические коллективы стали возникать в самых различных уголках освобожденной страны еще в те месяцы, когда не затихла гражданская война. Только в редких случаях это был профессиональный театр. Чаще это были молодежные агит-коллективы, использующие инсценировки политических статей или драматизацию народных бытовых праздников для своей политико-пропагандистской работы.

Народные игрища, в том числе и такие, которые носили характер религиозных радений (как, например, шаманство народов севера или зикр у народов Средней Азии), искони были традиционной формой бытового фольклора:

Любой туркменский той или киргизская байга, каждая свадьба или похороны народов Кавказа, так же как любое празднование уразы или рамазана, сопровождалось сложным игровым обрядом, где и слова, и жест выполняли заранее предназначенную функцию (в зависимости от характера обряда). Текст и действие обрядов и игрищ были теми элементами народного театра, какие лишь ждали соответствующих условий для своего развития. Элементы народного театра надо уметь различить и у мадахов Хивы, и в петрушечных представлениях Ферганы и Самарканда и даже в весенних и летних хороводах народов Поволжья.

Революция создала условия, какие способствовали превращению названных элементов в театральные представления. Традиционные рассказы мадахов, любимые равно и на базарах Бухары, и в

кишлаках Ташауза, успешно приспособивались агитаторами и пропагандистами для проведения разъяснительной кампании по основным вопросам политики советской власти. Агитаторы сочиняли короткие сцены — диалоги, приспособивали к пониманию неграмотного зрителя революционные пьесы, виденные в городе, драматизировали фольклор. В одной лишь Туркмении к концу 1920 г. уже существовало 12 драматических агитколлективов. Самодеятельный театр возникает в те годы в Якутии, Киргизии, Удмуртии, Узбекистане, Бурято-Монголии. Репертуар его составили примитивные скороспелые пьесы. Они забыты теперь, но они подготовили рождение национального театра. Иные агитколлективы тех лет, пройдя сложный путь развития, превратились позднее в мощные явления советского национального искусства, как, например, театр им. Хамзы в Узбекистане или Туркменский театр в Ашхабаде. Эти же агитколлективы явились школой для многих литераторов, ныне считающихся основоположниками национальной драматургии. В этом отношении показательна судьба узбекского драматурга, поэта и музыканта Хамзы Хакимзаде, первого советского классика Узбекистана.

Начавший свою литературную деятельность еще до революции, Хамза уже в первых своих книгах заявил резкий протест против косности узбекского быта, выступая ярким проповедником европейского просвещения. В то время противниками средневекового феодализма в Средней Азии считались джаддиды, передовой отряд буржуазного национализма. Горячий и одаренный юноша Хамза не сразу разобрался в контрреволюционной сущности джаддидизма. Однако, когда с победой революции выяснилось, что джаддиды дальше свержения царского правительства и некоторых реформ в народном просвещении итти не хотят и больше того — не сочувствуют и тайно препятствуют советизации узбекского города и кишлака, — Хамза порвал с джаддидизмом. Демократ и революционер, он понес искусство в народ. Используя излюбленную узбеками форму народных площадных представ-

лений, он организовал передвижную драматическую труппу, разъезжал с ней по городам и базарам, сам сочинял пьесы, сам их ставил и стремился лишь к тому, чтобы каждое представление его театра было новым и крепким ударом по врагам революции — всем этим клерикальным демагогам и ханжам, нашептывавшим узбекскому народу, что де русские большевики готовят узбекам цепь почище царской.

Успех агитационной драматургии и поэзии Хамзы был потрясающ. В 1920—21—22 гг. имя Хамзы среди дехкан и ремесленников Узбекистана так же гремело, как имя Маяковского среди революционной русской молодежи.

Совершив революцию в узбекском театре, Хамза приступил к созданию узбекской оперы, правильно оценив революционизирующее значение реформированной народной музыки. В то же время он писал трудовые гимны и песни, какие мобилизовали дехкан на борьбу с баями, басмачами и муллами. Написанная двадцать лет назад пьеса Хамзы «Бай и батрак» до сих пор осталась в репертуаре узбекского театра, как самая популярная пьеса обличительно-революционного репертуара.

По характеру Хамза был трибун и агитатор. Недаром узбекские критики называют его ударским Маяковским.

Но чем шире росла популярность Хамзы, тем яростней боролись с ним скрытые и явные джаддиды. Лицемерно скуля о снижении и опошлении народного искусства, проповедуемых якобы Хамзой, они шли и на явную ложь, и на клевету, и на лесть, и на подкуп, лишь бы прервать страшную для них деятельность писателя-трибуна.

И когда враги убедились, что все их старания тщетны, что никакие призывы к чагатаизму не уронят популярности Хамзы, они решили убить Хамзу. И они его убили в кишлаке Шахимордан в Ферганской области, куда Хамза приехал, задумав создать оперу, в которой бы воспевалась сила и красота узбекской души, освобожденной от суеверий.

Хамза идеально совместил в своем творчестве все три пути, какими шло развитие советской литературы у наро-

дов, державшихся долгие годы в отрыве от европейской культуры. Пламенный поэт-агитатор, он с газетных страниц обращался непосредственно к тем, кто являлся главным действующим лицом революции в Узбекистане — к беднякам, батракам и рабочим хлопковых заводов.

Мы дети и выученики труда,
И ты, и я человек.
Подумайте, братья, зачем тогда
Мы в рабстве живем весь век!
Из наших усилий богатства скопили
Бесстыжие бан-тираны.
Нас гнули, топтали, ногами били.
Мы носим кровавые раны.
Работая ночью, работая днем,
Мы выпили чашу мучений.
Голодные нищие, мы создаем
Для баев покой наслаждений.

Когда байство, вооружась, стало создавать басмаческие отряды, Хамза призывал батраков к оружию:

Винтовка верный друг в борьбе.
К оружию, рабочие!!
Буржуи держат нас во тьме,
Ведут ко мраку ночи.
Долой пузатых богачей
И кровожадных палачей!!

Знаток и ценитель национального фольклора, обращаясь к неграмотным дехканам, Хамза создавал революционные песни, в которых умело использовал особенности народной формы. Его «Песня о топоре» стала одной из лучших песен советского фольклора, породив большое количество подражаний. Обратившись к драматической форме, Хамза смело вводил в свои комедии и драмы народные диалоги и драматизировал традиционные анекдоты, образы которых давно стали нарицательными среди кишлачных жителей.

Хамза хорошо владел русским языком и сознательно прививал узбекской поэзии традиции Маяковского. Ему была известна небольшая часть работы великого поэта-трибуна; но и того, что он знал о Маяковском и о его роли в создании революционной поэзии, оказалось достаточно, чтобы смело итти по намеченному пути. Хамза твердо верил в организующую роль художественного слова и — подобно Маяковскому — дело поэта приравнял к делу бойца. В

этом отношении он должен считаться предшественником и Самеда Вургун, и Азата Вштуни, и Наири Зарьяна, и целого ряда более молодых советских поэтов, сумевших соединить в своем творчестве и смелость новаторства, и преданность народной традиции, основанной на незыблемой вере, что Октябрьская революция — это народная революция, и что советская власть — высшее и совершеннейшее выражение подлинного народоправства.

Новаторские пути Хамзы не были головным изобретением «новатора во что бы то ни стало». Они были прямым следствием слитности творческих стремлений писателя с политическими и художественными потребностями народа. Хамза прекрасно понимал, что новых путей надо искать, не за письменным столом, а в гуще народной жизни, на базарной площади, на вечеринке молодежи, среди стариков, хранящих жемчужины устной поэзии.

Стремясь поскорее вернуть народу то, что он у него взял, Хамза даже не всегда успевал записывать свои пьесы; он сочинял их, разучивал, ставил и тут же приступал к работе над новой вещью, нимало не заботясь о судьбе своего литературного наследства.

В театре Хамзы не трудно найти общее с театром Мольера или с театром Шекспира. И это воскрешение традиции великих актеров-драматургов послужило могучим толчком к возникновению узбекской советской драматургии. Если Узбекистан ныне гордится такими драматургами, как Яшен или Амин Умари, то мы должны помнить, что все названные писатели — прямые наследники Хамзы, и что многие их пьесы и творческие поиски являются лишь дальнейшим развитием приемов, найденных Хамзой.

Идентичность понятий «новаторства» и «народности», какая доказана всей работой узбекского Маяковского, является величайшим достижением советской литературы. Ново в искусстве только то, что по-новому сближает искусство с народом. Всякое другое «головное» новаторство — есть псевдоноваторство, есть трюкачество, формализм.

6.

Развитие отдельных национальных отрядов литературы СССР проходило в первые годы революции в некоторой взаимной отъединенности, изолированности друг от друга. Это обуславливалось всей суммой исторических национальных и культурных особенностей каждого советского народа.

Однако за всем своеобразием отдельных литератур СССР можно выделить некоторые общие черты, продиктованные одним решающим историческим фактом — у всех этих весьма различных друг от друга народов произошла великая всеизменяющая советская революция, связавшая судьбы их в единый неразрывный узел.

Революция проложила резкий рубеж между прошлым и настоящим и призвала к жизни силы, до того не принимавшиеся в расчет или считавшиеся как бы не бывшими. Но революция вместе с тем не отбросила ничего, что было в культуре народа ценного и значительного.

Революция изменила характер творчества ашугов и бахши, направив их песенные силы на служение новой жизни. Революция толкнула на путь творческого сочинительства еще вчера неграмотных аульных и деревенских парней, ставших сегодня газетными сотрудниками и поэтами-агитаторами; и революция же разделила на-двое литературную судьбу писателей старшего поколения у народов, какие имели и развитую национальную культуру, и богатую литературную традицию.

Приход Октября застал передовые литературы России в той фазе их развития, когда на творчестве значительного большинства писателей заметно усилились буржуазные влияния. Горький в статьях тех лет писал об «упадке социальной этики», о «понижении самого типа русского писателя». Это выражалось в распространении формалистических, декадентских, мистических и тому подобных социально-ретроградных литературных тенденций. В то же время обстановка кануна революции наполняла литературу предчувствием

грозного обновления мира, вызывала образы «непрочности» существующего порядка и романтический протест против этого порядка.

Противоречие охранительных и критических тенденций было характерно не только для русской литературы. Оно сказалось и на судьбах и целого ряда национальных писателей. При этом противоречия эпохи не только размежевывали писателей на противоположные идейные лагеря, но и сказывались на творчестве отдельных писателей, делая его внутренне противоречивым и неустойчивым. Идеологическая спутанность сознания, царившая в головах многих литераторов предреволюционных лет, особенно давала себя знать у тех народов, у которых после 1905 года усилилось национально-освободительное движение, возглавленное молодой национальной буржуазией.

Реакционная идеология пантюркизма, панисламизма, джаддизма, мусаватизма и т. п. воспринималась целым рядом прогрессивных писателей, как истинно передовая идеология, указывающая их народам пути к раскрепощению и возрождению.

Нужен был опыт продолжателей борьбы с белогвардейцами всех мастей и оттенков, чтобы лучшие из писателей старшего поколения перебороли тенденции буржуазного национализма и стали подлинными певцами советского строя и советских народов.

Сказанное в разной степени относится и к таджикскому поэту, и беллетристу Садреддину Айни, и к башкирско-татарскому писателю Маджиди Гафури, и к туркменскому прозаику и поэту Берды Кербабеву, и к армянскому писателю Аветуку Исакяну, и ко многим другим писателям, которые встретили революцию уже вполне сложившимися мастерами, например, Дурды Клыч, Мухтар Ауэзов.

Каждому из них в той или иной мере пришлось преодолевать либерально-буржуазные влияния тех кругов общества, выразителями которых они были до Октября.

Показательна и любопытна в этом

отношении судьба таджикского поэта и беллетриста Садреддина Айни.

Айни вошел в революцию уже оформившимся известным писателем. Еще при эмире он проделал весь путь, какой был уготован в Бухаре таджикскому горожанину, захотевшему причаститься книжной культуре своего народа. Мальчиком он заучивал наизусть Хафтиаку и молитвы из Корана в киш-лачной религиозной школе. Затем — будучи сторожем Бухарской мечети — продолжил учение у знаменитых мулл, какие были единственными носителями знаний в Средней Азии, Понаторев в грамоте, Садреддин стал приобретать известность в Бухаре, как искусный писец, умеющий сочинить любое прошение, а — если нужно — и любую стихотворную касыду судье или вельможному сановнику. Восхищенный глубиной поэтического богатства классиков — Саади, Хафиза, Джаами, Навои и Мукими, он писал и собственные стихи, чем и заслужил благоволение многих сильных мира сего, считавших себя покровителями поэзии.

Темнота окружающей его средневековой жизни толкнула молодого поэта к делу, какого меньше всего ждали от него высокие покровители. Помимо стихов, Айни занялся составлением учебников для народа и преподаванием истины, направленных своим острием против бухарских заправил. Благоволение покровителей уже готово было превратиться в осуждение и, может быть, в гонение, когда почтенный поэт совершил поступок, небывалый в истории Бухары. Он самовольно оставил столицу, уехал в провинциальное местечко Кизил-Тепэ и поступил на хлопковый завод чернорабочим.

«Я это сделал потому, — рассказывает Айни, — что оставаться в Бухаре стало небезопасно. Я ведь был не только педагогом и поэтом, но еще и участником движения молодых бухарцев. После 1905 г. в Бухаре сложилась такая группа недовольных режимом молодых людей, какие стремились к реформам. Я был одним из них. Между тем в стране торжествовала самая мрачная реакция. Всех недовольных

попросту хватали и кидали в темницы или даже казнили. Вот почему я предпочел на некоторое время укрыться на хлопковом заводе.»

Такой поступок не мог не рассердить эмира. История Бухары еще не знала примера, чтобы молодой ученый добровольно становился черноработчим. Это выглядело, как прямой вызов или как демонстрация.

Эмир охотно бы принудил Айни вернуться в столицу, но у него не было достаточных оснований для насильственных мер и поэтому он прибег к иной мере, вполне соответствующей коварным традициям восточных правителей. Он назначил строптивого поэта смотрителем одной из самых богатых и славных мечетей Бухары.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба столь «вознесенного» эмиром Айни, если бы как-раз в эти месяцы не вспыхнула революция. Николай был свергнут, и трон эмира захватался. Молодобохарцы и джаддиды решили, что пришло их время; они организовали массовую демонстрацию против ханского режима. Они хотели немногого — лишь тех прав, какие уже получила, свергнув царя, российская буржуазия. Судьба дехкан и бесправных батрацких масс их не интересовала.

Айни в демонстрации участия не принимал; однако, когда демонстрация провалилась и эмир перешел в наступление, он арестовал Айни.

Не в пример другим джаддидам, отделившимся легкими наказаниями, поэт был предан мучительной казни на площади. Но он остался жив и, брошенный умирать в тюрьму, не только выжил, но и дождался дня, когда восставший бухарский народ разбил тюрьмы и вернул узникам свободу.

Сложное переплетение политических, национальных и классовых тенденций в республиках Средней Азии еще долгое время мешало Айни занять четкую позицию в отношении к политике большевиков. Но преданность народным интересам, здоровый патриотизм и любовь к культуре родного народа вывели талантливого писателя на верный путь.

После колебаний, ошибок и блужданий, сказывавшихся на целом ряде его стихов и статей, Айни нащупал здоровую линию творчества, которая безоговорочно служила народу и привела его к настоящим и непреходящим успехам.

Эта линия заключалась в правдивом и художественном объективном рассказе о том, что собой представляла жизнь в Бухаре при торжестве эмирата.

Великолепный знаток прошлого, Садреддин Айни в течение короткого времени создал целый цикл исторических романов — «Дохунда», «Рабы», «Смерть ростовщика», «Из прошлого» и другие, в которых показал себя, как крупный бытописатель, создатель нового в таджикской литературе жанра реалистического романа.

Вдумываясь в прошлое Таджикистана, Айни обрел твердую уверенность, что лишь методами советской революции могло быть достигнуто то освобождение таджиков от торжества мракобесия и зла, борцом против которых писатель — с полным на то правом — считал себя всю жизнь.

В лице Айни народы Средней Азии уже с первых лет революции обрели крупного деятеля советской литературы, но нужно было пройти целому десятилетию, прежде чем созданные им книги стали известны русскому читателю и читателям других народов СССР.

То же самое надо сказать и о первых поэмах Кербабаева, и о пьесах и повестях татарского писателя Шарифа Камала, и о книгах Маджиди Гафури, признанного ныне классиком башкирской литературы.

Писатели старшего поколения, они после недолгих блужданий безоговорочно приняли революцию. В ней и только в ней видели они залог свободы и счастья их народов. В поражении врагов революции видели они свое освобождение от кошмара прошлого.

Стервятники над Волгой кружат.
Пусти, джигит, их перья по реке.
Пришпорь коня, пуская украсит кровь
Ту саблю, что сжимаешь ты в руке.
И лишь тогда найдет себе покой
То сердце, что вздымает грудь твою.
И сбудутся заветные мечты,
И все почтут тебя в родном краю, —

писал Маджиди Гафури в кровавые годы колчаковщины, отбросив беспредметные либеральные мечтания, какие встречались в его дореволюционных стихах. Так же проявили себя и другие лучшие писатели старшего поколения. Они явились примером и учителями для тех молодых литераторов, какие начали свой творческий путь после Октября. Но опыт их и их достижения — повторяем — довольно продолжительное время оставались достоянием лишь тех народов, на языке которых они писали.

Советские национальные литературы зарождались отъединенно друг от друга. Все они были обязаны своим возникновением революции, но некоторое время существовали порознь, в условиях национальной изолированности. Должно было произойти немало значительного в культурном развитии советского государства, чтоб отдельные национальные литературные ручьи слились в единый мощный поток — в многонациональную советскую литературу.

Наиболее мощным фактором, способствующим укреплению тесной связи братских литератур, явилось распространение русского языка и русской культуры. Культурная революция сделала язык Ленина, Пушкина, Толстого доступным каждому советскому гражданину; с этого момента достоянием каждого советского народа стали книги лучших русских писателей, в первую очередь сочинения Горького и Маяковского, влияние которых на дальнейший рост национальных литератур стало определяющим.

7.

Три особенности отличают литературу советской страны от литератур всех иных исторических эпох и стран. Это — ее органическая, непрерывно крепнущая связь с фольклором; ее многонациональность и ее высокая идейность, направленная всецело на благо народа в его борьбе за новый социальный строй, за свободу, независимость и могущество советской отчизны.

Относительно идейной целеустрем-

ленности советского литературного движения Ленин писал:

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить... не скучающим... отожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность.»*

Об этой же отличительной особенности советской литературы, как самой идейной, а следовательно и самой богатой по своим тематическим и формальным возможностям, говорил и Горький, чья многообразная деятельность наложила неизгладимый отпечаток на весь характер развития многонациональной советской культуры.

«Дело наших литераторов, — писал Горький, — трудное, сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности, к обличению развратности ее пороков. Их задача — изучать, оформлять, изображать и, тем самым, утверждать новую действительность. Нужно учиться видеть, как в чадном тлении старой гнили вспыхивают, разгораются огоньки будущего. У молодых писателей есть что сказать о новых радостях жизни, о разнообразном цветении творческих сил в стране. Они должны искать вдохновений и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе в творческой воле нашей эпохи, — воля эта воплощена в рабочем классе»**.

В период, когда мировоззрение национальных писателей старшего поколения еще только оформлялось, как мировоззрение советское, а молодые писатели впервые выходили на творческий путь, ища поддержки и учителей, книги и статьи Горького оказались для тех и для других примером и маяком. Рассказы Горького, его повесть «Мать»,

* В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 390.

** М. Горький. «О действительности», 1929 г.

высказывания и статьи о литературе, со времени появления их на языках СССР, стали настольными книгами для всех литераторов.

Влияние Горького и русской культуры на развитие литературы народов СССР стало определяющим. Точно в мичуринском саду мощной, но дико растущей яблоне привили сок наиболее витаминного и стойкого плода. Результаты прививки сказались почти незамедлительно. Творческие силы каждого народа только ждали благодетельного толчка, который помог бы им покончить с ограниченностью и национальной изолированностью.

Горький опирался как художник не только на традиции критического реализма XIX века, но и на традиции устной народной поэзии, и этим положила начало тому принципиальному сближению письменной и устной литератур, какое получило столь богатое развитие во всех советских литературах.

Могучее реалистическое дарование Горького оказало прямое воздействие на формирование не одного десятка национальных писателей.

Под непосредственным влиянием Горького, его «Детства» и «В людях», возникла автобиографическая повесть казахского прозаика Сабита Муканова «Мои мектебь». Надо иметь в виду, что до этого казахская литература не знала реалистического романа. По стопам Горького пошел и Маджиди Гафурри, автор повести о «Золотых приисках поэта», где дается широкая картина блужданий в поисках социальной правды молодого башкирского интеллигента.

Влиянию Горького обязан своим ростом как прозаик и армянский писатель Н. Зарьян. Его «Хацаван», с центральным образом сильного человека Левона, отдавшего себя целиком служению народу, не мог бы появиться, не создай Горький в «Матери» образ Павла.

К. Лорджипанидзе и Л. Квачели в Грузии, Ордубады в Азербайджане, Кутуй и Шариф Камал в Татарии, Шкэтан в Марийской республике, Бер-

ды Кербабаев в Туркмении — все виднейшие прозаики советских народов в той или иной мере испытали на себе благотворное влияние горьковского творчества.

Художественной прозы, как развитого жанра, не знали до революции ни туркмены, ни казахи, ни марийцы, ни таджики. Опыт Горького заменил для писателей этих народов отсутствующий опыт национальных классиков. У грузин, армян и азербайджанцев была своя богатая национальная традиция в прозе, но и для них книги Горького явились тем новым словом, какое подняло их национальную литературу на высшую ступень развития.

Горький без всяких оговорок может быть назван отцом художественной прозы народов СССР. При этом, конечно, влияние Горького ни в какой мере не было наносным или чуждым национальному духу названных писателей. Оно не давило их самобытности и не отрывало от искусства родного народа. Реалистические и революционные заветы Горького и других русских классиков лишь помогли этим писателям освободиться от условности узко-национальных традиций, приемов и образов, помогли им преодолеть остатки влияния буржуазно-националистической идеологии и вывели на широкую дорогу реалистического искусства, передового по своим устремлениям и национальному по форме.

В прямой связи с торжеством ленинско-сталинской национальной политики, обусловившей расширение и углубление русского культурного влияния на все слои национальной интеллигенции, были созданы писателями братских народов все более или менее значительные прозаические произведения, появившиеся за последнее время, — от многотомной эпопеи Айни «Рабы», до новелл Абдуллы Кахара, от повестей и романов Муканова и Мусрепова до пьес и рассказов Шарифа Камала.

Большинство крупных произведений, созданных писателями народов СССР, построено на исторической тематике.

Недавнее прошлое входит в сегодняшний день большинства этих наро-

дов, как еще не выветрившаяся память о жгучих обидах, понесенных ими от своих и иноземных захватчиков и работодателей.

И насильственное переселение народов Кавказа — «махаджирство», и абречество, и «реквизиция» народов Средней Азии на тыловые работы в 1916 г., и многие другие события и явления вчерашнего дня истории стали материалом, темой для писателей СССР. Обретшие родину в Советской стране, народы бывшей царской России не могли не стремиться сравнивать полное обид прошлое со счастливым настоящим. В этом интересе к истории родного народа нет и тени желания уйти от современности. Наоборот, тем ярче и полнее ценит и любит советский писатель свою освобожденную родину, чем внимательнее вглядывается в мрачное прошлое. Стремление национальных писателей к исторической тематике должно рассматриваться, как ярчайшее проявление великого советского патриотизма, являющегося залогом близкой победы Страны Советов над фашизмом.

8.

Сказанное о влиянии Горького на развитие национальной прозы может быть в известной мере повторено и в отношении влияния Маяковского на развитие и рост национальной поэзии.

В поэзии молодым писателям братских народов приходилось преодолевать еще больше препятствий и вредных влияний, чем в прозе. Проза у большинства народов создавалась почти на пустом месте; там не приходилось ломать косные традиции, тянущие советского писателя назад, в культурное средневековье. Молодой советский прозаик был свободен от давления устаревших форм, тогда как в поэзии эти формы торжествовали на каждом шагу.

Когда буржуазные националисты звали молодых поэтов от советской действительности к холодным стихотворным упражнениям в духе отмерших средневековых касид, то именно пример Маяковского давал поэтической молодежи силу противостоять этим враждебным тенденциям.

Влияние Маяковского можно проследить и на творчестве Шейх-Задэ и Наири Зарьяна, и Павло Тычины и Сулеймана Рустама, и Гафура Гуляма и Кубанычбека Маликова и других. Влияние великого русского революционно-го поэта на развитие национальной поэзии надо искать в публицистической страстности ее лучших поэтов, в злободневности их произведений, в смелости отношении к изжитым литературным традициям, в отзывчивости на требования народной эстетики; наконец, в том безоговорочном, до конца доведенном, последовательном революционном патриотизме, какой составлял самую сущность музыки Маяковского.

Маяковский в своей поэзии беседовал с массами, организовывая их язык в поэтическую форму. Маяковский необычайно высоко ставил призвание поэта, являясь в этом прямым наследником русских классиков. Маяковский не знал и не хотел знать, что такое «искусство для искусства». Маяковский был народным трибуном, мечтавшим лишь об одном, чтоб общим памятником для него и для всех советских поэтов был «построенный в боях социализм».

Когда мы говорим о влиянии Маяковского, мы должны иметь в виду именно эти особенности его поэзии, а никакие иные. Именно эти особенности сообщили советской поэзии те черты актуальности, демократичности, народности и высокого патриотизма, какие составляют ее суть. Особенности эти не изобретены Маяковским; они не составляют его личной собственности; они подсказаны Маяковскому, как и другим советским поэтам, всей обстановкой социально-политической жизни страны, всей совокупностью литературных и культурных традиций, какие революция призвала к построению новой культуры освобожденного человечества. Маяковский лишь раньше других и полнее других, и ярче других выразил эти особенности и потому стал примером и источником влияния для других поэтов.

Сказанное позволяет нам говорить о влиянии Маяковского, даже когда мы

разбираем произведения такого внешне далекого от Маяковского поэта, как Самед Вургун. Певучая, романтически-окрашенная, «нарядная» поэзия Вургунна формально далека от прозаизированных строк автора «Хорошо» или «Во весь голос»; но стоит вслушаться в страстный голос азербайджанского певца, когда он говорит о призвании поэта в дни революции, и внешняя несхожесть его поэзии с поэзией Маяковского пропадает.

Вдохновение мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порока моя!
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор.
Да не буду лишен этой милости я!

Мне сказали: — «Сагбол!» — это значит: живи!
Орден Ленина мне прикололи на грудь,
Комсомолец-поэт, всем пожаром в крови,
Всю жизнь твою живи — вот широкий твой путь.

Зорче молнии будь! Оглянись на тихонь,
Тех, что мух на лету превращают в слонов.
Истребителем будь! Под обстрел, под огонь
Двоядушных друзей, прописных болтунов.

Что за умники, глянь! Оцени их сполна.
Их пустые слова, как кимвалы и медь.
Если честного сына любила страна,
Ей за эту любовь не придется краснеть!

Так бичуй, не жалея шулеров-подлипал,
Кто, меняя лицо, не меняет души,
Кто жену продавал и со всякою спал,
И, вползая ужом, навредил нам в тиши.

Прочь их с наших путей! — Я в работе своей
Был подручным весны. Я природу любил.
О, любимая, шею мне крепче обвей.
Я живые слова, как огонь раздобыл.

Тот бесчестен и лжив перед родиной, кто
Отречется от нашей любимой страны.
О, друзья! Наше небо зарей залито.
Вы в нарядные платья одеться должны...

Вургунна и Маяковского сближает целеустремленный взгляд на роль поэта. Обоих поэтов сближает испепеляющая ненависть к врагам родины. Их сближает уничтожительное презрение ко всякого рода пошлякам и трусам, и, наконец, и это самое главное, их сближает

безоговорочная страстная преданность революционному народу, поднявшемуся на уничтожение всех и всяческих врагов отчизны.

Многое пришлось преодолевать национальной поэзии на пути роста — примитивизм и фактографичность, голую лозунговость и оторванность от национальной формы, трюкачество и искусственную сложность или бездушную архаичность формы, выдаваемую иними из ревнителей «истинной» поэзии за подлинную народность и национальность. В конечном счете восторжествовали прямые и ясные пути советской поэзии, как поэзии широко и безоговорочно демократической.

П. Тычина, М. Рьельский, М. Бажан, Самед Вургун, Наири Зарьян, Я. Купала, С. Чиковани, Гафур Гулям, Дурды Агамамедов, Шейхи Маннур и многие другие поэты Украины, Грузии, Азербайджана, Татарии, Туркмении и других советских республик на протяжении своего творческого пути всегда оставались выразителями глубоко патриотических устремлений освобожденных народов, видевших в братском единении советских республик воплощение самых сокровенных и смелых исторических мечтаний.

Когда на советские народы обрушилась война с фашизмом, поэты, взрожденные Октябрем, обратили весь пламень своего вдохновения против тех, кто вторгся в пределы родины. К фашистам у советских поэтов такое же отношение, какое может быть у честного человека к разбойнику, занесшему над головой его матери окровавленный топор. В одном из самых первых своих стихотворений, написанных за время войны, Вургун выводит образ матери-родины, вышедшей за околицу села проводить на бой сына-воина:

Я ухожу. Ну что ж, прощай, — целует он старуху мать,
И мать героя обняла, как может только мать обнять.

Целует в губы и глаза и хочется подольше ей
Глядеть на сына своего, на сына родины своей.

Сказала: «Свет очей моих, сынок мой милый, жизни
цвет,

Седые волосы мои — свидетели великих бед.

Я знаю, ты не струсил там, — тебя моя вскормила
грудь.

Слова геройства затверди, вовеки их не позабуду...»

В этом и во многих других стихах, созданных советскими поэтами за месяцы войны, мы видим поэтов-патриотов, умеющих смело и безбоязненно смотреть в глаза настоящему, как бы трудно и тяжело оно ни было, умеющих ненавидеть врага и отдавать весь жар любви матери-родине.

9.

Процесс сближения национальных литератур, наметившийся с первых лет существования советской власти, углубляясь и расширяясь, затронул прежде всего тематику литературных произведений. Когда торжество социалистических идеалов стало фактом, все в большем количестве начали появляться произведения, в которых писатель одной национальности брал темой жизнь другого советского народа.

В русской литературе это не может считаться новым явлением. Вспомним Пушкина и Лермонтова с их кавказскими поэмами и повестями, «Казак» и «Хаджи Мурат» Толстого, повести Марлинского, украинские рассказы Гоголя. Для писателей других литератур такое расширение тематики должно рассматриваться как качественное изменение самого духа их национального творчества. Прямым следствием все крепнущей сталинской дружбы народов явились рассказы грузинского писателя К. Лордкипанидзе о Белоруссии, роман белорусского писателя Э. Самуйленка о Грузии «Будущность», украинский роман И. Ле об Узбекистане «Межгирье», стихи Маликова о Шевченко и др.

Однако процесс сближения между советскими литературами этим не ограничивается. Процесс этот и плубже, и многообразнее. Он сказался, между прочим, и в том, что мотивы и поэтические образы, некогда характерные лишь для одной литературы, становятся ныне мотивами и образами прочих братских литератур. Происходит как бы перекочевывание образов и мотивов, считавшихся всегда сугубо-национальными, из одной литературы в другую. В произведениях русских писателей теперь не редкость встретить образы

Хаджи Насреддина или Кеминэ, а ведь эти образы могут считаться в какой-то мере чужими для русского народа, наш фольклор их не знал. Национально-русский образ народного героя Чапаева входит как образ национального героя и в поэзию Азербайджана (Сулейман Рустам), и в фольклор Мордовии, и в другие советско-национальные литературы. На основе узбекского фольклора создан роман Л. Соловьева «Возмутитель спокойствия»; героический образ грузинского народа и грузинского фольклора Саакадзе становится главным героем и поэтическим образом в романе русской писательницы А. Антоновской («Великий Моурави»); образы тюркского фольклора обогатили книги русского писателя В. Яна.

Широкое приобщение русского читателя и русского писателя к образам иных советских народов ознаменовано всенародными юбилеями национальных эпосов и классиков народов СССР. Образ Давида Сасунского или Джангара, образы Фархада, Ширин, Меджнуна, Хосрова ныне уже не могут считаться принадлежностью только армянской, узбекской, калмыцкой или азербайджанской поэзии. Это образы всего советского народа, всех писателей СССР. Точно так же и образы «Слова о полку Игореве» перестали быть достоянием лишь русской поэзии; они вошли, как равноправные, и в поэзию еврейского народа, и в литературу Туркмении, и в песни, складываемые на казахском языке.

Понятие национальной формы за время революции претерпело ряд существеннейших изменений. Наше искусство (и литература в том числе) развивается, как национальная по форме и социалистическая по содержанию. Эта гениальная формулировка, данная товарищем Сталиным, является неизбежной и подтверждается всем процессом роста советской многонациональной литературы. Однако было бы непростительной близорукостью не видеть тех качественных изменений, какие произошли за последние годы в самом содержании понятия национальной формы. Что такое национальная форма? Это

прежде всего язык, на каком произведение создано. Но революция во многом изменила жизнь языков советских народов, влив в них целый ряд новых понятий и покончив с искусственным отграничением книжно-литературного языка от живого языка народных масс. Национальная форма — это те образы, какие подсказаны писателю национальными бытовыми особенностями окружающей его жизни, а также образы, подсказанные классической поэзией родного народа и в первую очередь устной поэзией, фольклором. Но революция внесла коренные изменения в быт всех народов СССР, покончила с бытовой косностью их и послужила толчком к возникновению в среде каждого народа новых фольклорных мотивов и образов. Национальная форма — это все те особенности исторического и культурного развития народа, какие нашли свое выражение как в тематике литературных произведений, так и во всех стилистических и формальных приемах поэтики. Но революция круто изменила исторические судьбы народов нашей родины, покончила с неестественной изолированностью, которая существовала между ними, и объединила их в едином хозяйственном и политическом революционном устремлении. Можно ли говорить в этом случае о какой-либо застылости, окаменелости национальных форм социалистической литературы. Совместная жизнь, совместная борьба и совместное участие всех советских народов в социалистическом строительстве и в борьбе против врагов отчизны — кровавых фашистов, вызвали к жизни процессы сближения между национальными формами отдельных советских литератур. На нынешнем этапе развития культуры СССР уже стало возможно говорить об известной диффузии национальных поэтик. Первые признаки такой диффузии мы можем проследить хотя бы в том, что, скажем, туркменская или узбекская поэзии, исконно знавшие главным образом силлабическое стихосложение, ныне, под влиянием проникновения в Узбекистан и Туркмению русской культуры, породили произведения, написанные тоническим стихом. С

другой стороны, русское стихосложение обогатилось в результате ознакомления с поэзией других братских народов, и национальная русская поэтика (в практике ряда поэтов) в известной мере приблизилась к поэтике грузинской, украинской, туркменской и др. Сталинская дружба народов наполняет советские литературы тем «чувством семьи единой» (так называется книга стихов украинского поэта Павло Тычины), когда даже иноязычное «чужое слово в родной язык родным ворвется»:

И вносишь ты чужое слово
В язык прекрасный и богатый.
А это входит все в основу
Победы пролетариата...

(П. Тычина)

В процессе взаимного сближения национальных литератур решающую роль сыграл русский язык и русская советская литература. Язык и культура Пушкина, Толстого, Ленина, Сталина, Горького явились тем связующим звеном, которое позволило разноязычным народам и племенам почувствовать и осуществить свое идейное и политическое единство.

Естественно, что процесс взаимовлияния и взаимопроникновения отдельных национальных литератур был бы невозможен без широко развитой работы по переводам произведений разных литератур, прежде всего на русский язык. Вот почему названный процесс нашел свое особенно яркое выражение в громадном размахе переводческой работы. Размах ее должен также считаться одной из отличительных особенностей советской литературы. Известны, например, переводы осетинского классика Коста Хетагурова на двадцать языков советских народов. Произведения узбекского классика Навои переведены, кроме русского языка, еще на десяток советских языков и т. д.

Таким образом революция внесла не только изменения в формы и содержание литературных произведений, создаваемых в нашей стране, но самым решительным образом изменила весь «профиль» литературного движения, создав небывалое еще в истории многонациональное литературное движение, единое

по целеустремленности и патриотической идейной направленности.

10.

Советская многонациональная литература переживала самый плодотворный период своего развития, когда кровавый фашизм вторгся в пределы СССР:

Для писателей, как и для всей страны, начался период непосредственного участия в вооруженной борьбе против врага, угрожающего гибелью всему, что составляет существо советского народа, — его свободе, независимости, чести и культуре.

Для большого числа писателей СССР участие их в войне выразилось прежде всего в том, что они сменили свои писательские кабинеты на полевую обстановку походной жизни. Участие в жизни Армии внесло коренное изменение в обстановку и методы работы большинства советских писателей. Работа писателя в Армии — это прежде всего газетная работа. Вчерашние романисты, новеллисты, литературоведы, критики, поэты стали изо дня в день писать очерки, фельетоны, статьи, заметки, стихи, служащие непосредственно делу обороны родины.

Первый этап войны характеризовался в отношении литературы короткой, бющей в цель, злободневной агитацией. В первый период войны стране нужно было, чтобы советские народы поняли всю глубину опасности, развершейся перед родиной, чтобы в сердцах советских граждан запылала ненависть, какую заслужили захватчики, посягнувшие на священную землю Страны Советов.

Советские народы — это народы патриотов; но гуманистическая культура СССР, воспитание и культурные традиции, и тенденции советской власти, выражающиеся в величайшем уважении к человеку, в первые недели войны не позволяли поверить советскому гражданину в то, что на родную землю ворвался враг, который не может называться человеком, ворвался враг, лишенный каких-либо признаков человеческого чувства, человеческого понимания чести, культуры, гуманности и доблести.

На призыв Сталина, прозвучавший 3-го июля 1941 г., поэты народов СССР откликнулись стихами, клеймящими врага ненавистью и презрением и призывающими народ подняться на священную отечественную войну. Широко известны стихи Суркова, Рыльского, Тычины, Коласа, Зарьяна, Симонова, Гусева, Первомайского, Цадассы, Джамбула, полные горячего патриотизма и героического гнева.

Прозаики в первый период войны писали публицистические статьи и короткие фронтовые заметки.

Однако с наступлением второго этапа в войне, ознаменованного выступлениями Сталина в ноябре 1941 г. и подтвержденного приказами Наркома Обороны в феврале и мае 1942 г., перед писателями встали иные задачи. Настала пора, наряду со злободневной короткой агитацией, создавать и более углубленные, крупные вещи, в которых были бы показаны не только эпизоды войны, но и процессы, порожденные войной, процессы укрепления мужества народа, углубления жгучей ненависти его к насильникам, сплочения фронта и тыла, процессы дальнейшего единения братских народов, поднявшихся на борьбу за свое существование, наконец, процессы роста советских бойцов, закалившихся в борьбе и предпочитающих смерть плену или поражению.

Одной из первых крупных вещей о войне, созданных писателями братских народов, надо считать пьесу А. Корнейчука «Партизаны в степях Украины» — патриотическую правдивую картину всенародного движения против оккупантов во временно захваченных украинских селах и городах.

Появляются поэмы Бажана, Джамбула, Ф. Беззубовой, стихи, песни и рассказы Р. Рза, С. Вургуня, С. Головановского, Л. Гира, Барбаруса, в которых встает углубленный образ советских патриотов и бойцов.

Наконец, появляются такие крупные вещи, как «Фронт» Корнейчука, опубликование которого становится значительнейшим общественным событием.

Советским писателям не пришлось ничего менять в своей идеологии и в сво-

их установках при переключении с мирной тематики на военную. Подлинная сущность советской литературы всегда была смертоносна для фашизма. Советскую литературу отмечал высокий и подлинный гуманизм, но именно гуманистическая сущность советской культуры и потребовала от наших писателей произведений, полных неугасимой ненависти к врагам человечества — кровавым гитлеровцам. Советская литература всегда была пронизана братским чувством ко всем свободолюбивым народам, — в этом была ее особенность и ее отличительный признак.

Именно это чувство братства народов двигало пером узбекского поэта Гафура Гуляма, когда он создавал свою поэму: «Я еврей» (ответ Гитлеру):

Я — еврей,
Имя мое не произноси,
Ты, вампир!
О родословной моей
У пра-прабабки своей
Спроси!
. . . . .
Э—эх!
Знал бы ты,
Сколько горя и слез
Я в скитаньях своих перенес,
Сколько я исходил стран...
Жизнь еврейская так же длинна,
Как дорога, которой идет
Бесконечно скитающийся караван...
И когда фараоны
по пустыням
скакали за нами,
И когда нас хватали
холодные лапы морей,
Сохраняя гордый разум
отверженец и изгнанник
И дарил придорожным народам
крупницы культуры своей
Я — еврей.
. . . . .
Кровь народов
смешалась миллионы раз,
И моя в народы вливалась без счета.
«Нация, религия,
чистота рас»...
И еще придумаешь что ты?
Я — представитель людской расы,
По национальности я —
человек!
Исчезнут с земли
и расы,
и классы,
А я — останусь навек.

Душа не знает различий религий,
Тело не хочет принять яда.
Я — гражданин Советской
великой
непобедимой
Страны-громады.
Русский,
узбек,
еврей,
белорусс —
Рука одинаково в битве
тверда.
Очистим земли нашей милой груз
От нечисти фашизма
навсегда!

Именно это чувство единства советских народов побудило Джамбула обратиться со словами братского призыва к москвичам и ленинградцам, стойко отбивавшим натиск осатанелых врагов.

Советская литература по всему своему существу всегда была оптимистична и действенна; именно эти ее качества и потребовалось еще более усилить и заострить в дни войны.

Лучшими своими произведениями советская литература открыла новую главу в истории мировой литературы. Советская литература создавалась и творится на основе признания сил исторических законов, управляющих обществом; и главной темой ее всегда являлась тема переустройства мира на основах справедливости и социальной правды. Советская литература, изображая факты, почерпнутые из реальной действительности и борьбы, утверждает и собирает образ «человеческого человека» (Маркс).

В суровый год войны «человеческий человек» — этот основной герой советской литературы, не щадя жизни, отстаивает существование и честь не только своей родины, но и честь всех «человеческих наций и людей».

Фашистским мерзавцам нет места среди «человеческих наций», и долг, дело всех советских писателей в дни войны всеми средствами художественного пропагандистского слова воодушевлять бойцов тыла и фронта на героические подвиги в целях достижения скорейшей и полной победы над врагом.

О Маяковском

Л. Ю. БРИК

*

Днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь, — сказал Маяковский в первые дни Февральского переворота, как бы приветствуя грядущую Великую социалистическую Октябрьскую революцию, поэтом которой он оставался до конца своей жизни.

Маяковский оставил нам гениальные описания первых великих Октябрьских дней в поэме «Владимир Ильич Ленин» и в поэме «Хорошо», но написаны они были позже.

В преддверии Октября было написано только маленькое стихотворение «К цветку», и «Ода революции» — в первые Октябрьские дни.

Поэт социалистической революции, Маяковский отмечал почти каждую Октябрьскую годовщину отдельным стихотворением.

Стихи эти интересны тем, что в них не только вспоминается то, что было, но и как бы конкретизируются октябрьские лозунги на сегодняшний день.

К первой годовщине Октября Маяковский пишет пьесе «Мистерия-Буфф». Заглавие «Мистерия Буфф» является отчасти полемическим отпором Андрею Белому и Есенину, из которых каждый написал об Октябрьской революции по «мистерии». Поэтому «мистерия» Маяковского не просто «мистерия», а «Мистерия-Буфф».

Маяковский использует здесь библейскую легенду о всемирном потопе. В аллегорической форме показаны дей-

ствующие силы Октября: «Чистые» — буржуазия, «Нечистые» — пролетариат. В волнах революционного потопа буржуи гибнут вместе со своим «ковчегом». А пролетариат, ломая старое, сквозь рай и ад, приходит в «землю обетованную», то-есть — к социализму.

Такова первоначальная, аллегорическая, еще вполне абстрактная редакция пьесы. Через три года Маяковский пишет вторую редакцию, в которой, «оставив» — по его выражению — «дорогу (форму)», изменяет «части пейзажа (содержание)». Содержание становится более актуальным. Абстрактную агитацию Маяковский переводит в конкретную. Он вводит картину «Разрухи». Среди действующих лиц появляется «Соглашатель». Текст пестрит репликами на злобу дня.

Впервые «Мистерия» была поставлена в первую Октябрьскую годовщину, и это был первый советский спектакль.

За два дня до премьеры Луначарский писал о пьесе в статье «Коммунистический спектакль»: «...написано все это острым, пряным, звонким языком. Так что на каждом шагу попадают такие выражения, которые, быть может, станут ходячими».

Луначарский не ошибся в своем предсказании. Некоторые места «Мистерии» вошли поговорками в бытовой язык 1918 — 1920 годов.

В этом проявилось одно из основных качеств поэзии Маяковского — ее агитационность.

Главное качество настоящего агитатора — запоминаемость, цитатность того, что он проповедует. И запоминаемость — одно из отличительных свойств стихов Маяковского. Агитационны почти все его стихи. Даже лирика. Маяковский не мирится неразделенной любовью, он агитирует за то, чтоб его любили. Он не просто жалеет упавшую от усталости лошадь, он уговаривает, обращается к ней:

Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте.

К словам Маяковского, как к словам настоящего агитатора, нельзя оставаться равнодушным. Он либо восхищает и убеждает вас, либо возмущает и заставляет бороться с собой.

Каждое стихотворение Маяковского — прямая речь, рассчитанная на определенную аудиторию. Даже стихи дооктябрьского периода почти все прямо обращены к слушателю.

«Облако в штанах» — вещь явно агитационная. О сатирических стихах и говорить нечего.

В Октябрьскую революцию агитация стихом не явилась для Маяковского новостью. Он продолжал работу, начатую до революции, только — свободно, весело, народно, без истерики и надрыва, как это было до Октября, когда над ним свирепствовала царская цензура.

После революции и работа Маяковского, и круг его воздействия стал неизмеримо шире, и цитирующих его стало значительно больше.

Уже одно из первых послереволюционных стихотворений Маяковского, «Левый марш», специально написанное для балтфлотцев и посвященное им, прочно вошло в жизнь. Слова команды — «Левой, левой, левой» — казались подчас взятыми из Маяковского.

Как бы продолжением работы над первым вариантом «Мистерии» и преддверием «Окна РОСТА» были подписи к плакатам: «Герои и жертвы революции» и «Советская азбука».

В 1918 году к первой годовщине Октября была выпущена папка одноцветных плакатов под названием «Герои и жертвы революции». Эта папка развилась в будущем в революционный пла-

кат, главным образом, в «Окна сатиры РОСТА».

«Советскую азбуку» Маяковский написал для красноармейцев в 1919 году и сам сделал рисунки к каждой букве.

Печататься тогда было трудно. Маяковский нашел неработающую типографию, сам перевел свои рисунки на камень и собственноручно крутил машину.

С помощью друзей отпечатали пять тысяч экземпляров. Готовые листы унесли домой, развели на блюдах краски и конвейером красили заглавные буквы. Один мазал красным, другой желтым, третий зеленым. Когда раскрасили все листы, сложили их книжечками.

Работа эта оказалась срочной: в один из ближайших дней в Кремле провожали на фронт курсантов, и «Азбука» понадобилась в качестве подарка.

Едва успевшие просохнуть книжечки Маяковский отнес в Кремль и сам роздал их отправляющимся на фронт бойцам.

В 1919 году Маяковский уже работал в Росте. К этой, второй Октябрьской годовщине были выпущены праздничные плакаты, но до сих пор обнаружены только немногие подписи к ним, принадлежащие Маяковскому.

От 1920 года их сохранилось значительно больше. Был последний напряженный этап боев с Врангелем, и Маяковский пишет под плакатом, изображающим рабочего, развешивающего праздничные гирлянды и марширующего в праздничной демонстрации:

Не эти правильно революцию празднуют,
не эти имеют представление о смысле
Октябрьской годовщины...
Правильно празднуют те, кто, вещи собрав
разные,
фронту шлют рукавицы, валенки и тулуп
овчинный.

Или — на эту же тему (нарисованы рабочие, идущие по улицам с демонстрацией):

Мы третью годовщину встречаем под раскаты
пушечного гула.
Сегодня нам не до этих прогулок.
Идите, товарищи, демонстрацией иной,
На фронт — против панов, против баронов
войной.

В 1921 году возникают новые задачи — хозяйственные. И к четвертой годовщине так агитирует Маяковский: идет цифровой перечень отошедшей крестьянам помещичьей земли. Потом следует подпись:

Вывод ясный.

Крестьянский праздник — Октябрь красный.

Сейчас во всех городах Союза на улицах, в клубах и учреждениях развешаны плакаты «Окна ТАСС». Они сделаны по образцу «Окон сатиры РОСТА».

Работа в Росте наиболее наглядно характеризует Маяковского как поэта-агитатора, поэта Октября. И именно сегодня, когда такая поэтическая работа особенно важна, необходимо более подробно осветить ростинскую работу Маяковского.

Работа Маяковского в Российском телеграфном агентстве (РОСТА) была исключительно интенсивна. Он рисовал плакаты и сочинял к ним подписи и, кроме того, ведал «литературной частью» «Окон РОСТА».

В течение недели сотрудники просматривали газеты, выписывали из них все нужное и по пятницам сдавали Маяковскому готовые так называемые «темы» — стихотворные подписи к плакатам. Когда «тема» ему нравилась, он обязательно прочитывал ее вслух. Если нет, он, просмотрев ее, равнодушно рвал листок пополам и бросал под стол.

Установился единый стиль писания «тем». Постоянные «темщики» настолько удачно подражали Маяковскому, что впоследствии, отбирая ростинские стихи в сборник «Грозный смех», Маяковский часто не мог разобраться в том, что сочинил он, а что не он.

Утвержденные «темы» Маяковский раздавал художникам. Художники работали дома и готовые плакаты приносили Маяковскому и заведующему «художественной частью» «Окон РОСТА» М. М. Черемных на утверждение.

Работали очень много, почти без сна.

Маяковский пишет в своей автобиографии: «Дни и ночи Роста. Наступают всечаские Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей».

Рисовали в холодном помещении, за длинными столами, стоящими вдоль окон, на обрезках чистой газетной бумаги. Подклеивали ободранные края. Работать на этой бумаге было удобно: ошибешься и заклеишь, вместо того, чтобы стирать.

Пол был завален рулонами бракованной газетной бумаги и полуготовыми плакатами. «Буржуйку» топили старыми газетами, разогревая на ней ежeminутно застылавшие краски и клеи, и на ней же иногда пекли яблоки.

Количество художников все прибывало, хотя отбор был строгий, и не только по признакам художественности. Один художник, например, принес весьма недурно нарисованного красноармейца с шестиконечной звездой на шапке. Маяковский возмутился, накричал, наорал, и художник был изгнан с позором.

Вслед за Ростой коллектив стал получать заказы на плакаты от Реввоенсовета, от транспортников, МКХ, Наркомздрава, Союза горняков.

В предисловии к сборнику своих плакатов Маяковский пишет:

«Это не только стихи. Это иллюстрации не для графических украшений. Это протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переланная пятнами красок и звоном лозунгов. Это — моя часть крупнейшей агитработы окон сатиры Роста.

...Всего около девятисот названий по одной Москве. Ленинград, Баку, Саратов стали заводить ювою окна.

Диапазон тем огромен:

Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих.

Борьба с Врангелем и с тифозной вошью.

Плакаты о сохранении старых газет и об электрификации.

...Мы работали без установки на историю и славу. Вчерашний плакат безжалостно топтался в десятках переездов.

...От нас требовалась машинная быстрая, — бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через 40 минут — час уже висело по улице красочным плакатом.

«Красочным» — сказать чересчур шикарно, красок почти не было; брали любую, чуть не размешивая на слюне. Этого темпа, этой быстроты требовал характер работы, и от этой быстроты вывешивания вестей об опасности или о победе зависело количество новых бойцов. И эта часть общей агитации подымала на фронт.

Вне телеграфной, пулеметной быстроты — этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционизировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке «революционный стиль», — это стиль наших окон.»

В статье «Только не воспоминания» Маяковский пишет:

«Окна РОСТА» — фантастическая вещь. Это обслуживание горстью художников, вручную, стопятидесятиллионного народища.

Это телеграфные вести, моментально переделанные в плакат; это декреты, сейчас же распубликованные частушкой.

Эспадный характер поэзии, «заборный» характер — это не только отсутствие бумаги, — это бешеный темп революции, за которым не могла утнаться печатная техника.

Это новая форма, введенная непосредственно жизнью. Это огромные (постепенно перешедшие на размножение трафаретом) листы, развешиваемые по вокзалам, фронтным агитпунктам, огромным витринам пустых магазинов.

Это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку, идущие не с молитвой, а с распевом частушек.»

Эти ростинские годы Маяковский так поглощен был текущей работой по непосредственной агитации, что у него оставалось мало времени и сил на соиздание эпических произведений.

Поэма «150 000 000», которую он закончил в 20-ом году, была задумана и начата еще до Росты, году в 18-ом. Она проникнута доростинским духом абстракции, символика и обобщения.

Это патриотическая поэма о русском «Иване». Маяковский выпустил ее без

своей фамилии, анонимно. «Хочу, чтобы каждый дописывал и лучшил», — писал он в своей автобиографии. Он мечтал о том, чтобы его поэма переросла в народную легенду.

В 1923 году Маяковский усиленно занимается рекламной работой в Моссельпроме, Чаеуправлении, Гуме, Моссукне, Резинотресте.

Много пришлось ему за это выдерживать нападков от любителей «чистой поэзии». В чем только ни обвиняли его! И в том, что он «продался», и в том, что он не лучше «Дяди Михея», рекламировавшего товары до революции. На эти упреки он отвечал, что Моссельпром — не лабаз, а советская организация, которой он помогает вышибать частника, нэпмана.

Рекламные стихи, так же, как все стихи Маяковского, немедленно входили в быт. Кому не известны знаменитые две строчки:

Нигде кроме,
Как в Моссельпроме.

Маяковский старается даже рекламу сделать политически актуальной и агитационной.

Нами
оставляются
от старого мира
только
папиросы «Ира».

Папиросы «Червонец»
хороши на вкус.

Крепки,
как крепко червонный курс.

Маяковский на поэзию смотрел глазами художника-публициста. Чаще всего он ставил перед собой агитационную задачу, используя для этого и торговую рекламу. Он откликался стихом на каждое мероприятие. Он пропагандировал новые меры веса и длины на обертках серий карамели, под названием: «Новый вес» и «Новые меры». Он печатал агитационные стихи на конфетных бумажках, на обертках для печенья. И многие строки этих стихов относятся к лучшим в собрании его сочинений. Такие, например, как:

Слушай, земля,
голос Кремля.

В статье «Как делать стихи» Маяковский пишет:

«...Поэзия начинается там, где есть тенденция.

По-моему, стихи: «Выхожу один я на дорогу»... это агитация за то, чтобы девушка гуляла с поэтами. Одному, видите ли, скучно. Эх, дать бы такой силы стих, зовущий объединяться в кооперативы!

...Мало сказать, что «неугомонный не дремлет враг» (Блок). Надо точно указать или хотя бы дать безошибочно представить фигуру этого врага.

Мало, чтоб разворачивались в марше. Надо, чтоб разворачивались по всем правилам уличного движения, отбирая телеграф, банки, арсеналы в руки вступающих рабочих. Отсюда:

Ешь ананасы,
Рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.

Едва ли такой день узаконила бы классическая поэзия... Но эти строки усновила петербургская улица.

...Какие же данные необходимы для начала поэтической работы?

Первое: наличие задачи в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением. Социальный заказ.

Второе: точное знание или, вернее, ощущение желаний вашего класса (или группы, которую вы представляете) в этом вопросе, т.е. целевая установка.

Третье: материал. Слова. Постоянное пополнение хранилищ, сараев вашего черепа нужными, выразительными, редкими, изобретенными, обновленными, произведенными и всякими другими словами.

...Например: социальное задание — дать слова для песен идущим на питерский фронт красноармейцам. Целевая установка — разбить Юденича. Материал — слова солдатского лексикона. Орудия производства — огрызок карандаша. Прием — рифмованная частушка.

...Перемена плоскости, в которой совершился тот или иной факт, расстояние — обязательно. Это не значит, конечно, что поэт должен сидеть у моря и ждать погоды, пока придет время. Он должен подгонять время. Медленный ход времени заменить переменной места.

В день, проходящий фактически, пропускать столетие в фантазии.

...Хорошо начинать писать стих о Первом Мае этак в ноябре и в декабре, когда этого мая действительно дозарезу хочется.

Чтобы написать о тихой любви, поезжайте в автобусе № 7 от Лубянской площади до площади Ногина. Эта отвратительная тряска лучше всего оттитит вам прелесть другой жизни. Тряска необходима для сравнения.

Это опять-таки не значит, что надо вещи делать только несвоевременные. Нет. Именно своевременные. Я только останавливаю внимание поэтов на том, что считающиеся легкими агитки на самом деле требуют самого напряженного труда и различнейших ухищрений, возмещающих недостаток времени.»

Вот как много думал и вот что говорил об «агитке» Маяковский. Вот как серьезно и добросовестно он к ней относился. Вот почему многие из этих агиток-однодневок мы помним сегодня.

В 1924 году, трагически переживая смерть Ленина, Маяковский писал поэму о Великом Творце Великого Октября.

Развивается поэма по двум линиям. Борьба пролетариата с буржуазией и жизнь Ленина движутся к одному кульминационному событию, к Октябрьской революции. Октябрь — дело Ленина, и Октябрь — величайший этап в борьбе рабочего класса за освобождение народа, за социализм.

Описание самого дня 25 октября 1917 года Маяковский дает в форме личного воспоминания:

Когда я
итогу
то, что прожил,
и роюсь в днях —
ярчайший гда,
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.

К годовщине 1926 года написаны стихотворения «Октябрь» и «Не юбилейте».

Нам
девятый Октябрь —
не покой,
не причал.

Сквозь десятки таких девяти
мозг живой,
живая мысль Ильича,

час
к последней победе веди.

К десятой годовщине написана поэма
«Хорошо!» — сначала озаглавленная
«25 Октября».

Первоначально Маяковский думал на-
писать о самом дне 25 октября
1917 года. Этим и объясняется первое
заглавие поэмы. Первая редакция за-
ключала в себе главы с второй по
восьмую включительно.

Содержание этих глав — канун Ок-
тября, взятие Зимнего и, в заключе-
ние — картина субботника, как идейное
выражение социалистического труда.

Эти семь глав написаны в виде
сценических эпизодов, рассчитанных на
театральное представление.

Глава вторая целиком построена на
разговорах, вопросах и ответах.

В главе третьей действующие лица —
щебечущий адъютант и Керенский.
Им дана прямая речь.

Глава четвертая целиком написана
в драматической форме — разговор ма-
дам Кусковой с няней-Милуковым.

Начало пятой главы происходит в
ресторане — «в Селекте на Лиговке».
Действующие лица: адъютант и штабс-
капитан Попов. Конец главы — в под-
вале на Лиговке. Разговорная сцена раз-
дачи патронов восставшим питерским
рабочим.

Сценически смонтирована шестая гла-
ва. Вначале идет хоровая песня. Дальше
«улепетывающему» Керенскому дана
прямая речь. Дальше разговаривают
Павловцы. Дальше — сцена «в Зимнем,
в мягких мебелих с бронзовыми выкру-
тами». Там перешоптываются испуган-
ные министры. И, наконец, сцена взятия
Зимнего, где прямая речь дана Пути-
ловцу, Юнкеру, Подвойскому и

...раскатившийся влады
бас.

окрепший

над реями рея:

«Которые тут временные?»

Славы!

Кончилось ваше время».

Глава седьмая — Питерская улица.

Огонь
пулеметный
площадь остриг.

Набережные —
пусты.

И лишь
хорохорятся
костры

в сумерках
густых.

Здесь встреча и разговор Маяковского
с Блоком. Дальше — хоровая песня
и конец главы — частушки.

Глава восьмая — трудовой суббот-
ник — разговорная целиком. Ее кон-
цовка:

«Дяденька,
что вы делаете тут,
столько
больших дядей?»
— Что?
Социализм:
свободный труд
собранных людей.—

Театральная форма этих семи глав
объясняется тем, что первоначальная
редакция поэмы должна была лечь в ос-
нову большого спектакля к десятой го-
довщине Октябрьской революции. Спек-
такль этот действительно состоялся в
ноябре 1927 года.

Но Маяковский не удовлетворился
первой редакцией и расширил поэму,
дополнив ее историей всего десятилетия
и дав ей новое заглавие — «Хорошо!»

Этой новой редакции он предпослал
вступление, в котором формулирует свою
поэтическую задачу: так рассказать о
Великом Октябре,

чтоб из книги
через радость глав
от свидетеля
счастливого
в мускулы
усталые
лилась
строющая
и бунтующая сила.

В Октябрьскую годовщину 1929 года
Маяковский пишет «Октябрьский марш»
под лозунгом:

Будем
в труде
состязаться и пнаться.

Зря
не топчись
и не стой.

Также вычтем,
 как эти двенадцать,
 двенадцать,
 сорок
 и сто.

В своем предсмертном стихотворении «Во весь голос» Маяковский сам говорит о себе как об агитаторе, в этом видя свою природу и свое призвание:

Слушайте,
 товарищи потомки,
 агитатора,
 горлана-главаря.

Для Маяковского Октябрьская революция не была однажды свершившимся счастливым событием, которое ежегодно празднуется, вроде радостного дня рождения или именин.

Нет. В сознании Маяковского Октябрь был началом борьбы за настоящую жизнь и каждая годовщина — только новый этап великой борьбы.

На каждом этапе эта борьба за светлое будущее получает в стихах Маяковского свое конкретное выражение — агитация за новый быт, за урожай, за поднятие производительности труда, за поднятие обороноспособности страны. Вот эти вполне определенные задачи и являлись для Маяковского темами каждого произведения, посвященного годовщине Октября.

Об этом светлом будущем Маяковский мечтал еще в «Облаке в штанах», но тогда это было только чаяние прядущего.

В «Мистерии-Буфф» и в «150 000 000» — это уже Октябрь, но данный еще в символической.

А начиная с «Окон РОСТА», это уже конкретные рабочие лозунги.

Если б сегодня был жив Маяковский, можно с уверенностью сказать, что темой его стихов к XXV годовщине Великого Октября было бы:

Сердце
 республика
 с армией слала,
 нету
 на свете
 тверже сплава.
 Красная Армия —
 наша сила.
 Нашей
 Красной Армии
 слава!
 Во всех
 уголках
 земного шара
 народный лозунг
 будь таков:
 разговаривай
 с фашистами
 словами пуль,
 языком пожаров,
 остротами штыков!

Библиография

„ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“*

Сборник содержит основные исторические документы Великой Октябрьской Социалистической революции, а также документы органов революционного восстания — военно-революционных комитетов Петрограда, Москвы и местных ВРК, характеризующие борьбу за победу пролетарской революции.

Сборник состоит из двух частей. В первой части даны документы периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Во второй части собраны важнейшие документы об Октябрьском перевороте в Петрограде, Москве и других местах.

Сборник открывается историческими апрельскими тезисами Ленина. Далее опубликована резолюция VI съезда партии по докладу товарища Сталина о политическом положении. Съезд этот под руководством Сталина, по директивам Ленина нацелил партию на подготовку вооруженного восстания.

«В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема».

Наступают решающие дни подготовки восстания. Ленин пишет в сентябре 1917 года свои исторические письма в Центральный Комитет партии. В этих письмах Ленин выдвигает вооруженное восстание в порядок дня и дает партии конкретную программу, как организовать восстание, как расставить силы для успешного завоевания власти.

«Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве

(с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искусство» и т. д.»

Еще в предоктябрьский период Ленин учитывал, что после завоевания власти придется вести решительную борьбу против врагов. «...тогда, — писал он, — мы станем «оборонцами», тогда мы станем во главе военных партий, мы будем самой «военной» партией, мы поведем войну действительно революционно».

В книге «Документы Великой Октябрьской Социалистической революции» приведены материалы исторического заседания Центрального Комитета партии 23 (10) октября, вынесшего решение о вооруженном восстании. Кроме резолюций этого заседания, опубликованы протокольные записи доклада Ленина, а также выступления Сталина, поддержавшего предложение Ленина.

В день вооруженного восстания «Правда» вышла с передовой «Что нам нужно», написанной товарищем Сталиным. Статья эта призвала к немедленному завоеванию власти Советами. Товарищ Сталин писал: «Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями.

Нужно правительство Кишкина-Коновалова заменить правительством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь.

Таким и только таким путем могут быть завоеваны мир, хлеб, земля, свобода.»

* «Документы Великой Октябрьской Социалистической революции», ОГИЗ, Госполитиздат, 1942.

Революция победила. И в первый же день опубликовано Лениным воззвание «К гражданам России» о переходе власти в руки Советов: «К гражданам России!»

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет при
Петроградском Совете рабочих и сол-
датских депутатов.*

7 ноября (25 октября) 1917 г., 10 ч. утра.»

В сборнике даны также написанные Лениным декреты о мире, о земле, а также ряд ленинских документов о формировании новой власти и ее органов.

Октябрьская революция разбила оковы национального гнета. Было провозглашено политическое равноправие всех народов России. Этот великий исторический акт Октябрьской революции нашел отражение в «Декларации прав народов СССР», написанной Сталиным и опубликованной за подписью Ленина и Сталина. Приводим этот исторический документ.

«Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

За эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придирок и провокации, прикрываемой сло-

весными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокации должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии.

Исходя из этих положений, Первый Съезд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение. Второй Съезд Советов в октябре этого года подтвердил это неотъемлемое право народов России более решительно и определенно.

Исполняя волю этих Съездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по делам национальностей.

Именем Республики Российской

Народный Комиссар по делам национальностей

Иосиф Джугашвили-Сталин.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

2 ноября 1917 г.»

Назначенный Народным Комиссаром по национальным делам, товарищ Сталин обращается с письмом ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. В этом обращении сказано:

«Отныне ваши верования и обычаи, ваш национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.»

Здесь упомянута лишь часть документов, опубликованных в этом содержательном сбор-

нике. Документы эти переносят нас к замечательным дням, к тем дням, когда решалась судьба России, когда решался вопрос — будет ли наша родина самостоятельной, могучей державой, или превратится в добычу империалистических хищников. Политика, провозглашенная Октябрьской социалистической революцией и успешно проведенная под руководством партии Ленина—Сталина, превратила нашу страну в могучую индустриальную и колхозную державу, успешно отражающую натиск гитлеровских разбойничьих орд.

Сборник подготовлен Институтом Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) и секретариатом главной редакции «История гражданской войны в СССР». Главная цель сборника — оказать помощь пропагандисту и агитатору. В приложении дана краткая библиография Великой Октябрьской социалистической революции.

В. Р.

★
СЛАВА РУССКОГО НАРОДА — СЕВАСТОПОЛЬ*

Когда немцы ворвались в Крым, в истребительный батальон записался старик, скрыв свои 67 лет. Он говорил, что ему 40. Держался он бодро, молодецки. С винтовкой за плечами маршировал вместе с молодежью по севастопольским улицам. Потом начались полевые учения: перебежки, окопывание, метание гранат. Это оказалось старику не по силам. Когда ему деликатно, дружески намекнули об этом, он обиделся, спорил, доказывал. Его направили на строительство оборонительных сооружений. Здесь он трудился с яростью: копал землю, возил тачки. Но и эта работа была тяжела для него. Ему объявили благодарности и освободили от работы. И снова он возмущался, протестовал, взбаламутил весь город. Тихая стариковская жизнь — пускай даже окруженная всеобщим почетом — не устраивала его. Он не мог сидеть сложа руки. Неугомонный старик подыскал себе занятие по силам. Это было замечательное необходимое дело: он занялся изготовлением конвертов. Он знал — конверты нужны бойцам. Десятки тысяч конвертов изготовил старик своими руками. По всей стране разнесли его конверты слова привета и любви героических защитников Севастополя. Фамилия этого старика — Антонов. Трудно себе представить более мирную профессию, чем у него: он — севастопольский архивархус.

...Молодая штамповщица морзавода Анастасия Чаус не сразу привыкла к суровой и грозной обстановке осажденного города. Когда с воем летели бомбы и рвались, сотрясая землю, у девушки тоскливо сжималось сердце, ей становилось трудно дышать. Она тревожно смотрела на столпу изготовленных ею деталей. Их было мало, а она знала, что это важнейшие детали фронтowego вооружения. Тогда, переиславая страх, она говорила себе: «Когда на позициях враги обстреливают бойца, — разве он покидает свой пост?» И она остава-

лась у станка. Страх проходил. Рев сирен, свист снарядов, разрывы бомб стали привычными.

Пришла беда: Анастасия Чаус потеряла левую руку. Но она отказалась эвакуироваться из Севастополя. Она вернулась на морзавод к своему станку, полная решимости бороться. Работа под бомбами закалила ее. Началось упорное преодоление трудностей. Сначала она давала 30 процентов нормы, потом — 50. Когда однорукую работница полностью выполнила норму, — это был праздник не только для нее, но и для всего завода. Это было блестящей победой мужества и твердости советского человека, — победой над врагом, стремившимся налетами своих стервятников довести людей до полного нервного истощения. Анастасия Чаус не удовлетворилась достигнутым. Неустанно шла она вперед. 200 процентов нормы! 250—350! Севастопольцы знали в лицо эту однорукую девушку с орденом «Красной Звезды» на груди. Когда она шла по улицам, ее встречали улыбками, как родную.

...Пехотинцы — юноша и старик, отец и сын Ямшиковы. Один стар для призыва, другой еще слишком молод. Они пришли в армию добровольцами, с полной уверенностью, что никто не может лишить их права защищать родную землю. Плечом к плечу, медленно идут они по Малахову кургану. Отец тихо говорит сыну:

— Знаю, хорошо знаю и Нахимова, и Корнилова. С детства знаю. Дед мой с ними вместе оборонялся здесь. Всегда рассказывал. Не забывается такое. Теперь и нам выпало на той земле, где дед кровь проливал, девять раз имел, защищать Севастополь. Дело получается семейное...

Юноша слушает слова отца. Он смотрит на свежие могилы. В шуме ветра, летящего над старым курганом, он слышит шелест славных знамен... Вместе с отцом он спускается с кургана на шоссе, по которому с винтовками и автоматами идут пехотинцы и моряки. Отец и сын в последний раз заглядывают на Малахов

* А. Хамадан. «Севастопольцы». «Молодая гвардия», М., 1942.

курган, пристраиваются к колонне и уходят на фронт.

...У моряков есть такая поговорка: «Моряки дерутся до последнего человека, а последний человек — до последней капли крови».

Так дрались пятеро моряков — Николай Фильченко, Василий Цибулько, Юрий Паршин, Иван Красносельский, Даниил Одинцов, обороняя высоту на подступах к Севастополю. Пятнадцать немецких танков — по три на каждого моряка — с грохотом мчались по направлению к насыпи, за которой укрылись смельчаки. Слева беглым шагом двигались сотни две немцев.

— Товарищи краснофлотцы! — сказал политрук Николай Фильченко. — Клянусь драться насмерть! Приказываю бить по танкам, атаковать, не пропуская к высоте! — И все остальные с побледневшими от волнения лицами, сухими губами шопотом повторили только одно слово: «Клянусь!»

И они сдержали клятву. Двое из них пали в неравном бою. Трое оставшихся — Фильченко, Одинцов и Паршин подвизали к поясам связки гранат и легли под гусеницы вражеских танков. Немцы не прошли. Уцелевшие танки развернулись на ходу и откатились назад...

Архивариус Антонов, штамповщик Анастасия Чаус, добровольцы отец и сын Ямшиковы, пять краснофлотцев. — Что это за люди? Откуда взялись они, — эти герои, эти гиганты духа?

Из газет мы многое знаем о 250-дневной героической обороне Севастополя. Мы знаем, что немцы сконцентрировали на севастопольском участке фронта до 900 самолетов. Мы знаем, что в первый же день последнего наступления немцев до полудня на севастопольские позиции было совершено около тысячи самолетовлетов, во время которых немцы сбросили свыше 4.000 бомб. Мы знаем, что немцы били по городу из 24-дюймовых пушек, каждый снаряд которых был длиной более двух метров, что немцы перепахивали землю авнабомбами, весом в полторы-две тонны, после чего трудно было угадать, где пролетали когда-то улицы. А город все еще сопротивлялся. Снова оживали огневые точки. Снова бросались моряки в контратаки. Снова вылетали краснозвездные самолеты, бесстрашно вступая в неравные воздушные бои... Мы знаем, наконец, что немцы потеряли под Севастополем за 8 месяцев до трехсот тысяч своих солдат, много самолетов и орудий, а получили... кучи пепла и щебня.

Такова была та обстановка, в которой участники севастопольской обороны предстали перед нами, перед всем миром в блеске немеркнувшей славы.

«Севастополь обороняли простые, скромные, советские люди, горячо любящие свое отечество и глубоко ненавидящие врага. Эпически просто и величаво, без показного героизма выполняли свой долг, свою присягу севастопольцы-краснофлотцы и красноармейцы, командиры и политработники, служащие, рабочие, домохозяйки, дети. Каждый нашел свое место

в бою с ненавистным врагом. Все мы горячо любим жизнь, но каждый в обстановке напряженных боев привык к смертельной опасности. И когда приходилось погибать, люди умирали сурово и просто. Друзья и боевые товарищи убитых, жалея о погибшем друге, занимали его место, продолжая драться и делать свое дело».

Так пишет один из славнейших героев севастопольской обороны генерал-майор И. Петров в своем предисловии к книге А. Хамадана «Севастопольцы».

В этой книге рассказано о героях Севастополя — и об архивариусе Антонове, и о штамповщике Чаус, и о многих других патриотах советской земли, с честью пронесших это высокое звание через все испытания смертельной и долгой борьбы с врагом.

«Севастопольцы» простая книга, чуждая прикрас и показного героизма. От ее горячих страниц, написанных торопливой рукой писателя-бойца, стремившегося запечатлеть героизм великих севастопольских будней, веет боевой, яростной жизнью, пахнет кровью и порохом. Севастопольские очерки А. Хамадана — одни из тех подлинных человеческих документов, которые все чаще и чаще появляются в нашей литературе. Придет время, когда в произведениях большой литературы переживаемые нами события встанут во всей полноте, потрясая читателей своим величием. Но и тогда драгоценные свидетельства современников этих событий, книги, подобные книге Хамадана, не будут забыты.

Борьба двух сил — тупой, звериной силы разрушения и могучей силы создания — является своеобразным лейтмотивом всей книги.

...Где бы мы не были — на разрушенных ли улицах Севастополя; в пещерах и штольнях, где разместился большой подземный город — цехи заводов, всевозможные мастерские, базы и склады, детсады и ясли, школы, клубы, госпитали, общественные столовые, почта и телеграф; на крайней ли точке фронта — в старинной генуэзской башне, — на передовой линии обороны, — везде и всюду живут, сражаются, борются и работают люди, объединенные силой своей ненависти к врагу и любовью к родине в одну семью. Это все очень различные люди. Радиодиктор, хладнокровно перелистывающий во время ожесточенной бомбежки альбом с патефонными пластинками, решая задачу: чем порадовать севастопольцев после тревоги. Маленькая девочка в белом халатике — восьмилетняя дочь врача Лида, ухаживающая за ранеными. Старый балаклавский парикмахер дядя Митя, бестрепетно орудующий бритвой под непрерывным вражеским огнем. Часовых дел мастер Иван Федорович, спокойно сидящий, сторбившись, с лупой в глазу, над своим верстаком, не обращая внимания на падающие рядом мины. Худенькая, невысокая девушка Нина Онглова, знаменитая пулеметчица, прозванная за доблесть и высокое мастерство «Анкой-чапаевской». Полковник Богданов и его славные «богдановцы» — артиллеристы, истребляющие румынскую армию

под Одессой и крошившие немцев под Севастополем. Доблестный подполковник Гузь, коротко и сурово внушающий своим бойцам простую истину: «Русская армия никогда не терпела поражения. В истории об этом ясно сказано. Какой из этого вывод, товарищи?» Герои генуэзской башни Орлов и Мартынов, Врач, оперирующий раненого, с миной, полностью вошедшей в бедро и готовой взорваться при малейшем прикосновении.

Всех этих людей объединяет одно сильное и яркое слово: «севастопольцы».

«Слава русского народа — Севастополь! Храбрость русского народа — Севастополь! Севастополь, это — характер русского советского человека, стиль его души. Советский Севастополь,

это — героическая и прекрасная поэма Великой Отечественной войны. Когда говоришь о нем, нехватает ни слов, ни воздуха для дыхания»...

Так записала в своем дневнике славная пулеметчица Нина Онилова.

И, читая книгу А. Хамадана, мы не можем остаться равнодушными, не можем не быть благодарными ему за то, что он и нас приобщил к тем высоким и пламенным чувствам, которыми жили защитники славного города.

Книга издана хорошо. Большой интерес представляют иллюстрирующие книгу фото Эйберга, Микоски и других.

Б. Евгеньев

★

ПОЭТ МОРЯ*

У редкого из поэтов мы не найдем хотя бы нескольких строк, воспевающих море. Встреча с морем, прощание с ним — излюбленные темы лириков всех времен и народов.

Поэт Алексей Лебедев посвятил морю все свое творчество. Он не изливал восторгов при виде впервые открывающихся перед ним морских просторов, не обращался к морской стихии с прощальными словами. Рожденный на берегу моря, он большую часть сознательной жизни провел в плавании — сначала в качестве матроса торгового флота, потом как военный моряк. Море было для Алексея Лебедева не яркой экзотикой, а родной привычной стихией. В море потиби он как верный сын Советской родины в схватке с жестоким и ненавистным врагом.

Посмертная книга Лебедева «Огненный вымпел» объединяет все лучшее из написанного им. Со страниц этой книги возникает перед нами обаятельный облик юноши-поэта, погибшего в самом начале своего творческого пути. Подобно Веневитинову, Лебедев ушел из жизни, далеко не раскрыв своих богатых возможностей и, подобно этому юному пушкинскому современнику, он оставил по себе у всех, знавших его, светлую и благодарную память.

Нужно по-настоящему любить море, любить свой родной советский флот, чтобы посвятить им такие горячие, проникновенные стихи. О чем бы ни писал Лебедев, в каждом его слове звучит законная гордость советского моряка порученным ему родной большим и почетным делом.

Превыше мелочных забот,
Над всеми мыслями большими
Встает немеркнувшее имя,
В котором жизнь и сердце — флот!

Эти строки поэтического «Послесловия» формулируют основное чувство поэта.

Все связанное с флотом овеяно у Алексея Лебедева высокой романтикой. Поэт воспевает морские профессии — сигнальщика, радиста, тральщика, машиниста, и делает это настолько вдохновенно, что, когда говорит

Сигнальное дело — хорошее дело, — читатель не может не верить этому.

Иногда стихи Лебедева звучат как своеобразный поэтический наказ товарищам по флоту. Таков, например, стихотворение «Часовой»:

Но прежде свиста первой пули
Нажми индуктор на столбе,
Сигнальной дробью в карауле
Потребуй помощи себе.

У другого поэта такая тема могла бы прозвучать, как зарифмованный параграф морского устава, — у Лебедева она органична и звучит поэтически.

Не только люди флота, морские профессии являются объектами лирики. Лебедев — предметы флотского обихода привлекают к себе внимание поэта. По-настоящему вдохновенно воспевает Лебедев одежду моряка, в щеголеватой добротности которой воплотилась забота родины о своих сынах, посланных для трудной и ответственной службы на море.

Немало страниц в книге Лебедева посвящено заграничным впечатлениям советского моряка. Стихотворение «Борнгольм» рисует выразительную сцену издевательства над датчанкой — вдовой рыбака, государственного чиновника — ландрата. Эту сцену наблюдает советский моряк через трубу дальномера, и сердце его переполняется ненавистью к угнетателю.

Я видел немало лишений и зла,
И подлости видел немало,
Но женщину, что на коленях ползла
И злобную длань целовала,
Навек не забыть мне..

* «Огненный вымпел», Военмориздат, 1942.

Особое внимание поэта привлекает к себе наше историческое прошлое. В фактах истории родной страны ищет он черты, которые, пройдя сквозь века, воплотились в характере советского человека, до конца преданного своей родине, своему народу. Лебедев вспоминает одного из первых исследователей Сибири штурмана Харитона Лаптева, героического адмирала Нахимова, создателя русского флота Петра Великого.

Стихотворение «Ночь на Неве», посвященное Петру, одно из лучших в книге. Оно написано в дни отечественной войны и показывает, насколько выросло и возмужало творчество поэта за последнее время. Фигура Петра, обходящего ночью осажденный Ленинград, нарисована с большой выразительностью и четкостью:

Идет за Нарвские ворота,
Камзол от ветра вновь крылат,
Стучит дубинкой в плиты дота
И в дикий камень баррикад...
И шепчет он: «Добро, злодеи!

Добро, немецкое дерьмо!
И нынче — немцы, свирепея,
Хотят склонить нас под ярмо?
Хоть враг силен, сие не будет,
Обломим ваши палаши, —
Зело орудия и люди
У нашей силы хороши».

Не все художественно равноценно в книге Лебедева. На некоторых ранних вещах еще лежит печать робкого ученичества, но более поздние стихи отмечены подлинным поэтическим даром. Привыкший преодолевать морскую стихию, поэт все успешнее овладевал трудной и упрямой стихией слова. Недаром его влекла к себе такая сложная форма стиха, как сонет. Верный сын своей родины, моряк и поэт Алексей Лебедев погиб в схватке с вражескими захватчиками. В жестокой беспощадной борьбе, которую продолжают его товарищи, слово моряка-поэта вдохновляет их, как и его героическая жизнь.

Вл. Афанасьев

ВОЕННЫЕ СТИХИ А. ТВАРДОВСКОГО*

Военные стихи А. Твардовского просты и убедительны. Лучшие качества поэта, знакомые нам по прежним стихам его и особенно полно раскрытые в «Стране Муравин», выражены и здесь. Страстная любовь к родине, глубокое природное чувство крестьянской жизни, твердая вера в творческую мощь русского народа, в его светлое будущее — всем этим насыщена и новая книжка.

Радует в ней и то, что злободневная, живогребущая, острая тема — великая тема отечественной войны — в большинстве стихотворений нашла выражение истинно поэтическое, без сколько-нибудь существенных уступок слабизне «хоть как-нибудь» пропеть то, чем полно сердце.

Не все стихотворения в книжке одинаково удачны. «Посылка», «Октябрьское письмо», «Новогоднее слово», «Бойцу южного фронта» не заключают в себе той характерной для Твардовского разработки, которой отличаются другие его стихи. И это отсутствие «необщего выражения» не может не снизить их действительности.

Отдельные неудачи попадают, к сожалению, и в лучших стихотворениях. Так, в «Письме к моим братьям» хорошая строфа — «Полно мое сердце в далеком краю — Закою гордостью вашего брата — За нашу фамилию, нашу семью» — испорчена явно мертвым, подчеркнутым нами эпитетом. В прекрас-

ном стихотворении «Мать» встречаем стих-пустышку: «Повели, поволокли на муки, — За любовь и честь держать ответ...» Это — взамен отчетливой мотивировки события!

Но видно, что все это — следы внутренней спешки, а не равнодушия. Живое, искреннее, теплое еще неостывшим человеческим теплом чувство — вот что характеризует книжку в целом, наполняя лучше ее стихотворения. К ним относятся: «Сержант Василий Мысенков», «Письмо к моим братьям», «Мать», «Рассказ танкиста», «Хозяйка», «Дом бойца».

Стихотворения эти привлекают своей естественностью, искренностью, «разговорностью».

Пускай дозоры ставит враг.
Гляди — поймаешь. Как не так.
Моя земля, моя трава,
Мой луг и лес, и рожь!
Ты здесь найди меня сперва,
Возьми-ка. Хрен возьмешь,
Я обойду тебя вокруг.
Я проползу ужом.
Мне каждый пенё и кустик — друг.
Я — свой, а ты — чужой..

(«Сержант Василий Мысенков»)

Родные мои, дорогие ребята,
Вяхрстые парни из нашей семьи,
Которых по должности старшего брата
Я нянчил когда-то. Меньшие мои!
Не кромкой хлебов и росистого луга,
Не речкою в поле мы разделены.
На разных фронтах, вдалеке друг от друга
Застало нас грозное время войны.

(«Письмо к моим братьям»)

* А. Твардовский. Стихи о войне. «Югославский писатель», М., 1942.

Все забрали — хлеб, муку и сало,
 Все углы обшарили в дому
 У старухи. Слова не сказала.
 Людям говорят, а тут — кому?
 И маячит тенью одинокой
 Под своими окнами она.
 Велика зима, сыны далеко,
 И народ в лесах — кругом война...
 И смотрела — даже не со злобой,
 С горьким и суровым торжеством:
 — Жри, бери, пихай в свою утробу.
 Даст господь — подавишься куском.
 Последние строки — из «Матери», едва ли
 ее самого сильного стихотворения в сборнике
 по глубине воплощенной в нем патриотической
 идеи, полноте ее раскрытия, цельности траги-
 ческого образа матери, задушевности и поко-
 яющей напевности выражения...

...Берегла не скарб свой, не жилье,
 Одного боялась — за девочку —
 Только б не приметили ее.
 — Ленушка, Ленюк мой синеокий,
 За тебя отвечу я одна.
 Велика война, сыны далеко,
 И кругом война, кругом война.

Прекрасен финал стихотворения. Истерзан-
 ную фашистскими извергами женщину подби-
 рают вновь вступившие в село русские бойцы:

Подобрали ловко, аккуратно
 Старую измученную мать.
 Не своя, но было всем приятно
 Матерью старуху называть.
 И она, хоть никого не знала,
 Кто воды ей подал, кто помог,
 Каждого от сердца называла
 Ласково и радостно:

— Сынок...

Надо думать, что стихотворение это, вместе
 с другими, выше отмеченными, займет свое
 место в репертуаре художественного чтения и

станет любимым среди самых широких кругов
 читателей и слушателей, благодаря своей иск-
 ренности и силе чувства, выраженным с боль-
 шой художественной простотой.

Отсутствие всякой напыщенности, простота,
 умение найти наиболее доходчивые, «разговор-
 ные» и в то же время выразительные интона-
 ции, хорошая, не поверхностная легкость сти-
 ха, привлекательная песенность ритмов, пра-
 вильность и чистота языка, умение рассказы-
 вать, — все эти сильные стороны автора «Му-
 равии» присутствуют и в «военных» стихах
 Твардовского.

Кое-что отпало, однако: красочность обра-
 зов, колоритность словарного материала... По
 сравнению с прежним богатством, сочностью,
 даже буйством ритмов, интонаций, словесных
 характеристик (вспомним пляску на свадьбе в
 «Муравии» хотя бы), здесь все выдержано в
 «черном и белом», написано силуэтно, одной
 чертой. Но это законно: ведь стихи эти писа-
 лись не по-прежнему, не в мирной обстановке,
 с душой нараспашку и с жадными глазами, весе-
 ло и зорко охватывающими весь жизненный
 океан. Эти стихи поэт слагал, нахмурил брови
 и стиснув зубы.

Но радует то, что и в этой, новой для него,
 манере Твардовский сумел создать выразитель-
 ные, хорошо охарактеризованные образы.

Можно было не сомневаться, что идя дальше
 по пути их углубления, поэт сумеет дать не
 только удачное воспроизведение отдельных мо-
 ментов нашей великой борьбы, но и цельное ее
 выражение в сильном, законченном, бросающем
 на действительность некий новый свет лири-
 эпическом произведении. Эти ожидания читате-
 лей целиком оправданы автором в его новой
 замечательной поэме «Василий Теркин», опу-
 бликованной недавно в газете «Правда».

Д. Горбов

ОДНОТОМНИК ОВАНЕСА ТУМАНЯНА*

Впервые на русском языке в Ереване,
 под редакцией С. Шервинского, одно-
 томник произведений армянского классика-
 поэта Ованеса Туманяна является наиболее
 полным по сравнению с прежними. Подбор
 произведений в нем много разностороннее и
 богаче «Избранных произведений», изданных
 в 1937 году в Москве, и «Избранного», из-
 данного в том же году «Зарей Востока» в
 Тбилиси.

Новый однотомник включает в себе лири-
 ку, философско-лирические четверостишия, на-
 писанные в духе восточной поэзии, легенды,

* Ованес Туманян. Избранное. Под редакцией С. Шервинского. Предисловие А. Инджикяна. Армгиз. Ереван. 1941.

баллады и сказки, занимающие большое место в творчестве Туманяна, все крупнейшие поэмы, не только «Ануш», наиболее известную русскому читателю, но и «Маро», «Сако», «Давида Сасунского» и «Взятие Тымкаберда», и прозу — рассказы и прозаические сказки.

По этому однотомнику русский читатель может получить достаточно широкое представление о творчестве Туманяна, крупнейшего армянского писателя, создавшего, по словам Брюсова, «новое созвездие на армянских небесах».

Очень ярко выступает в сборнике народно-фольклорная основа творчества Туманяна. Туманян умел превосходно использовать и со-

четать формы армянского народного творчества с формами, выработанными Пушкиным и Лермонтовым, русской и европейской классикой.

Туманян был поэтом народа-страдальца, обретшего вновь национальную независимость только при советской власти. Ованес Туманян с великим сочувствием пел о страданиях армянского народа:

Армянское горе — безбрежное море,
Пучина опромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плавает.

Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой;
Спускается вглубь иногда утомленно,
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достигнет она в этом море
И берега вовек не найдет.
В армянских страданиях на черном просторе
Душа моя скорбно живет.

(Перевод Валерия Брюсова)

Ованес Туманян был поэтом-реалистом. Пламенное сочувствие народному горю не заставляло от него недостатков армянской национальной жизни. Он понимал, что счастья многострадальный армянский народ может достигнуть не в пережившем себя идеале прошлого, а в борьбе за лучшее будущее. Он осуждал уход от действительной жизни народа в чарованье романтических вымыслов. «Армянского поэта, — писал он по адресу некоторых своих собратьев по перу, — весьма волнуют черные тучи над снежной вершиной Масиса и очень мало трогает кручина, что темным облаком легла на чело армянского крестьянина». (Приведено в предисловии Инджикяна.)

Ованес Туманян дожил до 1923 года.

Поэт понял и всем сердцем принял советскую власть. «Вот власть, — говорил он, — на гербе которой мы видим не зверей и оружие разного рода, а серп и молот, символ труда рабочего, крестьянина, вместе и рядом. Власть, которая несет с собой не резню и войну, а мир, честный труд и спокойную жизнь». (Приведено там же.)

Знаменитый поэт в восторженных стихах заговорил о братстве народов, сменивших национальную рознь, о перспективе благоденствия и расцвета, открывшейся перед его родным народом:

Над рубежом былых годин —
Заря грядущих дней!

Споем же вместе, как один,
Гимн ликования ей!

Да будет песня та светла
И громок перелив, —
Да заглушает голос зла
Во всех углах земли.

И пусть, Кавказ, твои сыны
На голос наших лир
Справлять сойдутся с вышины
Многоязычный пир!

(«Поэтам Грузии» 1919 год. Перевод
М. Шагинян)

Ованес Туманян понимал, что это счастье, добытое в борьбе, народ будет в час опасности защищать с оружием в руках. Поэт воспевал подвиги, совершенные во имя народа:

Пройдет любовь, умрет краса.
Всем тропам свой черед.
Для смерти смертный родился,
Но подвиг не умрет.

Пройдет молва из рода в род
Про добрые дела.
Бессмертен добрый человек,
Чьим подвигам — хвала!

(«Взятие Тымкаберда». Перевод
П. Антокольского)

Очень поучителен приложенный к книге хронологический указатель русских переводов Ованеса Туманяна. В 1893 году Бальмонт перевел «Ахтамар». После этого каждый год на русском языке публиковались от одного до трех произведений Туманяна. В 1903 году в сборнике «Современные армянские поэты» (под ред. Уманца) мы насчитываем девятнадцать переводов, а в 1907 году, в сборнике «Армянская муза», под редакцией Юрия Веселовского, — шесть переводов. Известная брюсовская «Антология» дает семнадцать переводов. В советское время, особенно после окончания гражданской войны, переводы следуют во все расширяющемся количестве. В советской «Антологии армянской поэзии» было опубликовано тридцать семь переводов.

Эти цифры свидетельствуют, насколько выросло и расширилось культурное общение народов в результате проведения ленинско-сталинской национальной политики.

Эта культурная связь — выражение нерушимого братства армянского и русского народов, скрепленного кровью на полях битв отечественной войны.

В. Кирпотин

О Л. Н. ТОЛСТОМ*

(Библиография последних лет)

Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается, как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век. Книжки его останутся в веках. «Не зная Толстого — нельзя считаться знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком»**.

Значение и популярность писателя можно также определить и по количеству имеющейся о нем массовой литературы. Наличие же всякого рода пособий и справочников показывает и более углубленный интерес к его биографии и творчеству.

Среди книг о Л. Н. Толстом, вышедших в последнее время, имеется и несколько библиографических работ, предназначенных для широкого круга читателей. На трех из них мы и остановим наше внимание.

Литература о Л. Н. Толстом почти не поддается учету. Ознакомиться с ней даже человеку, посвятившему этому много времени, не так легко. Отобрать же из огромного количества литературного материала наиболее нужные и ценные книги и статьи — задача не только трудная, но и очень ответственная.

Новые справочники, хотя и не все они равноценны, несомненно, облегчат изучение Толстого.

Первый из указателей содержит материалы о романе «Война и мир». Составитель, ограничив себя подбором литературы к этому произведению Л. Н. Толстого, дает не только критическую литературу о романе, но и материалы, освещающие эпоху появления «Войны и мира», биографические материалы о Толстом этого времени, наконец историческую литературу о войнах 1805—1807 и 1812 гг., нашедших отражение в романе. Выяснению проблемы о роли личности в истории, которой уделено столько места в «Войне и мире», поможет отдел в указателе «Марксистско-ленинское учение об историческом процессе».

При изучении великой эпопеи Л. Н. Толстого этот указатель, дающий сводку основных материалов о «Войне и мире», следует использовать в первую очередь. Два другие указателя содержат главнейшую литературу о Толстом и имеют сходную классификацию материала***.

* «Война и мир». Роман Л. Н. Толстого. Библиография. Памятка. Сост. В. Голицына. Под ред. проф. С. Д. Валухатого. Л. Центр. б-ка Горono. 1940.

«Лев Толстой». Указатель литературы. (Сост. Е. Н. Куприянова). Под ред. проф. С. Д. Валухатого. Л. Центр. б-ка. 1941.

«Л. Н. Толстой». (1828—1910). Краткий указатель литературы. (Сост. А. Волков). Под ред. и с пред. Н. Н. Гусева. М. Гос. библиотечно-библиограф. изд-во НКП РСФСР. 1941.

** М. Горький. История русской литературы. М. 1939. Стр. 295—296.

*** «Издания сочинений Л. Н. Толстого», «Ленин о Толстом», «Биография Л. Н. Толстого», «Критическая литература о Л. Н. Толстом» и др.

Однако составители справочников по-разному подошли к разрешению вопроса наиболее рационального способа популяризации литературы о Толстом.

В указателе, редактированном С. Д. Валухатым, половину книжки занимает статья, дающая общий рекомендательный обзор литературы справочника. Заранее можно было сказать, что намерение на двадцати страницах охарактеризовать, хотя бы и кратко, большое количество книг обречено на неудачу. Чтение статьи подтверждает эти опасения. Несколько строчек, посвященных каждой книге, конечно, не дают о ней никакого представления, в особенности в том случае, когда автор их не пытается даже сообщить читателю о том, какого рода материал можно найти в книге. Например, книга А. Г. Русанова «Воспоминания о Толстом» содержит воспоминания друга и единомышленника Толстого и его сына, врача, профессора Воронежского университета. Не говоря о стиле аннотации («Книга А. П. Русанова «Воспоминания...» содержит воспоминания Русанова»), такая характеристика книги, говорящая о ее авторах, а не о заключенном в ней материале, в кратком указателе вообще не нужна. Иногда же аннотация носит критический, но голословный и неубедительный характер. Вот что сказано, например, о книге В. Лазурского: «Правдиво и серьезно написаны «Воспоминания о Л. Н. Толстом» В. Лазурского». И это — все. Если составитель отличительным признаком данных воспоминаний считает правдивость и серьезность, то что же можно подумать о других книгах, занесенных в справочник? В указателе, вышедшем под редакцией Н. Н. Гусева, эти же воспоминания аннотированы следующим образом: «Дневниковые записи, относящиеся к 1894—1900 гг. и касающиеся преимущественно высказываний Толстого о литературе и искусстве». Даже такая краткая аннотация больше ориентирует читателя, чем неаргументированная похвала правдивости. Кроме того, неизвестно, по каким причинам составитель указывает старое, сокращенное издание воспоминаний В. Лазурского, в то время, когда сейчас имеется новый, полный текст, опубликованный в № 37—38 «Литературного наследия» за 1939 г. В предисловии к этой публикации говорится: «Дневник был частично использован Лазурским в напечатанных им (в небольшом тираже) после смерти Толстого «Воспоминаниях» (М. 1911), где по различным (в том числе цензурным) причинам автор не мог приводить высказывания Толстого полностью, называть упоминаемые лица по именам».

Не менее оригинален отзыв автора вступительной статьи справочника «Лев Толстой» и о «Сборниках материалов о Л. Н. Толстом». Небольшая заметка заканчивается словами: «Для читателей, не владеющих глубокими познаниями в области биографии и творчества Толстого, обращение к ним бесполезно» (стр. 17). Не-

верность этого утверждения очевидна, так как общие сборники содержат самый разнообразный материал. Автор к тому же упустил из виду то, что несколько раньше (на стр. 6) было сказано: «настоящий указатель преследует самые скромные задачи: 1) Дать широкому читателю, не обладающему специальной подготовкой, представление о литературе, которая поможет ему понять и осмыслить наследие великого писателя». Поставленный втупик читатель не сможет даже узнать, какой же материал для него бесполезен, так как составитель только перечисляет название сборников, но не аннотирует их. Точно так же при перечислении изданий собраний сочинений Л. Н. Толстого не дается содержания отдельных томов. Таким образом даже на самый основной вопрос о том, автором каких произведений является писатель, которому посвящен справочник, указатель не дает ответа. В персональных библиографиях помещенные «Списка произведений» и «Дат жизни и творчества писателя» общепринято, и отсутствие этих разделов в рецензируемом справочнике ничем не объяснимо. Если этот указатель и будет полезен читателю, то только наличием в нем простого перечня основной литературы о Толстом, хотя и неудовлетворительно проработанной и небрежно описанной (например, не указано место выхода книг и др.).

Второй справочник (редактор Н. Н. Гусев), несмотря на свой небольшой объем, может с успехом заменить большую библиографическую работу, настолько умело и тщательно подобран в нем материал, краткие аннотации дают общее представление об указанных в справочнике книгах и статьях, а раскрытие содержания сборников и всех вышедших томов академического издания сочинений Толстого прекрасно знакомят с произведениями Толстого и литературой о нем. Следует отметить и имеющийся в справочнике «Алфавитный указатель художественных произведений Л. Н. Толстого», в котором указаны годы их написания. «Список этот является наиболее полным из всех, до сих пор появившихся в печати, причем при указании дат написания произведений Толстого приняты во внимание все изыскания в этой области самых последних лет» (Предисловие, стр. 7.)

Наличие же в указателе списка справочников и библиографических указателей, вышедших в дореволюционный и советский периоды и представленных с достаточной полнотой, делает это пособие весьма ценным не только для рядового читателя, но и для литературоведов-специалистов, изучающих творчество великого писателя.

Н. Мауцев.

П о п р а в к и.

На стр. 215, на правой колонке 18-ю и 19-ю строчки сверху следует читать: «Так навсегда распалась священная Римская империя... и т. д.»

Автором повести «Рука отяжелела» является Ф. Панферов. В колоннитуле ошибочно напечатано А. Панферов.

Редакция: М. М. Розенталь, В. П. Ставский, А. А. Сурков, А. Н. Толстой, К. А. Федин, М. А. Шолохов, В. Р. Щербина (ответственный секретарь).

Редакция: Москва 6, Пушкинская площадь, 5.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».

А61338. 8 печ. листов. Тираж 40.000. Зак. 2145

Подписано к печати 19/ХІ—15/ХІІ—1942 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», Москва, Пушкинская пл., 5.